

ГОДЪ

ХЛП.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 19.

Подписка принимается въ редак-
ци оего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, мая 6-го.

Содержаніе: Очерки православно-христіанскаго нравоученія (продолженіе).—Уроки Богослуженія праздника Вознесенія Господня.—Особенныя надписанія надъ пѣснопѣніями Цвѣтной Тріоди; правильное пользованіе молитвословіями этой книги (окончаніе).—Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія (продолженіе).

Очерки православно-христіанскаго нравоученія¹⁾.

Попеченіе христіанина о своемъ тѣлѣ.

Такъ какъ духъ нашъ можетъ развиваться только подъ условіемъ правильнаго отношенія къ тѣлу, въ которомъ онъ живетъ, какъ въ своемъ „домѣ“ или „сосудѣ“ (2 Кор. 4, 7; 5, 1), то отсюда возникаетъ наша обязанность *заботиться о своемъ тѣлѣ*. То, что дѣлаетъ человѣкъ въ отношеніи къ своему тѣлу по естественному чувству самосохраненія (Ефес. 5, 29), еще не составляетъ добродѣтели. Но если забота о тѣлѣ про-

¹⁾ См. № 17 за 1901 г.

никнута сознаниемъ нравственной важности предмета и цѣли заботливости, то она получаетъ характеръ добродѣтели. Къ нравственной заботливости о тѣлѣ побуждаетъ христіанина желаніе сдѣлать его способнымъ и послушнымъ орудіемъ духа, достойнымъ „членомъ Христовымъ“ (1 Кор. 6, 15. Ср. Еф. 5, 30), предназначеннымъ къ будущему блаженному воскресенію (1 Кор. 15, 42—44), и вѣчнымъ жилищемъ освящающаго его Духа Божія (1 Кор. 6, 19. Ср. 3, 16).

Здоровье, какъ предметъ заботы христіанина.

Нравственная заботливость о тѣлѣ состоитъ въ сохраненіи его силъ, развитіи ихъ и благоразумномъ пользованіи ими.

Мы обязаны заботиться прежде всего о сохраненіи своихъ силъ тѣлесныхъ, естественнымъ послѣдствіемъ чего является наше *здоровье*, безъ котораго вся наша земная дѣятельность, если не дѣлается совсѣмъ невозможною, то во всякомъ случаѣ очень затрудняется. Св. ап. Павелъ, выражая заботливость о здоровьи ученика своего Тимоѳея, совѣтуетъ ему: „впредь пей не одну воду, но употреби немного вина, ради желудка твоего и частыхъ твоихъ недуговъ“ (1 Тим. 5, 23). Онъ же осуждаетъ неразумное „изнуреніе тѣла“, равно какъ и „нѣкоторое небреженіе о насыщеніи плоти“ (Колос. 2, 23). Мысль о томъ, что человѣкъ созданъ „для нетлѣнія“ (Прем. 2, 23. Ср. Быт. 2, 9) и что болѣзни и самая смерть есть явленіе случайное, не чужда и современному естествознанію. По крайней мѣрѣ естествоиспытатель Спенсеръ видитъ причину болѣзней и смерти въ преобладающей и потому разрушительной дѣятельности однихъ органовъ тѣла надъ другими и думаетъ, что безъ этого преобладанія и разрушительнаго дѣйствія ихъ наше тѣло могло бы жить вѣчно. Но такъ какъ въ тѣлѣ нашемъ существуетъ разладъ и слово Божіе указываетъ причину его въ разрушительномъ дѣйствіи грѣха (Рим. 5, 12), то мы можемъ смотрѣть на наше тѣло и его здоровье, какъ на определенное количество данныхъ намъ силъ, сохраненіе которыхъ навсегда для насъ невозможно, но предо-

храненіе ихъ отъ растраты и истощенія раньше извѣстнаго времени зависитъ уже отъ насъ.

Съ сохраненіемъ тѣлесныхъ силъ соединяется обязанность развитія ихъ сообразно съ главною цѣлью нашей жизни. Древніе заботились о равномѣрномъ развитіи души и тѣла и говорили: „здоровый умъ въ здоровомъ тѣлѣ“. Поговорка эта заключала въ себѣ скрытую мысль о необходимости нѣкотораго ограниченія и умѣренія дѣятельности и жизни духа, для уничтоженія его перевѣса надъ тѣломъ, если такой перевѣсъ оказывался. Но христіанинъ подъ равномѣрнымъ развитіемъ души и тѣла разумѣетъ скорѣе принаровленіе ихъ для осуществленія главной цѣли христіанской жизни, т. е. Богоуподобленія. Онъ долженъ заботиться о преобладаніи духа надъ тѣломъ, какъ высшаго въ насъ начала надъ низшимъ. или, лучше сказать, о преобладаніи духовныхъ интересовъ надъ задачами его тѣлесной жизни (Мрк. 8. 35). Однакожь при этомъ обязанность его заботиться о развитіи своего тѣла, какъ послушнаго орудія духа, остается во всей силѣ. И этой обязанности нашей нисколько не противорѣчатъ тѣ мѣста свящ. Писанія, въ которыхъ говорится о „порабощеніи“ и даже „умерщвленіи плоти“, какъ „противящейся духу“ (Рим. 8, 13; 1 Кор. 9, 27; Гал. 5, 17. Ср. Мѡ. 5, 29). Умерщвленіе „плоти“ на языкѣ свящ. Писанія, не означаетъ умерщвленія тѣла. Ап. Павелъ ясно даетъ разумѣть, что подъ „умерщвленіемъ земныхъ членовъ нашихъ“, онъ понимаетъ не члены тѣла, а дурныя страсти. (Колос. 3, 5. Ср. Быт. 6, 3). Поэтому и христіанская заповѣдь объ умерщвленіи плоти требуетъ отъ насъ не враждебнаго отношенія къ развитію нашего тѣла, а умерщвленія живущихъ въ насъ страстей.

Наконецъ, съ сохраненіемъ и развитіемъ тѣлесныхъ силъ на насъ лежитъ долгъ благоразумнаго пользованія ими, обусловливаемаго цѣлесообразнымъ употребленіемъ пищи и питья, одежды, труда и отдыха и сохраненіемъ чистоты нашего тѣла или цѣломудріемъ.

Слово Божіе рѣшительно запрещаетъ объяденіе и пьянство, какъ пресыщеніе, которое не только вредитъ здоровью человѣка (Сир. 31, 22—23), но и „отягчаетъ сердце“ его и даже можетъ повести къ вѣчному осужденію (Лук. 21, 34); настолько-же положительно оно разрѣшаетъ умѣренное и благовременное употребленіе пищи и питья для поддержанія нашей жизни; ибо самъ Богъ „подаетъ намъ съ неба дожди и времена плодоносныя, исполняетъ ницею и веселіемъ сердца наши“ (Дѣян. 14, 17) и „даетъ намъ все обильно для наслажденія“ (1 Тим. 6, 17). Потому-то и Спаситель заповѣдуетъ намъ молиться Отцу Небесному о „хлѣбѣ насущномъ“.

Назначеніе одежды—прикрывать наготу нашего тѣла (Быт. 3, 7) и защищать его отъ вреднаго вліянія внѣшнихъ стихій. Поэтому она должна быть приспособлена къ состоянію погоды и времени года и къ тому или другому положенію, полу, возрасту и званію человѣка. Требуя приличія въ одеждѣ и нигдѣ не осуждая благолѣпія въ ней, слово Божіе порицаетъ однакожь излишнюю роскошь и изысканность въ нашихъ нарядахъ. Ап. Петръ, предостерегая женщинъ (что, конечно, въ извѣстной мѣрѣ относится и къ мужчинамъ) отъ пристрастія къ нарядамъ, говоритъ: „да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотыя уборы, или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ“ (1 Петр. 3, 3—4. ср. Мѡ. 6, 28). Чрезмѣрная нарядность въ одеждѣ, всегда обнаруживая въ насъ недостатокъ ума, вкуса и надлежащаго пониманія истиннаго приличія, въ то же время порождаетъ въ насъ унижающую насъ суетность, тщеславіе, соперничество, зависть и другіе пороки.

Трудъ, какъ упражненіе тѣлесныхъ силъ, развивающее и укрѣпляющее ихъ, заповѣданъ былъ первому человѣку еще въ раю. „И взявъ, говорится въ книгѣ Бытія, Господь Богъ человѣка, и поселилъ его въ саду Едемскомъ, чтобы воздѣлывать его, и хранить его“ (Быт. 2, 15). Со времени же грѣхопаде-

нія людей, когда земля стала произращать имъ терніе и волчцы, и они должны были „въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ“ (Быт. 3, 19), трудъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался необходимымъ условіемъ самаго существованія ихъ на землѣ. Потому-то ап. Павелъ и заповѣдуетъ намъ: „если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь“ (2 Тесс. 3, 10). Вполнѣ-же раскрывается нравственное значеніе труда въ слѣдующей заповѣди того же апостола: „трудись, дѣлая своими руками полезное, чтобы было изъ чего удѣлять нуждающемуся“ (Еф. 4, 28). Слово Божіе представляетъ и высокіе примѣры трудящихся людей, въ лицѣ, напр., ап. Павла, занимавшагося дѣланіемъ палатокъ (Дѣян. 18, 3. Ср. 1 Кор. 4, 12), праведнаго Іосифа, по преданію, занимавшагося древодѣліемъ или плотничествомъ. Но, какъ слово Божіе ни поощряетъ насъ къ труду, послѣдній не долженъ быть чрезмѣрнымъ и непосильнымъ. Опытъ ясно учитъ, что неумѣренность въ трудахъ разстраиваетъ наши силы и служитъ источникомъ тяжелыхъ болѣзней. Человѣческія силы требуютъ отдыха. Наиболѣе сильнымъ выраженіемъ необходимости отдохновенія является ежедневно заявляющая о себѣ потребность сна, чрезъ удовлетвореніе которой возстановляются наши силы. Но эта потребность человѣческой природы тогда только можетъ быть нравственно-упорядоченною, когда на удовлетвореніе ея удѣляется столько времени, сколько необходимо для ежедневнаго возобновленія нашихъ силъ. Самъ Іисусъ Христосъ подчинился этой потребности; но Онъ распорядился ею нравственно, когда Онъ, если того требовало Его призваніе, проводилъ ночь безъ сна, днѣмъ же, напротивъ того, спалъ—какъ на Геннисаретскомъ озерѣ—даже во время бури (Мѡ. 8, 24). Ветхозавѣтный мудрецъ предрекалъ нищету спящимъ болѣе, чѣмъ сколько необходимо (Прит. 6, 9—11; 20, 13; 24, 33).

Что касается, наконецъ, цѣломудрія, служащаго залогомъ крѣпости нашихъ силъ и украшеніемъ нашего тѣла, то оно прежде всего охраняется естественною стыдливостію, ограждается затѣмъ при злоупотребленіяхъ души тяжелыми болѣзнями

ми тѣла и—что самое главное—предписывается намъ словомъ Божіимъ, какъ высокая христіанская добродѣтель. „Купленные дорогою цѣною“ христіане, по словамъ ап. Павла, должны „прославлять Бога“ не только „въ душахъ своихъ“ но и „въ тѣлахъ своихъ“ (1 Кор. 6, 20). Примѣру язычниковъ, осквернявшихъ свои тѣла (Рим. 1, 24 и дл.) имъ не должно слѣдовать. Нарушеніе цѣломудрія есть одинъ изъ такихъ пороковъ, которые, по выраженію того же апостола, „не должны“ даже и „именоваться“ среди вѣрующихъ (Ефес. 5, 3). Нецѣломудріе, если оно ограничивается даже однимъ воображеніемъ, изгоняетъ „святаго Духа Божія“, Которымъ „запечатлѣны“ христіане (Еф. 4, 30). Въ этомъ порокѣ коренится скрытая причина современнаго намъ недовольства жизнію и невѣрія; ибо, когда отступаетъ отъ человѣка Духъ Божій, то вмѣстѣ съ Нимъ исчезаетъ и миръ, исчезаетъ и вѣра.

(Продолженіе будетъ).

Свящ. *Н. Стеллецкій.*

Уроки Богослуженія праздника Вознесенія Господня.

Вознесеніе Господа Иисуса Христа на небо Церковь празднуетъ въ четвертокъ 6-й седмицы по Пасхѣ. Богослуженіе этого праздника полно воспоминаніями того, какъ Господь, въ сороковый день послѣ воскресенія, давши послѣднее наставленіе ученикамъ Своимъ на горѣ Елеонской, „вознесся отъ нихъ на небо и сѣдѣ одесную Бога“ (Марк. 16, 19), у котораго имѣлъ славу прежде сложенія міра. Вознесеніе на небо было разлукою Христа со Своими учениками, т. е. обстоятельствомъ, которое, повидимому, можетъ вызывать только скорбныя чувства и грустное настроеніе. Эти чувства и выражаются въ богослужебныхъ пѣсношніяхъ праздника, но въ

тоже время вѣрующіе призываются и къ радости о Господѣ, къ изумленію предъ Его славою и честью прославленнаго чело-вѣчества. Эти чувства, постоянно смѣняемыя одно другимъ, составляютъ главное содержаніе, особенный духъ и характеръ Богослуженія. „Господи, апостоли яко видѣша Тя на облацѣхъ возносима, рыданіемъ слезъ, Жизнодавче Христе, скорби исполняеми рыдающе глаголаху: Владыко, не остави насъ сирыхъ...., но послѣ, якоже обѣщаль еси намъ, Пресвятаго Твоего Духа“ ¹⁾. „Воспоимъ вси людіе, на рамѣхъ херувимскихъ, вознесемуся со славою Христу, и спосадившему насъ одесную Отца, пѣснь побѣдную“ ²⁾. „Земля празднуетъ и ликуетъ, радуется и небо, вознесеніемъ днесь Творца твари, предъявленно соединившаго разстоящая хотѣніемъ. Умерщвленное наше грѣхомъ естество возьмъ, Твоему свойственному Отцу Спасе, привель еси“ ³⁾.

Понятны для насъ скорбь и печаль, къ которымъ св. Церковь располагаетъ богослужебными пѣснопѣніями праздника, но преобладающими, все-таки, являются здѣсь радостныя и торжественныя чувствованія, очевидно, болѣе соотвѣтствующія существу праздника, какъ это и высказалъ Христосъ Своимъ ученикамъ: „аще бысте любили Мя, говорили Онѣ, возрадовалися бысте убо, яко рѣхъ: иду ко Отцу; яко Отецъ Мой болій Мене есть“.

И апостоли скорбѣли и нуждались въ утѣшеніи только до тѣхъ поръ, пока Господь не „отверзъ имъ умъ разумѣти писанія“ (Лукъ 24; 45), послѣ вознесенія же они возвратились въ Іерусалимъ „съ радостію великою.“ О чемъ же было радоваться? Причину радости Церковь указываетъ въ тропарѣ праздника: она состоитъ въ томъ, что Іисусъ Христосъ „вознеслся во славу“, что это была послѣдняя степень Его земнаго прославленія въ плоти, а вмѣстѣ и начало небеснаго, къ

¹⁾ Стихиры на Господи възвахъ, литіи, кондакъ и икосъ.

²⁾ 1-я пѣснь канона.

³⁾ 3-я и 7-я пѣсни канона и икосъ.

которому и всѣ мы призываемся въ царствѣ славы. Другую причину апостольской радости св. Церковь выражаетъ въ словахъ той же пѣсни: „радость сотворивый ученикомъ, обѣтованіемъ Святаго Духа“... „Уне есть вамъ, говорилъ Иисусъ Христосъ ученикамъ въ утѣшеніе,—„да Азъ иду; аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не прійдетъ къ вамъ: аще ли же иду, пошлю Его къ вамъ“ (Іоан. 16, 7). Наконецъ, еще причина радости апостоловъ заключалась въ томъ, что ихъ разлука со Христомъ была не послѣдняя: тогда же Спаситель обѣщаль, что Онъ опять прійдетъ такимъ же образомъ, какъ они видѣли Его восходящимъ на небо. (Дѣян. 1, 11). Причины великой радости очевидцевъ вознесенія Христова существуютъ и для всѣхъ христіанъ; на эти то причины и указываетъ Церковь, желая направить благоговѣйный взоръ вѣрующихъ къ престолу Отца небеснаго.

О Своемъ вознесеніи Господь предсказывалъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ чрезъ пророковъ, почему и самое празднованіе его св. Церковь начинаетъ чтеніемъ пророчествъ Исаи (изъ 2 и 62 гл.)—и Захаріи (14 гл.)¹⁾; чтеніемъ же Апостола (Дѣян. 1, 1—12) и Евангелія (Лук. 24, 36—53) она повѣствуетъ о явленіи воскресшаго Господа и о вознесеніи Его на небо.

Во всѣхъ богослужебныхъ пѣнопѣніяхъ и чтеніяхъ, исторически упоминающихъ о событіи праздника, Церковь имѣетъ въ виду показать, что мы должны постоянно обращать свои мысленные взоры туда, куда возшелъ Первенецъ изъ мертвыхъ и наша Глава—Иисусъ Христосъ; туда должны быть устремлены всѣ наши мысли, чувствованія и желанія. „прійдите, воспрянимъ, и на высоту возведемъ очи и мысли, вперимъ виды, вкупѣ и чувства, на небесная врата, смертніи, нещумимъ быти въ Масличной горѣ, и взирати на Избавляю-

¹⁾ Дебольскій. Дни Бог. Прав. Кае. Ц. ч. 2, стр. 251.

щаго на облацѣхъ носима“¹⁾). Мысль же, что Иисусъ Христосъ, „на раму заблуждшее возьмъ естество,.... Богу отцу привель“²⁾), должна вселять въ насъ твердую надежду на спасеніе. Церковь въ пѣснопѣніяхъ праздника Вознесенія призываетъ насъ славить „Жизнодавца, вознесшагося во двою существу“³⁾), желая этимъ показать, что Иисусъ Христосъ по самому человѣчеству Своему вознесся на небо и воспринялъ божественную честь, достоинство и власть надъ всемъ небеснымъ, земнымъ и преисподнимъ (Ефес. 1, 20—22). Всѣ истинные христіане должны благодатно ощущать торжественное прославленіе Богочеловѣка и радоваться, что и въ человѣцѣхъ такое благоволеніе, что падшее и лежавшее въ тлѣніи естество человѣческое, въ лицѣ Иисуса Христа, вознесено на престолъ Божій и посажено одесную Бога Отца. Спаситель, бывъ обложенъ немощью плоти, кромѣ грѣха, не можетъ не сочувствовать душевнымъ и тѣлеснымъ немощамъ нашимъ и всегда силенъ избавить отъ всѣхъ бѣдъ тѣхъ, которые въ скорбяхъ сердца своего прибѣгаютъ къ милосердію Господа. Онъ предстоитъ теперь Предтечею о насъ Самому отцу Небесному и представляетъ Ему въ Своемъ лицѣ начатокъ искупленной и возстановленной Имъ природы человѣческой (Евр. 9, 24). Отнынѣ Онъ—всегдашнее, ближайшее, самое дѣйствительное и могущественное ходатайство за насъ предъ престоломъ Отца Небеснаго. Оттуда, съ высоты святяго Своея, Онъ управляетъ Своимъ Царствомъ благодати,—членами Церкви, воинствующей на землѣ,—блюдетъ его непоколебимымъ и пезыблемымъ среди паденій царствъ земныхъ, вопія вѣрнымъ: Азъ есмь съ вами и никто же на вы“⁴⁾). Итакъ, мы должны быть увѣрены, что Царь Небесный все видитъ, все направляетъ къ одной цѣли—благу и спасенію вѣрующихъ, что самыя бѣдствія посылаются людямъ для того, чтобы они не забывали, что въ мірѣ человѣкъ не можетъ

¹⁾ Икосъ.

²⁾ 3 и 7 пѣсни канона и икосъ.

³⁾ Служба въ Четвергокъ 6 недѣли по Пасхѣ, утр. пѣсн. 8.

⁴⁾ Икосъ, кондакъ.

найти своего блаженства, что наше успокоеніе и жизнь истинная на небесахъ, а здѣсь мы только странники и пришельцы, не имѣющіе „пребывающаго града, но грядущаго“ взыскующіе.

Призывая чадъ своихъ къ торжественному прославленію Вознесенія Господня, св. Церковь, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ настоящей праздникъ напоминаетъ намъ часто¹⁾ и слова ангеловъ: „сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде приидеть, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо“ (Дѣян. 1, 11). Этимъ напоминаніемъ о второмъ пришествіи она внушаетъ намъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ возводить „на высоту очеса и мысли“, устремлять взоры, „вкупѣ на небесныя врата“ и умолять Господа, дабы Онъ „поцадилъ души наша, прегрѣшеній оставленіе даруя,“ внушаетъ намъ всегда быть готовыми къ срътенію „отъ онуду паки грядущаго, яко Судію всѣхъ и Бога всеильна“²⁾. „Мы должны мыслить и позаботиться о томъ, говорить св. Григорій Двоесловъ въ бесѣдѣ своей на день Вознесенія, какъ Онъ, хотя нынѣ восходитъ на небо съ кротостію, пѣкогда явится со страхомъ и въ грозномъ видѣ и со строгостію потребуеть отъ насъ всего того, чему теперь поучаетъ съ кротостію. Никто да не презираетъ даннаго на покаяніе времени; никто да не радить о себѣ самомъ, пока есть время. Спаситель на страшномъ судѣ тѣмъ строже будетъ требовать отъ насъ отчета, чѣмъ болѣе теперь долготерпитъ намъ“... „И если кто изъ насъ, поучаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, живетъ благочестиво, тотъ да пребываетъ непоколебимо въ благочестіи, всегда умножая сіе благое стараніе; а если мы лишены вовсе дерзновенія и сознаемъ въ себѣ одни только грѣхи, то да исправимся, дабы намъ приобрѣсть такое же дерзновеніе, а тамъ вмѣстѣ и единодушно встрѣтитъ со славою Царя Ангеловъ и насладиться блаженною радостію о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ“³⁾.

¹⁾ Каионъ—пѣсни: 5, 6, 8; Сѣдальны, стихиры на литіи, хвалитны и др

²⁾ Самогласень.

³⁾ Булгаковъ. Мѣсяцесловъ и Тріодіонъ Прав. Цер. в. 5, стр. 80—81.

Особенныя надписанія надъ пѣснопѣніями Цвѣтной Тріоди; правильное пользованіе молитвословіями этой книги.

(Окончаніе ¹⁾).

Далѣе, какъ явствуетъ изъ содержанія Цвѣтной Тріоди, или Пентикостаріона, въ службы сей книги, соотвѣтственно разнообразію соединяемыхъ съ ними воспоминаній, входятъ разныя, а не одного только рода пѣснопѣнія и молитвословія, а именно: во первыхъ, собственно пасхальныя, кои, впрочемъ, не всегда цѣликомъ изложены въ послѣдованіяхъ седмичныхъ дней, а иногда лишь указуются (ихъ, при томъ, въ эти дни меньше, чѣмъ въ недѣли). Во вторыхъ, пѣснопѣнія „праздника недѣли“ или другого праздника Тріоди. Въ третьихъ, пѣсни воскресныя изъ извѣстнаго гласа Октоиха. Въ четвертыхъ, наконецъ, пѣснопѣнія изъ послѣдованій Октоиха седмичныхъ дней. Необходимы, однако, нѣкоторыя разъясненія, чтобы священнослужители, при пользованіи Церковнымъ Уставомъ, могли быть вполне увѣрены, что они берутъ изъ Цвѣтной Тріоди именно тѣ, какія должно, молитвословія и пѣснопѣнія. Церковно-богослужебная практика, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ, что разнорѣчія, противоположныя мнѣнія наблюдаются довольно часто и въ отношеніи употребленія, при руководствѣ единственно Типикономъ перечисленныхъ пѣснопѣній Цвѣтной Тріоди. Такъ, иные выраженія Типикона въ службахъ пѣнія этой Тріоди „праздничныя“, „праздника“ относятъ къ пасхальнымъ пѣснопѣніямъ Пентикостаріона. Нѣкоторые указанія Устава на сей разъ „дневныя“, „дне“, по аналогіи съ такими же выраженіями его на службахъ обычнаго времени, считаютъ указаніемъ на молитвословія Октоиха. А есть не такъ-то точно, правильно понимающіе требованія въ мѣсяцесловѣ Типикона, при указаніяхъ службы Благовѣщенію въ пасхальную седмицу, смѣшивающіе, обозна-

¹⁾ См. № 18 за 1901 г.

чаемыя этими требованіями, молитвословія Минеи съ молитвословіями Пасхи въ Тріоди Цвѣтной. Чѣмъ же руководиться священнослужителямъ, какими соображеніями, чтобы не возможны были названныя недоумѣнія, ошибки при употребленіи молитвословія и пѣснопѣній Цвѣтной Тріоди? Вотъ въ изложеніи порядка Богослуженія въ седмичные дни пѣнія Цвѣтной Тріоди встрѣчается такое указаніе: тропарь и кондакъ „праздника“, сѣдалень „празднику“, канонъ „праздника“, экзакостиларій „празднику“: Типиконъ, л. 476, 481, 487 и др. изд. 1882 г.; Пентикостаріонъ, л. 39—45, 69—72, 131—133 и др., изд. 1882 г. Но подъ „праздникомъ“ въ такихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, надо разумѣть праздникъ не Пасхи и не Минеи (святыхъ праздничныхъ, случающихся въ рассматриваемые дни); а праздникъ или недѣли (воскресенія) извѣстной по Пасхѣ, недѣли Тріоди Цвѣтной, какъ напр., недѣли Антипасхи или Өомы, Мирносицъ, Разслабленнаго и др., или же Преполовеніе, Вознесеніе (смотря потому, въ какіе попразднственные дни встрѣчаемъ указанныя выраженія),—вообще праздникъ, бывшій за семь, восемь, а чаще за два, за три дня до дня того, въ послѣдованіи какого заключается, изложенное, въ приведенныхъ выраженіяхъ, требованіе относительно молитвословія и пѣснопѣній. А изъ сего уже ясно, что обозначенія Типикона: канонъ „праздника недѣли“, канонъ „Тріоди“,—въ извѣстныхъ главахъ этого періода (л. 478-й—16-е „Зри“ послѣдованія въ понедѣльникъ 2-й седмицы или Антипасхи на утренѣ, л. 480-й—9-е „Зри“ послѣдованія въ субботу 2-ю—Антипасхи и другія въ изд. 1882 г.), суть назначенія пѣснопѣній праздниковъ: св. Мирносицъ, Преполовенія и др. подобныхъ. Указаніемъ же на пѣснопѣнія и молитвословія тѣ, какія были пѣты въ день Пасхи, служатъ слова только одноименныя съ послѣдней: „Пасхѣ“, „Пасхи“, „Пасхальный“; напр., канонъ „Пасхи“, стихиры „Пасхѣ“, припѣвы „Пасхальные“,—свѣтилень и отпустъ „Пасхи“, конецъ литургіи, якоже указася на самую „Пасху“: Типиконъ, л. 482, 485, 488 на об., 492 и 493-й—изд. 1882 г.;

Цвѣт. Тр., л. 57 на об., 85, 117 на об., 145, 158. Находящіяся же въ нѣкоторыхъ главахъ Типикона (л. 482 на об., 485 на об. и др.), а также Пентикостаріона (л. 67, 301 и 302—2-е и 13-е „Зри“ послѣдованія въ понедѣльн. 2-я седмицы) выраженія: блаженна отъ канона „дне“, сѣдаленъ „дне“ и т. подоб.,—являются обозначеніемъ пѣснопѣній Цвѣтной Тріоди, такъ какъ на пѣснопѣнія Октоиха хотя тоже указывается въ Уставѣ выраженіемъ „дне“, но, несомнѣнно, только въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ не о времени пѣнія Тріодей: л. 18-й, 29-й, 30-й, 52-й и др. (прокимень „дне“, стиховна „дне“). Для обозначенія же пѣснопѣній Октоиха, въ періодъ употребленія Цвѣтной Тріоди, служатъ выраженія, указывающія прямо на самое содержаніе ихъ; напр., сѣдаленъ „умилителенъ“,—„кресту“,—„мучениченъ“, или какъ равнозначущее симъ, „сѣдальны, яко предписася въ понедѣльникъ новыя недѣли“: Типиконъ, л. 476, 484 и друг. И встрѣчающіяся въ Уставѣ, въ изложеніи порядка Богослуженія, при пѣніи Цвѣтной Тріоди, выраженія: стихиры „воскресны“, тропарь „воскресень“, сѣдаленъ „воскресень“ (479 л. 3-е „зри“ послѣдованія о субботахъ Пятидесятницы, 487 л. на об., 490 л. и 491 и др.),—указываютъ на молитвословія и пѣснопѣнія воскресныя Октоиха слѣдуемаго гласа, а вовсе не на пѣснопѣнія Свѣтлаго Христова Воскресенія. Такимъ же образомъ читаемыя въ Типиконѣ, въ послѣдованіи ¹⁾ на Бла-

¹⁾ Встрѣчаемыя въ Богослужебныхъ книгахъ слова: „послѣдованіе“, „служба“, „чинъ“, „чинопослѣдованіе“,—какъ есть основаніе говорить, едва ли заставляютъ многихъ задумываться надъ ними: чуть ли ни большинствомъ священнослужителей они считаются совершенно равнозначущими, употребляющимся въ Богослужебныхъ книгахъ безразлично, для указанія однихъ и тѣхъ же молитвословій и пѣснопѣній, предметовъ церковно-богослужебнаго характера. На самомъ дѣлѣ такой взглядъ не вполне правиленъ. Правда, если имѣть въ виду лишь извѣстные, одни случаи употребленія названныхъ понятій въ Богослужебныхъ книгахъ, то выходитъ, что они какъ будто бы почти не разграничиваются, служатъ для одной и той же цѣли здѣсь. Напр., мы читаемъ, съ одной стороны, такое замѣчаніе въ Типиконѣ: „послѣдованіе прилучившагося свя-

говѣщеніе Пресв. Богородицы, бывающее въ пасхальную седмицу, выраженія: стихиры „праздника“ самогласны, причастенъ „праздника“, сѣдаленъ „праздника“ (л. 283-й на об. по 285, послѣдов. подъ 26-мъ Марта, относящееся къ Благовѣщенію, 16-я Маркова глава), — обозначаютъ пѣсно-

таго въ недѣлю сію—Мытаря и Фарисея—поемъ въ пятокъ“... (л. 392-й),— а съ другой—и такое: „службу Миней прилучившагося святаго въ четвергъ великаго канона поемъ во вторникъ на повечеріи“ (л. 433-й). Или еще примѣръ въ такомъ же родѣ: 1) „и тако творимъ во всю седмицу Свѣтлую вечерни послѣдованіе“ (Пентикостаріонъ, л. 16, изд. 1882 г.); 2) „сице же бываетъ служба утрени во всю свѣтлую седмицу“ (л. 17-й *ibid.*). Итакъ, повидимому, слова: „послѣдованіе“, „служба“,—въ Богослужебныхъ книгахъ означаютъ одно и то же. О словахъ: „послѣдованіе“ и „чинъ“, судя по однимъ только извѣстнымъ примѣрамъ, не иное приходится сказать. Вотъ такіе примѣры: 1) „Послѣдованіе мертвенное мірскихъ тѣлъ“ и „послѣдованіе о исповѣданіи“ (Требникъ Малый, главы 16 и 7, листы 207 и 63, изд. 1882 г.); 2) „чинъ погребенія младенческаго“ и „чинъ, егда случится вскорѣ больному дати причастіе“ (гл. 19 и 14, л. 312 и 188). Однако, если не руководиться лишь одними подобными примѣрами, а взять во вниманіе и многіе другіе случаи употребленія въ изложеніи порядка Богослуженія указанныхъ словъ, то необходимо прійти къ выводу, что и между сими словами, со стороны приведенія ихъ въ Богослужебныхъ книгахъ, есть нѣкоторое различіе; что и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, Церковный Уставъ не допускаетъ беспорядочности, безосновательности. Такъ, есть мнѣніе, что наименованіе „послѣдованіе“—*ἀκολουθία* (слѣдованіе)—дано во многихъ случаяхъ изложенію, собранію, или же только порядку, перечисленію молитвословій и пѣснопѣній, слѣдующихъ вслѣдъ за другими молитвословіями и пѣснопѣніями на извѣстномъ Богослуженіи, находящимися не въ самомъ семъ послѣдованіи, а въ иной, отличной отъ содержащей таковое, Богослужебной книгѣ. Справедливость сказаннаго легко увидѣть, если обратитъ вниманіе на то, напримѣръ, что называется послѣдованіемъ въ иныхъ мѣстахъ, во 1-хъ, Служебника („Послѣдованіе вечерни“—л. 1—34-й, „Послѣдованіе утрени“—л. 35—71, изд. 1882 г.), во 2-хъ, Типикона („Послѣдованіе церковнаго псалмопѣнія же и сочиненія всего лѣта... отъ мѣсяца Сентября по Августъ включит.: гл. 48, л. 52-й, изд. 1882 г.; срав. отдѣльныя послѣдованія здѣсь: за разнымъ числомъ года—л. 52 по 392-й и „Триодіонъ... обдержай подобающее ему послѣдованіе“—гл. 49-я, л. 392-й; срав. отдѣльныя послѣдованія и этой главы—дальнѣйшіе многіе листы), въ 3-хъ, Триоди Цвѣтной (см. на всемъ пространствѣ книги, 1—255 листы, изд. 1882 г.), которой отдѣльныя изложенія молитво-

пѣнія не Пасхи, что въ Цвѣтной Трїоди, а праздника Благо-
вѣщенія, что въ Миней. Есть, наконецъ, еще нѣкоторыя осо-
беннаго рода выраженія въ изложеніи порядка службъ цер-
ковныхъ Цвѣтной Трїоди, тоже далеко не для всѣхъ священ-
нослужителей понятныя; таковы: „краегранесіе“ („въ поне-
дѣльникъ 2-я недѣли по Пасцѣ трипѣснецъ, его же краегра-
несіе: воспоетъ же Тя Іосифъ“ . Цвѣт. Тр. л. 255 на об., изд.
1882 г.), „краестрочіе“ („канонъ господина Теофана, его же
краестрочіе сіе: преполовленіе праздниковъ превеликихъ по-

словій и пѣснопѣній, на тотъ или иной день Пятидесятницы, называются
„послѣдованіемъ“, какъ это видно изъ первыхъ же словъ книги: „начало..
Пентикостарія, сирѣчь Пятидесятницы—начинаемыя отъ св. и велик.
недѣли Пасхи утра, и кончаемыя даже до недѣли Всѣхъ Святыхъ,—об-
держанія нескудно на всякій день... послѣдованіе“—л. 1-й. Можно еще
такіе же примѣры видѣть въ Слѣдованной Псалтири: „Послѣдованіе
утрени“—л. 101, изд. 1882 г., „Послѣдованіе вечерни“—л. 141,—въ Ми-
нейхъ, Трїоди Постной и друг. Богослужебныхъ книгахъ. На основаніи
приведенныхъ примѣровъ изъ разныхъ Богослужебныхъ книгъ относи-
тельно надписанія молитвословій и пѣснопѣній словомъ „послѣдованіе“,
нужно сказать слѣдующее: первое—„послѣдованіе“ въ книгахъ, излагающихъ
общественное Богослуженіе, это есть или изложеніе самое или же только
простое указаніе молитвословій лишь одного рода, а именно или такъ
именуемыхъ измѣняемыхъ („послѣдованія“ нѣкоторыя изъ указанныхъ
выше Типикона, Трїоди Цвѣтной и др.) или неизмѣняемыхъ (таковыя же
„послѣдованія Службника, Слѣд. Псалтири); второе—„послѣдованіемъ“
называется какъ одно только извѣстное Богослуженіе („послѣдованіе“
повечерія, „послѣдованіе“ изобразительныхъ), такъ и нѣсколько Бого-
служеній дня („послѣдованіе“ понедѣльника, „послѣдованіе“ праздника,
„послѣдованіе“ святого). Наконецъ, если обратимся къ книгамъ, содер-
жащимъ „послѣдованіе“ частнаго Богослуженія, т. е. къ Большому и
Малому Требникамъ и друг., то увидимъ, что и здѣсь этимъ словомъ
надписывается изложеніе молитвословій Богослуженія, слѣдующаго за
другимъ Богослуженіемъ по первоначальному установленію Церкви: „по-
слѣдованіе“ „Св. Крещенія“ (оно слѣдуетъ за Оглашеніемъ: Мал. Треб.—
л. 18 и 33, изд. 1882 г.); „послѣдованіе“ Малаго и Великаго освященія
воды (л. 335 и 356), бывающихъ въ извѣстные дни (1-е на Преполов. и
1-го Авг., а 2-е подъ и на Богоявленіе Господне) обычно послѣ литургіи
(по Типикону, первое можетъ быть иногда и послѣ утрени—л. 361, а
второе послѣ вечерни—л. 193). О наименованіяхъ: „служба“, „чинъ“,—
скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

хваляю“: 98 л. на об.; срав. л. 158 на об.: „канонъ предпразнеству Вознесенія; его же краестрочіе, по алфавиту“,— л. 165 на об., л. 198-й, 211-й и др.). Что же они означают? Внимательный просмотръ церковныхъ пѣснопѣній съ проведенной надписью надъ ними (...„его же краегранесіе или краестрочіе“ такое то...) даетъ замѣтить слѣдующую особенность въ напечатаніи нѣкоторыхъ изъ такихъ молитвословій: на поляхъ, передъ началомъ каждаго почти отдѣльнаго стиха ихъ напечатано по одной буквѣ чернаго цвѣта; въ совокупности своей эти буквы и даютъ слова, слѣдующія за надписаніемъ:... „его же краегранесіе“ или „краестрочіе“. Напримѣръ: „на утренѣ канонъ Пасцѣ... и Богородицы, его же краестрочіе—Никифору Каллисту ту Ксанеопулу“; напечатанные предъ началомъ каждаго тропаря сего канона, на поляхъ, по краямъ его буквы образуютъ изъ себя тѣже слова, что сейчасъ приведены за надписью—„его же краестрочіе“, а именно: „Никифору Каллисту ту Ксанеопулу“ (т. е. этотъ канонъ есть твореніе „Никифора Каллиста Ксанеопула“— 14 вѣка: Тріоди Цвѣтная, л. 24—28, изд. 1882 г.). Еще примѣры подобнаго рода можно видѣть и въ этой же Тріоди Цвѣтной, и въ Тріоди Постной. Въ Цвѣтной Тріоди надо смотрѣть, во 1-хъ, канонъ на утренѣ „субботы 7-й недѣли по Пасцѣ“: „канонъ св. обители и настоящій..., въ троичныхъ и Богородичныхъ тропарѣхъ коего краестрочіе—недостойнаго Θεодора“, или, что читаемъ на поляхъ сего канона, „ту анаксіу Θεодору“, т. е. твореніе „недостойнаго Θεодора“— Студита, а во 2-хъ,—каноны тригѣсницы, положенные въ седмичные дни Пятидесятницы, какъ знаемъ уже изъ предыдущаго, на повечеріи и напечатанные въ концѣ книги—л. 255 на об. по 282-й изд. 1882 г.: „во вторникъ 2 нед. по Пасцѣ тригѣснецъ, его же краегранесіе—воспою Богу Іосифъ“, или, что читаемъ на поляхъ тригѣснца, „псалло Θεо Іосифъ“— пѣснописецъ † 883 г., л. 257-й; „въ субботу 2 нед. по Пасцѣ четверогѣснецъ, его же краегранесіе— первое пою гѣніе“, или, что напечатано по краямъ стиховъ канона, „прото и

мелно мело“, л. 261-й и друг. мног. Въ Постной Трїоди названныя буквы встрѣчаются при пѣснопѣніяхъ съ „краегранесіемъ“ въ субботы Мясопустную и Сыропустную (въ канонахъ на поляхъ противъ тропарей троичныхъ и Богородичныхъ—л. 50 и 68-й изд. 1882 г.). Итакъ, „краегранесіе“, и „краестрочіе“ въ канонахъ (они въ канонахъ исключительно бывають) есть тоже, что „акростихъ“ канона. „Краестрочія“ или „краегранесія“ каноновъ на болѣе выдающіеся праздни- ки, а также на дни особенные въ году, въ родѣ упомяну- тыхъ сейчасъ субботъ Мясопустной и Сыропустной,—явленіе обычное въ Богослужбныхъ книгахъ извѣстныхъ: въ началѣ такихъ каноновъ почти всегда указывается, какое „краестро- чіе“ имѣеть канопъ. Въ греческихъ Богослужбныхъ книгахъ и на поляхъ каноновъ почти всегда есть буквы, объясняющія „краегранесіе“, — чего, какъ слѣдуетъ изъ вышесказаннаго, въ нашихъ Богослужбныхъ книгахъ нѣтъ, за рѣдкими ис- ключеніями. Необходимо также помнить, что „акростихи“ ка- ноновъ можно составить изъ начальныхъ буквъ извѣстныхъ тропарей канона не на славянскомъ языкѣ, а на греческомъ, хотя, судя по нѣсколькимъ примѣрамъ приведеннымъ, эти буквы греческаго алфавита и слова греч. языка, слѣдующія за надписаніемъ: „его же краестрочіе“—и напечатанные у насъ на славянск. языкѣ. Препод. Сем. В. Тацитъвъ.

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ¹⁾.

58. Импровизація въ ея историческомъ прошломъ.

Отличаясь наибольшею жизненностью, импровизація есть въ то же время самый древній видъ церковно-богослужебнаго проповѣдничества.

¹⁾ См. № 18 за 1901 г.

Изъ евангельскаго повѣствованія извѣстно, что могущественная проповѣдь Христа Спасителя никогда не была письменною или заранѣе подготовленною, а изустною, вызываемою обстоятельствами того времени и мѣста, когда и гдѣ Онъ проповѣдывалъ. Св. апостолы также проповѣдывали всегда изустно. Ни одна изъ записанныхъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ проповѣдей не была подготовлена ни Петромъ, ни Стефаномъ, ни Павломъ, а всѣ вызваны были моментомъ настоящаго и сказаны безъ всякаго приготовленія. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда апостолы, находясь вдали отъ вѣрующихъ, не имѣли возможности говорить къ нимъ изустно,—и тогда они не слишкомъ охотно записывали свои наставленія христіанамъ. „Много имѣю вамъ писать, говорилъ св. ап. Іоаннъ Богословъ въ своемъ посланіи къ нѣкоей избранной цоспоужь и дѣтямъ ея,—по не хочу на бумагѣ чернилами, а надѣюсь придти къ вамъ и говорить устами къ устами, чтобы радость ваша была полна“ (2 Іоанн. 1, 12). Даже ап. Павелъ, который болѣе всѣхъ другихъ апостоловъ оставилъ послѣ себя письменныхъ наставленій вѣрующимъ, просилъ ефесянъ молиться не о томъ чтобы онъ больше написалъ имъ и другимъ церквамъ посланій, а о томъ именно, чтобы „дано было“ ему „слово, устами“ своими „открыто съ дерзновеніемъ возвѣщать тайну благовѣствованія“ (Ефес. 6, 19). Вообще, изъ достовѣрнаго древняго историческаго преданія извѣстно, что свв. апостолы, согласно повелѣнію своего Учителя, пронесли слово божественной истины во всю землю и въ концы вселенной; однако же, кромѣ немногихъ проповѣдей, записанныхъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, мы не имѣемъ отъ апостоловъ письменныхъ проповѣдей,—и это, конечно, не потому, чтобы проповѣди эти не дошли до насъ, а потому, что письменныхъ проповѣдей апостолы никогда и не произносили. Такимъ образомъ, очевидно, что апостольская проповѣдь была изустною, неподготовленною, импровизованною. Правда, эта проповѣдь была безпримѣрна въ томъ отношеніи, что свв. апостолы возвѣщали слово Божіе

по непосредственному вдохновенію отъ Духа Святаго; но важно уже то, что Духу Святому благоугодно было внушать преимущественно изустную, а не письменную проповѣдь, такъ какъ *письма убиваетъ*, и, по замѣчанію апостола, радость бесѣдующаго и слушающихъ бываетъ полнѣе, нежели читающихъ и пишущихъ (2 Іоан. 1, 12)*).

Отъ апостольскихъ мужей второго и даже третьяго вѣковъ мы также не имѣемъ проповѣдей, которыя были бы ими предварительно написаны, а потомъ произнесены. По своему характеру, церковно-богослужебная проповѣдь мужей апостольскихъ была полною задушевности, искренности и сердечной простоты бесѣдою, свободною отъ всякой искусственности и какихъ бы то ни было условностей литературной теоріи. Она напоминала собою или бесѣду любящаго отца съ дѣтьми, или дружескую задушевную бесѣду любящихъ другъ друга братьевъ, членовъ одного семейства**). Дошедшія до нашего времени посланія мужей апостольскихъ свидѣтельствуютъ только о томъ, что они были напоминаемъ изустной проповѣди ихъ составителей. Болѣе того,—въ первыя времена христіанства, при дѣйствительномъ изобиліи благодатныхъ даровъ Св. Духа, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ даже господствовало воззрѣніе, которое, представляя проповѣдника орудіемъ Св. Духа, считало какъ бы оскорбительнымъ для священноиерейской каѳедры суетливая подготовительныя заботы о томъ, что и какъ говорить въ церкви. Это воззрѣніе, основывавшееся на словахъ Спасителя: „не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить чрезъ васъ“, возбуждало въ проповѣдникахъ усиленную надежду на благодатную помощь Св. Духа и создало тотъ долгое время господствовавшій обычай, по которому на священную каѳедру допускалась только импровизація. или проповѣдь, не заготовленная напередъ по правиламъ рито-

*) *Думитрашковъ*: „Объ импровизаціи въ церковной проповѣди“ („Рук. для с. п.“ 1869 г., № 41).

**) *Антоній*, архіеи.: „Изъ исторіи христ. проповѣди“, стр. 44.

рики *). Такимъ образомъ, во времена мужей апостольскихъ и даже позднѣе церковно-богослужебная проповѣдь была изустною, а если „кто хотѣлъ сохранить замѣчательнѣйшее изъ сказаннаго живымъ голосомъ въ церковномъ собраніи, то воспроизводилъ это по воспоминаніямъ и соображеніямъ и воспроизведенному давалъ форму обычныхъ тогда литературныхъ произведеній—посланій, разсужденій, комментаріевъ и т. д. На западѣ не только во второмъ или третьемъ, но даже въ четвертомъ вѣкѣ бесѣды и проповѣди отцовъ, завѣдомо сказанныя въ Церкви, являлись въ письменной литературѣ и дошли до насъ не въ своей собственной формѣ, а въ формѣ комментаріевъ, книгъ или разсужденій. По господствовавшему тогда воззрѣнію или условному литературному приличію, проповѣдь сама въ себѣ, въ своей непосредственной формѣ, какъ будто обявлялась не выходить изъ сферы аудиторіи, и отцы, желавшіе распространить свое ученіе, преподаваемое въ церкви, пускали его въ обращеніе не съ именемъ бесѣды или рѣчей, а подъ общимъ литературнымъ названіемъ книгъ или разсужденій“ **).

Впоследствии, когда благодатныя дѣйствія Духа Святаго стали не такъ ощутительно проявляться въ вѣрующихъ, и когда въ число членовъ Церкви вступили лица съ научнымъ языческимъ образованіемъ, церковно-богослужебная проповѣдь стала требовать отъ пастырей и предварительнаго, болѣе или менѣе тщательнаго приготовленія. Но и тогда большая и лучшая часть проповѣдниковъ выступала на церковную кафедру съ живымъ, импровизованнымъ словомъ, хотя эта импровизація была уже не плодомъ особеннаго озаренія и воздѣйствія Духа Святаго, а скорѣе результатомъ громаднхъ познаній, обширной учености, духовнаго опыта и вообще раз-

*) *Пивницкій В.*: „Гомилетика св. Григорія Двоеслова“ (Тр. К. Д. Ак., 1865 г., № 1).

**) *Пивницкій В.*: „Слѣды проповѣдничества въ древнѣйшей отеческой письменности“, Кіевъ. 1878 г., стр. 16—17.

витыхъ, благодаря постояннымъ и глубокимъ размышленіямъ, естественныхъ способностей, освящаемыхъ и руководимыхъ общими дарами Духа, неиспытанными свыше всеѣхъ проповѣдникамъ въ таинствѣ священства. Что импровизація была въ 3 и 4 вѣкахъ господствующимъ способомъ сообщенія церковно-богослужебныхъ проповѣдей, это можно видѣть, съ одной стороны, изъ сказанія древняго церковнаго историка Сократа о епископахъ Александрѣ и Атикѣ, которые находились во всеобщемъ презрѣніи у народа за то именно, что говорили свои проповѣди не импровизаціей, а по изготовленнымъ напередъ рукописямъ *); съ другой стороны, о преобладаніи въ эти вѣка импровизація свидѣлствуютъ и самыя проповѣди, дошедшія отъ проповѣдниковъ того времени до нашихъ дней. Изъ содержанія и характера этихъ древнихъ проповѣдническихъ словъ видно, что такіе проповѣдники, какъ Оригенъ, св. Василій Великій, св. Іоаннъ Златоустъ, св. Кириллъ Александрійскій и мн. другіе, говорили свои проповѣди если не исключительно, то, во всякомъ случаѣ, преимущественно импровизаціей. Встрѣчающіеся въ святоотеческихъ проповѣдяхъ неожиданные переходы, возвращеніе къ прежде высказанному, чтобы пополнить пропущенное, обращеніе проповѣдниковъ, по желанію слушателей, даже къ такимъ предметамъ, о которыхъ проповѣдникъ, повидимому, и не намѣревался говорить, — все это доказываетъ, что проповѣди свв. отцовъ и учителей Церкви 3 и 4 вѣковъ были чистою импровизаціей. Всего лучше это можно прослѣдить на проповѣдяхъ указанныхъ выше древнихъ проповѣдниковъ. Такъ, напр., св. Василій Великій, сказавши въ 7-й своей бесѣдѣ на „Шестодневъ“, предложенной за вечернимъ богослуженіемъ, о рыбахъ и вообще „о плавающихъ“, на другой день утромъ, въ 8-й бесѣдѣ, сдѣлалъ переходъ прямо къ животнымъ зем-

*) *Амфилохъ Я.*: „Чтенія о церк. словесности, II Ч., стр. 214. *Поповъ Е.*, прот.: „Письма по пастырскому богословію“, I ч., стр. 36.

нымъ. Но, пачавши говорить о послѣднихъ, онъ вдругъ вспомнилъ, что упустилъ изъ виду и ничего не сказалъ о птицахъ; вслѣдствіе этого умолкъ, и наступила довольно значительная пауза, въ продолженіи которой Василій Великій, безъ сомнѣнія, обдумывалъ способъ перехода къ другому предмету и самый этотъ предметъ. „Для чего,—говоритъ онъ въ 8-й бесѣдѣ,—при обильномъ теченіи слова, молчалъ я немалое время, удивляются, можетъ быть, многіе. Но внимательнѣйшимъ изъ слушателей, конечно, не безъизвѣстна причина, по которой прервана рѣчь. Изъ чего же сіе видно?—Изъ того, что они, взглядывая другъ на друга и подавая другъ другу знаки, обратили на себя мое вниманіе и привели мнѣ на мысль оупущенное мною. Ибо цѣлый родъ тварей, и притомъ немаловажный, укрылся отъ насъ, и слово наше едва не простерлось далѣе, оставивъ его вовсе не изслѣдованнымъ... Говорили мы о плавающихъ, сколько позволило вечернее время, а сегодня перенли къ изслѣдованію живущихъ на сушѣ: но забыты нами птицы, занимающія середину между тѣми и другими. Посему... необходимо возвратиться назадъ“. Отсюда ясно, что бесѣды св. Василія Великаго на „Шестодневъ“ были чистой импровизаціей. Такой же импровизаціей были его слова и на разные случаи. Такъ, въ 21-мъ словѣ онъ, остановившись довольно долго на томъ, что не должно прилѣпляться къ житейскому, вдругъ, по желанію слушателей, переходитъ къ пожару, бывшему наканунѣ около церкви. „Слово мое, введенное уже въ пристань, нѣкоторые изъ братій опять вызываютъ на поприще совѣщанія, повелѣвая не проходить мимо того, что вчера чудодѣйствовалъ Владыка“. Такой неожиданный переходъ отъ одного предмета къ другому, сдѣланный по желанію слушателей, конечно, не могъ быть предусмотрѣнъ со стороны проповѣдника заранѣе *).

Но, если проповѣди древнихъ учителей Церкви были импровизованными, то какимъ образомъ онѣ могли сохраниться до нашего времени въ рукописяхъ?—Отвѣтъ на это даютъ

*) *Антоній*, архіеп.: „Изъ исторіи христіан. проповѣди“, стр. 63—65.

историческія изслѣдованія древняго проповѣдничества, единогласно свидѣтельствующія, что со времени Оригена вошло въ обычай записываніе скорописцами церковныхъ словъ лучшихъ проповѣдниковъ. Высоко цѣня геній и познанія Оригена и, вслѣдствіе этого, желая навсегда сохранить глубоко папидательныя и многосодержательныя поученія этого знаменитаго учителя Церкви, ученики и почитатели Оригена попросили у него разрѣшенія записывать его проповѣди въ церкви. Не соглашаясь на это сначала, Оригенъ, всегда говорившій свои проповѣди импровизаціей и никогда не записывавшій ихъ послѣ произнесенія, наконецъ, въ послѣдніе годы своей жизни, уступилъ настоятельному желанію почитателей, „позволялъ скорописцамъ переводить на бумагу произносимыя имъ въ собраніи бесѣды, чего прежде никогда не позволялъ“. Запись скорописцами богослужбныхъ бесѣдъ проповѣдниковъ, получившая свое начало въ 3-мъ вѣкѣ, въ слѣдующемъ столѣтіи вошла почти въ общее употребленіе во всѣхъ большихъ городахъ. Благодаря этимъ записямъ, и сохранились до нашего времени проповѣди такихъ учителей Церкви, какъ св. Григорій Богословъ, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Кириллъ Іерусалимскій, Августинъ Иппонскій и др. Что проповѣди этихъ великихъ учителей и святителей Церкви, произносимыя ими изустно, дѣйствительно записывались въ церкви скорописцами, на это находимъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ у древнихъ историковъ и даже у самихъ названныхъ проповѣдниковъ. О записяхъ скорописцами проповѣдей св. Іоанна Златоуста единодушно говорятъ Сократъ и Никифоръ Каллистъ; составитель нашихъ Четій-Миней въ житіи Златоуста (13 ноября) говоритъ: „Поставленъ бывъ пресвитеромъ, Іоаннъ нача прилѣжнѣе пещися о спасеніи душъ человѣческихъ, часто поучая люди въ церкви изъ устъ, чесому вси людіе антиохійстїи удивляхуся зѣло и похваляху блаженнаго... Толику благодать отъ устъ его изливашеся, яко вси послушающїи не можаху насытитися сладкихъ словесъ его; того ради мнози скорописцы проповѣдуемое Іоанномъ слово на хартіяхъ писаху

и другъ другу препишующе подаваху“. О катехизическихъ поученіяхъ св. Кирилла Іерусалимскаго, какъ бесѣдахъ импровизованныхъ и увѣковѣченныхъ только благодаря скорописцамъ, свидѣтельствуемъ самою ихъ заглавіе: *κατηχησες; σχεδιασθεσαι*, т. е. *огласительныя* слова, произнесенныя безъ приготовленія. Относительно проповѣдей блажен. Августина составитель его жизнеописанія Поссидій замѣчаетъ, что „слушать ихъ стекались вмѣстѣ съ православными даже еретики, и каждый, кто хотѣлъ и могъ, занималъ еще писцовъ, чтобы они записывали то, что говорилось“. О записяхъ проповѣдей Григорія Богослова свидѣтельствуемъ самъ онъ въ своемъ прощальномъ словѣ, сказанномъ въ Константинополѣ: „Простите, — говорить онъ, — любители моихъ словъ, простите и эти народныя теченія и стеченія и эти трости, нищущія явно и скрытно“. Изъ этихъ словъ св. Григорія Богослова видно не только то, что его поученія записывались внимательнѣйшими изъ слушателей, но также и то, что во времена Григорія Богослова было *два* рода записчиковъ проповѣдей: *явные*, открытые, какъ бы оффиціальныя и записчики *скрытые*, тайныя, не уполномоченныя на это. Первые, какъ пріобрѣтшіе достаточный навыкъ, могли записывать слова проповѣдника болѣе или менѣе точно, вѣрно и дословно; вторые же, какъ менѣе искусныя, большею частію передавали бесѣды учителей отрывочно, не совсѣмъ вѣрно и недостаточно точно. Этимъ различіемъ записчиковъ и записей, вѣроятно, и объясняется то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ святоотеческихъ бесѣдъ сохранились до нашего времени въ различныхъ редакціяхъ и видахъ *).

(Продолженіе будетъ).

*) *Пивницкій В.*: „Порядки и обычаи, соблюд. при сказыв. проповѣд. въ древней Церкви“ (Тр. К. Д. Ак., 1886 г., № 3).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 30 апрѣля 1901 г

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *Г. Жорьковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владимира Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 20.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, мая 13-го.

Содержаніе: Очерки православно-христіанскаго правоученія (продолженіе).—Уроки Богослуженія седьмой по Пасхѣ недѣли свв. Отець, иже въ Никей.—Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія (продолженіе). Судьба Ковчега завѣта (замѣтка).

Очерки православно-христіанскаго правоученія ¹⁾.

Поведеніе христіанъ во время болѣзни.

Заботясь о своемъ здоровьѣ, мы не должны пренебрегать средствами и къ возстановленію его, когда оно разстроено *болѣзнію*. Такъ какъ болѣзни большею частію бываютъ послѣдствіями грѣховъ нашихъ, служба явнымъ наказаніемъ за грѣхи, хотя отъ болѣзни человѣка еще не должно заключать объ особой грѣковности его (Іоан. 9, 3), то мы должны пользоваться ими, какъ средствами для своего исправленія, и во время болѣзни должны обращаться съ молитвою къ Богу, прося Его о своемъ исцѣленіи и прощеніи намъ грѣховъ.

¹⁾ См. № 19 за 1901 г.

„Сынъ мой! говорить Премудрый, въ болѣзни твоей не будь небреженъ, по молись Господу, и Онъ исцѣлитъ тебя. Оставь грѣховную жизнь, и исправь руки твои, и отъ всякаго грѣха очисти сердце“ (Сир. 38, 9—10). „Боленъ ли кто изъ васъ, нишетъ ап. Іаковъ, пусть призоветъ пресвитеровъ Церкви, и пусть помолятся надъ нимъ, помазавъ его елеемъ во имя Господне. И молитва вѣры исцѣлитъ болящаго, и возставитъ его Господь; и, если онъ сдѣлалъ грѣхи, простятся ему“ (Іак. 5, 14—15). При обращеніи къ Богу съ молитвою, привлекающею непосредственную силу врачующей (недуги душевные и тѣлесные) благодати Его, надобно обращаться и къ искусству врача и къ врачевствамъ находимымъ въ природѣ. „И дай мѣсто врачу, говорить Премудрый, ибо и его создалъ Господь... и отъ Вышняго врачеваніе“ (Сир. 38, 13. Ср. ст. 1—2). А такъ какъ, по словамъ того же ветхозавѣтнаго мудреца, вмѣстѣ съ больнымъ и самъ врачъ молится Богу, „чтобъ Онъ помогъ ему подать больному облегченіе и исцѣленіе“ (Сир. 38, 14), то и онъ къ естественнымъ средствамъ врачеванія приобрѣтаетъ еще Божественную помощь. Если же, при всѣхъ средствахъ врачеванія, и естественныхъ и благодатныхъ, нѣтъ однакожь никакой надежды на выздоровленіе, больной долженъ привести въ порядокъ свои дѣла, т. е. сдѣлать законное распоряженіе о своемъ имуществѣ, примириться съ ближними и, по возможности, вознаградить вредъ, причиненный имъ какими-либо съ его стороны неправдами (Лук. 19, 8) и, приготовивъ себя къ смерти покаяніемъ и причащеніемъ св. Таинъ, предать себя въ волю Божию.

Преступность самоубійства.

Противъ обязанности сохранить и поддерживать свою жизнь тѣлесную согрѣшаютъ прежде всего *самоубійцы*. Самоубійство есть самый тяжкій изъ смертныхъ грѣховъ, имѣющихъ, по важности дара жизни (Евр. 13, 14), безконечную вину, о прощеніи которой даже не молится св. Церковь, пре-

доставляя вѣчную участь такихъ грѣшниковъ неисповѣдимому суду Божию. Грѣхъ этотъ противенъ законамъ природы и естественному чувству самосохраненія (Еф. 5, 29); онъ оскорбляетъ величіе Подателя жизни и есть дерзкое возстаніе противъ Его любви и верховнаго права на жизнь нашу (1 Цар. 2, 6; Рим. 14, 7—8; 1 Кор. 6, 19; Дѣян. 17, 25 и др., МѠ. 10, 29 и др.); онъ противорѣчитъ утѣшительнымъ истинамъ христіанства и вѣрѣ въ св. Провидѣніе; онъ ниспровергаетъ и нравственныя обязанности человѣка въ отношеніи къ ближнимъ (Филип. 1, 24). Вообще же, къ самоубійству можно отнести слова ап. Павла: „если кто разоритъ храмъ Божій, того покараетъ Богъ: ибо храмъ Божій святъ; а этотъ храмъ вы“ (1 Кор. 3, 17). Грѣхъ этотъ безнравствененъ въ самомъ своемъ основаніи; ибо источникъ его лежитъ главнымъ образомъ въ чувственности и эгоизмѣ человѣка, въ испорченности нравовъ и дѣйствии страстей, въ худомъ воспитаніи, въ земныхъ расчетахъ и надеждахъ, въ отсутствіи религіи и истинныхъ началъ нравственности. При этихъ причинахъ самоубійства, ничего не значатъ всѣ оправданія, какія обыкновенно приводятся въ его защиту. Говорятъ, напр., жизнь дава человѣку въ его собственность, для его наслажденія и удовольствія. Почему-же онъ не можетъ распорядиться ею, какъ собственностію, когда она становится особенно тяжелою и невыносимою для него по своимъ бѣдствіямъ и скорбямъ? Основанія эти несостоятельны и совершенно ничтожны предъ преступностію самоубійства, обнаруживающаго явное непослушаніе волѣ Божіей и нежеланіе вѣриться Божественному Промыслу, все направляющему къ благимъ цѣлямъ. Для этого преступленія можетъ быть одно только извиненіе — умственное разстройство человѣка, если оно не зависитъ отъ собственной вины. Не оправдывается совершенно, но много смягчается вина самоубійства тогда, когда оно бываетъ дѣломъ невольнымъ и вынужденнымъ. Говорятъ еще: не всякій можетъ рѣшиться на такой отважный поступокъ, какъ самоубійство, и потому нѣкоторые видятъ

въ немъ своего рода героизмъ. Но самоубійца—далеко не герой, а скорѣе трусъ, такъ какъ малодушно отрывается отъ борьбы за существованіе. Послѣ прямого и намѣреннаго самоубійства, грѣшатъ противъ самихъ себя всѣ люди порочные, которые своею невоздержною, безпорядочною и развратною жизнію постепенно потрясаютъ и разстраиваютъ свои тѣлесныя силы, сокращаютъ свою жизнь и незамѣтно приближаются къ преждевременной смерти. „Здоровый сонъ, пишетъ Премудрый, бываетъ при умѣренности желудка: всталъ рано, и дупа его съ нимъ. Странаніе безсонницею и холера и рѣзь въ животѣ бывають у человѣка непасытнаго. Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ будь осмотрителенъ, и никакая болѣзнь не приключится тебѣ“ (Сир. 31, 22—23. 26).

Взглядъ православнаго на благополучіе внѣшнее и на удовольствія. Доброе имя; предосторожность отъ честолюбія и любостыжанія.

Внѣшнее благополучіе составляетъ все то, что служитъ къ сохраненію, поддержанію и возвышенію нашей тѣлесной и временной жизни, какъ-то: пища, питіе, одежда, жилище, удовольствія и радости, доброе имя, или честь, обладаніе хорошимъ состояніемъ, или богатство. Всѣ эти блага, по словамъ св. Василія Великаго, не суть блага по природѣ своей, потому что обладающихъ ими не дѣлаютъ добрыми; онѣ называются внѣшними, такъ какъ, и при обладаніи ими, человѣкъ можетъ быть внутренно безпокоенъ и несчастенъ. Однакожь онѣ составляютъ даръ любви Божіей къ человѣку и потому не суть что либо безразличное для него. „Ищите прежде царства Божія и правды Его, говоритъ Спаситель, и это все приложится вамъ“ (Мѡ. 6, 33). Этимъ уже высказывается, что и „этого всего“ (т. е. земныхъ благъ) можно христіанину „искать“, но только не прежде всего. На это-то и указываетъ ап. Павель, говоря: „благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей (1 Тим.

4, 8). Мало этого. Христіанинъ даже обязанъ просить себѣ временныхъ благъ отъ Бога (Притч. 30, 7—8), такъ какъ онѣ служатъ средствомъ для многихъ полезныхъ и добрыхъ цѣлей жизни (Еф. 4, 28) и охраняютъ человѣка отъ разныхъ стѣспеній и скорбей, которыя необходимо чувствуются нами, при недостаткѣ ихъ (2 Тесс. 3, 8. Ср. ст. 10 и 12).

Христіанская вѣра, не воспрещающая человѣку желать этихъ благъ, трудиться для ихъ пріобрѣтенія и пользоваться ими, налагаетъ на него при этомъ только нѣкоторыя ограниченія, или условія: 1) онъ долженъ пріобрѣтать ихъ честнымъ трудомъ (2 Тесс. 3, 10), безъ всякаго ущерба благополучію другихъ; 2) не долженъ искать ихъ для цѣлей суетныхъ и нечистыхъ (Лук. 12, 19. Ср. 1 Тим. 6, 9); не долженъ пристращаться къ нимъ своимъ сердцемъ (Ис. 61, 11) и слишкомъ полагаться на нихъ, или надѣяться (1 Тим. 6, 17); 4) не долженъ смотрѣть на нихъ, какъ на свою неотъемлемую собственность и всегда быть готовымъ пожертвовать ими для цѣлей высшихъ, духовныхъ (1 Тим. 6, 18); и 5) долженъ благодушно и терпѣливо переносить непроизвольное ихъ лишеніе, когда оно случается (Мѡ. 24, 13; Лук. 21, 19; 1 Петр. 2, 19). Въ общее же руководство того, въ какомъ настроеніи духа христіанинъ долженъ пользоваться земными благами, ап. Павелъ даетъ слѣдующее наставленіе: „имѣющіе жень должны быть, какъ не имѣющіе; и плачущіе, какъ не плачущіе; и радующіеся, какъ не радующіеся; и покупающіе, какъ не пріобрѣтающіе“ (1 Кор. 7, 29—30). Этимъ онъ говоритъ: христіанинъ долженъ имѣть временныя блага, но какъ не имѣющій ихъ, слѣд.—всегда готовый оставить ихъ, когда потребуеть того Господь; долженъ желать ихъ, какъ не желающій, т. е. не сильно желать; долженъ о потерѣ ихъ печалиться, какъ не печалующійся, т. е. не сильно предаваться своей печали.

Имѣя христіанскій взглядъ на виѣшнее благополучіе вообще, важно знать и то, позволительны ли для христіанина въ частности *удовольствія*. Христіанство не воспрещаетъ чело-

вѣку пользоваться удовольствіями, лишь бы онѣ были сами по себѣ святыя и благородныя, которые можетъ находить для себя человекъ въ нѣдрахъ природы, въ кругѣ семейномъ, въ обществѣ людей честныхъ и богобоязненныхъ. Всеблагій Творецъ не только человеку невинному назначилъ въ жилище рай сладости, но и послѣ грѣхонаденія людей, по выраженію ап. Павла, „даетъ намъ все обильно для наслажденія“ (1 Тим. 6, 17). Разумно и благовременно пользуясь удовольствіями, мы вникаемъ въ сущность даровъ Божіихъ и живо постигаемъ, „какъ благъ Господь“ къ намъ (Пс. 33, 9). Самъ Іисусъ Христосъ ничего не имѣлъ противъ благоразумнаго и благовременнаго пользованія удовольствіями. Такъ, однажды, Онъ присутствовалъ, вмѣстѣ съ Матерію Своею, на брачномъ пирѣ, гдѣ благоволилъ даже совершить чудо, устранивъ чрезъ то замѣшательство небогатыхъ хозяевъ, которому подверглись они по случаю недостатка вина (Іоан. 2, 1 и дл.). Въ Виваніи въ домѣ Симона прокаженнаго одна женщина возлила на главу Спасителя драгоценное миро. Когда нѣкоторые изъ присутствовавшихъ здѣсь вознегодовали по поводу якобы напрасной траты мѣла, которое могло бы быть продано и деньги могли бы быть розданы нищимъ, то Господь изрекъ въ оправданіе допущенной роскоши слово, по которому то, что драгоценно въ матеріальномъ смыслѣ, жертвуется на служеніе духу, и порицалъ такое возрѣніе на жизнь, которое считаетъ наивысшимъ все полезное и всякую заботу о домашней нуждѣ: „ибо нищихъ, сказалъ Онъ, всегда имѣете съ собою... а Меня не всегда“ (Мрк. 14, 3 и дл.). Т. е., если вы дѣйствительно хотите благотворить нищимъ, то всегда найдете случай къ тому. Но наше существованіе вовсе не такое жалкое, чтобы, на ряду съ заботами о нищихъ и разными другими нуждами, у насъ уже не оставалось мѣста для чистыхъ радостей жизни ¹⁾).

Не возбраняя намъ пользоваться невинными удовольствіями, Слово Божіе предостерегаетъ насъ только отъ наслаж-

¹⁾ Христ. ученіе о нравственности, Г. Мартенсена, т. II, стр. 319.

деній нечистыхъ, неумѣренныхъ и вредныхъ для здоровья и чистоты душевной, въ которыхъ, по словамъ Премудраго, предстоитъ дать отвѣтъ Богу (Екклес. 11, 9). Но, и при позволительности благородныхъ удовольствій, христіанинъ не долженъ однакожъ „каждый день пиршествовать блистательно“ (Лук. 16, 19); ибо жизнь временная дается человѣку для трудовъ и подвиговъ, для перенесенія разныхъ испытаній и скорбей, неизбѣжныхъ въ этой жизни. „Горе вамъ, смѣющимся нынѣ!“ говоритъ Спаситель (Лук. 6, 25), т. е. горе тѣмъ, которые, подобно извѣстному евангельскому богачу (Лук. 12, 19), ни о чемъ, кромѣ житейскихъ удовольствій, не думаютъ.

Христіанинъ имѣетъ нравственную обязанность заботиться о своей чести, или *добромъ имени* въ обществѣ. „Заботься объ имени, говоритъ Премудрый, ибо оно пребудетъ съ тобою долѣе, нежели многія тысячи золота“ (Сир. 41, 15). „Доброе имя, пишетъ другой ветхозавѣтный мудрецъ, лучше большаго богатства“ (Прит. 22, 1); ибо богатство можетъ принадлежать намъ только въ этой жизни, а память праведнаго пребываетъ въ вѣкъ (Пс. 111, 6). О Самомъ Господѣ Иисусѣ Христѣ въ Евангеліи замѣчено, что Онъ „преуспѣвалъ... въ любви у Бога и человѣковъ“ (Лук. 2, 52). И первые Его послѣдователи, по замѣчанію Дѣяній Апостольскихъ, „находились въ любви у всего народа“ (Дѣян. 2, 52). „Для меня, говоритъ ап. Павелъ, „лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожилъ похвалу мою“ (1 Кор. 9, 15). Честь, или доброе имя имѣетъ самое благотворное вліяніе какъ на окружающую среду, въ которой поставленъ дѣйствовать человѣкъ, такъ и на его собственное благосостояніе. Доброе имя располагаетъ къ намъ сердца людей, поддерживаетъ довѣріе, привлекаетъ къ намъ уваженіе и открываетъ намъ путь къ высшему и большому кругу дѣятельности для пользы и блага другихъ. Вообще честь есть свидѣтельство добрыхъ качествъ души человѣка и похвальнаго образа его жизни. По всему этому каждый обязанъ нецѣпиться о снисканіи и сохраненіи своей

чести; и если она будет затронута, то, въ случаѣ надобности, должно защищать ее. Косвенно мы во всякое время защищаемъ свою оскорбленную честь, когда, по совѣту апостола, своею добродѣтелью „заграждаемъ уста невѣжеству безумныхъ людей“ (1 Пет. 2, 15). Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ намъ необходимо бываетъ вступить за свою честь и прямо, и при этомъ мы можемъ сослаться на примѣръ не только ап. Павла, защищавшаго свое апостольское достоинство отъ желавшихъ унижить его (2 Кор. 11, 21 и дл.), но и Самого Господа, Который въ отвѣтъ на обвиненія Своихъ противниковъ указывалъ на Свои добрыя дѣла, какія Онъ „показалъ имъ отъ Отца Своего“, и спрашивалъ ихъ: „за которое изъ нихъ хотите побить Меня камнями“ (Іоан. 10, 32).

Но попеченіе христіанина о своей чести не должно простирается до того, чтобы непремѣнно пользоваться ею и защищать ее всегда и предъ всѣми. Истинное правило христіанское требуетъ отъ насъ того, чтобы мы достойны были чести и сохраняли равнодушіе къ несправедливымъ толкамъ и ложнымъ о насъ сужденіямъ другихъ. „Для меня, говоритъ ап. Павелъ, очень мало значить, какъ судите обо мнѣ вы, или какъ судятъ другіе люди..., судья же мнѣ Господь“ (1 Кор. 4, 3—4). Лучшимъ свидѣтелемъ и важнѣйшимъ судіею нашей чести должна быть наша совѣсть, справедливо называемая голосомъ Божиимъ. Этимъ-то собственно и отличается честь отъ такъ-называемаго *честолюбія*, которое намѣренно и усиленно домогается похвалъ и отличій отъ другихъ и не заботится о тѣхъ качествахъ души, которыя заслуживаютъ похвалы. Честь есть принадлежность добродѣтели, а честолюбіе есть признакъ гордости человѣка. Честолюбивый не можетъ быть даже истинно вѣрующимъ человѣкомъ, какъ это видно изъ примѣра славолубивыхъ фарисеевъ, которымъ Іисусъ Христосъ сказалъ: „какъ вы можете вѣровать, когда другъ отъ друга принимаете славу, а славы, которая отъ единого Бога, не ищите“ (Іоан. 5, 44). Гонясь за славою отъ людей, честолюбецъ теряетъ славу отъ Бога, т. е. благоволеніе Божіе.

Обладаніе хорошимъ состояніемъ, или богатство, есть также одинъ изъ даровъ земнаго благополучія человѣка. Имѣть богатство, пользоваться имъ и заботиться о приобрѣтеніи его намъ не возбраняется. Нося въ себѣ „образъ Божій“ (Быт. 1, 27), человѣкъ чрезъ то самое имѣетъ и право на богоподобное „обладаніе“ землею и „владычествованіе“ надъ нею (ст. 28. Ср. 9, 1). Однакожъ при этомъ мы не должны привязываться къ земному богатству своимъ сердцемъ, обращать его въ средство своихъ прихотей и питать имъ свои страсти. Оно должно быть средствомъ для добродѣтели. Если, по словамъ Псалмопѣвца, не должно „прилагать сердца“ къ богатству, когда оно „умножается“, такъ сказать, само собою, или дается безъ особыхъ усилій, то тѣмъ болѣе не позволительно искать его съ напряженіемъ всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ; ибо такая ложная зависимость отъ богатства легко переходитъ въ *любостязаніе*, которое, будучи въ существѣ своемъ „идолослуженіемъ“ (Колос. 3, 5) и „корнемъ всѣхъ золъ“ (1 Тим. 6, 10), лишаетъ человѣка „наслѣдія царства Божія“ (1 Кор. 6, 10). Всѣ усилія обладающаго хорошимъ состояніемъ, пока онъ не подпалъ рабству этой пагубной страсти, должны быть направлены на созданіе такого внутренняго настроенія, при которомъ онъ, пользуясь „міромъ сямъ“, былъ бы, по выраженію ап. Павла, „какъ не пользующійся; ибо проходитъ образъ міра сего“ (1 Кор. 7, 31). Мы всегда должны быть готовы къ превратностямъ судьбы, и потому никогда не можемъ сказать себѣ: „душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись“ (Лук. 12, 19). Напротивъ, намъ во всякое время должно хранить въ себѣ живое сознаніе того, что отъ насъ, пожалуй, потребуется послужить своему Господу и въ состояніи бѣдности, въ борьбѣ съ изнурительными заботами о насущномъ хлѣбѣ, подъ давленіемъ которой особенно живо чувствуется истинность изреченія: „не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ“ (Мѡ. 4, 4).

(Продолженіе будетъ).

Свящ. Н. Стеллецкій.

Уроки Богослуженія седьмой по Пасхѣ недѣли свв. Отець, иже въ Никеи.

Седьмую недѣлю по Пасхѣ прав. Церковь посвящаетъ воспоминанію 318 отцевъ перваго Вселенскаго Собора, бывшаго въ Никеѣ, при импер. Константинѣ Великомъ, въ 325 году по Р. Хр., продолжая въ Богослуженіи недѣли прославлять Воскресеніе и Вознесеніе Господа и выражая въ своихъ пѣснопѣніяхъ ожиданіе дивнаго сошествія св. Духа. Время Пятидесятницы избрано для прославленія отцевъ этого собора потому, что онъ происходилъ вскорѣ послѣ Пасхи 325 года и потому, что отцы Никейскаго собора явились, по выраженію синаксари недѣли, „извѣстнѣйшими проповѣдниками Божественной славы Воскресшаго“. Въ пѣснопѣніяхъ недѣли свв. Никейскіе отцы воспѣваются, какъ „апостольскихъ преданій извѣстніи хранители“, исповѣдавшіе Христа и словомъ, и дѣломъ. „Все собравше духовное художество и Божественнымъ Духомъ сразсмотривше... кроткими глаголы изложиша вѣру Богонаученную“¹⁾, говоритъ о нихъ Церковь. Утверждая правое ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ Богъ воплотившемся и возсѣвшимъ „одесную величества на высокихъ“, поясняетъ синаксарь недѣли, „этотъ соборъ святыхъ Отцевъ такъ его и проповѣдалъ, и исповѣдалъ единосущнымъ и единосущнымъ Отцу“... „Въ виду этого, говорится далѣе,—и установили настоящій праздникъ послѣ славнаго Вознесенія, какъ бы выдвигая собраніе столькихъ отцевъ, которые проповѣдываютъ Его, во плоти вознесшагося, Богомъ истиннымъ и во плоти совершеннымъ человѣкомъ“. Такимъ образомъ, Никейскій Соборъ сдѣлался вселенскимъ богомудрымъ проповѣдникомъ Божественной славы Пресв. Троицы, единосущной и нераздѣльной, и въ особенности славы Исуса Христа, какъ Сына Божія и Богочеловѣка, о которой прав. Церковь во дни Пятидесятницы преимущественно возвѣщаетъ вѣрующимъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ и

¹⁾ Стихиры хвалитныя.

ченіяхъ. И теперь св. Церковь нашла приличнымъ совершать воспоминаніе Никейскаго Собора во время Пятидесятницы и въ слѣдъ за праздникомъ Вознесенія именно потому, что преславное Вознесеніе Господне само по себѣ служитъ яснымъ доказательствомъ неразлучнаго соединенія двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ—Божескаго и человѣческаго.

Славу Воскресшаго Никейскій соборъ проповѣдалъ и своимъ опредѣленіемъ праздновать свѣтлый праздникъ Пасхи всѣмъ христіанамъ не въ иной день недѣли, какъ въ первый или воскресный, и 20-мъ правиломъ о непреклоненіи колѣнъ въ церквахъ во дни воскресные и во всю Пятидесятницу, чтобы вѣрующіе самымъ положеніемъ тѣла своего изображали воскресеніе Христова. Но особенно свв. отцы собора прославили Воскресшаго Господа своими страданіями и жизнью, ибо многіе изъ нихъ носили знаки страданій ради Господа Іисуса и всѣ исповѣдали Его высокими христіанскими и пастырскими добродѣтелями. „Они, говоритъ св. Златоустъ, обнаружили и великую мудрость и мужество. О мудрости ихъ свидѣтельствуетъ изложенная тогда (на соборѣ) вѣра, которая заградила уста еретиковъ и, какъ непоколебимая стѣна, отразила всѣ козни ихъ; а о мужествѣ—только что окончившееся гоненіе и несгласіе въ церквахъ. Какъ храбрые воины, воздвигшіе безчисленное множество трофеевъ и покрытые многими ранами, пришли тогда со всѣхъ сторонъ предстатели Церквей, нося на себѣ знаменія Христовы и показывая множество мученій, которыя претерпѣли они за исповѣданіе вѣры. Одни изъ нихъ могли рассказать о рудокопняхъ и перенесенныхъ ими тамъ страданіяхъ, другіе о лишеніи всего имущества, иные о голодѣ, а иные о частыхъ бичеваніяхъ. Одни могли указать на истерзанныя ребра; другіе на избитую спину, иные на исторгнутые глаза или другую часть тѣла, которой они лишились за Христа“¹⁾.

Прославляя вселенскихъ проповѣдниковъ Божественной славы Воскресшаго, Церковь видитъ въ нихъ свѣтила міру и

¹⁾ Дебольскій. Дни Бог. Прав. Каѳ. Ц. ч. 2, стр. 254.

благодарить Господа: „Препрославленъ еси Христе Боже нашъ, свѣтила на земли отцы наша основавый и тѣми ко истиннѣй вѣрѣ вси ны наставивый“ ¹⁾. Этимъ то свѣтиламъ, всегда сіяющимъ въ прав. Церкви, мы и должны слѣдовать, чтобы не заблудиться отъ пути истины и съ вѣрою, вселенную утвердившею, безбѣдно прейти всѣ опасности на пути спасенія.

Сообразно общему характеру Богослуженія недѣли свв. отецъ, иже въ Никеи, составившихъ первые семь членовъ того священнаго символа, которымъ мы ежедневно исповѣдуемъ во храмѣ общую свою вѣру, Церковь назначила и пареміи изъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Въ первой изъ нихъ (Быт. 14, 14—20) она напоминаетъ о побѣдѣ, одержанной Авраамомъ надъ врагами, взявшими племянника его Лота въ плѣнъ. Авраамъ, собравши 318 домочадцевъ своихъ, отнялъ изъ рукъ враговъ своихъ добычу и на обратномъ пути былъ почтенъ царемъ и священникомъ Салимскимъ Мелхиседекомъ. И Церковь, подобно Аврааму, собираетъ знаменитыхъ пастырей, которые поражаютъ на соборѣ ересеначальниковъ и, такимъ образомъ, тысячи совращенныхъ душъ возвращаютъ въ лоно Церкви и утверждаютъ колеблющихся въ вѣрѣ; истинный же Мелхиседекъ, Господь Иисусъ Христосъ благословляетъ Свою Церковь вождельнымъ миромъ, славою и торжествомъ вѣры. Поучительно здѣсь и сходство побѣды Авраамовой съ воспоминаемою нынѣ побѣдою Церкви вселенской и замѣчательно совпаденіе числа поборниковъ православія на соборѣ съ числомъ домочадцевъ въ домѣ Авраама ²⁾.

Во второй пареміи (Втор. 1, 8—11, 15—17) Церковь устами Моисея, напоминающаго народу еврейскому о благодѣяніяхъ Божіихъ и избраніи для управленія и суда мужей „мудрыхъ, умѣтельныхъ и смысленныхъ“, напоминаетъ и намъ о божественномъ избраніи пастырей Церкви—мужей мудрыхъ

¹⁾ Троиаръ.

²⁾ Дебольскій. Дни Богосл. Прав. Каѳ. Ц. ч. 2, стр. 258.

и умѣтельныхъ для управленія Церковью, защищенія истины и обличенія заблужденій, при чемъ, подобно Моисею, указывающему Израильтянамъ на обѣтованную землю, лежавшую предъ ихъ глазами, и Церковь указываетъ вѣрующимъ на страну вѣчности, въ которую она руководитъ насъ чрезъ своихъ пастырей.

Въ третьей пареміи устами того же Моисея (Втор. 10, 14—21) Церковь увѣщаетъ вѣрующихъ сохранять ненарушимо вѣрность и послушаніе истинному Богу, любить Его и бояться, Ему Единому служить и прославлять. Въ апостольскомъ чтеніи она напоминаетъ вѣрующимъ о Пятидесятницѣ и сошествіи Св. Духа, по внушенію Котораго дѣйствовали апостолы и Которымъ поставлены пастыри „пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею“.

Такимъ образомъ, рядъ церковныхъ указаній относительно Божественной славы Воскресшаго, начинался благовѣстіемъ Евангелиста о предвѣчномъ Словѣ Божіемъ въ недѣлю Пасхи, оканчивается въ недѣлю свв. отецъ указаніемъ на общее свидѣтельство Церкви о томъ же предметѣ какъ въ лицѣ свв. участниковъ перваго Вселенскаго Собора, такъ и всего сонма православныхъ пастырей, поставляемыхъ и руководимыхъ Духомъ Святымъ. Воспоминаніемъ одного изъ седми столповъ зданія Божія, на которыхъ нынѣ утверждается наша прав. Церковь, мы выражаемъ свое уваженіе къ вѣрѣ и уставамъ Церкви. вмѣстѣ съ тѣмъ воспоминаніе это переноситъ мысль нашу къ тому началу благодатныхъ дѣйствій Духа Божія въ Церкви, которому она обязана и своими послѣдующими озареніями отъ Него, т. е. къ торжественному сошествію Св. Духа на вѣрующихъ, къ лицѣ апостоловъ. Въ этомъ смыслѣ настоящее празднество можетъ служить для насъ приготовленіемъ и къ наступающему торжеству Пятидесятницы.

Въ субботу предъ Пятидесятницею Церковь совершаетъ поминованіе всѣхъ умершихъ благочестивыхъ христіанъ, въ той мысли, что событіемъ сошествія Св. Духа заключилось домостроительство спасенія человѣка, но такъ какъ въ этомъ

спасеніи .участвуютъ и усопшіе, то Церковь, возсылая въ Пятидесятницу молитвы объ оживотвореніи Духомъ Святымъ всѣхъ живущихъ, просить, чтобы и для усопшихъ благодать Св. Духа, которой они сподобились еще при жизни, была источникомъ вѣчнаго блаженства, такъ какъ „Святымъ Духомъ всяка душа живится“, просить счастья „всѣ вѣрно умершія“, „воскресить въ послѣдній день со славою“ и „сподобить я небеснаго царствія“.

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ¹⁾.

Предварительное записываніе проповѣдей и произнесеніе ихъ по рукописямъ стало входить среди проповѣдниковъ въ обычай мало-по-малу въ сравнительно позднее время и окончательно укрѣпилось лишь въ средніе вѣка. Впрочемъ, въ послѣднее время импровизація опять начинается, такъ сказать, пробивать себѣ дорогу, и изъ современныхъ отечественныхъ нашихъ импровизаторовъ-проповѣдниковъ нѣкоторые пользуются даже значительной извѣстностью. Многие изъ архипастырей, отдавая въ своей проповѣднической дѣятельности предпочтеніе слову живому, импровизованному предъ записаннымъ и читаемымъ по тетрадкѣ, поощряютъ къ тому же и лучшихъ священниковъ своихъ епархій. Архіепископъ же Харьковскій Амвросій, снискавшій себѣ громкую извѣстность талантливаго импровизатора, выражаетъ желаніе, чтобы импровизація развилась и процвѣла во всемъ нашемъ отечествѣ. „Чтобы понять все великое значеніе живого устнаго слова, собственно церковнаго,—говоритъ онъ,—надобно только вникнуть въ истинный смыслъ установленія въ Церкви Хри-

¹⁾ См. № 19 за 1901 г.

стовой пастырей и учителей, храмовъ и кафедръ церковныхъ. Какое человѣческое учрежденіе можетъ сравниться съ про-свѣтительнымъ вліяніемъ на народъ церковной проповѣди,—разумѣется, когда она понимается и ведется церковными учи-телями какъ должно? Въ нашемъ отечествѣ, напр., болѣе *тридцати тысячъ* церквей, какъ готовыхъ народныхъ учи-лицъ; еще болѣе того учителей, облеченныхъ авторитетомъ проповѣдниковъ Христовой истины и довѣріемъ народа; въ ихъ распоряженіи и дни и часы народныхъ собраній; они могутъ связать свое церковное слово со всякою бесѣдою лич-ною съ народомъ—и дома, и въ полѣ, и на пути; могутъ, по заповѣди апостола, *обличать, запрещать, увѣщавать во-время и не во-время* (2 Тим. 4, 2). И—страхни они съ себя этотъ мертвенный сонъ безучастія и безпечности, который овладѣлъ нынѣ большинствомъ ихъ; проникнись они тою жа-лостію къ народу, остающемуся безъ руководствѣ, какая ды-шитъ въ словахъ Христа Спасителя (Мѣ. 9, 36); пойми они всю силу и злокачественность современныхъ заблужденій; оставь устарѣлыя формы рѣчи, не удобныя для потребностей минуты; заговори они живымъ словомъ убѣжденія и любви; подкрѣпи свое слово примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей—что бы они могли сдѣлать для народа! Одно представленіе объ этомъ значеніи живого церковнаго слова, какое далъ ему Спаситель нашъ въ Своей Церкви, способно привести въ вос-торгъ ревнителя истины и блага человѣчества *).

59. *Практическія указанія начинающимъ импровизаторамъ.*

Проповѣдникамъ, выступающимъ на церковную кафедру въ качествѣ импровизаторовъ, вслѣдствіе недостаточной пока разработки вопроса о проповѣднической импровизаціи, можно дать не столько положительныя, сколько отрицательныя совѣты, т. е. не столько правила относительно того, какъ *должно*

*) „Живое слово“, стр. 27—28.

говорить импровизаціи, сколько указанія, какъ *устранять* могуція встрѣтиться импровизатору въ его проповѣднической дѣятельности препятствія, затрудненія и даже опасности.

Прежде всего, проповѣднику, еще не привыкшему къ свободному изустному слову и робѣющему, не должно выступать съ импровизаціями въ большѣхъ городскихъ храмахъ, при огромномъ стеченіи народа, особенно при торжественной обстановкѣ. Первые опыты импровизаціи лучше всего имѣть гдѣ-нибудь, такъ сказать, „въ уголкѣ“, именно предъ простымъ народомъ. И только навыкъ и время могутъ сообщить проповѣднику мужество и свободу говорить импровизаціей поученія не стѣсняясь, вездѣ и всегда.

Предъ выходомъ на церковную кафедру импровизаторъ, для правильности, ясности и послѣдовательности поученія, непременно долженъ предварительно намѣтить содержаніе его и обдумать въ общемъ главныя части. Даже вполне опытный импровизаторъ не долженъ самонадѣянно выходить на церковную кафедру, чтобы *сказать что-нибудь*, не имѣя точно опредѣленной идеи и не представляя ясно главныхъ частей своего поученія: ему всегда будетъ грозить въ такомъ случаѣ опасность запутаться, оборвать свое слово прежде времени и, такимъ образомъ, оставить въ умахъ слушателей одно лишь смутное впечатлѣніе и даже вызвать на ихъ устахъ улыбку сожалѣнія. Тѣмъ болѣе внимательное приготовленіе къ импровизаціи требуется отъ начинающаго проповѣдника. Но это приготовленіе должно носить совершенно иной характеръ и имѣть совершенно другіе приемы въ сравненіи съ тѣми, какими обыкновенно руководствуются писатели при составленіи литературныхъ произведеній. Оно должно, прежде всего, состоять именно въ выборѣ самаго предмета для живого слова. Въ виду того, что священникъ долженъ непрестанно поучаться въ Словѣ Божіемъ и твореніяхъ свв. отцовъ, всегда долженъ быть занятъ размышленіями объ истинахъ вѣры и нравственности и вмѣстѣ съ тѣмъ о различныхъ явленіяхъ человѣческой жизни, — словомъ, въ теченіе всего своего слу-

женія долженъ не только поддерживать пріобрѣтенныя въ школѣ познанія, но еще увеличивать, расширять и углублять ихъ (см. § 45), ему нѣтъ нужды *изобрѣтать* содержаніе для своего поученія, а достаточно лишь *обдумать*, или *сообразить* объемъ и содержаніе хорошо извѣстнаго предмета, едѣлавагося его прочнымъ достояніемъ и въ то же время не представляющаго особенныхъ трудностей для сообщенія слушателямъ. Такими предметами, являющимися не слишкомъ трудными для передачи, для первыхъ импровизацій могутъ служить преимущественно рассказы изъ св. исторіи и жизни св. угодниковъ Божіихъ и т. п. Послѣ же того, какъ священникъ освоится съ своимъ положеніемъ импровизатора и пріобрѣтетъ болѣе или менѣе достаточный навыкъ къ импровизаціямъ, онъ можетъ перейти къ изложенію и всякихъ другихъ предметовъ, вызываемыхъ жизнью и вытекающихъ изъ основнаго принципа церковной проповѣди. Выбравши предметъ, предъ произнесеніемъ поученія, — дома или уже въ церкви, — непременно должно составить планъ импровизаціи, безъ котораго послѣдняя не можетъ быть послѣдовательною и ясною; должно предварительно начертать въ своемъ умѣ схему предстоящаго слова. Эта схема есть такъ называемое въ школахъ „расположеніе“, въ которомъ импровизаторъ можетъ отмѣтить для себя двѣ или три существенныя черты избраннаго для проповѣди предмета, съ цѣлію раздѣльнаго и яснаго представленія о немъ, но безъ особеннаго дробленія на частныя мысли. Расположеніе, или схему импровизаторъ можетъ держать въ умѣ, но можетъ и записать на бумагѣ, въ самыхъ краткихъ словахъ. Составленіе подобныхъ замѣтокъ весьма полезно, такъ какъ мысли, при занесеніи ихъ на бумагу, яснѣе опредѣляются въ умѣ и точнѣе выражаются.

Но какъ бы тщательно проповѣдникъ ни обдумалъ содержаніе своего поученія, онъ, передъ самымъ выходомъ на кафедру, непременно долженъ имѣть въ готовности *первое слово*, съ котораго поученіе должно быть начато. Выходя на церковную кафедру безъ яснаго представленія самыхъ *первыхъ*

словъ, проповѣдникъ будетъ, такъ сказать, подавленъ предметомъ своей рѣчи, потому что все содержаніе поученія представится ему разомъ, мысли столкнутся въ его головѣ, и онъ не скоро сообразитъ, съ чего начать. Если онъ потомъ и оправится, то все же будетъ чувствовать себя въ непріятномъ положеніи, которое отниметъ у него бодрое и спокойное настроеніе духа. Нужно также замѣтить, что проповѣднику, во время произношенія импровизованнаго поученія, не слѣдуетъ слишкомъ смущаться въ томъ случаѣ, когда у него неровно и негладко выйдетъ какая-нибудь фраза. Нѣтъ нужды повторять снова мысль, если она сказана не тѣми словами, въ какихъ проповѣдникъ предполагалъ выразить ее, когда приготовлялъ въ умѣ свою проповѣдь *).

Въ послѣднія минуты предъ выходомъ на кафедру, импровизаторъ, естественно, бываетъ озабоченъ сохраненіемъ въ памяти приготовленнаго имъ поученія. Но вотъ, предъ самымъ началомъ проповѣди, нерѣдко оказывается вдругъ, что онъ не можетъ ясно и послѣдовательно представить себѣ всѣ главныя мысли своего слова; для него ясны лишь только первыя изъ нихъ, а остальныхъ почти даже не представляетъ себѣ. Непривычнаго и неопытнаго импровизатора это можетъ привести въ сильное смущеніе и безпокойство. Но на самомъ дѣлѣ указанное душевное состояніе не слишкомъ опасно, и потому не должно особенно озабочивать проповѣдника: стоитъ только высказать первыя мысли, и за ними сами собой припомнятся и воспроизведутся и остальные.

Во время произнесенія поученія съ импровизаторомъ иной разъ можетъ случиться внезапная потеря нити мыслей и какъ бы исчезновеніе изъ сознанія самаго предмета поученія. Во избѣжаніе въ такихъ случаяхъ смущенія и замѣшательства, проповѣдникъ можетъ руководиться слѣдующимъ приѣмомъ опытныхъ импровизаторовъ: ухватиться за первую

*) *Поповъ Е.*, прот.: „Изустныя проповѣди“ („Рук. для с. п.“, 1871 г., № 25).

изъ тѣхъ мыслей, которыя представляются болѣе или менѣе соотвѣтствующими случаю (его уже, разумѣется, нельзя никакъ забыть), и раскрывать эту мысль, не заботясь о томъ, она ли слѣдуетъ по плану, или нѣтъ: чрезъ нѣсколько минутъ или даже секундъ въ сознаниі импровизатора со всею ясностію обыкновенно возникаетъ представленіе объ утраченномъ содержаніи поученія. Остановка, которая обыкновенно слѣдуетъ за потерей нити мысли, тѣмъ болѣе не должна особенно смущать импровизатора, что она не составляетъ существеннаго недостатка рѣчи, напротивъ—сильнѣе возбуждаетъ вниманіе слушателей, заставляя ихъ ждать, чѣмъ это замедленіе разрѣшится.

При произнесеніи импровизованнаго слова, проповѣдникъ всего болѣе долженъ заботиться о пріобрѣтеніи на каедрѣ спокойствія и самообладанія. Въ минуты импровизаціи онъ обыкновенно горитъ, какъ въ огнѣ: кровь его кипитъ, сердце усиленно бьется въ груди, нервы напряжены, и весь онъ—въ глубокомъ волненіи; притомъ, чѣмъ болѣе проповѣдникъ обладаетъ способностями къ импровизаціи, тѣмъ скорѣе поддается онъ этому возбужденному состоянію, выражающемуся въ нервной суетливости, торопливости. Съ цѣлію освободиться отъ такой торопливости, импровизаторъ можетъ пользоваться съ успѣхомъ слѣдующимъ пріемомъ. Начиная проповѣдь, онъ долженъ стараться говорить какъ можно рѣже, медленнѣе, намѣренно пріостанавливаясь, какъ бы разминаясь и расправляя члены. Это намѣренное замедленіе рѣчи, при всемъ внутреннемъ побужденіи говорить торопливо и быстро, есть первый актъ подчиненія душевныхъ движеній волѣ, или начало самообладанія. Пріемъ этотъ можно одинаково рекомендовать какъ импровизаторамъ, говорящимъ быстро, такъ и импровизаторамъ, говорящимъ медленно. Сверхъ того, для проповѣдника въ началѣ слова весьма полезно выражаться въ формѣ вопросовъ, на мгновеніе пріостанавливаясь и взглядывая на слушателей, чтобы такимъ образомъ совершенно освоиться съ своимъ положеніемъ.

Соединенная съ особеннымъ напряженіемъ силъ и подъемомъ всей душевной жизнедѣятельности, всякая удачная импровизація доставляетъ импровизатору высокое наслажденіе, какъ торжество побѣды своего рода, вслѣдствіе чего этотъ способъ произнесенія поученій становится для искусившагося въ немъ любимымъ родомъ слова.

Что касается продолжительности, или размѣра каждой отдѣльной импровизаціи, то въ данномъ случаѣ нужно сказать то же самое, что и о размѣрѣ церковно-богослужебной проповѣди вообще. Хотя, по наблюденію и опыту извѣстныхъ импровизаторовъ, можно свободно, безъ утомленія говорить импровизаціей минутъ 15—20; но священникъ, предлагая насомымъ слово истины, долженъ обращать главное вниманіе не столько на свое душевное состояніе и даже не на количество имѣющагося въ его распоряженіи матеріала, сколько на состояніе слушателей и на степень напряженности ихъ вниманія. Во всякомъ случаѣ, и импровизованная проповѣдь къ простому сельскому народу не должна продолжаться болѣе 7 минутъ, а къ городскимъ слушателямъ—болѣе 10 минутъ.

Предлагая слушателямъ свое сильное слово, импровизаторъ долженъ пользоваться и чужимъ примѣромъ, слушая опытныхъ импровизаторовъ и учаъ у нихъ самообладанію, спокойствію, плавности и послѣдовательности рѣчи и т. д. Но, такъ относясь къ опытнымъ и извѣстнымъ импровизаторамъ, священникъ все-таки долженъ остерегаться слѣпо перенимать ихъ *личные* приемы и особенности. Приемы каждаго проповѣдника обуславливаются его личными дарованіями и природными качествами. Подражая рабски, импровизаторъ можетъ усвоить себѣ приемы, совершенно не соответствующіе его собственнымъ дарованіямъ и способностямъ и потому—неестественные;—а неестественность—самая непривлекательная черта во всемъ.

Вообще же, относительно приученія себя къ импровизаціямъ нужно сказать, что онѣ съ успѣхомъ даются только тѣмъ, кто болѣе или менѣе часто упражняется въ нихъ.

Постепенность, опытъ, навѣкъ—вотъ главное средство пріученія себя къ импровизаціямъ *).

60. *Проповѣди, произносимыя наизусть; способы ихъ усвоенія.*

Священники, не надѣленные даромъ импровизаціи, въ цѣляхъ стать въ болѣе близкія отношенія къ слушателямъ, должны произносить поученія не иначе, какъ предварительно выучивши ихъ наизусть, такъ какъ безъ твердаго знанія проповѣди на память невозможно хорошее произношеніе и свободное дѣйствованіе на церковной каѳедрѣ **).

Изъ главнѣйшихъ средствъ, облегчающихъ тяжелую и скучную работу заучиванія собственныхъ поученій наизусть, опытные гомилеты указываютъ слѣдующія: 1) необходимо твердо увѣрить себя въ важности и значеніи заучиванія поученій наизусть и совершенно избѣгать мысли, будто проповѣдникъ можетъ являться предъ своими слушателями, не заучивши своего поученія; 2) надобно постепенно развивать и укрѣплять свою память чрезъ постоянное, начиная съ дѣтскаго возраста, заучиваніе стихотвореній, литературныхъ отрывковъ и т. д.; благодаря этимъ упражненіямъ, память изодрится и заучиваніе наизусть обратится въ привычное дѣло; 3) необходимо, чтобы поученіе было составлено болѣе или менѣе безукоризненно: гдѣтъ ничего хуже, какъ заучивать то, что не правится намъ же самимъ; 4) надобно приступить къ заучиванію поученія вскорѣ послѣ его составленія: составляя поученіе и излагая его на бумагѣ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ и заучиваемъ его, такъ что повтореніе входящихъ въ составъ поученія мыслей при нарочитомъ заучиваніи, когда онѣ бывають еще свѣжи и живы въ нашемъ сознаніи, не составляетъ большого труда ***). (Продолженіе будетъ).

*) Весь этотъ параграфъ составленъ преимущественно на основаніи брошюры архіепа. Харьк. *Амерсія*: „Живое слово“, стр. 85 - 104.

**) *Чепикъ М.*: „Опытъ полного курса Гомилетики“, стр. 83.

***) *Амфиатровъ Я.*: „Чтенія о церковной словесности“, 2 ч., стр. 221—222.

ЗАМѢТКА.

Судьба Ковчега Завета. Одинъ изъ нашихъ подписчиковъ обратился въ редакцію съ просьбою дать отвѣтъ на страницахъ журнала на слѣдующій вопросъ: сохранились ли Кивотъ Завета и двѣ скрижали съ десятию заповѣдями, данныя Моисею отъ Бога? Если сохранились, то гдѣ въ настоящее время находятся? Сообщаемъ по этому вопросу слѣдующія свѣдѣнія. Ковчегъ Завета, хранившійся въ Святомъ Святыхъ, сдѣланъ былъ по образцу, показанному Моисею на горѣ Синаѣ. Это былъ сундукъ или ящикъ изъ дерева ситтимъ длиною въ 2¹/₂, а шириною и высотой въ 1¹/₂ локтя. Внутри и снаружи былъ обложенъ чистымъ золотомъ, а вверху украшенъ золотымъ вѣнцомъ (витымъ). На двухъ противоположныхъ стѣнкахъ въ него были вдѣланы золотыя кольца, въ которыя были вложены шесты для несенія. Сверху онъ покрывался золотою крышкою, называвшеюся очистилищемъ (евр. кашпоретъ, *ἰλαστήριον*); къ крышкѣ прикрѣплены были два херувима съ распростертыми вверхъ крыльями, обращенные лицами другъ къ другу. Здѣсь, среди двухъ херувимовъ, Господь открывался Моисею и говорилъ съ нимъ о всемъ, что ни заповѣдывалъ черезъ него израильтянамъ (Исх. 25, 10—22). Здѣсь же первосвященникъ въ день Очищенія кропилъ жертвенною кровью для очищенія грѣховъ народа (Лев. 16, 14 и д.). По повелѣнью Божію въ Ковчегъ З. были положены двѣ каменные скрижали съ вырѣзанными на нихъ 10 заповѣдями (Исх. 25, 16; 32, 16), внослѣдствіи къ нимъ присоединены прозябшій жезлъ Аарона и стамна златая съ манной (Евр. 9, 4). Будучи образомъ присутствія Божія (1 Цар. 4, 7), Ковчегъ З. составлялъ величайшую святыню народа израильскаго, который во время войнъ съ язычниками часто переносилъ его въ свое войско. На него, на этотъ образъ Божій, никто безъ опасности для своей жизни не могъ взирать, тѣмъ менѣе—касаться его (Чис. 4, 20; 1 Цар. 6, 9;

2 Цар. 6, 6). Поэтому для перенесенія его съ мѣста на мѣсто опредѣлены были левиты изъ дома Кааѳа (Чис. 7, 9) и во время несенія онъ былъ покрываемъ (Чис. 4, 20). Какъ символъ ветхозавѣтной теократіи, Ковчегъ З. существовалъ до разрушенія храма Соломонова. Въ продолженіе періода Судей онъ находился вмѣстѣ со скиніей въ Веонлѣ (Суд. 20, 26). Во времена Самуила мы видимъ его въ Силомѣ (1 Цар. 1, 3. 9; 3, 3). Отсюда онъ былъ взятъ на войну съ Филистимлянами, которые плѣнили его, но черезъ 7 м. возвратили, послѣ чего онъ нѣкоторое время былъ въ Веосамисѣ затѣмъ въ Кириаѳаримѣ, въ домѣ Аминадава (1 Цар. 7, 1). Давидъ перенесъ его въ Іерусалимъ, въ новую скинію, построенную на Сіонѣ (2 Цар. гл. 6). И отсюда онъ иногда былъ выносимъ, напр. во время воинскихъ походовъ (2 Цар. 11, 11 см. 2 Цар. 15, 24. 25) При Соломонѣ К. З. торжественно перенесенъ былъ въ храмъ на г. Моріа. Переносился ли когда послѣ этого К. З., какъ прежде, во время войны—достоверно неизвѣстно, хотя повидимому переносился (см. Ис. 49 и 68). Впослѣдствіи при нечестивыхъ царяхъ Манассія или Амонѣ онъ былъ удаленъ изъ храма (Іер. 3, 16), Іосія же приказалъ вновь поставить его во Святое Святыхъ (2 Цар. 35, 3). При разрушеніи и сожженіи храма Халдеями К. З. вѣроятно сгорѣлъ. По крайней мѣрѣ въ храмѣ Зоровавеля Святое Святыхъ, по свидѣтельству Іосифа Флавія (О войнѣ іуд. 5, 5), было совершенно пусто, а позднѣйшій талмудическій трактатъ Іома говоритъ, что здѣсь вмѣсто Моисеева К. З. былъ поставленъ черный камень, на который первосвященникъ въ день очищенія полагалъ кадильницу съ куреніями. По сказанію неканонической 2 кн. Маккавейской (2, 4 и д.) пр. Іеремія скрылъ К. З. со скиніей и алтаремъ кадильнымъ въ нѣкоей пещерѣ на горѣ Фасги и послѣ, при возстановленіи царства іудейскаго, онъ открытъ былъ тамъ. Но это сказано неправдоподобно. Пр. Іеремія вовсе не говоритъ о К. З., а о мессіанскихъ временахъ и о новозавѣтномъ царствѣ Божіемъ онъ имѣлъ такое высокое представленіе, что К. З. не могъ

имѣть мѣста въ этомъ царствѣ (3, 16 и д. 31, 31 и д.). Кроме того, К. З. для послѣднѣйшихъ іудеевъ, потерявшихъ свою политическую самостоятельность, уже не могъ имѣть прежняго значенія. Кажется, можно думать такъ, что послѣднѣйшие іудеи эту святыню, какъ и первосвященнической «уримъ и шумимъ», представляли себѣ столь возвышенной и божественной, что, безъ особаго повелѣнія Божія, не осмѣлились сдѣлать копию древняго Моисеева К. З. для новаго храма. По одному позднѣйшему іудейскому сказанію, Моисеевъ К. З. былъ вознесенъ на небо, гдѣ и будетъ храниться до пришествія Мессіи (ср. Апок. 11, 19). *Н. Гр.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем. Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 8 мая 1901 г

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *Г. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Ш. Т. Корчакъ-Шовицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсяць
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 21.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, мая 20-го.

Содержаніе: Уроки Богослуженія праздника Пятидесятницы.—Англійскій проповѣдникъ Мудей.—Каникулярная поѣздка въ Св. Землю (продолженіе).—Замѣтка.

Уроки Богослуженія праздника Пятидесятницы.

Въ праздникъ Пятидесятницы св. Церковь прославляетъ сошествіе Св. Духа на апостоловъ. Богослуженіе праздника подробно излагаетъ и самое событіе, со всѣми его подробностями, и раскрываетъ свойства и дѣйствія Св. Духа на вѣрующихъ. Въ третій часъ дня, надъ Сіонскою горницею, въ которой собраны были ученики Христовы, „бысть шумъ, яко же носиму дыханію бурну, и исполни домъ, идѣ же баху сѣдяще: и вси начаша глаголати странными ученіи, странными повелѣніи Святыя Троицы“¹⁾. „Преславная днесь“,—воспѣваетъ св. Церковь,—совершилось предъ лицомъ всѣхъ народовъ „во градѣ Давидовѣ, егда Духъ сниде Святыи во

¹⁾ Стихиры хвалитвы.

огненныхъ языцѣхъ“ на учениковъ Христовыхъ. Это были первыя, видимыя для всѣхъ проявленія чудеснаго изліянія даровъ Св. Духа на апостоловъ, привлекшія къ нимъ вниманіе множества народа, пришедшаго въ Іерусалимъ на праздникъ ветхозавѣтной Пятидесятницы. Сила Божія здѣсь же открылась въ могущественной проповѣди ап. Петра, сразу обратившей къ воскресшему Іисусу Христу 3,000 человекъ. Нынѣ облакаются крѣпостію „Христовою съ высоты апостоли: обновляетъ бо ихъ Утѣшитель, нынѣ Духъ Святыи лвилъ неученыхъ краснорѣчивыми, рыбаей—побѣждающими мудрецовъ словомъ и изводящими изъ глубокаго мрака „безчисленные народы“. Малочисленное общество учениковъ Христовыхъ тогда же возвысилось въ глазахъ народа, а чудесный даръ языковъ, полученный апостолами, послужилъ могущественнымъ пособіемъ къ быстрому распространенію Церкви. Говоря различными языками, апостолы подавали чрезъ это людямъ свидѣтельство силы Божіей и вмѣстѣ представляли собою вселенскую Церковь, предназначенную существовать въ различныхъ племенахъ земли. Теперь сама Церковь, разсѣянная въ разныхъ концахъ міра, прославляетъ имя Христово различными нарѣчіями и въ этомъ опять показываетъ признакъ могущественной силы Духа Божія, покорившей вселенную и, по непреложному обѣтованію, всегда пребывающей въ Церкви Христовой.

Священныя пѣснопѣнія праздника подробно затѣмъ раскрываютъ свойства и дѣйствія Св. Духа: „Духъ Святыи есть Животъ и животворяи, Свѣтъ и свѣта Податель, Имъ же Отецъ познавается и Сынъ прославляется и отъ всѣхъ познавается“ ¹⁾. „Вся подаетъ Духъ Святыи, точить пророчества, священники совершаетъ, пекнижныя премудрости научи, рыбаи богословцы показа, весь собираетъ соборъ церковный“ ²⁾. Имъ (Духомъ Святымъ) „всяка душа живится и

¹⁾ Стихирь хвалитны.

²⁾ Стихирь на Господи воззвахъ.

чистотою возвышается, свѣтлѣется Тройческимъ единствомъ священнотайнѣ¹⁾).

Съ явленіемъ Св. Духа торжественно открылось людямъ таинство Св. Троицы, а потому св. Церковь въ своихъ цѣсноцѣніяхъ и молитвословіяхъ этого дня чествуетъ и прославляетъ всѣ три Лица Святыя Троицы и призываетъ насъ Трипостасному Божеству „поклонитися“, „Сыну во Отцѣ со Св. Духомъ..., едина сила, едино существо, едино Божество: Ему же поклоняющесе вси глаголемъ... Троице Святая, слава Тебѣ“²⁾). Прославляя Сіонское событіе и показывая плоды его, Церковь возвышаетъ наши умы и сердца къ познанію Божескихъ свойствъ и дѣйствій Самого Утѣшителя—Духа Божія: „Духъ Святый всегда былъ, есть и будетъ“; „чрезъ Него познается Отецъ и прославляется Сынъ, и Самъ Онъ Ими одними знаемъ“; „Онъ—Духъ премудрости, разума“; „Онъ—Богъ и боготворить“; „Онъ раздѣляетъ дарованія, вѣнчаетъ пророковъ, апостоловъ и мучениковъ“. вмѣстѣ съ тѣмъ торжественное Богослуженіе настоящаго дня содержитъ въ себѣ и благодарственное прославленіе Господа нашего Иисуса Христа: „Иже въ сей послѣдній и великій спасительный день Пятидесятницы праздника тайну Святыя и Единосущныя, и Соприсносущныя и Нераздѣлимыя и Несліянныя Троицы“ показалъ намъ; а чтобы прославленія наши не оставались безплодными, св. Церковь наставляетъ возноситься къ Самому Духу Утѣшителю съ молитвою: „Царю Небесный“..., да придетъ и вселится въ насъ и спасетъ души наши.

Праздникъ Св. Троицы начинается всеобщимъ бдѣніемъ, на которомъ положены ветхозавѣтныя чтенія, указывающія на празднуемое событіе. Въ первой пареміи изъ кн. Числъ Церковь предлагаетъ повѣствованіе о ниспосланіи Духа Божія на 70 старѣйшинъ, избранныхъ помощниками Моисею въ управленіи народомъ Божиимъ; во второй—произносится

¹⁾ Степени, 1-й антифоць.

²⁾ Стихиры хвалитны.

то самое пророчество, которое св. ап. Петръ привелъ народу въ объясненіе тайны великаго событія Пятидесятницы, т. е. обѣтованіе, данное чрезъ прор. Іоиля объ изліянніи Св. Духа на всякую плоть (Іоил. 2, 23—32); наконецъ, въ третьей пареміи приводится пророчество о духовномъ очищеніи сыновъ Новаго Завѣта водою и духомъ (Іез. 36, 24—28). Въ апостольскомъ чтеніи повѣствуется о сошествіи Св. Духа на апостоловъ (Дѣян. 2, 1—11), а Евангеліе (Іоан. 7, 37—53) напоминаетъ обѣтованіе Спасителя о ниспосланіи даровъ Св. Духа всѣмъ вѣрующимъ во имя Его: „вѣруй въ Мя, яко же рече Писаніе: рѣки истекуть отъ чрева его воды живы. Сіе же рече, замѣчаетъ апостоль, о Дусѣ, Его же хотяху приимати вѣрующіи“

Отличительную особенность Богослуженія Пятидесятницы составляетъ вечерня, совершаемая тотчасъ послѣ литургіи. Въ составъ этой вечерни входятъ дополнительныя прошенія въ великой эктениі „о предстоящихъ людѣхъ, и ожидающихъ благодати Св. Духа“ и особенныя молитвы, которыя предстоятель читаетъ, стоя на колѣнахъ въ царскихъ дверяхъ и обратившись лицомъ къ преклонившему колѣна народу. Въ первой молитвѣ¹⁾ мы исповѣдуемъ грѣхи свои предъ Богомъ, испрашиваемъ прощенія и благодатной помощи, молимъ, чтобы Господь приставилъ къ намъ ангела хранителя, всѣхъ собралъ въ Царство Свое и разрушилъ козни вражіи противъ насъ. Во второй молитвѣ обращаемся къ Сыну Божію, ниспославшему „днесь Св. Духа на священныя Своя ученики и апостолы“, просимъ Его послать и намъ Св. Духа, чтобы, просвѣтившись Его благодатію, проводить святую жизнь и не лишиться участія въ будущемъ блаженствѣ праведниковъ. Въ третьей молитвѣ мы просимъ Спасителя „все смотрѣніе за спасеніе человѣческое прекраснѣ исполнившаго“, чтобы Онъ услышалъ насъ смиренныхъ, успокоилъ души рабовъ, прежде

¹⁾ Всѣ три молитвы, совершаемыя въ день Св. Троицы, приняты Церковію отъ св. Василія Великаго.

усопшихъ, на мѣстѣ злачнѣ, на мѣстѣ прохлажденія..., „насъ же сущихъ здѣ“ благословилъ и милостію посѣтилъ. Такимъ образомъ, въ вечернихъ молитвахъ Пятидесятницы объяты всѣ духовныя потребности вѣрующихъ, не забыты нужды и переселившихся отъ насъ, усопшихъ въ вѣрѣ отцевъ и братій нашихъ; призваны въ помощь и ходатайство о насъ и прославленные члены торжествующей на небѣ Церкви. Въ день, когда на міръ, искупленный страданіями Сына Божія, излилось обиліе благодати Св. Духа, Церковь внушаетъ намъ чувства смиренія и покаянія, чтобы напомнить намъ о нашемъ недостойствѣ и безотвѣтности предъ судомъ Правды Божіей и чтобы мы, только въ надеждѣ на Испытателя, дерзали молить милосердіе Божіе о помилованіи.

Нашъ праздникъ Пятидесятницы совершеннѣйшимъ образомъ сосредоточиваетъ въ себѣ и воспоминанія еврейской Пятидесятницы. „Св. Пятидесятницу пріяхомъ отъ еврейскихъ книгъ, говоритъ синаксаръ праздника; яко же бо они Пятидесятницу празднуютъ, почитающе седьмое число и зане по Пасцѣ пятьдесятъ днѣй прешедше, законъ пріяша: тако и мы по Пасцѣ 50-тъ днѣй празднующе Всесвятаго Духа пріемлемъ, законополагающаго и наставляющаго на всякую истину, и угодная Богу повелѣвающаго“. Тамъ данъ былъ народу законъ, на скрижаляхъ писанный, а здѣсь Тотъ же Іегова явилъ Свой Завѣтъ людямъ, далъ законы „въ мысли и въ сердца ихъ“ (2 Кор. 6, 16),—законы „не письмени убивающаго, а духа животворящаго“ (Рим. 7, 6). „Иже древле, поетъ Церковь, законъ начертавый Моисею, Новаго Завѣта величія и Законъ благодати излагаетъ ясно, въ апостольскихъ сердцахъ написавъ“¹⁾. По примѣру ветхозавѣтной Церкви и у насъ въ день Пятидесятницы храмы и дома вѣрующихъ украшаются деревьями, травою и цвѣтами. Евреи дѣлали это, вспоминая гору Синай, которая была покрыта зеленью, и приносили въ этотъ день начатки жатвы. Такъ, вѣроятно,

¹⁾ Канонъ Св. Духу, пѣснь 5-я.

убрана была и Сионская горница, въ которой апостолы приняли Св. Духа. На этотъ обычай могла имѣть вліяніе и мысль о явленіи Бога въ видѣ трехъ странниковъ Аврааму у дуба Мамврійскаго, гдѣ стояла куца патріарха. Сошествіемъ Св. Духа открылось въ особенно ясномъ свѣтѣ таинство Св. Троицы, и мысль древнихъ христіанъ не могла не остановиться на первомъ открытіи этого таинства Аврааму при дубравѣ Мамврійской. Обычай украшать дома зеленью долженъ, такимъ образомъ, служить для вѣрующихъ побужденіемъ къ тому, чтобы каждый христіанскій домъ походилъ на куцу Авраамову, гдѣ каждый нуждающійся могъ бы найти себѣ пріютъ и защиту, и на горницу Сионскую, гдѣ царствовали бы миръ и единодушіе, братская любовь и согласіе, и на Синай, гдѣ глава и члены семьи чаще становились бы для молитвеннаго собесѣдованія съ Отцемъ небеснымъ.

Пятьдесятъ дней, т. е. весь промежутокъ времени отъ праздника Пасхи до Пятидесятницы, Церковь посвящаетъ торжественному радованію о воскресеніи Спасителя, находитъ даже несоотвѣтственными съ этими днями и потому воспрещаетъ колѣнопреклоненія, напоминающія о паденіи человѣка. Въ древней Церкви Христовой послѣднему дню придавалъ особенную торжественность обычай совершать въ этотъ день крещеніе надъ оглашенными, въ воспоминаніе котораго и доселѣ на литургіи предъ чтеніемъ Апостола, вмѣсто „Святый Боже“..., поются слова апостола: „Елицы во Христа крестистеся, во Христа облечестеся: аллилуіа“.

Раскрывая въ Богослуженіи Пятидесятницы величественные и спасительные плоды ниспосланія Св. Духа на землю, Церковь тѣмъ самымъ побуждаетъ насъ благодарить Сына Божія, умолившаго Отца Своего послать на землю Духа Святаго и благодарить Освятителя, сошедшаго на апостоловъ, а черезъ нихъ и на всѣхъ вѣрующихъ. Безъ просвѣщенія Духа Святаго мы не имѣли бы яснаго познанія и о дѣйствіяхъ на землѣ Самого Сына Божія; Имъ оспована Церковь, черезъ Него мы имѣемъ и слово Божіе, потому что Духъ Святый

глаголахъ въ пророкахъ и апостолахъ. Желая, чтобы воспоминаніе празднуемаго событія было исполнѣ благотворно и спасительно для христіанъ, Церковь своими иѣсноиѣніями, молитвами и священнодѣйствіями возбуждаетъ въ насъ благочестивыя мысли, чувствованія и желанія, располагаетъ и содѣйствуетъ къ полученію духовныхъ дарованій, необходимыхъ для нашего спасенія, и, наконецъ, всеѣмъ этимъ внушаетъ заботиться о томъ, чтобы торжественному празднованію настоящаго священнаго дня не противорѣчила жизнь грѣховная. Возгрѣвая въ себѣ пламенное желаніе сподобиться небесной благодати Всесвятаго Духа, каждый изъ насъ, согласно призыву св. Церкви, долженъ умиленно и съ благоговѣйнымъ дерзновеніемъ звать: „спаси, Утѣшителю, вѣрно поющихъ боголѣнное пришествіе Твое, и очисти отъ всякія скверны, яко благоутробенъ, и покажи достойны Твоего осіянія, и свѣтомъ Твоимъ боговидѣйшимъ сотвори я нескверненна зерцала“¹⁾.

Англійскій проповѣдникъ Мудей.

Въ прошломъ году умеръ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ и вліятельныхъ англійскихъ проповѣдниковъ — Мудей. Имя Мудея, какъ великаго оратора, властно подчинявшаго вліянію своего слова людей самаго разнообразнаго состоянія и умственнаго развитія, было чрезвычайно популярно во всей Англійи и привлекало къ нему тысячи слушателей.

Личность Мудея и его проповѣдываніе такъ своеобразны, интересны и въ то же время просты, и проливаютъ такой свѣтъ на условія дѣйственности всякаго вообще проповѣдническаго слова, что мы находимъ полезнымъ познакомиться съ ними и нашихъ читателей.

Въ чемъ заключается тайна вліянія Мудея? Что сообщаетъ его личности и проповѣдямъ такую силу и привлекаетъ

¹⁾ Канонъ на повечеріи въ недѣлю Пятидесятницы.

къ нему слухъ и сердца людей? Быть можетъ ученость и ораторское искусство? Нисколько, ибо онъ, напротивъ, былъ человѣкомъ не большой учености, а слово его запечатлѣно было характеромъ удивительной простоты и свободно было отъ всякой искусственности, развиваемой школьной выучкой и упражненіями. Сила Мудея заключалась въ чисто нравственныхъ свойствахъ его личности, въ его глубокой внутренней убѣжденности и искренности, а также въ полной готовности служить только дѣлу истины и спасенія, соединенной съ забвеніемъ о самомъ себѣ.

Одинъ англійскій журналъ даетъ такую характеристику Мудея, какъ проповѣдника ¹⁾.

„Великій проповѣдникъ ушелъ недавно изъ нашей среды. Если величіе проповѣдника должно быть измѣряемо его могуществомъ привлекать толпу и заставлять ее слушать то, что онъ имѣетъ ей возвѣститъ, то правдивый историкъ долженъ будетъ предоставить въ этомъ отношеніи Мудею первое мѣсто. Безъ всякаго сомнѣнія, слово этого простого и почти необразованнаго человѣка достигало слуха такого громаднаго числа людей, какъ ни одного изъ болѣе одаренныхъ ораторовъ древнихъ и новыхъ временъ. Среди равнодушія и невѣрія, которыя надъ всѣмъ вокругъ насъ господствуютъ, для насъ, христіанъ, есть, конечно, нѣчто ободряющее въ томъ фактѣ, что человѣкъ, который въ XIX вѣкѣ могъ овладѣть вниманіемъ общества больше, чѣмъ кто-либо другой, не былъ ни великимъ государственнымъ мужемъ, ни социальнымъ реформаторомъ, ни ораторомъ обществъ трезвости, но простымъ, честнымъ и убѣжденнымъ проповѣдникомъ евангелія.

Для меня представляется неоспоримымъ, что этотъ человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться понятнымъ гораздо большому числу своихъ современниковъ, какъ никогда никакой другой проповѣдникъ. Кто за девятнадцать вѣковъ христіанской эры

¹⁾ Заимствуемъ въ сокращеніи изъ „L'ami du clergé“ № 14, 1901.

непрестанно въ продолженіе четверти вѣка, день за днемъ. каждый вечеръ обращался къ разнообразной аудиторіи отъ пяти до пятнадцати тысячъ человекъ и послѣ полудня—къ измѣняющемуся составу слушателей отъ 2000 до 5000? Кто другой могъ имѣть для слушанія своихъ проповѣдей каждый годъ, въ продолженіе 26 лѣтъ, отъ двухъ до трехъ милліоновъ слушателей, а всѣхъ вообще слушателей—не меньше, чѣмъ все народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ, какъ оно опредѣлилось по послѣдней переписи?

Но объ истинномъ величій проповѣдника нужно судить по чему-либо болѣе существенному, чѣмъ внѣшній успѣхъ, состоящій въ привлеченіи толпы. Объектомъ всякой проповѣди служить достиженіе дѣйствительныхъ духовныхъ результатовъ. Просто популярный проповѣдникъ, который привлекаетъ толпу своими ораторскими качествами, но который, привлекиши ее такимъ образомъ, отпускаетъ ее такою же, какою она пришла, не заслуживаетъ имени великаго проповѣдника. Конечно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ фактами, находящимися внѣ человѣческой статистики. Но принимая даже эту самую высокую и истинную мѣру, трудно устранить тотъ выводъ, что этотъ проповѣдникъ долженъ быть поставленъ въ первомъ ряду. Когда подумаешь о сотняхъ лицъ, которыя, подъ вліяніемъ его проповѣдей, еженедѣльно приходили къ нему за помощью и совѣтомъ для своей души, когда обратишь вниманіе на длинные списки именъ, обыкновенно многихъ тысячъ, которые (списки) онъ имѣлъ обыкновеніе оставлять послѣ себя во всѣхъ посѣщаемыхъ имъ мѣстахъ съ тою цѣлью, чтобы всѣ, съ кѣмъ онъ бесѣдовалъ, на будущее время могли получать всякую возможную помощь отъ своихъ собственныхъ пастырей; когда поразмыслишь о числѣ христіанъ, усердныхъ ко всякому доброму дѣлу, которые во всѣхъ пунктахъ страны смотрѣли на одно изъ его посѣщеній, какъ на толчекъ въ своей жизни, то не будешь удивляться тому, что мы спрашиваемъ сами себя, былъ ли когда-либо ловець душъ, который достигъ бы такого же успѣха, какъ Мудей?

Если теперь мы судимъ о величїи проповѣдника по его силѣ овладѣвать вниманіемъ своихъ слушателей и напечатлѣвать въ ихъ умахъ и сердцахъ свои мысли, то этотъ чловѣкъ простаго и дружескаго слова навѣрно очень мало имѣтъ соперниковъ. Одною изъ трогательныхъ чертъ, которую представляли эти удивительныя собранія, подобныхъ которымъ мало можно найти въ наше время, было зрѣлище съ высоты платформы этого моря поднятыхъ головъ, видимо выражающихъ въ глазахъ, устремленныхъ на оратора, вниманіе и удовольствіе, которое получалось отъ его сравненій, и ясно обозначающихъ своими улыбками остроумныя или юмористическія мѣста этихъ бесѣдъ, часто даже отвѣчающихъ слезами на его патетическія движенія. Навѣрно немного проповѣдниковъ сумѣло бы сохранить въ этомъ случаѣ такое полное согласіе между ораторомъ и слушателями, изъ чего всѣ должны понять, что въ общественномъ словѣ по большей части нужно искать силы. Мы могли бы найти и другое доказательство величїя Мудея, какъ оратора, въ его чудесной способности достигать ума всѣхъ своихъ слушателей безъ различїя ихъ общественнаго положенія и степени умственнаго развитія. Припоминаю, какъ одинъ изъ моихъ друзей, деревенскій кюре ¹⁾, много лѣтъ тому назадъ просилъ у меня сочувствія къ себѣ. „Представьте, говорилъ онъ, трудность моего положенія, какъ проповѣдника. Вотъ возсѣдаетъ на своей широкой скамейкѣ господинъ, который нѣкогда былъ однимъ изъ первыхъ спорщиковъ въ Кембриджскомъ университетѣ; прямо противъ него—другой господинъ, одинъ изъ первыхъ членовъ Оксфордскаго университета, а затѣмъ еще одно лицо—также умъ перваго порядка; всѣ остальные были крестьяне“. Я не могу не вѣрить, что на его мѣстѣ Мудей разрѣшилъ бы вопросъ, судя по тому, что онъ дѣйствительно дѣлалъ. Не смотря на недостатокъ образованія и крайнюю простоту своего стили, онъ такъ же привлекалъ богатыхъ,

¹⁾ Приходской священникъ.

какъ и бѣдныхъ. Онъ волновалъ всю западную часть Лондона, какъ никто никогда не трогалъ ее прежде и какъ она никогда уже не волновалась. Сцена, происходившая въ 1875 г. въ Геймаркетѣ,—одна изъ тѣхъ, которыя заслуживаютъ описанія. Мѣсто буквально осаждалось экипажами аристократіи и плутократіи страны. Борьба за полученіе доступа въ западной части Лондона была еще болѣе ужасна, чѣмъ въ восточной. Нерѣдко можно было видѣть въ аудиторіи великаго проповѣдника самыхъ замѣчательныхъ личностей эпохи. Такіе напр. люди, какъ Гладстонъ, Керри (Cairns) и Станлей подвергались его вліянію и не скрывали этого. И тѣмъ не менѣе я думаю, что изъ его устъ не исходило ни одно слово, которое не могъ бы понять самый простой изъ его слушателей. Ни одинъ изъ самыхъ простыхъ людей не уходилъ отъ него подъ впечатлѣніемъ, что онъ проповѣдывалъ „для знатныхъ“, а не „для подобныхъ намъ“.

Что въ его проповѣди, привлекавшей людей всякаго званія и положенія, было нѣчто единственное, это само собой понятно. Но гораздо труднѣе показать то, что дѣлало ее столь исключительною. Много разъ спрашивали меня о томъ, не знаю ли я тайны этой удивительной силы и этихъ поразительныхъ успѣховъ Мудея, какъ проповѣдника. Я всегда сознавалъ, что ни одинъ отвѣтъ, какой я могъ дать, не будетъ половъ и способенъ выразить всю истину по этому предмету. Несомнѣнно, то, что придавало его проповѣдямъ такой успѣхъ, не было единичной характеристической чертой, но рѣдкой комбинаціей такихъ чертъ. Мнѣ, дѣйствительно, кажется, что нужно хорошо изучить тѣ черты, относительно которыхъ я теперь пишу.

Невозможно подражать Мудею; нисколько и не желательно, чтобы старались дѣлать это. Тѣмъ не менѣе, навѣрно мы можемъ что-нибудь приобрѣсти изъ разсмотрѣнія особенностей его служенія, которыя болѣе всего способствовали его успѣху; гораздо болѣе,—можетъ статься, что изучая его, мы придемъ къ болѣе или менѣе полезнымъ измѣненіямъ въ сво-

ей собственной манерѣ дѣятельности. Чтобы уяснить эту возможность, я не могу не привести здѣсь рассказъ, переданный мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ однимъ очень почтеннымъ Веслейенскимъ проповѣдникомъ. Онъ мнѣ сказалъ, что главнымъ стремленіемъ одного изъ ихнихъ пастырей, въ первые годы его служенія, было потрясаніе Мудею Пимсону. Всѣмъ намъ извѣстно, что Пимсонъ былъ гениальнымъ человекомъ и что онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду ораторовъ своего времени. Въ его стилѣ было нѣчто свѣжее, свойственное только ему... Чтобы идти по его стопамъ, добрый Веслейенскій пастырь цѣлкомъ писалъ свои проповѣди, отдѣлявалъ періоды, обдумывалъ и взвѣшивалъ свои мысли и, когда такимъ образомъ тщательно приготавливалъ свои произведенія, усердно заучивалъ ихъ на память. Но это не имѣло успѣха. Онъ чувствовалъ себя больше въ положеніи школьника, повторяющаго, и при томъ дурно, свой урокъ, чѣмъ въ положеніи посланника Христова, бесѣдующаго съ людьми. Не смотря на все его искусство и усилія, его служеніе клонилось къ тягостной неудачѣ. Онъ даже не могъ наполнить слушателями свою церковь; духовные же результаты были ничтожны. Въ 1884 году Мудей прибылъ въ этотъ край и нашъ несчастный пастырь счелъ своимъ долгомъ увидѣть и услышать этого проповѣдника, видимые успѣхи котораго были такимъ контрастомъ съ его собственной неудачей. И вотъ онъ идетъ послушать его. По возвращеніи жена его попытствовалась узнать, какого онъ мнѣнія о великомъ проповѣдникѣ. „Проповѣдникъ!“ воскликнулъ онъ. „Но онъ вовсе не проповѣдуетъ! Онъ стоитъ на возвышеніи и разговариваетъ съ народомъ, какъ я могъ бы бесѣдовать съ тобой. Его слушатели сидѣли тамъ и слушали его, вполнѣ сознавая, что онъ не скажетъ имъ ни одного слова, которое не касалось бы всего добраго“.

„Я тебѣ скажу, дорогая, что отнынѣ мнѣ уже нечего состязаться съ Мудеемъ Пимсономъ. Я стану, съ Божьей помощью, бесѣдовать съ народомъ отъ полноты моего сердца.“

какъ дѣлать Мудей, и не вижу, почему Богъ не благословить меня, какъ Онъ благословилъ его“.

Результатъ получился удивительный. Съ слѣдующаго воскресенья онъ началъ въ церкви свое дѣло. Шестъ лѣтъ спустя т. е. въ то время, какъ мнѣ рассказали эту исторію, этотъ Веслейенскій священнослужитель организовалъ, по его словамъ, среди народа 15 новыхъ Веслейенскихъ центровъ, въ родѣ приходоу...“

Далѣе авторъ приводимаго здѣсь очерка о проповѣдничествѣ Мудея разъясняетъ, что онъ былъ глубоко убѣжденъ въ тѣхъ истинахъ, которыя проповѣдывалъ, и что это убѣжденіе, когда онъ говорилъ, проглядывало во всей его личности. Его убѣжденность и искренность замѣтны были всѣмъ его слушателямъ. Онъ говорилъ „обо всемъ добромъ“. Безъ фразъ онъ прямо шелъ къ цѣли. Свое убѣжденіе онъ старался внушить другимъ. Слушая его, совершенно не думаешь о немъ самомъ и обращаешь вниманіе только на то, о чемъ онъ говорилъ.

„Онъ производилъ на своихъ слушателей впечатлѣніе, что онъ имѣлъ исполнить особую миссію, и онъ исполнялъ ее такимъ образомъ, что совершенно забывали о томъ, на кого она была возложена. Онъ не размахивалъ своимъ плащомъ; онъ прямо ударялъ по шляпкѣ гвоздя и вбивалъ его въ умъ своихъ слушателей съ силою грубаго работника.

Слушая его, особенно поражаешься тѣмъ, что онъ говорилъ о житейскихъ дѣлахъ. Онъ появлялся на кафедрѣ не для того, чтобы излагать теорію или испробовать свое краснорѣчіе; отъ начала до конца онъ представлялся какъ бы адвокатомъ, которому нужно выиграть процессъ.

Непосредственно послѣ его манеры идти прямо къ цѣли, я поставлю то, что было его внѣшней и видимой характеристикой особенностью, т. е. безусловную естественность его выправки и дѣйствій. Онъ проповѣдывалъ точно такъ же, какъ и разговаривалъ, за исключеніемъ того, что говорилъ громче. У него не было никакого декламаторскаго тона,

никакой приподнятой интонации. Находился ли онъ на ка-
едрѣ или въ другомъ мѣстѣ, онъ всегда былъ самимъ со-
бою; ибо я сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ быть аффектирован-
нымъ даже тогда, когда бы старался быть такимъ... Онъ
мало дѣйствовалъ, но когда допускалъ дѣйствія, то казался
совершенно непринужденнымъ и такъ же естественнымъ, какъ
и все, что въ немъ замѣчалось. Нѣкоторые изъ нашихъ чита-
телей быть можетъ подумаютъ, что эта привычка быть есте-
ственнымъ мало имѣетъ значенія; но мое собственное наблю-
деніе приводитъ меня къ совершенно противоположному за-
ключенію. Увы, сколько знаю я проповѣдниковъ, служеніе
которыхъ не было плодотворнымъ только потому, что ему
не доставало естественности и что оно было аффектировано!

Другое ораторское качество Мудея—его удивительная
способность къ сравненіямъ, развившаяся въ немъ отъ при-
вычки наблюдать и собирать картины. При всей своей ори-
гинальности онъ не пренебрегалъ пользоваться, вполне за-
конно, тѣми матеріалами, которые доставляли ему другіе.
Онъ очень вѣрилъ въ силу сравненій (уподобленій) и, по
моему убѣжденію, онъ былъ въ этомъ правъ. Въ то время,
когда онъ готовъ былъ приступить къ своей замѣчательной
миссіи среди лондонской аристократіи, однажды, сидя вмѣстѣ
съ нимъ въ саду, я рѣшился сказать ему: „Мудей, какое
дѣйствіе могутъ производить ваши рассказы на утонченныхъ
и высокообразованныхъ людей?“ Мгновеніе онъ хранилъ мол-
чаніе, а затѣмъ отвѣтилъ съ обычной своей опредѣленностью:
„рассказы—я не знаю, но хорошо замѣтьте, что сравненія
всегда будутъ имѣть успѣхъ у всѣхъ классовъ общества отъ
принца до крестьянина“. Опытъ показалъ, что онъ былъ
правъ въ отношеніи къ сравненіямъ и что я ошибался, вы-
ражая сомнѣнія относительно рассказовъ. Эти исторіи Мудея
были такъ же, какъ и онъ самъ, чѣмъ то единственнымъ. Его
умѣнье рассказать исторію и воспользоваться ею для своего
предмета посредствомъ своей манеры рассказывать ее, никогда
не было превзойдено и весьма рѣдко встрѣчалось“.

Авторъ затѣмъ указываетъ еще два качества Мудея, которыя рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ и которыя въ немъ удивительно согласовались: умъ и трогательность. Онъ обладалъ въ высокой степени тѣмъ, что англичане называютъ „юморомъ“. Но не для забавы своихъ слушателей онъ употреблялъ его и не для того, чтобы вызвать удивленіе своимъ причудамъ; онъ пользовался имъ, и притомъ съ крайней разборчивостью, только для того, чтобы на мгновеніе дать отдохнуть своимъ слушателямъ, освѣжить ихъ умъ въ интересахъ того дѣла, которое онъ велъ. „Я не помню, чтобы эти черты его ума когда-либо произвели, даже въ малѣйшей степени, ноту несогласную съ моими внутренними чувствованіями или чтобы они способны были отвлечь его слушателей отъ главной цѣли бесѣды или даже ослабить впечатлѣніе, уже произведенное на нихъ. Другіе, также первостепенные проповѣдники, по моему мнѣнію, впадали въ эту ошибку и заставляли пожалѣть о томъ, что эта черта ихъ ума тотчасъ разсѣвала духовное впечатлѣніе; но Мудей всегда былъ слишкомъ практиченъ, чтобы допустить эту ошибку. Онъ, кажется, никогда не забывалъ о томъ, что онъ разсуждаетъ о дѣлѣ, именно о дѣлахъ вѣчности.

Если иногда онъ вызывалъ улыбку, то онъ умѣлъ также, какъ не многіе, трогать сердце и исторгать слезы изъ глазъ. Его чрезвычайно чувствительная природа дѣлала его способнымъ чувствовать все то, что было трогательнаго въ его разсказахъ, и каждый разъ, какъ онъ разсказывалъ ихъ, даже тогда, когда онъ уже много разъ передавалъ ихъ. Въ то же самое время онъ въ необычайной степени былъ одаренъ силою какого-то магнетическаго вліянія, благодаря которому онъ передавалъ свои чувствованія слушателямъ. Мнѣ всегда казалось, что онъ прибѣгалъ къ чувству всякій разъ, какъ имѣлъ въ немъ нужду. Однако я не думаю, чтобы онъ могъ быть названъ, даже недоброжелательными критиками, чувствительнымъ проповѣдникомъ въ дурномъ смыслѣ. Когда сознаніе возбуждено и пониманіе ясно, тогда обращеніе къ

чувству часто бываетъ дѣйствительнымъ пособіемъ въ виду необходимости усялія, чтобы сдѣлать опредѣленный шагъ, который могъ бы быть достигнутъ противными вліяніями. Возбужденное въ душѣ чувство есть какъ бы приливъ, выводящій корабль изъ порта; но нужно, чтобы носъ корабля прежде былъ поставленъ въ томъ направленіи, какое надлежитъ ему имѣть. Мудей никогда не поставлялъ чистаго чувства на мѣсто убѣжденія“.

Таковы характеристическія особенности проповѣдничества Мудея, по отзыву лица, непосредственно знавшаго его.

Примѣръ Мудея поучителенъ и можетъ имѣть значеніе для всякой вообще проповѣди. Исключивъ изъ представленной характеристики Мудея, какъ проповѣдника, то, что имѣетъ чисто-національное значеніе и приложеніе и соответствуетъ духу англійскаго народа, какъ напр. привнесеніе въ проповѣдь практически-житейскихъ вопросовъ, допущеніе даже юмористическаго элемента, мы получимъ полезныя для всякаго служителя Евангельской истины указанія относительно того, какъ вести дѣло благовѣствованія и что сообщаетъ ему силу и дѣйственность. Сила внутренняго убѣжденія въ проповѣдуемой истинѣ и тѣсно связанная съ ней простота и удобопонятность слова, горячее стремленіе служить исключительно дѣлу спасенія человѣка въ связи съ забвеніемъ о самомъ себѣ—вотъ что существенно нужно для проповѣдника, вотъ что привлекаетъ къ нему души людей, жаждущихъ свѣта истины и желающихъ услышать „глаголы живота вѣчнаго“! (Іоан. 6, 68).

В. II—скій.

Баникулярная поѣздка въ Св. Землю ¹⁾.

Изъ монастыря пр. Герасима мы отправились далѣе къ Мертвому морю. Мѣстность дѣлалась все больше волнообразною. Недалеко отъ монастыря мы увидѣли развалины какого-то

¹⁾ См. № 16 за 1901 г.

строения, но я, при всемъ своемъ желаніи, не могъ зайти посмотрѣть на него въ виду нежеланія моихъ спутниковъ останавливаться здѣсь. Растительности вблизи почти не было. Если и встрѣчались кустарники, то какіе-то странные, въ видѣ терновника, при томъ покрыты соленоватою корою. Видно было, что здѣсь зимою бываетъ очень вязко. Мы долго, часа 3½, ѣхали по этой непривѣтливой дорогѣ. Влѣво мы увидѣли зеленую ленту праваго берега Іордана. Наконецъ и зелень Іорданская скрылась, и мы увидѣли предъ собой *Мертвое море*, какъ зеркало въ оправѣ, окруженное справа Іудейскими, а слѣва Аравійскими горами. Видъ береговъ его совершенно пустынный: не замѣтно никакихъ слѣдовъ жизни, — ни дерева, ни кустика, ни травинки. На самомъ берегу, куда мы подѣхали, стояли столбы и строила какой-то бывшей здѣсь недавно легонькой постройки. Вода Мертваго моря прозрачна. По берегу всадѣ лежала въ видѣ бѣлой бахромы пѣна, — невольно мнѣ припомнились слова ап. Іуды о безбожныхъ и безстыдныхъ грѣшникахъ: „волны свирѣпша моря воспѣняюще своя стыденія“ (ст. 13) Весь берегъ усыянъ камешками, среди которыхъ попадаются цѣлые куски асфальта, встрѣчаются небольшія рыбки, попавшія въ море изъ Іордана и нашедшія здѣсь себѣ смерть; нѣсколько подальше лежатъ тоже въ видѣ рамки (только менѣе правильной), вдоль всего берега кучи болѣе тяжелыхъ предметовъ, попавшихъ въ море тоже изъ Іордана, напр. куски дерева, камышъ и проч. Все это выброшено во время весенняго половодья и свирѣпствующихъ по временамъ бурь (когда вода въ морѣ подымается на 4—6 м. выше обычнаго уровня). Мы рѣшили здѣсь покушаться. Но удовольствія отъ этого не получили никакого. Камешки, усыявшіе берегъ моря, все покрыты слизистымъ веществомъ моря, въ составъ котораго входятъ соль, асфальтъ, какія-то масла. Не было достаточно сухого мѣста, гдѣ бы можно положить свою одежду. При входѣ въ море еще ничего не чувствовалось, кромѣ жидкости, мало освѣжающей. Но вотъ я погрузился съ головой и почувствовалъ сильную

рѣзь въ глазахъ отъ воды, такъ что поспѣшилъ вынырнуть и сталъ вытирать глаза: впродѣ же при нырнаніи я крѣпко сжималъ вѣки. Немного отойдя отъ берега, гдѣ поглубже, я никакъ не могъ достать дна, такъ какъ меня что-то будто не пускало погрузиться. При плаваніи я удерживался свободно и безъ всякихъ усилій на поверхности моря, хотя подвигаться не могъ съ такою быстротою, какъ въ рѣкѣ или открытомъ морѣ. Ощущалось такое состояніе, будто какаѣ-то сила выталкиваетъ тебя изъ глубины моря. Я подвернулъ подъ себя ноги и принявши вертикальное положеніе, держался совершенно свободно на поверхности моря, заботясь лишь объ удержаніи баланса тѣла на поверхности воды. Вообще можно сказать, что при самыхъ незначительныхъ усиліяхъ человѣка, онъ можетъ здѣсь плавать и не утонуть. Все это происходитъ отъ густоты раствора воды, представляющаго собой нѣчто въ родѣ сирона. Когда мы вышли изъ моря, то оказались въ затруднительномъ положеніи. Хотѣлось бы смыть съ себя прилипшую жидкость, но прѣсной воды не было, а вытереть себя достаточно простыней нельзя было. У насъ оказалось лишь полбутылки взятой въ запасъ изъ Іерихона прѣсной воды для питья, и мы ею, какъ могли, вымыли свои лица, чтобы по крайней мѣрѣ спасти себя отъ неприятной рѣзи въ глазахъ. Мы поспѣшили къ экипажу съ понятнымъ желаніемъ поскорѣе пріѣхать къ Іордану и выкупаться въ его струяхъ.

Всю дорогу къ Іордану я чувствовалъ себя неловко отъ разѣдающей кожу соли и липкой массы. Черезъ $\frac{3}{4}$ часа мы наконецъ поѣхали кустарниками, растущими по теченію Іордана, а еще минутъ черезъ 10 очутились на *берегу Іордана*. Здѣсь обыкновенно купаются богомольцы и бываетъ освященіе воды въ празд. Богоявленія, передъ Пасхой и въ др. случаяхъ, когда собирается много богомольцевъ. Мѣсто же крещенія Господа Іисуса Христа, а равно, перехода Израильтянъ черезъ Іорданъ, а также перехода пр. Іліи, Елисея и Маріи Египетской находится выше по теченію Іордана, про-

тивъ монастыря св. Іоанна Предтечи. По ту сторону нѣсколько влѣво виднѣлся крутой и высокій аравійскій берегъ, а прямо передъ нами былъ, очевидно, островъ, густо заросшій лѣсомъ. Самый Іорданъ не широкъ, саженой 6—7 въ ширину. Вода на видъ мутная. Берега и дно вязкіе и грязные. Деревья склоняются надъ самою водою и даютъ возможность купающимся удерживаться вблизи берега. Мы выбрали мѣсто для купанья нѣсколько въ сторонѣ отъ нашего экипажа, въ лѣсо-сочкѣ, подъ навѣсомъ деревъ. Сперва мы (я и студ. Ив—цкій) процѣли тропарь: „Во Іорданѣ крещаящуся Тебѣ, Господи“... Затѣмъ раздѣлись и начали купаться. Вслѣдствіе вязкости берега мы должны были сразу отплыть на средину рѣки. Мнѣ не разъ приходилось слышать объ опасныхъ водоворотахъ и быстротѣ теченія Іордана. Мы легко переплыли на другую сторону и готовы были уже выйти на берегъ. Вдругъ мой товарищъ чего то испугался и закричалъ: „змѣя, змѣя“... Мы невольно поворотили назадъ. Дѣйствительно ли вблизи насъ была змѣя, или что нибудь другое, я не знаю. Вода въ Іорданѣ хорошая, не лишенная прохлады и на вкусъ пріятная. Мутный цвѣтъ ея зависитъ, мнѣ кажется, отъ известковаго раствора, приобрѣтаемаго вслѣдствіе подмыванія Іорданомъ лѣваго аравійскаго берега. Выкупавшись вдоволь, мы стали выходить на берегъ. Но здѣсь встрѣтилось серьезное затрудненіе: какъ бы выйти изъ воды такъ, чтобы на ногахъ не было грязи? Это оказалось не возможнымъ. Пришлось потомъ наклонить одно дерево къ водѣ и съ него вымыть наши ноги. Кое-какъ одѣвшись, мы все-таки были очень довольны тѣмъ, что смыли съ себя осадокъ Мертваго моря. Кругомъ стояла густая чаща лѣса. Здѣсь могутъ жить не только стада дикихъ кабановъ (и водятся), но и другія животныя, хищныя и не хищныя. Львовъ нѣтъ, о тиграхъ и барсахъ не слышно, также не слышно и о волкахъ, но могутъ быть шакалы, рыси и др. Здѣсь же ищутъ себѣ убѣжища и люди,—Іорданскіе отшельники и даже, говорятъ, бѣглые преступники. — „Здравствуйте“, вдругъ раздался сзади

насъ голосъ. Мы быстро обернулись назадъ. Передъ нами стоялъ мущина среднихъ лѣтъ, высокаго роста, съ палкой въ рукахъ, въ монашескомъ колпакѣ и старенькомъ подрясникѣ, брюнеть съ длинными волосами, небольшою бородой, смуглымъ и тощимъ лицомъ.— „Ну, что покунались, покунались“, сказалъ онъ. „Отъ грѣховъ думали очиститься?... Это все пустое, пустое. Это только внѣшнее омытіе. А грѣхи все-таки при васъ, при васъ... Нѣтъ, нужно покаяться, сердце исправить, грѣхи оставить. Тогда и омоетесь совѣсть, совѣсть... А въ этомъ кунаньѣ что пользы?... Вотъ послушайте, продолжалъ онъ, что я вамъ скажу,—это самая есть истина. Скоро будетъ конецъ свѣта. Вотъ уже антихристъ въ мірѣ. Вы не вѣрите? Будеть, будетъ, скоро будетъ. У людей одно, а у Бога другое... Или теперь не видите, что дѣлается на свѣтѣ? Покайтесь, покайтесь. Господь зоветъ“. Мы съ любопытствомъ разсматривали незнакомца. Остановившись на минуту, онъ снова заговорилъ съ одушевленіемъ: „Поститесь ли вы?.. Такъ вотъ что я вамъ еще скажу: не ѣшьте и рыбы въ пятницу. Не ѣшьте, вотъ вамъ заповѣдь крѣпкая“... Мы стали спрашивать его о здѣшнихъ деревьяхъ, о царствѣ животномъ, о рыбахъ Іорданскихъ, и онъ обо всемъ отвѣчалъ на наши вопросы спокойно, просто и разсудительно. Спросили его еще: откуда онъ и какъ его зовутъ?—„Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ, оставьте. Зачѣмъ имя? Что для Бога въ этомъ? и зачѣмъ намъ знать, кто откуда. Всѣ, всѣ изъ земли и подъ Богомъ ходимъ“¹⁾). Замѣтивъ мое желаніе вырѣзать себѣ на память камышевую палку, онъ предложилъ свои услуги. Отойдя нѣсколько шаговъ выше по теченію Іордана, онъ указалъ на

¹⁾ Въ послѣдствіи я разсказалъ объ этой встрѣчѣ въ русской миссіи въ Іерусалимѣ гостиничному о. Никитѣ.—„А... да это, по всей вѣроятности, былъ о. Викторъ, замѣтилъ гостиничный. Онъ изъ Россіи (изъ г. Мариуполя), простой человекъ. Живеть тамъ отшельникомъ. Онъ часто бываетъ у насъ. Даже вещи свои оставилъ въ Миссіи“... Вѣрна ли эта догадка, или ошибочна, рѣшать не берусь.

одно мѣстечко подѣ развѣсистымъ деревомъ; вѣтви сверху были, замѣтно, наклонены и связаны между собою. Здѣсь лежалъ маленькій узелокъ. „Вотъ мое жилище“, сказалъ онъ. „Мы такъ, какъ птицы. Живемъ, гдѣ остановимся“... Подлѣ были слѣды свѣжаго маленькаго костра.—„Что это? Должно быть, что нибудь варили?“ спросилъ я.—„Да, сказалъ онъ. Что Богъ послалъ“... У незнакомца откуда то вдругъ явилась ручная пилочка, и онъ сталъ срѣзывать мнѣ палку. Пройдя еще шаговъ 10 впередъ къ повороту Іордана (выше нашего купанья), я поспѣшилъ къ своимъ компаньонамъ, которые нетерпѣливо ждали меня ѣхать дальше. Незнакомцу я далъ милостыню, и онъ принялъ ее съ благодарностью, а палку я взялъ себѣ на память.

Выѣхавъ изъ чащи, мы направились вдоль Іордана къ сѣверу. Черезъ $\frac{3}{4}$ часа мы пріѣхали къ *монастырю св. Іоанна Предтечи*. Насъ встрѣтили здѣсь привѣтливо. Мы зашли въ церковь, помолились и стали пріобрѣтать здѣсь иконки и камешки изъ Іордана съ живописнымъ на нихъ изображеніемъ Божоявленія. Въ слѣдъ затѣмъ мы зашли въ небольшой, но весьма приличный архондарикъ. Видно было, что мои спутники здѣсь думаютъ основательно подкрѣпить себя пищею и питьемъ. Я рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы побыть на мѣстѣ крещенія І. Христа, указываемомъ преданіемъ. Дѣ Іордана было пути въ экипажѣ всего 10 мин. Затѣмъ 10 мин. пришлось бы употребить на переправу въ лодкѣ на ту сторону, къ *церкви и монастырю Св. Троицы*. Здѣсь-то, говорятъ, проповѣдывалъ нѣкогда Іоаннъ Предтеча и здѣсь крестился отъ него Господь Іисусъ Христосъ. Во времена Константина Вел. здѣсь сооружена была великолѣпная церковь, украшенная мозаикой, а отъ нея по мраморнымъ ступенямъ шла лѣстница къ Іордану, къ тому самому мѣсту, гдѣ Христосъ крестился... Къ сожалѣнію, одинъ изъ моихъ спутниковъ, орловскій лѣсоторговецъ Д. Н. Раз—скій рѣши- тельно возсталъ противъ моей поѣздки, говоря, что мы опоздаемъ дальше... Напрасно мы говорили, что на эту поѣздку

потребуется никакъ не больше 50 мин. или 1 часа. Между прочимъ онъ принялъ на себя роль критика древне-историческихъ преданій, утверждая, что никто не знаетъ и никогда не зналъ, гдѣ Христосъ крестился, что мало ль что тамъ говорить и пишуть... Чего вамъ еще, дескать, нужно? Вотъ покупались въ Иорданѣ и довольно. Я упомянулъ было о древнихъ паломникахъ и общемъ христіанскомъ преданіи, о сооруженіяхъ на этомъ мѣстѣ имп. Константина Вел., но не убѣдилъ этимъ своего спутника. Пришлось, конечно, пожалѣть что попалъ въ стѣснительную компанію съ такимъ лицомъ. Я вышелъ во дворъ монастырскій и все время (часа 1^{1/2}), пока продолжался чай и завтракъ монаховъ спутниковъ, сидѣлъ съ биноклемъ, всматриваясь въ ту сторону рѣки, гдѣ на берегу виднѣлись развалины знаменательнаго мѣста. Глубокая жалость наполняла мое сердце. Нужно было однако мириться съ обстоятельствами. Вышедшій ко мнѣ въ это время монахъ сталъ выражать мнѣ свое сочувствіе и, между прочимъ, сообщилъ, что по ту сторону Иордана находится храмъ св. Троицы,—ветхій, съ прекрасной мозаикой, колоннами и древними цистернами. Мѣсто это есть *Евангелискій Виваваръ*. Здѣсь крестился Господь Иисусъ Христосъ, также переходили рѣку Израильтяне, Илія и Елисей, и Марія Египетская. Тамъ же находится будто бы пещера, гдѣ жилъ Іоаннъ Креститель, и мѣсто, гдѣ преп. Марія Египетская пріобщалась. Храмъ св. Троицы принадлежитъ нынѣ правосл. бедуинамъ. Купленъ онъ года 3—4 тому назадъ у турецкаго правительства за 300 золотыхъ. Живутъ тамъ 2—3 араба, послушника. Еще игуменъ русскій Даніилъ писалъ объ этомъ мѣстѣ. До послѣдняго времени оно было покрыто мусоромъ. Теперь оно расчищено. Въ храмѣ открыты древнія изображенія пр. Маріи Египетской, св. Іоанна Крестителя и др. Къ мѣсту крещенія Спасителя шла мраморная лѣстница внизъ къ Иордану. Масса разбитаго мрамора валяется вокругъ ¹⁾).

¹⁾ Передаю такъ, какъ сообщалъ мой собесѣдникъ ннокъ мюн. св. Іоанна Предтечи.

Собесѣдникъ мой принесъ и далъ мнѣ частички мозаики и мрамора, взятыя изъ сихъ завѣтныхъ развалинъ. Спустя часа полтора слишкомъ мы, наконецъ, отправились дальше...

(Продолженіе будетъ).

II. Петрушевскій.

ЗАМѢТКА.

Почему съ мольбою объ исцѣленіи отъ зубной болѣзни обращаются къ св. священномученику Антипѣ? Въ „Мѣсяцесловѣ святыхъ, всюю русскою церковію или мѣстно чтимыхъ“... Еп. Дмитрія (вып. III, стр. 124—126, Тамбовъ 1880 г.) о св. священномученикѣ Антипѣ, память котораго совершается 11-го апрѣля, читаемъ слѣдующую замѣтку. „Народъ почитаетъ его цѣлителемъ разныхъ человѣческихъ болѣзней и въ особенности утѣшителемъ зубной боли. Въ древнихъ нашихъ мѣсяцесловахъ къ имени св. Антипы прибавляется обыкновенно замѣчаніе: „иже благодать имать отъ Бога цѣлити болѣзнь зубную“... Въ памятникахъ отреченной литературы встрѣчается такая молитва ему: „Радуйся стѣно и кореніе ея; изми Господи болѣзнь отъ моихъ челюстей и зубовъ моихъ, да не обрушится стѣною во вѣкъ, Христе Боже, и даждь помощь, Христе, и здравіе и исцѣленіе главѣ и челюстямъ рабу Твоему (имя рекъ) молитвами св. священномученика Антипы“ (Памятн. Отреч. Литер. Тихонова, II, 56). И доселѣ, заболить-ли кто головою, оглохнуть, ослѣпнуть, надобдасть-ли болѣзнь зубная, во всѣхъ этихъ случаяхъ благочестивые люди служатъ молебствія и сами молятся св. Антипѣ. Иногда въ случаяхъ зубной боли наши простолюдины прибѣгаютъ къ такого рода способу: берутъ мелкую монету и, подержавъ ее нѣсколько времени на больномъ зубѣ, пробиваютъ ее насквозь и вѣшаютъ на икону св. Антипы, въ надеждѣ, что онъ избавитъ ихъ отъ докучливой болѣзни. Основаніемъ для подобнаго вѣрованія относи-

тельно св. Антипы безспорно послужило то, что онъ, какъ при жизни, такъ и по смерти, прославился многими чудесными исцѣленіями разныхъ тѣлесныхъ недуговъ. Въ Четьи-Миней замѣчается, что св. Антипа источаль миро, исцѣляющее всякія болѣзни человѣческія. Въ Прологѣ повѣствуется, что когда этотъ угодникъ за исповѣданіе Христова имени былъ брошенъ въ разженнаго вола, то молился Богу о всѣхъ, поминающихъ его во всякихъ болѣзняхъ, и о неутѣшномъ зубной болѣзни безстрастно цѣлители испросилъ (Прологъ 11 апрѣля). Нельзя при этомъ не замѣтить, что въ одномъ изъ древнихъ южно-славянскихъ церковныхъ сборниковъ, Дечанскомъ, есть слѣдующая особая молитва св. Антипѣ отъ зубной боли: „Моленіе приношу тебѣ, помолися о мнѣ грѣшномъ ко Господу Богу объ отпущеніи грѣховъ моихъ, и неутѣшимыя зубныя болѣзни избави мя молитвами, святе, твоими“ (Дечанскій Сборникъ, 1857 г., стр. 160). Св. Антипа еще называется въ народѣ Водополомъ, такъ какъ около дня его памяти происходитъ разливъ весеннихъ водъ, и начинается полноводье“.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 11 мая 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 22.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, мая 27-го.

Содержаніе: Очерки православно-христіанскаго нравоученія (продолженіе).—Уроки Богослуженія недѣли „Всѣхъ Святыхъ“.—Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія (продолженіе).—Замѣтка.

Очерки православно-христіанскаго нравоученія ¹⁾.

Объ обязанностяхъ христіанина къ ближнимъ.

Въ основаніи нашихъ обязанностей къ ближнимъ лежитъ заповѣдь Спасителя: „возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“ (Мѡ. 22, 39). Любя себя самихъ, мы должны любить и своихъ ближнихъ. Подъ именемъ любви къ ближнимъ разумѣется такое расположеніе души, по которому христіанинъ искренно желаетъ имъ всякаго блага и дѣятельно старается

¹⁾ См. № 20 за 1901 г.

способствовать ихъ счастью и совершенству, для достиженія высшаго ихъ назначенія во времени и вѣчности. Истинная любовь христіанская имѣетъ такую силу и полноту благожеланія къ ближнимъ, что не щадитъ ничего, чѣмъ можно искупить благо ближняго своего, и внушаетъ человѣку жертвовать даже самую жизнь свою для этой цѣли, если только цѣною такой жертвы можно доставить пользу другому. „Нѣтъ больше той любви, учитъ Христосъ Спаситель, какъ если кто положить душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. 15, 13). Такая любовь обнимаетъ всѣхъ людей безъ исключенія; ибо въ каждомъ человѣкѣ видитъ своего ближняго (Лук. 10, 29 и дл.). Всеобъемлемость любви христіанской не препятствуетъ человѣку имѣть особенную и преимущественную любовь къ нѣкоторымъ лицамъ, къ которымъ онъ поставленъ въ ближайшемъ отношеніи по связи родства, дружбы, или по какимъ либо благодѣяніямъ. Имѣть особенную любовь къ нѣкоторымъ изъ ближнихъ нашихъ совершенно согласно съ чувствомъ и разумомъ нашей природы и съ волею Божіей. Ибо не иной кто, какъ самъ Богъ ставитъ насъ въ особое ближайшее отношеніе къ нѣкоторымъ изъ людей (Мѣ. 19, 6). Самъ Господь Іисусъ Христосъ показалъ примѣръ такой любви, и она встрѣчается въ ученіи апостольскомъ. Св. ап. Павелъ различаетъ любовь къ ближнимъ и любовь къ „братіямъ“, подъ которыми онъ разумѣетъ собственно сродныхъ по вѣрѣ (Рим. 8, 29; Евр. 3, 1; 13, 1). „Доколѣ есть время, говоритъ Апостоль, будемъ дѣлать добро всѣмъ, а наипаче своимъ по вѣрѣ“ (Гал. 6, 10). „Если же кто о своихъ, и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры, и хуже невѣрнаго“ (1 Тим. 5, 8). Преимущественною любовью къ нѣкоторымъ изъ ближнихъ нашихъ мы должны учиться любить и всѣхъ ближнихъ, по слову ап. Павла: „васъ Господь да исполнитъ и преисполнитъ любовію другъ къ другу и ко всѣмъ, какою мы исполнены къ вамъ“ (1 Фесс. 3, 12).

Миролубіе, учтивость, честность, правдивость и преступность лжи; готовность творить добро ближнему; перенесеніе обидъ; мщеніе, какъ порокъ; поединокъ.

Христіанская любовь къ ближнимъ проявляется въ слѣдующихъ главнѣйшихъ видахъ и дѣйствіяхъ:

1) Въ *миротубіи*, по которому христіанинъ, какъ самъ заботливо избѣгаетъ всѣхъ поводовъ къ раздорамъ и несогласіямъ, такъ и въ отношеніи къ враждующимъ употребляетъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы примирить ихъ и возстановить между ними взаимное согласіе. „Если возможно, съ вашей стороны, будьте въ мирѣ со всѣми людьми“, заповѣдуетъ намъ ап. Павелъ (Рим. 12, 18). „Блаженны миротворцы, ибо они будутъ наречены сынами Божиими“, говоритъ Самъ Господь (Мѣ. 5, 9). Истинные миротворцы пріобщаются, такъ сказать, подвигу Самого Единороднаго Сына Божія, Который, „разрушивъ стоявшую“ между людьми „преграду вражды“, чрезъ „примиреніе ихъ съ Богомъ, благовѣствовалъ миръ намъ, дальнимъ и ближнимъ“ (Ефес. 2, 14—17). Поэтому миротворцамъ и обѣщается по преимуществу наименованіе „сыновъ Божіихъ“.

2) Въ *учтивости*. Учтивость, какъ показываетъ самое слово, есть выраженіе *почтенія*, или вниманія ко всякому человѣку. Для того, чтобы учтивость имѣла достоинство добродѣтели, нужно, чтобы она не была только внѣшнею вѣжливостію, а происходила отъ искренней любви къ ближнему, которая „не ищетъ своего“ (1 Кор. 13, 5). Учтивость сближаетъ между собою людей, предотвращаетъ многія недоразумѣнія и привлекаетъ сердца даже грубыя. На эту именно черту христіанскаго обхожденія указываетъ ап. Павелъ, когда говоритъ: „будьте братолюбивы другъ ко другу съ нѣжностію; въ почтительности другъ друга предупреждайте“ (Рим. 12, 10). Учтивость выражается въ привѣтствіяхъ, поцѣлуяхъ и другихъ видахъ ласковаго обращенія. Посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь, Господь далъ имъ наставленіе: „въ

какой домъ войдете, сперва говорите: „миръ дому сему“ (Лук. 10, 5). И апостолы въ своихъ посланіяхъ очень часто посылали христіанамъ „лобзаніе любви“, или „цѣлованіе святое“ (1 Пет. 5, 14; Рим. 16, 16; 1 Кор. 16, 19 и др.).

3) Въ *честности* и *правдивости*, съ которою христіанинъ высказываетъ свои слова и выражаетъ знаки своего благожеланія къ другимъ и своей къ нимъ благорасположенности, или, наоборотъ, дѣлаетъ какія либо замѣчанія. Ап. Павелъ учитъ: „не оставайтесь должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви; ибо любящій другаго исполнилъ законъ“ (Рим. 13, 8). „Отвергнувъ ложь, заповѣдуетъ тотъ же апостоль, говорите истину каждый ближнему своему; потому что мы члены другъ другу“ (Еф. 4, 25), т. е. члены одного тѣла Христова, или Церкви. Однакожь долгъ правдивости имѣть и свои предѣлы. Говорить истину другимъ слѣдуетъ не иначе, какъ съ мудростію. Смотря по времени и обстоятельствамъ, для насъ обязательно бываетъ и то, чтобы мы были сдержаннѣе въ сообщеніи истины. Есть „время молчать, и время говорить“, пишетъ Премудрый (Екклес. 3, 7). „Еще многое имѣю сказать вамъ, говоритъ Иисусъ Христосъ апостоламъ, но вы теперь не можете вмѣстить“ (Іоан. 16, 12). Такъ Онъ предостерегаетъ и насъ: „не давайте святыни псамъ, и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями“ (Мѡ. 7, 6). Но *ложь* во всякомъ случаѣ *преступна*; потому что она не достойна христіанина, какъ призваннаго служить Вѣчной Истинѣ (Іоан. 1, 5), не согласна съ любовію и уваженіемъ къ ближнему и можетъ принести ему вредъ. Но хотя бы ложь и не соединилась съ злымъ намѣреніемъ повредить ближнему, она предосудительна, такъ какъ Самъ Господь, „въ устахъ Котораго не было лести“ (1 Пет. 2, 22), производитъ ее отъ діавола, „не устоявшаго въ истинѣ“, и лжецовъ называетъ сынами діавола—отца лжи (Іоан. 8, 44). Только тотъ „человѣкъ совершенный, кто не согрѣшаетъ въ словѣ“ (Іак. 3, 2). Вообще же, говоритъ Премудрый: „мер-

зость предъ Господомъ—уста лживыя, а говорящія истину благоугодны Ему“ (Прит. 12, 22).

4) Въ готовности творить добро ближнему. Это есть безкорыстное участіе въ положеніи другихъ, или сочувствіе къ другимъ, по которому христіанинъ искренно „радуется съ радующимися и плачетъ съ плачущими“ (Рим. 12, 15). Но эта готовность послужить ближнему должна быть дѣятельная, она должна, по внушенію ап. Іоанна, выражаться „не словомъ только, или языкомъ, но дѣломъ и истиною“ (1 Іоан. 3, 18). Прямое и полнѣйшее осуществленіе свое она находитъ въ христіанскомъ милосердіи, въ глубокомъ состраданіи къ человѣческой нуждѣ, и потомъ въ желаніи помочь ей. Главные виды милосердія указываются Самимъ Спасителемъ (при изображеніи Имъ страшнаго суда Своего надъ людьми) въ напitanіи алчущихъ и напоеніи жаждущихъ, принятіи странниковъ, одѣяніи нагихъ, посѣщеніи больныхъ и участіи въ судьбѣ заключенныхъ въ темницѣ (Мѡ. 25, 35—36). Христіанское милосердіе не должно довольствоваться только облегченіемъ матеріальныхъ нуждъ нашихъ ближнихъ и изысканіемъ средствъ къ предотвращенію этихъ нуждъ, но и обязано дѣятельно помогать имъ въ немощахъ духовныхъ. Милосердіе Господа къ нравственно недужнымъ было такъ велико, что навлекло даже на Него укоръ въ сообществѣ съ мытарями и грѣшниками, хотя, конечно, Онъ не хотѣлъ чрезъ это поблажать пороку, а только желалъ изъ состраданія къ порочнымъ ихъ обращенія (Мѡ. 9, 10—13; Лук. 19, 7—10). Но преслѣдовать такія широкія задачи христіанское милосердіе можетъ только при существованіи общественной благотворительности, которая настолько-же выше благотворительности частной, насколько цѣлое общество превосходитъ одно частное лице. Это однакожь не значитъ, чтобы одна благотворительность исключала другую, исполненіе одной изъ нихъ подавало поводъ къ отрицанію другой. Кто имѣетъ средства помочь цѣлому обществу, тотъ навѣрное въ состояніи оказать помощь нѣкоторымъ, особенно нуждающимся и прав-

ственно страждущимъ въ обществѣ. И христіанское милосердіе непремѣнно это сдѣлаетъ, хотя бы требующій этой помощи былъ врагъ и непріятный намъ человекъ (Мѡ. 5, 44. Ср. Рим. 12, 20). „Ибо, по словамъ ап. Іакова, не оказавшему милости“ предстоитъ „судъ безъ милости“ (Іак. 2, 13); а на такомъ судѣ не устоитъ ни одинъ праведникъ. Спасутся только помилованные“. Потому-то „блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ“ (Мѡ. 5, 7).

Наконецъ 5) въ *перенесеніи обидъ*, служащемъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ и отличительныхъ признаковъ христіанскаго духа въ человекѣ. Естественная или языческая мораль не признаетъ правила прощать обиды, и великодушное отношеніе къ обидчикамъ осуждаетъ, какъ слабость, недостойную будто бы человека. Однажды ап. Петръ спросилъ Господа: „сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? до семи ли разъ?“ Господь отвѣчалъ: „не говорю тебѣ: до семи, но до седмижды семидесяти разъ“ (Мѡ. 18, 21—22). Другими словами: сколько бы разъ не согрѣшилъ противъ насъ ближній, мы обязаны прощать ему, помни, что намъ прощается Богомъ безконечно больше грѣховъ, чѣмъ сколько мы прощаемъ ближнему (Мѡ. 18, 23—35). Сюда относится также изреченіе Спасителя: „вы слышали, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противиться злему. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую“ и т. д. (Мѡ. 5, 38—39). Однакожъ приведенными изреченіями слова Божія, внушающими намъ правило прощенія обидъ, не требуется отъ насъ, какъ думаютъ нѣкоторые (квакеры, Толстой), безусловная уступчивость ближнему, допустившему въ отношеніи къ намъ несправедливость. Это видно изъ примѣра Самого Господа Иисуса Христа. Какъ показываетъ исторія Его страданій, на допросѣ у первосвященника, когда одинъ изъ служителей послѣдняго ударилъ Его по щекѣ, Онъ не подставилъ ему другой щеки, а кротко замѣтилъ: „если Я сказалъ худо, покажи что худо: и если хорошо, что ты бьешь Меня?“ (Іоан.

18, 22. Ср. Дѣян. 22, 25). Значить, воля Господня вовсе не такова, чтобы нести намъ бремя ненужныхъ страданій; христіанинъ никогда не долженъ страдать, не ведя въ то же время борьбы, именно „не подвизаясь подвигомъ добрымъ“ (2 Тим. 4, 7), въ которомъ онъ „по любви“ своей къ ближнему, хотя и обидчику, „надѣется“ (1 Кор. 13, 7) „побѣдить зло добромъ“ (Рим. 12, 21). Зло должно быть побѣждаемо не путемъ строгаго возмездія, а собственной внутреннею силою добра¹⁾. Но мало этого. Господь, говоря о проступкахъ христіанина противъ христіанина, даетъ на подобные случаи даже положительную заповѣдь. „Если, говоритъ Онъ, согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ: если послушаетъ тебя; то приобрѣлъ ты брата твоего. Если же не послушаетъ; возьми съ собою еще одного, или двухъ, дабы устами двухъ, или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушаетъ ихъ; скажи церкви: а если и церкви не послушаетъ; то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“ (Мѡ. 18, 15—17). Здѣсь уже вмѣняется намъ въ обязанность употреблять и внѣшнія мѣры для вразумленія и обузданія обидчика. Можно даже гнѣваться на него; но и гнѣваясь, „не“ должно „согрѣшать“ (Еф. 4, 26); гнѣвъ не долженъ переходить въ недостойное христіанина чувство ненависти и вражды (1 Иоан. 3, 15). Въ своихъ обидчикахъ мы должны видѣть не враговъ, а только ослѣпленныхъ страстію братьевъ нашихъ, заслуживающихъ поэтому не одного взысканія, но и состраданія. Отсюда очевидна *порочность мести*. Мищеніе, въ смыслѣ праведнаго воздаянія за грѣхъ, принадлежитъ одному Богу. „Не мстите за себя, возлюбленные, говоритъ ап. Павелъ, но дайте мѣсто гнѣву Божию. Ибо написано: Мнѣ отмщеніе. Я воздамъ, говоритъ Господь“ (Рим. 12, 19. Ср. Втор. 32, 35). Поэтому, кто самъ рѣшается мстить ближнему за причиненную имъ обиду, тотъ восхищаетъ право,

¹⁾ Христ. ученіе о нравственности, Мартеусена, т. II, стр. 266—267.

принадлежащее Богу. Самовольное воздаяніе за обиду обидою, не только не достойно христіанина, но и производитъ, вмѣсто добра, зло, какъ это и было у язычниковъ, у которыхъ месть даже требовалась, какъ выполненіе долга.

Нѣкоторые при взаимныхъ распряхъ выходятъ на *поединокъ* или дуэль, надѣясь смыть нанесенную кѣмъ-либо обиду кровью, своею или своего противника. Какой смыслъ дуэли? До крайности странный и жалкій, и вмѣстѣ съ тѣмъ не нравственный и жестокій. Часто незначительная обида, неосторожное слово, сказанное въ горячности или просто по неразумію, считается достаточнымъ предлогомъ къ тому, чтобы рѣшиться на самоубійство и убійство. Человѣкъ, котораго назвали въ глаза безчестнымъ, или даже уличили въ безчестномъ поступкѣ, думаетъ, что честь его возстановится, когда онъ свою собственную грудь подставитъ (какъ выражаются) подъ пулю, или убьетъ своего противника. Но честь не возстановляется насиліемъ. Насиліемъ можно, пожалуй, заставить извѣстныхъ людей перестать публично говорить дурно о себѣ, т. е. можно достигнуть одного лишь внѣшняго возстановленія поруганной чести; но возстановить ее по существу дѣла, заставить оскорбителей хорошо думать о себѣ,—это, конечно, не можетъ сдѣлать никакое насиліе. Только нравственнымъ путемъ, именно дѣйствительно строгимъ соблюденіемъ своего внутренняго достоинства можно охранять свою честь и поддерживать уваженіе къ себѣ. Истинный христіанинъ скорѣе не обратитъ вниманіе на нанесенное ему оскорбленіе и проститъ, чѣмъ рѣшится на такое недостойное его средство для возстановленія чести, какъ дуэль. Не зная, какое высокое благородство духа заключается въ христіанскомъ прощеніи обидъ, дуэлистъ оставляетъ безъ вниманія слова ап. Павла: „не будь побѣжденъ зломъ, но побѣждай зло добромъ“ (Рим. 12, 21). Далѣе, на дуэли пострадавшимъ обыкновенно оказывается не тотъ, кто оскорбилъ, а кто меньше силенъ, ловокъ и проворенъ; и потому она стоитъ ниже даже убійства изъ за угла, такъ какъ при послѣднемъ стра-

даетъ, по крайней мѣрѣ, не оскорбленный, а именно оскорбитель. Думать же, какъ думали въ темныя времена такъ-называемыхъ „Божіихъ судовъ“, что на дуэли за оскорбленнаго вступается самъ Богъ, по меньшей мѣрѣ, нелѣпо; ибо благосклонное, такъ сказать, отношеніе Божества къ смертоубійству—конечному послѣдствію дуэлей—было бы не согласно съ христіанскимъ понятіемъ о Богѣ и Его отношеніяхъ къ человѣку ¹⁾).

(Продолженіе будетъ).

Свящ. Н. Стеллецкій.

Уроки Богослуженія недѣли „Всѣхъ Святыхъ“,— первой по Пятидесятницѣ.

Хотя торжество Пятидесятницы оканчивается *отданіемъ* въ субботу этой недѣли, тѣмъ не менѣе и слѣдующій воскресный день имѣетъ еще очень близкое отношеніе къ этому празднику. Въ первую недѣлю по Пятидесятницѣ прав. Церковь совершаетъ память „всѣхъ святыхъ“,—ибо святые суть благодатный плодъ св. Духа. „Божественные отцы наши, говоритъ объ этомъ праздникѣ синаксарь церковный, установили совершать его по сошествіи св. Духа для того, чтобы показать намъ тѣ плоды, какіе принесло чрезъ апостоловъ пришествіе св. Духа,—какъ оно осватило соестественныхъ намъ челоуѣковъ, умудрило ихъ, возвысило на степень ангеловъ и привело къ Богу“... Это первая причина установленія настоящаго праздника; вторая, по указанію того же синаксаря, заключается въ намѣреніи Церкви почитать благочестивымъ воспоминаніемъ всѣхъ тѣхъ святыхъ, имена кото-

¹⁾ „Христ. самолюбіе“, А. А. Бронзова въ „Христ. Чтеніи“ 1897 г., авг., стр. 250—251.

рыхъ, при общей ихъ многочисленности, оставались и будутъ оставаться неизвѣстными или непрославленными въ потомствѣ, т. е. не были почтены въ нарочитые дни, „яко же пріять церковный обычай“. Наконецъ, „на кійждо день празднуемья святыя во единъ собрати день“ подобаеъ для того, говорится въ синаксарѣ, чтобы показать, „яко о единомъ Христѣ подвизашася, и вси тожде добродѣтели поприще текоша, и тако вси яко единого Бога ради достойно вѣнчаны быша“, и что всѣ они составляютъ одну Церковь, обитають въ одномъ горнемъ мѣрѣ, „поощряюще же и насъ равный подвигъ совершати“.

Соотвѣтственно указанной мысли, въ нареміяхъ, положенныхъ при Богослуженіи въ недѣлю „Всѣхъ Святыхъ“, Церковь изображаетъ спасительные плоды св. Духа, говоритъ о распространеніи апостолами, при содѣйствіи благодати св. Духа, познанія и почитанія истиннаго Бога, прежде Котораго *не бысть инъ Богъ* и по Немъ *не будетъ*, и о блаженной участи праведныхъ, *коихъ души въ руцѣ Божіей*. Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ недѣли, сверхъ обычнаго прославленія воскресенія Христова, Церковь прославляетъ всѣхъ угодниковъ Божіихъ, просіявшихъ вѣрою въ грядущаго и пришедшаго Искупителя, — убожаетъ патріарховъ, праотцевъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, исповѣдниковъ, святителей, преподобныхъ и праведныхъ отцевъ и матерей и всѣхъ святыхъ, отъ вѣка благоугодившихъ Богу, „прежде же всѣхъ“ „Госпожу вашу и Владычицу, Богородицу, Марію Приснодѣву“¹⁾. Такимъ воспоминаніемъ Церковь укрѣпляетъ и въ насъ надежду спасенія и побуждаетъ къ неослабному слѣдованію по ихъ стезямъ. Въ чемъ же должны состоять нашъ подвигъ и подражаніе „отъ вѣка угодившимъ Богу“, указываютъ намъ дневныя чтенія Апостола (Евр. 11, 33; 12, 2) и Евангелія (Мтѣ. 10, 32—33; 19, 27—30), повѣствующія о вѣрѣ святыхъ, которою они побѣждали враговъ виѣшнихъ

¹⁾ Синаксарь недѣли „Всѣхъ Святыхъ“.

и сами себя, терпѣливо переносили лишенія, мученія и самую смерть, оставляли все, что могло удалять ихъ отъ служенія Богу и блаженнаго единенія съ Нимъ.

Въ первое время, когда вниманіе Церкви по-преимуществу занимали подвиги св. мучениковъ, и празднество настоящаго дня было праздникомъ только въ честь свв. исповѣдниковъ и мучениковъ, молитвеннаго ходатайства которыхъ о насъ предъ Богомъ Церковь и нынѣ испрашиваетъ въ тропарѣ и кондакѣ праздника. Съ теченіемъ же времени Церковь въ первую недѣлю по Пятидесятницѣ стала праздновать и прочимъ святымъ. Къ полученію этого почетнаго имени она призываетъ и всѣхъ насъ—христіанъ; всѣмъ нужно стараться и пріобрѣсть его, потому что Богъ послалъ Духа Освятителя для всѣхъ, и всѣмъ безъ исключенія говоритъ: *святѣ будите* (1 Петр. 1, 16). Въ первыя времена Церкви Христовой всѣмъ ея членамъ безпрекословно усвоилось это достоинство и св. ап. Павелъ иначе и не называетъ христіанъ, какъ святыми (Римл. 1, 7; 15, 26; 1 Кор. 6, 1—2). Къ жребію избранныхъ призываются всѣ христіане и для всѣхъ открытъ къ тому доступъ. Въ этомъ смыслѣ св. Церковь и нынѣ совершаетъ свое празднество всѣмъ святымъ. Она имѣетъ въ виду здѣсь всѣхъ ревнителей благочестія,— не только бывшихъ, но и будущихъ. И такъ какъ всѣ святые суть благодатный плодъ Духа Святаго, то все послѣдующее за сошествіемъ св. Духа и будущее состояніе Церкви есть какъ бы продолженіе празднованія св. Духу.

Въ разнообразныхъ ликахъ святыхъ, прославляемыхъ нынѣ, Церковь представляетъ нашему вниманію разнообразныя пути царствія Божія, которыми всѣ они шли къ одной цѣли и которые открыты для всѣхъ желающихъ. Въ евангельскомъ чтеніи праздника указывается нѣсколько самыхъ общихъ требованій, которыя могутъ итти рѣшительно ко всѣмъ, и въ которыхъ, между прочимъ, каждый можетъ видѣть со всею опредѣленностію, что предстоитъ ему дѣлать для полученія царства небеснаго и быть въ числѣ достой-

ныхъ послѣдователей Христа. Вопросъ о томъ, всё ли мы имѣемъ способъ и возможность, при разнообразныхъ положеніяхъ своихъ въ мірѣ, достигать царства Божія вѣрною стезею, разрѣшается здѣсь съ очевидною ясностію и простотою. *Всякъ, иже исповѣсть Мя предъ челоуѣки, говоритъ Христосъ, исповѣтъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ* (Мѣ. 10, 32). Удостоиться чести, на которую здѣсь указываетъ Спаситель, или не удостоиться ея,—это и значитъ быть принятымъ или непринятымъ въ царство святыхъ. Такимъ образомъ, путь святости и совершенства доступенъ для всѣхъ христіанъ, хотя онъ и есть путь избранныхъ. Чрезвычайные подвиги, прославляемые Церковію въ лицѣ свв. постниковъ, затворниковъ, мучениковъ и самыхъ апостоловъ, оставаясь подвигами исключительными, по общему своему духу и направленію, должны служить для всѣхъ образцомъ и идеаломъ благочестиваго послѣдованія Христу. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, вознесшійся на небо, всѣхъ привлекаетъ туда, какъ то обѣщаль Онъ, указывая на главную цѣль, для которой явился во плоти и исполнилъ божественный совѣтъ о приведеніи всѣхъ въ соединеніе и миръ съ Богомъ¹⁾. Плодомъ искупительной Его жертвы и сошествія св. Духа является возвращеніе членовъ Царства Божія въ мѣру возраста исполненія Христова. Это дѣло домостроительства Божія, воспоминаемое и прославляемое въ недѣлю „Всѣхъ Святыхъ“, продолжается и теперь.

Итакъ, празднованіе въ честь всѣхъ святыхъ составляетъ какъ бы заключеніе торжествамъ Господнимъ. „Цѣль, для которой Спаситель нашъ оставилъ землю и взошелъ на небо, для которой Духъ Святый оставилъ небо и сошелъ на землю,—сія высокая цѣль, говоритъ преосв. Иннокентій, архіепископъ Херс.²⁾, состоитъ не въ другомъ чемъ, какъ въ освя-

¹⁾ Синаксарь праздника.

²⁾ См. его сочиненія, т. I, стр. 519—521.

щеніи грѣшнаго рода человѣческаго, въ возведеніи всѣхъ насъ на небо. Но лики святыхъ Божіихъ составляютъ сонмъ непререкаемыхъ свидѣтелей, что сія блаженная цѣль достигнута, что вознесшійся отъ насъ Спаситель точно уготовалъ мѣсто для всѣхъ Своихъ послѣдователей, что снисшедшій къ намъ Утѣшитель дѣйствительно содѣлываетъ способными самыхъ плотскихъ людей обитать въ обителяхъ Отца Небеснаго. Ибо что были всѣ святые Божіе, нынѣ нами ублажаемые, какъ не подобострастные намъ человѣки? Посему слава ихъ есть слава Сына Искупителя и Духа Освятителя: безъ заслугъ Сына ни предъ однимъ изъ нихъ не отверзлось бы небо, а безъ благодати Духа ни одинъ изъ нихъ не возмогъ бы войти и въ отверстое небо. Посему настоящее празднество въ честь всѣхъ святыхъ и составляетъ самое естественное и приличное заключеніе празднествъ Господнихъ; ибо само есть непосредственный плодъ событій, въ нихъ воспоминаемыхъ“.

Недѣлю „Всѣхъ Святыхъ“ оканчиваются службы, совершаемыя по Тріоди; прочія недѣли по Пятидесятницѣ не имѣютъ особенныхъ службъ, кромѣ седмичныхъ, по Октоиху совершаемыхъ, и ежедневныхъ, совершаемыхъ по Миней. Здѣсь все ограничивается тѣмъ, что чрезъ каждую изъ осми недѣль проводится одинъ общій рядъ богослужебныхъ воспоминаній, присвоенныхъ тому или другому дню седмицы въ отдѣльности. Первый день въ седмицѣ Церковь посвящаетъ воспоминанію воскресенія Христова, понедѣльникъ—ангеламъ, вторникъ—Предтечѣ, среду и пятокъ—воспоминанію крестныхъ страданій Спасителя, четвертокъ—святымъ апостоламъ и Николаю Чудотворцу, день субботы—въ честь мучениковъ и въ память всѣхъ усопшихъ христіанъ. Этотъ рядъ воспоминаній повторяется потомъ въ службахъ cadaго гласа; службы же праздниковъ и святыхъ, расположенныя по числамъ мѣсяцевъ, идутъ своимъ порядкомъ, соединяясь съ гласами Октоиха.

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ¹⁾.

Методъ заучиванія можетъ быть *троякій*: *механическій*, *разумный* и *смѣшанный*.

Механическій методъ, состоящій въ заучиваніи при помощи исключительно одной лишь вербальной памяти, есть наихудшій изъ всѣхъ методовъ. Отъ заучиванія при помощи этого метода предостерегаютъ почти всѣ гомилеты, такъ какъ простая передача вытверженныхъ наизусть словъ несравненно хуже даже чтенія проповѣди по рукописи, если оно будетъ осмысленное и выразительное. Для проповѣдника, живого учителя небесныхъ истинъ, не приличенъ видъ школьника, безъ запинки отвѣчающаго свой урокъ.

Сравнительно лучше методъ *разсудочный*, когда въ заучиваніи участвуетъ не столько память, сколько разсудокъ и сердце заучивающаго. Нѣкоторые изъ гомилетовъ совѣтуютъ при этомъ ограничиваться усвоеніемъ однихъ мыслей, а буквально затверживать только тексты и важнѣйшія мѣста. Но лучше, особенно въ первые годы проповѣдническаго служенія, заучивать всю проповѣдь слово въ слово. Если заучиваніе производится не механически и не поверхностно, то оно всегда приведетъ къ свободному владѣнію содержаніемъ поученія и нисколько не лишитъ проповѣдника возможности при произнесеніи допускать, въ случаѣ надобности, уклоненія отъ той формы, въ какую отлилось его слово при письменномъ изложеніи.

Самымъ цѣлесообразнымъ методомъ заучиванія проповѣдей долженъ быть признанъ методъ *смѣшанный*, при чемъ запоминаніе ихъ должно быть живымъ воспріятіемъ какъ содержанія, такъ и формы. При такомъ заучиваніи, которое всего справедливѣе назвать *усвоеніемъ* проповѣди, должны принимать участіе и память, воспринимающая и сохраняю-

¹⁾ См. № 20 за 1901 г.

щая въ точности слова и выраженія рукописи; и разумъ, изслѣдующій ея содержаніе; и благоговѣйное чувство, стремящееся проникнуться христіанскою истиною; и воображеніе, живо представляющее слушателей и заставляющее проповѣдника какъ бы бесѣдовать съ ними. *Усвоеніе* должно быть повтореніемъ не одного только содержанія и словесной формы проповѣди, а мысленнымъ воспроизведеніемъ всего того пути, которымъ шель проповѣдникъ при самомъ ея составленіи *).

Признавая смѣшанный методъ заучиванія проповѣдей самымъ раціональнымъ и цѣлесообразнымъ, гомилеты, сообразно съ нимъ, даютъ и частныя правила для болѣе удобнаго и успѣшнаго ея усвоенія. Такъ, по совѣту проф. Я. Амфиатрова, рекомендующаго при этой дѣятельности переходъ отъ общаго къ особенному, отъ цѣлаго къ частному, проповѣдникъ прежде всего долженъ запечатлѣть въ своей памяти и живо представить себѣ главное расположеніе, или общій остовъ проповѣди, такъ чтобы основа ея, подобно чертежу зданій, ясно и раздѣльно отражалась въ сознаніи проповѣдника. Ясно представивши главный планъ и порядокъ идей и мысленно повторивши его нѣсколько разъ, слѣдуетъ затѣмъ внимательно прочитывать по тетради всю проповѣдь, въ полномъ ея объемѣ, останавливаясь на каждой мысли и на каждомъ предложеніи и строго обсуждая ихъ; но заучивать на первый разъ слѣдуетъ только труднѣйшія мѣста. Когда главные и наиболѣе трудныя мѣста будутъ твердо уже запечатлѣны въ памяти, и всѣ подробности вѣрно обсуждены, тогда проповѣдникъ долженъ приступить къ чисто механической работѣ, т. е. начать заучивать проповѣдь отъ слова до слова, не позволяя себѣ ни перемѣны мыслей, ни замѣны однихъ выраженій другими, ни даже перестановки словъ, но учить все въ такомъ именно видѣ, какъ написано въ тетради. Во избѣжаніе утомленія при этой трудной работѣ, слѣдуетъ за-

*) *Серебрянниковъ Д.*: „Общія условія успѣшнаго приготовленія проповѣдей“ („Рук. для с. п.“, 1895 г., № 36).

учивать проповѣдь не въ одинъ пріемъ, а по частямъ; ни въ какомъ случаѣ не нужно откладывать окончательное усвоеніе на послѣднее утро предъ ея произнесеніемъ: это утро должно быть посвящено *повторенію*. Чтобы прочнѣе усвоить свое поученіе, проповѣдникъ можетъ не только повторять его нѣсколько разъ все въ одномъ и томъ же порядкѣ, слѣдуя указанію тетради, но можетъ иногда и перемѣшивать части различнымъ образомъ и такимъ образомъ убѣждаться въ твердости и прочности усвоеннаго. Особенное вниманіе слѣдуетъ обращать на усвоеніе *начала*, чтобы не впасть во время произнесенія въ замѣшательство на первомъ же шагу. Заучивать непремѣнно нужно вслухъ и со всѣми тѣми измѣненіями голоса, какія вызываются смысломъ предложеній и словъ, такъ какъ часто случается, что человекъ, твердо зная извѣстное литературное произведеніе „про себя“, не въ состояніи безошибочно и оживленно произнести его вслухъ. При заучиваніи необходимо также представлять себѣ своихъ слушателей какъ бы присутствующими, и потому избирать тонъ и пріемы голоса тѣ же самые, какіе приличны на кафедрѣ; равно какъ слѣдуетъ употреблять и всѣ тѣ жесты и движенія, которыя будутъ нужны при произнесеніи. Выученную проповѣдь не лишне произнести предварительно въ домашнемъ кругу, предъ близкими знакомыми и т. п. Наконецъ, при выходѣ на кафедру, проповѣдникъ долженъ какъ бы вовсе забыть, что его поученіе записано, и искать пособія въ одной только памяти и въ живомъ представленіи своего предмета. Всего лучше произносятся проповѣди въ тѣхъ случаяхъ, когда проповѣдникъ совершенно не обращается къ тетради и даже вовсе не кладетъ ея предъ собою: это придаетъ поученію видъ импровизованнаго, живого слова; да и самъ проповѣдникъ, не имѣя возможности надѣяться на тетрадку, бываетъ внимательнѣе къ своему дѣлу.

Чтобы не запнуться уже на самой кафедрѣ, проповѣдникъ долженъ прежде всего заблаговременно присмотрѣться и какъ бы ознакомиться съ числомъ и кругомъ своихъ слу-

шателей. Если при произнесеніи почему-либо вдругъ будетъ забыта не только какая-нибудь отдѣльная мысль, но даже цѣлая часть проповѣди, этимъ отнюдь не слѣдуетъ смущаться, а тотчасъ же пужно перейти къ тому, что помнишь. Если же затеряется вся заученная нить мыслей, то можно говорить что-либо общее, пока не припомнится исподволь забытое. Нѣтъ нужды повторять мысль по-писанному, если она, по какому-нибудь случаю, будетъ выражена проповѣдникомъ не въ тѣхъ словахъ, въ какихъ выражена въ рукописи. Если будетъ забыта какая-нибудь половина мысли или періода, то проповѣдникъ одну часть можетъ произнести по-заученному, а другую передать своими словами. Не слѣдуетъ говорить проповѣдь слишкомъ скоро, такъ какъ торопливость есть главная причина остановокъ. Главное пособіе при внезапной остановкѣ есть присутствіе духа, а въ крайнемъ случаѣ—тетрадь, которую проповѣдникъ всегда можетъ имѣть при себѣ *).

Выразительность произношенія поученій, ея необходимость и значеніе.

Проповѣдь есть изліяніе возвышенныхъ настроеній священника и выраженіе его истинно-христіанскихъ убѣжденій. Душа проповѣдника, какъ и душа всякаго вообще человѣка, въ силу естественной невозможности для нея непосредственно передать другой душѣ всю истину и любовь свою, прибѣгаетъ къ помощи голоса, жестовъ, лица, глазъ, рукъ и другихъ внѣшнихъ пріемовъ и средствъ. Вся сумма этихъ внѣшнихъ средствъ передачи внутреннихъ движеній и состояній души проповѣдника составляетъ то, что обыкновенно называется *проповѣдническимъ дѣйствованіемъ*, или *произношеніемъ* въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Отсюда ясно, какое значеніе въ дѣлѣ проповѣдничества имѣетъ произношеніе, или

*) *Амфитеатровъ Я.*: „Чтен. о церк. слов.“, 2 ч., стр. 223--226.

дѣйствованіе. Какъ средство выраженія мыслей, чувствъ и вообще всѣхъ душевныхъ состояній проповѣдника, произношеніе должно болѣе или менѣе точно, естественно и полно изображать все, что переживаетъ проповѣдникъ въ минуты сообщенія проповѣди слушателямъ, и что переживалъ онъ во все время ея созданія вообще. Для того же, чтобы произношеніе дѣйствительно передало слушателямъ всю силу и теплоту чувствъ проповѣдника, всю глубину его мыслей и т. д., оно непременно должно быть *выразительнымъ*.

На хорошее, выразительное произношеніе и его значеніе въ дѣлѣ проповѣдничества обращали вниманіе гомилеты всѣхъ временъ. „Мало кто въ состояніи оцѣнить, — говоритъ французскій гомилетъ аббатъ Мюллау, — достоинство проповѣди по ея существу, но каждый можетъ понять, что вы говорите съ чувствомъ истины, съ убѣжденіемъ и отъ сердца. На народъ дѣйствованіе имѣетъ особенно сильное вліяніе: оно его увлекаетъ и очаровываетъ. Если мысль ваша основательна, благородна, если чувство ваше истинно, и если, при этомъ, дѣйствованіе ваше прекрасно, народъ не устоитъ противъ васъ. Вѣрьте, что при такомъ дѣйствованіи вашемъ среди слушателей вашихъ будутъ у васъ побѣжденные, будутъ спасенные: какъ побѣжденные, они, конечно, не всегда въ этомъ сознаются, а все же скажутъ: „однакожь, какъ все это прекрасно и какъ вѣрно, — я не правъ“ *).

Произношеніе церковныхъ поученій должно отличаться тѣми же высокими качествами, какими отличается чтеніе лучшихъ артистовъ-чтецовъ. Но въ то время, какъ артистъ-чтець полагаетъ всю цѣль чтенія въ самомъ же чтеніи, проповѣдникъ долженъ пользоваться выразительнымъ произношеніемъ, лишь какъ вѣрнѣйшимъ и наилучшимъ средствомъ для болѣе точной и полной передачи *своихъ* убѣжденій, мыслей, настроеній и чувствъ; артистъ-чтець есть машина, вырази-

*) Мюллау И.: „Опыты того, какъ проп. говорить къ народу“ (Херс. Еп. вѣд., 1879 г., № 5).

тельно и изящно произносящая *чужія* слова, отражающая *чужія* чувстваванія, — проповѣдникъ есть живая личность, раскрывающая предъ слушателями *свой* собственный духовный міръ. Вотъ что говорить относительно необходимости для проповѣдника выразительнаго, правильнаго и изящнаго произношенія поученій проф. А. Лебедевъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ духовныхъ писателей: „значеніе искусства декламациі для проповѣдника слишкомъ велико. Проповѣдникъ на церковной кафедрѣ, при произнесеніи поученія, долженъ быть преимущественно тѣмъ же, чѣмъ и актеръ на сценѣ Императорскаго театра, преимущественно Московскаго. Иные думаютъ, что чтеніе актера не пріятно своею театральностью. Но такъ могутъ думать только люди, никогда не бывавшіе въ театрѣ или не посѣщавшіе его уже много лѣтъ и помнящіе лишь то, что на сценѣ бываютъ раскрашенные декорациа. Чтеніе актера Императорскаго театра есть самое наилучшее, какъ Пушкинскій языкъ есть самый чистый по сравненію съ чистѣйшимъ русскимъ языкомъ нашего мужика. Чѣмъ же хорошо чтеніе актера первокласснаго театра?—На этотъ вопросъ отвѣтимъ вопросомъ же: чѣмъ отличается хорошей слогъ, слогъ Пушкина, Тургенева, Гончарова, отъ слога дурного?—Тѣмъ, что хорошей слогъ совершенно не замѣчаешь при ознакомленіи съ обработаннымъ произведеніемъ: какъ будто бы у писателя нѣтъ никакого слога или какъ будто бы я самъ написалъ это; тогда какъ дурной слогъ заставляетъ читателя по временамъ останавливаться, снова перечитывать страницу, ломать голову надъ ней: дурной слогъ каждую минуту грозитъ задѣть насъ, какъ машинная шестерня. Тѣмъ же отличается хорошее чтеніе отъ дурного: хорошее чтеніе есть такое, котораго мы совсѣмъ не замѣчаемъ, и которое вполне позволяетъ сосредоточивать вниманіе на содержаніи излагаемаго предмета; напротивъ, дурное чтеніе отвлекаетъ и мѣшаетъ такому сосредоточенію на содержаніи того же предмета. Этимъ же самымъ отличается театральное чтеніе актера лучшей школы отъ чтенія нете-

атрального, неумѣлаго. И не даромъ мудрый Платонъ (Моск. митр.) посылалъ академиковъ на обученіе къ лучшимъ театральнымъ артистамъ *)). Читая теперь проповѣди Московскаго митр. Платона, нельзя найти въ нихъ ничего особеннаго. Между тѣмъ, этотъ проповѣдникъ въ свое время пользовался славой „второго Златоуста“ „Московского апостола“, вызывалъ слезы умиленія на глазахъ слушателей, такъ что импер. Екатерина II, сильно растроганная однажды его поученіемъ, сказала: „отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочеть: хочеть онъ, чтобы мы плакали—мы плачемъ“... Силой своего вліянія на слушателей онъ обязанъ былъ главнымъ образомъ выразительному, умѣлому произношенію своихъ поученій. „Бывало, какъ взойдетъ онъ на амвонъ,—разсказываетъ очевидецъ,—собою такой лѣпообразный, среброволосый, съ лицомъ, сіяющимъ добротою, кротостью, мудростью и умиленіемъ; да какъ окинетъ всѣхъ своимъ умнымъ и проницательнымъ взоромъ, тутъ изъ глазъ такъ струею и побѣжить какая-то обаятельная, притягивающая и располагающая къ нему сила. Вотъ и заговоритъ онъ—святитель нашъ—сначала тихо, но слышно было ясно каждое его слово, такъ ужъ умѣлъ онъ говорить. Тогда всѣми слушателями овладѣвало какое-то неизъяснимое благоговѣйное состояніе, и мы съ трепетомъ сердечнымъ ловили каждое слово его. Наконецъ, святитель начинаетъ мало-по-малу возвышать свой голосъ (а онъ у него былъ звучный, полный, серебристый), и заговоритъ такъ складно, такъ убѣдительно, съ такою силой, съ такимъ одушевленіемъ, что глаза его вдругъ заблестятъ священнымъ огнемъ, лицо горитъ неземнымъ восторгомъ, рѣчь, какъ потокъ лавы, льется съ необыкновенною силою, и въ это время онъ весь пылаетъ вдохновеніемъ пророка. Тутъ, кажется, всю жизнь бы слушалъ его!.. И наплачемся-то, бывало, мы досыта, слушая его поученія, и молимся послѣ

*) „О предметѣ, пропущенномъ въ академической программѣ“ („Бог. Вѣстн.“, 1893 г., № 1).

поученія умильцѣе и горячѣе, и какъ будто переродимся отъ его благодатнаго слова въ новую жизнь—свѣтлую и отрадную*).

Этотъ примѣръ съ достаточной убѣдительною показываетъ, какое впечатлѣніе и даже вліяніе можетъ оказывать на своихъ слушателей проповѣдникъ, когда внутреннія движенія его души находятъ правильное, полное, точное и прекрасное выраженіе вовнѣ—не только въ словахъ и предложеніяхъ, но и въ голосѣ. Между тѣмъ, большинству нашихъ современныхъ священниковъ всего болѣе недостаетъ именно произношенія, которое какъ бы отчеканиваетъ каждую мысль, наполняетъ слухъ гармоніей, а душу—истиной, даетъ проповѣднику необычайную жизненную силу, приводя въ возбужденное состояніе всю его нервную систему. Выраженіе: „говорить въ проповѣдническомъ тонѣ“ стало употребляться въ обществѣ для ироническаго обозначенія всякаго вообще дурного, усыпляюще-монотоннаго произношенія. Монотонность произношенія нашихъ проповѣдниковъ нерѣдко доходитъ до того, что для нихъ нѣтъ разницы между тономъ милосердія и тономъ правосудія, тономъ повелѣнія и тономъ просьбы, тономъ убѣжденія и тономъ осужденія, тономъ отрады и тономъ скорби, тономъ доброты и тономъ гнѣва**). Французскій гомилетъ Мюллуа рассказываетъ, что одинъ шутникъ, слыша, какъ проповѣдникъ мягко произнесъ страшныя слова: *идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный*, сказалъ своему сосѣду: „судя по интонаціи проповѣдника, эти слова значатъ: *иди, другъ мой, я тебя обниму...*“ ***).

Монотонность произношенія истинная мѣла для слушателей. Недостатокъ этотъ настолько великъ, что ни глубина мысли, ни живость изложенія, ни интересъ содержанія про-

*) *Заведеевъ П.*: „Исторія русскаго проповѣдничества отъ XVII вѣка до настоящаго времени“. Тула, 1879 г., стр. 158—159.

***) *Говоровъ А.*: „Ораторское искусство въ древнее и новое время“. Казань, 1897 г., стр. 10—11.

***) *Мюллуа И.*: „Опыты того, какъ слѣд. проп. говор. къ народу“ (Херс. Еп. вѣд., 1879 г., № 5).

повѣди не искупаютъ его: онъ наполовину, если не болѣе, портитъ впечатлѣніе отъ самой интересной, жизненной и талантливой по содержанію проповѣди.

Монотонное произношеніе, лишшающее проповѣдь красоты и даже смысла и непріятно дѣйствующее на слушателей, вредно и для самого проповѣдника. Болѣзни горла, кашель, хрипота стоятъ въ зависимости болѣею частію не столько отъ *степени* напряженія голоса, сколько отъ *образу* напряженія его, — иначе сказать — не столько отъ громкаго и болѣе или менѣе продолжительнаго дѣйствованія голосомъ, сколько отъ произношенія въ одномъ и томъ же тонѣ, безъ всякой модуляціи, потому что въ этомъ послѣднемъ случаѣ напрягается только одинъ мускулъ или одинъ классъ мускуловъ, тогда какъ при выразительномъ произношеніи дѣйствуютъ различные мускулы, другъ друга смѣняя и другъ другу облегчая работу *).

Вопросъ о необходимости для проповѣдниковъ хорошаго произношенія настолько въ послѣднее время назрѣлъ, что становится какъ бы злобой дня. О необходимости отбросить старыя, негодныя приемы проповѣдическаго произношенія и дать мѣсто приемамъ новымъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ и совершеннымъ въ послѣднее время говорилось въ печати очень много, при чемъ указывалось на настоятельную необходимость введенія обязательнаго обученія искусству ораторскаго произношенія въ духовныхъ училищахъ, семинаріяхъ и академіяхъ **).

(Продолженіе будетъ).

*) *Говоровъ А.*: „Ораторское искусство въ древн. и нов. время“, стр. 11—12.

**) См., напр., *Барсовъ Н.*: „О возможныхъ улучшеніяхъ въ современной нашей церковной проповѣди“ (Христ. Чт., 1894 г., № 1).

ЗАМѢТКА.

Архипастырское попеченіе о просфорняхъ Кому не извѣстно положеніе просвирень, въ большинствѣ не имѣющихъ собственнаго угла и пользующихся лишь 16-ти рублевымъ годовымъ вознагражденіемъ за свой трудъ!... Но, благодареніе Богу, находятся такіе добрые люди, которые заботятся объ этихъ несчастныхъ и обездоленныхъ сиротахъ, желая доставить имъ, если и не вполне обезпеченное содержаніе, то возможность избѣгать поденнаго заработка у односельца-крестьянина. Такимъ благопечительнымъ о просвирняхъ архипастыремъ явился преосвященный Симеонъ, епископъ Екатеринославскій. Преосвященный Симеонъ издалъ въ 1900 году циркулярное распоряженіе, чтобы оо. настоятели церквей предоставляли исключительно право печь просфоры сиротамъ духовнаго званія, выдавая имъ за ихъ трудъ отъ 60 до 70 руб. въ годъ въ одноклирныхъ приходахъ и отъ 100 до 120 рублей въ многоклирныхъ. При этомъ также должна быть выдаваема имъ и мука для печенія богослужебныхъ просфоръ, а равно и доходъ отъ продажи частнымъ лицамъ долженъ всецѣло поступать въ распоряженіе просвирень. Это благостное распоряженіе вызвано дѣйствительно бѣдствующимъ положеніемъ вдовъ и сиротъ духовнаго званія, которыя, потерявъ своихъ мужей и отцевъ, остаются положительно безъ крова и безъ всякихъ средствъ для пропитанія себя и дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ имъ взять средства для своего сиротскаго существованія? Епархіальное попечительство, цѣль учрежденія котораго, какъ извѣстно, способствовать обезпеченію или, лучше сказать, облегченію бѣдственнаго положенія духовныхъ сиротъ, — выдаетъ имъ денежныя пособія отъ 20 до 50 рублей въ годъ на семью. Правда, пособія эти незначительны, но, при отсутствіи другихъ источниковъ дохода, и эти деньги составляютъ значительное подспорье въ сиротскомъ бюджетѣ. Если же къ этимъ 20—50 рублямъ

попечительскаго пособія прибавить 70—100 рублей за трудъ печенія просфоръ, то получится бѣдшая возможность бѣдной семьѣ прокормиться въ теченіе года съ меньшею бѣдностію, а выгоды отъ продажи просфоръ частнымъ лицамъ покроютъ издержки на покупку отопленія и наемъ квартиры. Къ сожалѣнію не вездѣ церкви располагаютъ такими свободными суммами, чтобы, безъ ущерба для своего прямого назначенія, могли выдать просвирнямъ по 60—70 рублей въ годъ, и не во всѣхъ епархіяхъ учреждены епархіальныя попечительства для облегченія участи сиротъ и вдовъ духовнаго званія. Поэтому, самимъ священникамъ надлежитъ больше усердія предлагать въ выполненію существующаго распоряженія Святѣйшаго Синода, чтобы во всѣхъ церквахъ за каждыи богослуженіями были обносимы кружки съ спеціальнымъ назначеніемъ „въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія“. Этотъ сборъ „для питанія немущихъ отъ церкви“ отретъ не одну слезу духовныхъ сиротъ, необезпеченныхъ въ своемъ матеріальномъ положеніи.

(Кіевскія Епарх. Вѣдом.)

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. цевз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 22 мая 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 23.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, іюня 3-го.

Содержаніе: Нравственное воспитаніе молодого поколѣнія въ школѣ, какъ предметъ особой пастырской попечительности священника въ приходѣ, въ связи съ вопросомъ о законоучительствѣ.—Какъ священникъ можетъ пробуждать въ душѣ своей святыя чувствованія при совершеніи службъ церковныхъ? — Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія (продолженіе).

Нравственное воспитаніе молодого поколѣнія въ школѣ, какъ предметъ особой пастырской попечительности священника въ приходѣ, въ связи съ вопросомъ о законоучительствѣ.

„Не посла бо мене Христосъ крестити,
но благовѣстити“ (1 Кор. 1, 17).

„Не мнози учителя бывайте“ (Іак. 3, 1).

Въ Священномъ Писаніи священникъ сравнивается съ пастыремъ. Какъ пастырь, онъ обязанъ „ни единой овцы погубить (Лук. 15, 4) и сохранивъ девяносто девять, за едину, его нерадѣніемъ погибшую, собственной душой заплатить“; поэтому „слѣдуетъ ему за всякимъ своимъ прихожаниномъ

смотрѣть, всякое состояніе надзирать и знать совершенно и какъ бы на дланѣ расписанное имѣть, здоровъ ли пребываетъ о благодати Божіей, или болитъ грѣхомъ и какимъ именно, и какъ давно и сколь опасная болѣзнь и какого именно лѣкарства требуетъ?“¹⁾ Пастырѣ долженъ быть не только врачомъ, но и воспитателемъ своей паствы, чтобы не только лѣчить болѣзни, но, по возможности, и предупреждать ихъ; въ этихъ видахъ онъ учитъ свою паству и въ церкви, и въ домѣ, и въ полѣ... Въ своихъ заботахъ о воспитаніи своей паствы можетъ ли онъ оставлять дѣтей? Зная, что „чесому тонкое дѣтство обучено бываетъ, того дряхлая старость неудобъ оставляетъ“, онъ на нихъ въ особенности обращаетъ свою воспитательную дѣятельность. Поэтому, въ программѣ пастырской дѣятельности забота о нравственномъ воспитаніи молодыхъ людей должна быть поставлена на *первомъ мѣстѣ*, какъ дѣло *важнѣйшее* и *достойное преимущественнаго* вниманія.

Независимо отъ сознанія этой важности, священникамъ нашимъ открываются особаго рода побужденія обращать дѣятельное вниманіе на нравственное воспитаніе молодыхъ прихожанъ ихъ—побужденія, имѣющія мѣсто *у насъ именно и въ наше время*.

Наше сельское населеніе, среди котораго, по преимуществу, приходится трудиться священникамъ, народъ простой, темный, какъ выражаются о себѣ сами поселяне. Уважая въ этомъ народѣ прямоту характера и простоту нравовъ, мы все-таки должны признаться, что многіе вопросы мысли и жизни не существуютъ для него, или весьма темно понимаются имъ, и потому узко и грубо прилагаются къ дѣлу. Вопросъ о нравственномъ образованіи молодого поколѣнія подвергается той же жалкой участи, поэтому число молодыхъ людей, не получающихъ, или почти не получающихъ настоящаго христіанскаго нравственнаго воспитанія является у насъ очень значительнымъ. Спрашиваемъ: надо-ли поднять народъ

¹⁾ Книга о должностяхъ пресвитеровъ. § 40.

нашъ въ этомъ отношеніи? Если надо, кто долженъ взяться за это дѣло? Всего ближе—*священники*. Они *способны* выполнить его и отъ нихъ надо ждать *самой плодотворной и широкой* дѣятельности на этомъ поприщѣ. Въ ихъ рукахъ крестъ и Евангеліе, для нихъ яснѣе образъ благочестія, имъ открыты совѣсти людскія...; на ихъ сторонѣ уваженіе и довѣріе народа, знаніе его быта, его характера и потребностей. Изъ всего этого слагается сама собою для священниковъ нашихъ не столько оффиціальная обязательность, сколько *внутренній долг* совѣсти—посвящать себя дѣлу нравственнаго воспитанія молодыхъ прихожанъ—дѣлу, получающему особенную важность отъ того, что въ немъ большая нужда у насъ и что оно, однако, остается доселѣ почти не тронутымъ.

Было время, когда предметъ этотъ выпускали изъ виду и не сознавали всей его важности. Наше время родило много такихъ вопросовъ и въ умственной, и въ религіозно-нравственной жизни, и въ общественномъ и семейномъ быту нашемъ, при которыхъ вопросъ о нравственномъ воспитаніи молодыхъ поколѣній самъ собой напрашивается, какъ вопросъ насущный, вызванный на очередь естественнымъ ходомъ событій. Выражаясь такимъ образомъ, мы, въ частности, имѣемъ въ виду наиболѣе выдающееся въ настоящее время явленіе нашей общественной жизни,—каковымъ, безспорно, слѣдуетъ признать вопросъ о народномъ образованіи, которымъ въ послѣдніе годы усиленно занимаются и правительство и общество: составляются проекты, открываются школы, появляются новые педагогическіе журналы, издаются отдѣльныя сочиненія учебнаго и педагогическаго содержанія; газеты и журналы общаго направленія отводятъ этому вопросу на своихъ страницахъ значительное мѣсто, дѣлаются значительныя пожертвованія; въ этомъ послѣднемъ отношеніи характеренъ фактъ, что какъ цѣлыя общества, такъ и частныя лица пользуются каждымъ удобнымъ моментомъ, чтобы устроить школу, учредить одну или нѣсколько стипендій въ томъ или другомъ заведеніи, въ той, или другой школѣ; капиталъ умственный и

капиталь въ вещественный идутъ въ этомъ случаѣ рука объ руку, опираются другъ на друга. Значить, насущная нужда этого вопроса сознапа, неизбѣжное проведеніе его въ жизнь признается, чувствуется всеѣми; конецъ спорамъ, сомнѣніямъ въ этомъ дѣлѣ... Отрадное явленіе... Дай Господи, чтобы оно всегда было присуще нашей общественной жизни.

Не менѣе другихъ понимаетъ высокое значеніе народнаго образованія и его ничѣмъ незамѣнимую пользу и наше духовенство. Пастыри Церкви на то и поставлены, чтобы проводить въ жизнь народа религіозныя истины и нравственныя понятія. А какимъ путемъ они всего скорѣе могутъ достигнуть этой цѣли, какъ не путемъ насажденія и развитія тѣхъ и другихъ въ дѣтскихъ умахъ и сердцахъ при содѣйствіи школьнаго образованія?!

Кто смотритъ на дѣло воспитанія съ точки зрѣнія практической психологіи, тому понятно громадное вліяніе, какое имѣетъ на всю жизнь человѣка общее направленіе, нравственный характеръ той школы, гдѣ онъ получаетъ первоначальное воспитаніе. „Кому принадлежитъ школа—тому и будущность“, говоритъ Сталь, т. е. въ школѣ мы получаемъ задатки того, что потомъ будемъ проводить въ нашу жизнь, осуществлять въ нашей дѣятельности. Въ этихъ словахъ выражается взглядъ на народныя школы, какъ на одну изъ важнѣйшихъ частей государственнаго организма, правильное направленіе и развитіе которой есть вопросъ первой важности для благоденствія общества и государства. Питомцы школы выносятъ изъ нея, кромѣ небольшого запаса общихъ элементарныхъ познаній, какъ научнаго подспорья ихъ дальнѣйшему самостоятельному развитію, нѣчто еще болѣе важное, болѣе существенное, именно то или другое нравственное направленіе, соотвѣтствующее общему характеру самой школы. Это послѣднее мы считаемъ для послѣдующей судьбы питомцевъ болѣе важнымъ, чѣмъ самыя познанія, приобрѣтенныя ими въ школѣ. Оно собственно опредѣляетъ дальнѣйшую ихъ судьбу внѣ школы: изъ него возникнутъ побужденія къ такому

или иному образу жизни, оно даетъ общіе мотивы и направленіе для ихъ дѣятельности и, наконецъ, здравостью и твердостью его обуславливается самая возможность дальнѣйшаго развитія началъ образованія, полученныхъ въ школѣ, какъ и разумнаго проведенія ихъ въ жизнь.

Если не намѣренныя и отрывочныя вліянія среды общественной такъ могучи, что нерѣдко измѣняютъ уже полусложившіеся характеры молодыхъ людей, даютъ совершенно иное направленіе ихъ взглядамъ, завѣтнымъ убѣжденіямъ, самой дѣятельности; то во сколько разъ должно быть сильнѣе постоянное намѣренное вліяніе на питомцевъ школы цѣлесообразной, разумной системы воспитанія, проникнутой одной общей мыслью, руководимой однимъ общимъ направленіемъ. При томъ должно имѣть въ виду и то, что здѣсь вліянію этой силы подвергаются дѣти, не пріобрѣвшія еще опредѣленныхъ привычекъ, взглядовъ на жизнь, правилъ дѣятельности. Живая, воспріимчивая душа питомца начальной школы такъ жаждетъ впечатлѣній, все окружающее на нее дѣйствуетъ такъ сильно, что характеръ школы и какъ бы безъ противодѣйствія и труда съ его стороны становится его личнымъ характеромъ. Въ жизни каждого, когда давнымъ давно будетъ забыто большинство частныхъ знаній, полученныхъ въ школѣ и не нашедшихъ приложенія и поддержки въ практической жизни, это общее направленіе навсегда останется его неотъемлемымъ достояніемъ. Таковы основанія, въ силу которыхъ вытекаетъ убѣжденіе въ громадномъ значеніи общаго направленія, нравственнаго характера школы, для всей послѣдующей жизни питомцевъ.

Основанія эти имѣютъ и научное подтвержденіе въ томъ положеніи опытной психологіи, что характеръ человѣка есть результатъ взаимодѣйствія двухъ силъ: основаніе его составляютъ врожденныя, нерѣдко унаслѣдованныя отъ родителей общія склонности и предрасположенія; но развитіе и направленіе этихъ основаній зависитъ отъ множества самыхъ разнообразныхъ вліяній, испытываемыхъ человѣкомъ во всю его

жизнь. Люди не рождаются ни добрыми, ни злыми, ни трудолюбивыми, ни лѣнивыми въ положительномъ смыслѣ этихъ словъ. Человѣкъ приноситъ только зародыши тѣхъ качествъ, рождается съ возможностью быть добрымъ, т. е. полезнымъ роду, къ которому онъ принадлежитъ и уже въ зависимости отъ самой жизни, воспитанія (понимаемъ это слово въ обширномъ смыслѣ) развиваются, или глухнутъ эти качества. Школѣ, въ частности, принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, самая большая степень вліянія на этотъ складъ жизни, характеръ и убѣжденіе человѣка.

Въ виду этого, имѣющаго психологическія основанія и практически несомнѣннаго факта, что направленіе, приобретаемое въ школѣ, продолжается чрезъ всю жизнь, *прямой и священный долгъ школы—положить прочныя основанія нравственному саморазвитію человѣка. А что другое, какъ не познаніе Св. Вѣры* можетъ поплѣе и живѣе основать и укоренить въ дитяти высокое понятіе о Богѣ, человѣкѣ, ясное сознаніе долга и правильныхъ отношеній къ Богу и ближнимъ? Иначе сказать, что, кромѣ *самой религіи*, можетъ положить въ школѣ прочныя основанія нравственному развитію человѣка, такія основанія, чтобы и повзднѣе характеръ человѣка развивался именно въ этомъ направленіи? Здравая современная педагогика, сознавая значеніе Закона Божія, какъ проводника религіозно-нравственнаго начала въ школу, начала весьма важнаго, какъ для правильнаго развитія питомцевъ, такъ и для преуспѣянія самой школы, *старается установить преподаваніе этого предмета въ школѣ, и особенно народной, первоначальной на самыхъ прочныхъ основахъ. Школа—преддверіе жизни, и если питомецъ ея проникнется въ ней религіозно-нравственными началами христіанства, то онъ пронесетъ ихъ во всю свою жизнь; мало того, онъ будетъ содѣйствовать примѣромъ и словомъ проведенію этихъ высшихъ началъ и между окружающими его людьми. Итакъ, религія, въ силу своего нравственнаго воспитательнаго значенія, должна быть основой школы, она сообщаетъ ей истинное направле-*

ніе, является руководителемъ ея питомцевъ къ преуспѣванію, какъ нравственному, такъ и умственному.

Вотъ почему и знаменитый Гизо говоритъ: „въ школѣ необходимо должна господствовать религіозная атмосфера“. Еще сильнѣе выражается по сему предмету Фишеръ, извѣстный профессоръ эстетики Тюбингенскаго университета и депутатъ въ національномъ собраніи во Франкфуртѣ въ 1848 г. Онъ говоритъ: „по моему мнѣнію, школа составляетъ существенную часть религіи—истинной религіи, которою должна быть глубоко пропитана вся жизнь человѣческаго общества. Между религіей и школой существуетъ болѣе, чѣмъ тѣсная связь—между ними существуетъ единство“.

Если, такимъ образомъ, *основной задачей народной школы является воспитаніе дѣтей въ духъ Св. Церкви*, если религіозное образованіе составляетъ *существенный* элементъ школьнаго обученія, то отсюда, естественно, что школа *должна стоять въ тѣсной связи съ Церковью и представители Церкви* священники должны принимать *самое близкое* участіе въ дѣлѣ народнаго образованія. *Такимъ требованіямъ*, какъ извѣстно, *вполнѣ соответствуетъ* наша *церковно-приходская* школа, которая, по своему административному устройству, предоставляетъ священнику, какъ преподавателю важнѣйшаго предмета школьнаго обученія—закона Божія и руководителю всей учебно-воспитательной части въ церковно-приходской школѣ, *самое широкое участіе въ дѣлѣ воспитанія и обученія* ввѣреннаго ей подростяющаго поколѣнія.

Къ сожалѣнію, нѣкоторые органы нашей, такъ называемой, либеральной періодической печати въ „вѣчныхъ“ своихъ нападкахъ на школьно-просвѣтительную дѣятельность православнаго духовенства, доходятъ, какъ говорится, до геркулесовыхъ столбовъ, заявляя, „что приходскихъ священниковъ слѣдуетъ устранить не только отъ завѣдыванія народной школой, но и отъ законоучительства въ ней,—поелику у нихъ и безъ того много дѣла“, поручивъ оное учителямъ, даже изъ воспитанниковъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, напр. изъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій.

Главное, на что слѣдуетъ обратить вниманіе—это то, можетъ-ли иное лицо, не облеченное духовнымъ саномъ, замѣнить законоучителя-священника по школѣ? Преподаваніе Закона Божія, по самому существу своему, должно быть отраслью того учительства, которое требуется отъ *посвященнаго*, законоучительство—это сфера дѣятельной жизни, на которую посвящаетъ себя священникъ, это его божественная миссія, для исполненія которой всѣмъ приѣмлющимъ ее, сообщаются отъ Духа Божія особенные высшіе дары и благодатныя силы... Это, если угодно, каноническое значеніе предлагаемаго вопроса, въ либеральномъ разрѣшеніи котораго проглядываетъ, между прочимъ, столь непріятное и вредное для Церкви оправданіе самовольнаго, въ средѣ разныхъ сектантовъ, общественнаго учительства, въ лицѣ кого ни пошло...

Далѣе, въ смыслѣ органически жизненнаго выполненія работы, законоучительство—не фабрикація часовъ, гдѣ одна часть механизма выдѣлывается одними руками, а другая—другими и т. д. Задача преподаванія Закона Божія состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобы возможно всестороннѣе и цѣлостнѣе содѣйствовать осуществленію въ умахъ и сердцахъ, въ воззрѣніяхъ и жизни идеи христіанства—именно того, что образуется въ формѣ Богопочтенія и для этого держать въ крѣпчайшей связи одно съ другимъ—*cognitio* съ *cultus*. Но возможно-ли достигнуть отъ дѣйствія какого-бы то ни было снаряда: уснѣховъ, разобравъ послѣдній на составныя его части? Даже обогащенный свѣдѣніями по части Закона Божія, даже не знакомый только съ этимъ предметомъ, а вполне владѣющій имъ по совершенству исторически-богословской эрудиціи и педагогически-преподавательскихъ пріемовъ, при всѣхъ усиліяхъ придать жизненную вліятельность своимъ учительскимъ занятіямъ въ школѣ, не внося въ свое преподаваніе духа богослужебнаго, едва-ли можетъ высказаться вполне, какъ вдохновитель Божіихъ велѣній. Да, тутъ непременно должно пробиваться и чувствоваться вѣяніе богослужебнаго священнодѣйственнаго духа. Дай Богъ, чтобы *ключь разумъ-*

нія Слова Божія былъ доступенъ всѣмъ и каждому изъ христіанъ; но разумѣнію руководителю, своего рода хозяйничанью въ дѣлѣ вѣры, пусть предоставлено будетъ оставаться за тѣмъ, кто по санкціи одной рукой касается престола Божія, а другой указываетъ пути Божіи и направляетъ къ нимъ стопы человѣческія. Одно богатство свѣдѣній о предметахъ въ связи съ совершенствами приемовъ педагогическихъ, при передачѣ этихъ свѣдѣній, только расширить въ питомцѣ энциклопедію знаній, не проливъ въ сердце духа жизненно-церковнаго; довольствоваться же только первымъ нельзя...

Вотъ почему мы убѣждены вполне, что если нужно установить религіозное образованіе (а это, безъ всякаго сомнѣнія, необходимо), то не иначе какъ на самыхъ прочныхъ основаніяхъ, чтобы цѣль его преслѣдовалась вполне отчетливо и безукоризненно и непремѣнно узаконенными священниками!.. Если кругъ настоящихъ обязанностей священника слишкомъ широкъ, что несомнѣнно, то его нужно освободить не отъ такихъ обязанностей, которыя имѣютъ самую тѣсную связь съ его пастырской дѣятельностью, какъ, напр., законоучительство, а отъ такихъ, которыя съ этой дѣятельностью не имѣютъ ничего общаго, особенно-же отъ канцелярскаго труда и сопряженной съ нимъ тяжелой отвѣтственности¹⁾.

Кандидатъ богословія *Иванъ Самойловичъ*.

**Какъ священникъ можетъ пробуждать въ душѣ своей святыя
чувствованія при совершеніи службъ церковныхъ?**

Такъ такъ чувствованіе есть сознаніе внутренняго состоянія, возникающаго въ душѣ вслѣдствіе дѣйствія на нее стороннихъ предметовъ, а предметы дѣйствуютъ на нашу душу не непосредственно сами по себѣ, но чрезъ посредство чув-

¹⁾ На этотъ счетъ мы находимъ любопытныя и поучительныя данныя въ интересномъ „Очеркѣ изъ быта духовенства“—П. И. Горскаго-Платонова: „Антука“.

ственныхъ и духовныхъ органовъ существа человѣческаго, то и чувствованія наши имѣють свое основаніе, съ одной стороны, въ дѣятельности ума, воображенія и памяти, а съ другой—въ дѣятельности виѣшнихъ чувствъ—зрѣнія, слуха и пр. Отсюда само собою слѣдуетъ, что священникъ не иначе можетъ пробуждать въ душѣ своей святаго чувствованія, при совершеніи службъ церковныхъ, какъ при томъ условіи, если умъ, воображеніе, память и виѣшнія чувства свои будутъ занимать предметами, возбуждающими такіа чувствованія.

Итакъ, прежде всего, чѣмъ должны быть заняты умъ и воображеніе священника, совершающаго церковныя священнодѣйствія?

Они должны быть заняты высокими, божественными истинами и представленіями ихъ. Сама св. Церковь указываетъ намъ этотъ путь къ небеснымъ чувствованіямъ, усвоая высокое духовное значеніе своимъ дѣйствіямъ, обрядамъ и постановленіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, не *благословитъ*-ли священникъ вмѣстѣ со св. Царемъ и Пророкомъ Давидомъ Госнода силъ, когда, въ началѣ вечерни, внимая такъ называемому псалму предначипательному (103), въ которомъ воспѣвается созданіе міра и прославляется Создатель, перенесется мысленно къ тому времени, когда, по дѣйствию всемогущаго Слова Божія, возникли изъ небытія свѣтъ и небо, земля и солпце, луна и звѣзды, и все дивное украшеніе земли? Какими чувствованіями должна наполниться душа священника, когда онъ, совершая кажденіе, представитъ себѣ, какъ, согласно сказанію свящ. Бытописателя, *Духъ Божій*, истинный свѣтъ и благоуханіе во спасаемыхъ, при твореніи міра *носился верху воды* и все оживотворялъ своею живительною силою (Быт. 1, 2)? Можетъ-ли душа священника оставаться холодною, когда онъ, стоя предъ царскими вратами и читая *свѣтильничныя молитвы*, представитъ, что, онъ въ данномъ случаѣ, изображаетъ собою и падшаго Адама, изгнаннаго Богомъ изъ рая и вающагоси предъ вратами его, и обѣтованнаго падшему прародителю Божественнаго Ходатая или Искупителя міра, имѣющаго *сте-*

ретъ главу змія, иже есть діаволъ и сатана (Быт. 3, 15; Апок. 20, 2), и въ Его лицѣ, т. е. въ лицѣ Искушителя возсылаеть о всѣхъ людяхъ молитву? Говоря вообще, священникъ живо долженъ представлять духовное знаменіе всѣхъ вещей и дѣйствій церковнаго богослуженія, имъ совершаемаго, такъ какъ нельзя указать ни одного священнаго богослужебнаго дѣйствія, которое не имѣло бы высокаго духовнаго значенія, которое не представляло бы намъ Бога и Его высокихъ совершенствъ, дѣлъ, обѣтованій и судьбъ, святой жизни, страданій, смерти и послѣдовавшей потомъ славы Божественнаго Искушителя рода человѣческаго—Господа Іисуса Христа.

Память священника, при совершеніи церковныхъ священнодѣйствій, также должна быть занята предметами, способными произвести въ душѣ его святыхъ возвышенныхъ чувствованій. Въ этомъ отношеніи священникъ, съ одной стороны, долженъ живо помнить данный еще при крещеніи и потомъ снова повторенный имъ, при полученіи благодати священства, обѣтъ—любить Бога и служить Ему всею душою, всею силою и крѣпостію ума и сердца. И, конечно, не можетъ отречься отъ обѣтовъ своихъ пастырь, живо и твердо помнящій, что онъ Самого Господа призывалъ во свидѣтельство истины своихъ обѣщаній; его сердце вострещеть и смягчится при одномъ представленіи, что чрезъ явное нарушеніе клятвы онъ долженъ лишиться вѣчнаго спасенія и блаженства, проповѣданнаго въ св. Евангеліи, уготованнаго смертію или крестомъ и воскресеніемъ Христовымъ. Когда такимъ образомъ священникъ вспомнить свои священные обѣты, данные имъ Богу, и въ сердцѣ его легко возродятся сродныя имъ святые чувствованія. Съ другой стороны, память его должна быть занята нѣкоторыми изреченіями свящ. Писанія, которое, какъ слово всемогущаго Бога, *дающаго вѣзмъ животъ, дыханіе и вся* (Дѣян. 17, 25), глубоко потрясаетъ душу и сердце и проникаетъ всѣ сокровенные изгибы падшей духовной природы человѣка. По словамъ Апостола, *слово Бо-*

жїе живо и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча ободу остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ. (Евр. 4, 12). Въ особенности необходимо священнику знать и чаще припоминать тѣ мѣста свящ. Писанія, которыя имѣють ближайшее отношеніе къ дѣлу пастырскаго служенія его, и сила которыхъ надъ душею, очевидно, ощутительна и неоднократно имъ самимъ была испытана. Таковы напр. слѣдующія мѣста свящ. Писанія: „Жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничтожитъ“. (Псал. 50, 19). „Приближаются Мнѣ людїе сіи усты своими, и устнами своими почитаютъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене, всуе же почитаютъ Мя“. (Исаи 29, 13; см. Мѡ. 15, 8; Марк. 7, 6). Проклятъ человекъ творяй дѣло Господне съ небреженіемъ. (Перем. 48, 10). Тако да просвѣтитъ ся свѣтъ вашъ предъ человеки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего иже на небесѣхъ. (Мѡ. 5, 16). Да служимъ благоугодно Богу, съ благоуловіемъ и страхомъ, ибо Богъ нашъ огнь поядаяи есть. (Евр. 12, 28—29) и др.

Слухъ священника долженъ быть открытъ только для иѣнїя священнаго. Возносясь на небо, вознося туда же и внимающую имъ душу, священныя звуки производятъ въ нашемъ духѣ каждую сродныхъ ему наслажденій въ горнемъ мірѣ. Самый смыслъ церковныхъ иѣсноиѣнїи располагаетъ насъ къ христіанскому богомыслію, обращая мысль нашу отъ чувственнаго къ духовному, отъ временнаго къ вѣчному. По свидѣтельству 1 кн. Царствъ, царя Израильскаго Саула, послѣ того какъ онъ отверженъ былъ Богомъ, „давляше духъ лукавый отъ Господа. И рѣша отроцы Сауловы къ нему: се нынѣ духъ лукавый отъ Господа давитъ тя; да рекутъ раби твои нынѣ предъ тобою, и възвѣстуютъ господину нашему мужа знающа иѣти въ гусли: и ввсегда будетъ духъ лукавый на тебѣ, и тогда да поетъ въ гусли своя, и благо ти будетъ, и упокоитъ тя“. Богоотверженному царю указали, какъ на искуснаго

пѣвца, на сына Иессеова изъ Виѳлеема, — Давида — мужа разумна, мудра въ словеси и имѣющаго благодать у Господа. „И посла Саулъ къ Иессею, глаголя: да предстоить Давидъ предо мною, яко обрѣте благодать предъ очима моима. И бысть, внигда быти духу лукаву на Саулѣ, и взимаше Давидъ гусли, и играше рукою своею, и отдыхаше Саулъ, и благо ему баше, и отступаше отъ него духъ лукавый“ (16, 14—23). О св. Пророкѣ Елисеѣ известно, что онъ считалъ для себя необходимымъ слушать „пѣвца“, когда ему пужно было пробудить въ себѣ такіа чувствованія, чтобы приблизиться къ Богу и получить отъ Него откровенія: „и бысть егда воспѣваше пѣвецъ, и бысть на немъ (на пророкѣ) рука Господня“. (4 Цар. 3, 15). И самъ Господь силъ Іегова, желая явить славу свою избраннымъ, являлся имъ въ безчисленномъ сонмѣ небесныхъ духовъ, „взывавшихъ другъ ко другу и глаголавшихъ: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ: исполни вся земля славы Его“. (Исаи. 6, 2—3), и въ сонмѣ таинственныхъ старцевъ, вопіющихъ Ему: аллилуія. (Апок. 19, 4), — и это, безъ сомнѣнія, для того, чтобы духъ этихъ избранныхъ, тяготеющей долу — къ землѣ, поддержать на высотѣ, достойной созерцанія неприступнаго величія Божія. При томъ священникъ не долженъ лишь услаждать слухъ свой пріятностію звуковъ, искуснымъ исполненіемъ свящ. пѣснопѣвій, но долженъ устремлять умъ свой туда, куда возносятся священные звуки. Само собою разумѣется, что пѣвцы должны наблюдать въ пѣніи порядокъ, приличіе и благочиніе.

Взоры служителя Божія, при совершеніи церковныхъ священнодѣйствій, должны быть устремлены на священные изображенія. Въ „священныхъ изображеніяхъ Церковь всегда видѣла обширную и многостороннюю систему назиданія и наученія своихъ чадъ, то представляя имъ высокіе образцы для подражанія, то образно преподавая имъ возвышенные уроки вѣроученія и правоученія, то вообще воспитывая въ нихъ чувство благоговѣнія къ своему Господу, славимому въ событіяхъ и первенцахъ Его благодатнаго царства — св. угодни-

ках". Въ святыхъ иконахъ предъ нашимъ взоромъ представляется вся красота небеснаго міра и эта священная красота можетъ растрогать наше сердце, божественнымъ духомъ озарить нашу душу. Съ благоговѣніемъ взирая на священныя изображенія, или иконы, мы не можемъ не представлять духовной близости къ намъ и божественнаго лица, и святыхъ угодниковъ Божіихъ, на нихъ изображенныхъ. Отъ видимаго образа и косный умъ нашъ легко воспаряетъ къ первообразу. И чѣмъ живѣе мы будемъ ощущать близость достопокланяемаго лица, тѣмъ пламеннѣе будетъ наше чувство. Говоря вообще, святая икона—вѣрное и надежное средство къ возбужденію въ насъ благочестивыхъ мыслей и чувствованій.

Устраивая такимъ образомъ силы и способности своей души, священникъ удобно перейдетъ къ чувствованіямъ, которыя должны выразиться въ священныхъ дѣйствіяхъ и обрядахъ церковныхъ.

(Продолженіе будетъ).

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ¹⁾).

62. Практическія указанія относительно выработки хорошаго произношенія.

Необходимость и важное значеніе для проповѣдника выразительнаго произношенія естественно требуютъ отъ кандидатовъ священства тщательныхъ, серьезныхъ и систематическихъ упражненій въ произношеніи. Упражненія эти должны начинаться еще съ дѣтскаго возраста, когда голосъ бываетъ болѣе мягокъ и болѣе способенъ къ развитію. Приведемъ здѣсь нѣсколько практическихъ указаній, могущихъ способствовать пріобрѣтенію этого искусства, ограничиваясь однѣми лишь тех-

¹⁾ См. № 22 за 1901 г.

ническими условіями, такъ какъ условія логическія и художественныя выполняются уже при помощи техническихъ средствъ на основаніи общаго уровня умственнаго развитія и образованія проповѣдника.

Начинать упражненія въ выработкѣ хорошаго произношенія всего естественнѣе съ чтенія литературныхъ произведеній, которыя могутъ быть заучиваемы предварительно наизусть.

Первое, на что слѣдуетъ обратить вниманіе приступающему къ упражненіямъ, это—выработка яснаго и отчетливаго произношенія каждаго слова въ отдѣльности такъ, чтобы ясно были выговариваемы не только слова, но и всѣ части ихъ, т. е. слоги, изъ которыхъ окончанія обыкновенно какъ въ разговорѣ, такъ и при неумѣломъ чтеніи скрадываются. Съ цѣлію достиженія ясности и отчетливости въ произношеніи, слѣдуетъ употреблять слѣдующій приемъ. Взявъ какойнибудь прозаическій отрывокъ, произносить его весь однимъ голосомъ, въ одинъ только тонъ, раздѣльно, по словамъ, безъ малѣйшихъ логическихъ удареній на нихъ, безъ соблюденія знаковъ препинанія, кромѣ точки, послѣ которой должна слѣдовать болѣе или менѣе продолжительная пауза; при этомъ, послѣ каждаго рѣшительно слова нужно дѣлать самыя незначительныя остановки, временное пространство которыхъ можно обозначать однимъ ударомъ руки. Произносить слова нужно не такъ, какъ они пишутся, но какъ обыкновенно выговариваются *).

Затѣмъ, когда на нѣсколькихъ литературныхъ произведеніяхъ будетъ болѣе или менѣе выработана ясность, раздѣльность и отчетливость произношенія, слѣдуетъ перейти къ выработкѣ умѣнья дышать. Упражненія, способствующія выработкѣ свободнаго распоряженія этимъ техническимъ условіемъ выразительнаго произношенія, имѣютъ нѣсколько стадій и всего успѣшнѣе могутъ быть производимы на чтеніи гек-

*) *Островскій В.*: „Выразит. чтеніе“, стр. 119—120.

заметровъ. Ходъ упражненій долженъ быть постепенный. Начальное упражненіе въ этомъ отношеніи должно состоять въ слѣдующемъ. Взять на среднемъ тонѣ и средней силѣ строку гекзаметра, сдѣлать передышку предъ началомъ строки и читать строку до конца, выдерживая безъ измѣненій высоту и силу тона. Опять сдѣлать вдыханіе и читать вторую строку такъ же и т. д., по одной строкѣ на каждое вдыханіе. Послѣ упражненій надъ единичными строками слѣдуетъ перейти къ подобному же чтенію сразу безъ передышки по 2 строки. Высота и сила тона должны быть умѣренными и должны оставаться все время безъ измѣненія, чѣмъ будетъ пріобрѣтаться, вмѣстѣ съ умѣньемъ правильнаго и свободнаго дыханія, еще и выдержанность относительнаго тона. За упражненіями во вдыханіи, задерживаніи воздуха и экономномъ выдыханіи его при чтеніи 2 строкъ гекзаметра должно идти чтеніе безъ передышекъ 3, 4 и т. д. строкъ, сколько можно выдержать. При усталости слѣдуетъ прекращать упражненія, но, отдохнувъ немного, начинать ихъ снова. Наконецъ, послѣдній рядъ упражненій въ выработкѣ умѣнья правильнаго дыханія при чтеніи и вообще при произношеніи долженъ отличаться разнообразіемъ и касаться болѣе длинныхъ періодовъ. Слѣдуетъ взять какой-либо, сравнительно бѣльшій по объему періодъ, напр. строкъ 12 гекзаметра, разставить мѣста передышекъ не въ началѣ строкъ, а въ разныхъ мѣстахъ, произвольно, въ различныхъ разстояніяхъ одна передышка отъ другой, и читать, соблюдая законы передышекъ на означенныхъ мѣстахъ.

Послѣ упражненій, касающихся дыханія, должны слѣдовать упражненія, способствующія увеличенію объема и силы голоса, гибкости и подвижности рѣчи, иначе сказать—упраженія въ „рычагахъ тона“. Первые упражненія въ этомъ родѣ должны быть направлены на выработку способности сознательно, отчетливо и свободно брать относительные тоны той или другой высоты, съ сохраненіемъ опредѣленности, чистоты и выдержанности каждаго тона.

Для такихъ упражненій, касающихся повышенія и пониженія тона, слѣдуетъ брать какіе-нибудь періоды опредѣленнаго размѣра, лучше всего строки гекзаметра, принимая каждую строку за отдѣльный періодъ. Первую строку слѣдуетъ читать самымъ низкимъ изъ доступныхъ голосу относительныхъ тоновъ, выдерживая его въ чистомъ видѣ до конца строки. Взятый относительный тонъ обращается, такимъ образомъ, для этой строки въ основной. Слѣдующую строку нужно читать основнымъ тономъ уже болѣе высокимъ, чѣмъ предыдущій, третью строку—еще болѣе высокимъ и т. д., восходя постепенно до такого тона, выше котораго голосъ уже переходитъ въ фальцетовыя, крикливыя ноты, ни въ какомъ случаѣ не терпимыя въ произношеніи. Достигнувъ такого предѣла, слѣдующую затѣмъ строку нужно читать тономъ болѣе низкимъ, слѣдующую еще болѣе пониженнымъ и т. д., понижая до того относительнаго тона, съ котораго начато было упражненіе на первой строкѣ. Дѣлая такія упражненія, слѣдуетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы постепенное съ каждой строкой повышеніе тона не сопровождалось другими формами измѣненія его, т. е. усиленіемъ или ускореніемъ, напротивъ, чтобы, несмотря на постепенное повышеніе или пониженіе, какъ сила, такъ и продолжительность тона оставались неизмѣнными. Для человѣка, лишеннаго музыкальнаго слуха, эти упражненія въ повышеніяхъ и пониженіяхъ относительнаго тона являются самыми трудными упражненіями, такъ что здѣсь бываетъ необходима помощь музыкальных инструментовъ (рояля, фистармоніи и т. п.), на которыхъ руководитель долженъ настойчиво брать потребные тоны и такимъ образомъ наводить на нихъ голосъ учащагося, не обладающаго хорошимъ слухомъ и гибкимъ голосомъ.

Дальнѣйшія упражненія должны быть направлены на выработку способности замедлять и ускорять относительный тонъ. Для этого слѣдуетъ, читать первую строку гекзаметра какъ можно медленно, вторую—скорѣе, третью—еще скорѣе и т. д., до предѣла скороговорки, послѣ чего также посте-

ценно, съ каждой строкой, слѣдуетъ замедлить до степени первоначальной медленности. Сначала эти упражненія слѣдуетъ дѣлать на одномъ и томъ же основномъ тонѣ и при одной и той же силѣ его, избѣгая какого бы то ни было пониженія и повышенія, кромѣ, конечно, тѣхъ частныхъ уклоненій отъ основного тона, которыя производуть на слоговыхъ упражненіяхъ. Затѣмъ должны идти упражненія въ ускореніяхъ и замедленіяхъ въ соединеніи съ другими „рычагами тона“, т. е. съ постепеннымъ повышеніемъ и пониженіемъ. При этомъ преимущественное вниманіе должно быть обращено на выработку замедленія тона, какъ и вообще на медленное произношеніе, такъ какъ скорость рѣчи въ выразительномъ произношеніи вообще должна быть сравнительно медленнѣе скорости рѣчи обыденной, и, сверхъ того, при медленной рѣчи яснѣе и отчетливѣе соблюдаются всѣ главные приемы выразительности.

Третій видъ упражненій въ примѣненіи относительнаго тона заключается въ постепенномъ усиленіи и ослабленіи его. Эти упражненія должны производиться такимъ образомъ: начиная съ самаго слабого тона, на какой-либо одной средней высотѣ и при медленномъ темпѣ, съ каждой строкой гекзаметра усиливать тонъ до предѣла голосовой силы, не переходя однако же въ крикъ, и затѣмъ также постепенно уменьшать силу до первоначальнаго слабого тона. Весьма существенно при этихъ упражненіяхъ соблюдать ту же высоту относительнаго тона, т. е. производить постепенное усиленіе все на томъ же тонѣ, не допуская повышенія вмѣстѣ съ усиленіемъ, къ чему обыкновенно чувствуется невольная склонность.

По окончаніи упражненій въ отдѣльныхъ „рычагахъ тона“, необходимо перейти къ упражненіямъ въ сочетаніяхъ различныхъ „рычаговъ тона“. Здѣсь возможны нѣсколько видовъ упражненій:

а) Первую строку гекзаметра читать самымъ низкимъ тономъ; начиная со второй строки, повышать, усиливать и ускорять (все вмѣстѣ) съ каждой строкой до предѣла, а за-

тѣмъ обратно—съ каждой строкой понижать, ослаблять и замедлять; б) читать строки гекзаметра, постепенно повышая и ускоряя, но безъ усиленія, т. е. на одной силѣ тона; в) постепенно повышать, усиливая, но не ускоряя, т. е. на одной скорости; г) постепенно повышать ослабляя и понижать усиливая—на одной скорости; д) повышать замедляя и понижать ускоряя—на одной силѣ тона; е) постепенно ускорять и замедлять на одной силѣ и на одной высотѣ тона; ж) постепенно замедлять усиливая, но на одной высотѣ тона.

На ряду съ этими упражненіями въ чтеніи должны идти, съ цѣлю развитія гибкости, подвижности, объема, силы и выдержанности голоса, упражненія въ пѣніи сольфеджіо, которыя, подъ руководствомъ опытнаго учителя, могутъ дать тѣ же результаты, что и чтеніе, но, пожалуй, еще въ болѣе короткое время, въ виду большаго мускульнаго напряженія, а, стало быть, и дѣйствительности голосовой гимнастики, при пѣніи, чѣмъ при чтеніи *).

Наконецъ, послѣднія упражненія должны касаться мелодичности, разнообразія и гибкости рѣчи вообще и стоять въ связи съ логическими и даже художественными условіями выразительнаго произношенія. Теперь учащійся долженъ имѣть дѣло уже не съ гекзаметрами, а съ рѣчью прозаической, и читать, обращая серьезное вниманіе на всѣ грамматическіе и логическіе знаки, ударенія и паузы. Предъ чтеніемъ долженъ происходить подробный разборъ содержанія рѣчи для того, чтобы читающій могъ дѣлать правильныя логическія ударенія, знать, гдѣ слѣдуетъ произнести извѣстное слово съ извѣстной символической окраской и т. д. Первые упражненія въ этомъ родѣ должны производиться на чтеніи періодовъ. Въ виду того, что каждый періодъ, будетъ ли онъ условный, причинный, уступительный и т. д., всегда имѣть двѣ части, читающій долженъ дѣлить періоды, во время произнесенія ихъ, на эти части паузой и соблюдать постепенныя повышенія голоса къ

*) *Коровяковъ Д.*: „Искусство выраз. чтенія“, стр. 72—73, 57—62.

концу первой части, а постепенныя пониженія къ концу второй.

Овладевъ ясностью произношенія, паузами грамматическими и логическими, а также логическими удареніями, достигнувъ, благодаря тщательнымъ упражненіямъ, гибкости и подвижности голоса, — словомъ, приобрѣтши уже извѣстный навыкъ къ выразительному чтенію и произношенію, учащійся можетъ приступить къ изученію различныхъ символическихъ окрашиваній рѣчи, выражающихъ извѣстное состояніе души человѣка и его отношенія къ тому или иному предмету или явленію. Въ виду того, что никакая теорія не въ силахъ дать положительныя и полныя наставленія относительно того, какое душевное настроеніе человѣка какимъ тономъ слѣдуетъ выражать, при чтеніи литературныхъ произведеній, изображающихъ различныя настроенія человѣка и его отношенія къ различнымъ явленіямъ, учащійся необходимо долженъ имѣть опытнаго руководителя. Подсказывать же ему, какое обрашываніе слѣдуетъ придать словамъ выражающимъ иронію, горе, отчаяніе, веселье, гордость, любовь, злобу, негодованіе, умиленіе, грусть и т. д., будетъ особое инстинктивное свойство, присущее каждому по самой его природѣ.

Когда учащійся приобрѣтетъ гибкость, подвижность и выдержанность голоса; когда онъ достаточно успѣетъ въ искусствѣ выразительнаго произношенія: то всѣ условія послѣдняго — какъ грамматическія и логическія, такъ и художественныя — стануть выполняться имъ и въ обыденной рѣчи, а тѣмъ болѣе въ проповѣднической дѣятельности: выразительность произношенія обратится у него въ привычку и естественное выраженіе всѣхъ его дѣйствительныхъ и искреннихъ душевныхъ состояній, и никакой аффектаціи и напыщенной искусственности въ его рѣчи не будетъ.

Конецъ второй части.

А. Юрьевскій.

ЧАСТЬ III.

Проповѣдь внѣбогослужебная.

64. Характеристика религіозно-нравственнаго состоянія простаго народа; необходимость усилена церковнаго учительства въ сельскихъ приходахъ.

Русскій народъ является однимъ изъ самыхъ религіозныхъ народовъ. По мысли западно-европейскаго ученаго Леруа-Булье, высказанной имъ въ сочиненіи: „Религія въ Россіи“, русская душа, по самой природѣ своей, всегда стремится къ началамъ христіанской религіи и морали, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда теоретическая мысль человѣка совершенно безрелигіозна *). Особенною религіозностью среди русскихъ отличается простой народъ—жители селъ и деревень и низшіе слои населенія городовъ. По замѣчанію извѣстнаго современнаго писателя—народника, русскій крестьянинъ „въ Бога вѣруетъ крѣпко, непоколебимо крѣпко, близость Бога ощущаетъ почти до осязанія“ **). И замѣчаніе это вполне справедливо и вѣрно. Крестьяне—самые послушные сыны Православной Церкви. Религія составляетъ ихъ духовную силу и корень ихъ жизни.—Но какъ несомнѣнна искренняя религіозность русскаго простолудина, такъ несомнѣнно и то, что эта религіозность его выражается только въ безотчетномъ стремленіи къ Богу, составляющемъ одну лишь основу полной и истинной вѣры. На почвѣ этого стремленія у нашего крестьянина нѣтъ вполне ясныхъ и опредѣленныхъ представлений о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку, нѣтъ надлежащаго понятія о самыхъ важнѣйшихъ истинахъ христіанства; иначе сказать—нашему крестьянину недостаетъ истинно христіанскаго образованія, недостаетъ разумной вѣры.

*) С. С. Б. (Антоній еп.). Письма къ пастырямъ.

***) Успенскій Гл. Сочиненія, т. II. („Крестьянинъ и крестьянскій трудъ“), Сиб. 1889 г. стр. 535.

Слѣдствіемъ этой низкой степени развитія народа въ религіозномъ отношеніи является то, что религіозное сознаніе народа затемнено различнаго рода суевѣрїями и ложными воззрѣніями на предметы христіанской вѣры и на истинно-христіанскія отношенія людей другъ къ другу. Всевозможныя суевѣрїя, искажающія скудный запасъ понятій простолюдина о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, наполняютъ собою почти всю жизнь крестьянина и унаслѣдованы имъ отъ древнихъ, языческихъ временъ. Почти вся жизнь темнаго, особенно неграмотнаго, крестьянина опутана цѣлою сѣтью всевозможныхъ суевѣрїй, самыхъ нелѣпыхъ, нерѣдко стоящихъ въ полномъ противорѣчїи съ истинами христіанской религіи *).

Темень и малосвѣдущъ нашъ народъ въ живыхъ истинахъ православной вѣры. Но надо отдать ему справедливость: онъ и самъ сознаетъ свои недостатки въ познанїяхъ св. вѣры и не желаетъ освободиться отъ этой темноты; онъ не только не боится свѣта, но даже ищетъ его. Благодаря этому пробудившемуся въ народѣ стремленію къ свѣту христіанскаго ученія, для пастырской проповѣди открывается широкое поле, и если пастыри Церкви въ-время не усилятся прїйти къ крестьянину съ своимъ учительнымъ словомъ на помощь въ этомъ стремленіи его къ живой, разумной, сознательной вѣрѣ и религіозному просвѣщенію, то народъ или самъ начинаетъ додумываться до смысла исповѣдуемой имъ религіи, или же прислушивается къ голосу непрїзванныхъ проповѣдниковъ. Послѣдствіемъ всего этого являются довольно плачевные результаты: простолюдинъ или самостоятельно создаетъ ложныя религіозныя воззрѣнія, или же заимствуетъ ихъ отъ живущихъ съ нимъ въ сосѣдствѣ сектантовъ. Въ послѣднее время южно-русскіе крестьяне стали особенно склонны къ внушенїямъ штундистовъ, религіозныя собранія которыхъ тѣмъ особенно привлекательны для народа, что послѣ-

*) „Вильбопослужебныя собесѣдованія“. Владимірскія епар. Вѣдом., 1882 г., № 22.

дователи этой секты ищутъ, дѣйствительно, *сознательной* вѣры, хотя и неправильно понимаютъ ее.

„Мы переживаемъ,—говоритъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ современныхъ пастырей,—время, о которомъ можно сказать словами Свящ. Писанія: *се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія; ночь преиде, а день приблизися*. Не слушателей искать намъ приходится,—насъ ищутъ слушатели. Тысячи людей стекаются къ нашимъ кафедрамъ, чтобы слышать разъясненіе слова Божія, умудряющаго во спасеніе, обѣтованіе имѣющаго живота нынѣшняго и грядущаго. Отъ насъ, служителей слова, ждутъ разрѣшенія жгучихъ вопросовъ настоящаго, весьма важныхъ для послѣдствій будущаго: намъ же поручаютъ руководство въ школахъ, уже не противодѣйствуя намъ, какъ бывало, или равнодушно относясь къ нашей дѣятельности, а высоко поднимая ее и помогая ей. Съ другой стороны, время дѣлаетъ свое дѣло: сила зла растетъ, плевеи множатся, множатся еретическія ученія, увлекающія отъ церкви многихъ. Эти ученія преимущественно съ отрицаніемъ относятся къ пастырской дѣятельности. Посему поднять эту дѣятельность до ея настоящаго значенія—свободнаго, проникнутаго Христовою ревностью служенія на благо и спасеніе душъ человѣческихъ, значитъ обезоружить враговъ пастырства“ *).

„*Дадите имъ вы ясти* (Лук. IX, 13). Къ намъ,—говоритъ въ своемъ архипастырскомъ посланіи преосвящ. Макарій,—эта заповѣдь Пастыреначальника, возлюбленные о Господѣ сонастыри и сослужители! Мы, а не кто другой, дадимъ ясти нашей паствѣ—*хлѣбъ жизни—малоль Божій*. Посмотрите на нивы, какъ онѣ *плавы суть къ жатвѣ уже* (Іоан. 4, 35)! Посмотрите на людей нажити нашей, какъ они алчутъ этого хлѣба жизни! Съ какой иногда жадностью они принимаютъ хлѣбъ нечистый, смѣшанный съ сорными травами за-

* *Орнатскій Ф. свмш.* „Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной Церкви съ С.-Петѣрбургѣ“. Церк. Вѣд., 1891 г., № 18.

блужденій! Вотъ, увлеченные въ сѣти безпоповщины, лжесвященства и разнаго рода сектанства,—не простецы ли это, рѣдко видящіе своего пастыря и еще рѣже слышащіе слово истины, но часто оглашаемые словомъ лжи, питаемые затхлымъ хлѣбомъ заблужденія и невѣрія, напоемые ядомъ хулы на Церковь и поношенія на пастырей! И повѣрилъ простецъ этой хулѣ и клеветѣ, потому что онъ рѣдко слышалъ слово истины. Ъль онъ этотъ затхлый хлѣбъ, потому что часто лишенъ былъ возможности получать чистый хлѣбъ жизни.—Но то была *нощь, егда никтоже можетъ дѣлати* (Іоан. 9, 4); теперъ же и *свѣтъ* свѣтитъ начинаетъ заря съ высоты, и мы, пастыри, призываемся изнести свѣтильники слова, врученные намъ, и поставить ихъ на свѣщницахъ, да свѣтятъ тѣмъ, иже въ храминѣ Церкви суть. Понесемъ алчущимъ хлѣбъ, дадимъ народу ясти! Будемъ питать его не впроголодь, а до сыта, да вселяется во всѣхъ слово Христова обильно!“ *).

(Продолженіе будетъ).

*) *Макарій еп. Томскій*. „Архиерейское посланіе къ пастырямъ Томской епархіи“. Церк. Вѣдом., 1891 г., № 39.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 29 мая 1901 г

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 24.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, іюня 10-го.

Содержаніе: Очерки православно-христіанскаго нравоученія (продолженіе).—Какъ священникъ можетъ пробуждать въ душѣ своей святія чувствованія при совершеніи службъ церковныхъ? (окончаніе).—Каникулярная поѣздка въ Св. Землю (продолженіе).

Очерки православно-христіанскаго нравоученія ¹⁾.

*Уваженіе къ духовнымъ лицамъ, къ начальникамъ, родителямъ
и ко всемъ старшимъ.*

Кромѣ общихъ, есть еще частныя права, принадлежащія тѣмъ или другимъ лицамъ, по особому ихъ отношенію къ намъ. Долгъ христіанской любви къ ближнимъ требуетъ уважать и эти права. „Отдавайте всякому должное, говорить ап. Павелъ, кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь. Не оставайтесь должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви“ (Рим. 13,

¹⁾ См. № 22 за 1901 г.

7—8). Отюда вытекають слѣдующія особенныя обязанности наши къ ближнимъ:

1) *Уваженіе къ духовнымъ лицамъ.* Духовныя лица имѣють своимъ долгомъ проповѣдывать слово Божіе (Мѡ. 28, 19), совершать таинства (1 Кор. 4, 1) и наставлять христіанъ въ вѣрѣ и благочестіи (Дѣян. 20, 28) для вѣчнаго спасенія ихъ и достиженія ими будущаго блаженства небеснаго. Для того, чтобы соотвѣтствовать такому служенію, призванные къ нему, не только должны обладать знаніемъ человѣческой природы и быть знакомыми съ различными состояніями души, но и должны имѣть сердце открытое и расширенное для своихъ пасомыхъ. „Сердце наше расширено, говоритъ ап. Павелъ, вамъ не тѣсно въ насъ“ (2 Кор. 6, 11—12). Пастыри духовные должны быть способными входить въ положеніе другихъ и дѣлаться въ истинномъ смыслѣ слова „всѣмъ для всѣхъ“ (1 Кор. 9, 22), чтобы имѣть возможность пользоваться всѣми средствами для спасенія вѣрующихъ. Наконецъ проходить свое великое служеніе они должны со всею вѣрностію и „усердіемъ“, украшаясь всѣми качествами, какія требуются отъ пастырей Церкви, чтобы „подавать“ имъ „примѣръ“ духовному „стаду“ (1 Петр. 5, 2—3. Ср. 1 Тим. 4, 12). Но, и обладая всѣми этими качествами, пастыри тогда только могутъ „дѣлать“ свое дѣло „съ радостію, а не воздыхая“, и съ „пользою“ для паствы (Евр. 13, 17), когда мы съ любовію и уваженіемъ откроемъ имъ свое сердце (1 Фесс. 5, 12—13), будемъ повиноваться имъ (Лук. 10, 16. Ср. Евр. 13, 17), имѣть къ нимъ снисхожденіе, какъ къ подобострастнымъ намъ людямъ, несвободнымъ отъ человѣческихъ немощей и слабостей, содѣйствовать имъ въ многотрудномъ служеніи молитвою за нихъ (Рим. 15, 30) и не оставлять ихъ безъ помощи въ житейскихъ нуждахъ и потребностяхъ (Мѡ. 10, 10. Ср. 1 Кор. 9, 13—14).

2) *Уваженіе къ начальникамъ.* Послѣ ближайшихъ руководителей въ дѣлѣ нашего вѣчнаго спасенія, мы должны уважать и начальниковъ всякаго рода, „какъ отъ царя посы-

лаемых“ (1 Пет. 2, 13—14) для охраненія и благоустроенія вѣншей нашей жизни на землѣ, памятуя апостольское наставленіе: „нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога устанавлены“ (Рим. 13, 1). Поэтому на различныхъ начальниковъ нужно смотрѣть, какъ на слугъ Божіихъ и блюстителей небеснаго правосудія. Одни изъ нихъ пекутся о нашемъ воспитаніи (начальники училищъ и наставники); другіе охраняютъ отъ безпорядковъ въ общественной жизни (начальники гражданскіе); иные защищаютъ насъ отъ обидъ силою государственныхъ законовъ (судьи); нѣкоторымъ, наконецъ, государь ввѣряетъ охрану и защиту нашего отечества отъ вѣншихъ (а иногда и внутреннихъ) враговъ (начальники военные). Вмѣняя намъ въ обязанность „повиноваться“ всѣмъ этимъ начальникамъ, и притомъ „не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти“, ап. Павелъ говоритъ: „начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся: ибо онъ не напрасно носитъ мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое“ (Рим. 13, 4—5).

3) Уваженіе къ *родителямъ*. Все, что требуется отъ дѣтей въ отношеніи къ своимъ родителямъ, сокращенно выражено въ пятой заповѣди Закона Божія: „чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ, и долголѣтенъ будешь на земли“ (Исх. 20, 12. Ср. Еф. 6, 2—3). Этою заповѣдію внушается дѣтямъ: почтительность къ родителямъ, послушаніе и благодарность къ нимъ. Сколь легко и естественно почитать своихъ родителей, столько тяжекъ грѣхъ непочтительности къ нимъ; поэтому въ законѣ Моисеевомъ опредѣлено было: „кто злословитъ отца своего, или свою мать; того должно предать смерти“ (Исх. 21, 17. Ср. Мѡ. 15, 4; Мрк. 7, 10). Даже слабости родителей не должны внушать дѣтямъ непочтительность къ нимъ; потому что почтительность къ родителямъ основывается не на личныхъ только качествахъ ихъ, но, главнымъ образомъ, на самомъ званіи ихъ. „Не ищи славы въ безчестіи отца твоего, говоритъ Премудрый, ибо не слава тебѣ безчестіе отца. Слава человѣка—отъ чести отца

его, и позоръ дѣтямъ мать въ безславіи“ (Сир. 3, 10—11). Вѣчно поучительнымъ урокомъ для непочтительныхъ дѣтей должно оставаться извѣстное событіе изъ жизни патріарха Ноя, надъ которымъ, по случаю неосторожнаго „опьяненія“ его, позволилъ себѣ посмѣяться меньшій сынъ его Хамъ и тѣмъ навлекъ на себя и на все свое потомство „проклятіе“ отъ его (Быт. 9, 19—27). Въ примѣръ же почтительныхъ дѣтей достаточно указать на Сима и Іафета, старшихъ сыновей Ноя, Исаака, Іосифа и Руѳъ: всѣ они, согласно обѣщанію награды за исполненіе пятой заповѣди, были удостоены родительскаго благословенія, утверждающаго, по словамъ Премудраго, дома дѣтей“ (Сир. 3, 9). Непосредственнымъ слѣдствіемъ почтительности дѣтей къ родителямъ является послушаніе ихъ родителямъ. „Дѣти, говоритъ ап. Павелъ, повинуйтесь своимъ родителямъ въ Господѣ; ибо сего требуетъ справедливость“ (Ефес. 6, 1). Такимъ образомъ, повиновеніе дѣтей своимъ родителямъ „справедливо“ по самой природѣ. Дѣти первоначально руководятся въ послушаніи родителямъ однимъ естественнымъ чувствомъ своей зависимости отъ нихъ. Но потомъ, по мѣрѣ раскрытія въ нихъ ума и воли, повиновеніе ихъ родителямъ должно переходить изъ инстинктивнаго въ чисто нравственное. На это и указываетъ выраженіе апостола: „повинуйтесь въ Господѣ“, т. е. повинуйтесь своимъ родителямъ потому, что этого требуетъ Господь. Впрочемъ, если бы родители потребовали отъ дѣтей чего либо несогласнаго съ закономъ Божиимъ, то повиновеніе имъ въ такомъ случаѣ было бы не „въ Господѣ“. Освобождая себя въ подобныхъ случаяхъ отъ исполненія требуемаго родителями, дѣти должны слѣдовать наставленію Спасителя: „кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня“ (Мѳ. 10, 37) и могутъ сказать имъ: „справедливо ли предъ Богомъ, слушать васъ болѣе, нежели Бога“ (Дѣян: 4, 19). Но, и не исполняя противозаконнаго требованія своихъ родителей, дѣти не должны уклоняться отъ исполненія всякаго другого, непротивнаго заповѣдямъ Божиимъ, желанія и требованія

ихъ ¹⁾. Высочайшимъ примѣромъ сыновняго послушанія служить для насъ отрокъ Иисусъ, о Которомъ замѣчено въ Евангеліи, что Онъ „былъ въ повиновеніи“ у воспитателя Своего Іосифа и матери Своей (Лук. 2, 51). Что касается естественнаго чувства благодарности, которое дѣти также должны имѣть къ своимъ родителямъ, то ап. Павелъ называетъ его „воздаяніемъ“ имъ „должнаго“ (1 Тим. 5, 4), т. е. какъ бы уплатою долга, образовавшагося изъ многочисленныхъ заботъ и трудовъ, понесенныхъ для нихъ родителями при ихъ воспитаніи. „Всѣмъ сердцемъ почитай отца твоего, говоритъ Премудрый, и не забывай родильныхъ болѣзней матери твоей. Помни, что ты рожденъ отъ нихъ; и что можешь ты воздать имъ, какъ они тебѣ?“ (Сир. 7, 29—30). Въ особомъ попеченіи дѣтей могутъ нуждаться родители, достигшіе преклонной старости съ ея немощами и безпомощностію. „Сынъ! пишетъ тотъ же ветхозавѣтный мудрецъ, прими отца твоего въ старости его... Хотя бы онъ и оскудѣлъ разумомъ, имѣй снисхожденіе и не пренебрегай имъ“ (Сир. 3, 12—13). Трогательный примѣръ сыновней попечительности представляетъ самъ Господь Иисусъ Христосъ, Который на крестѣ, среди страшныхъ мученій, проявилъ нѣжную заботливость о Своей осиротѣвшей матери, поручивъ ее попеченію любимаго ученика Своего Іоанна (Іоан. 19, 25—27).

Наконецъ 4) уваженіе ко *всѣмъ старшимъ*. Старшіе возрастомъ, какъ прошедшіе школу жизни, пріобрѣли житейскую опытность, и этою своею опытностію могутъ служить для младшихъ надежными руководителями въ жизни, почему ап. Петръ и заповѣдуетъ: „младшіе повинуйтесь пастырямъ“ (по слав. „старцемъ“—1 Петр, 5, 5). Господу угодно было, чтобы они прежде насъ вступили въ жизнь и шли въ ней впереди насъ. Поэтому мы должны имѣть почтеніе къ стар-

¹⁾ „О христіанской нравственности“ (Изъ чтеній по закону Божию слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ), прот. Н. Фаворовъ, Кіевъ, 1879 г., стр. 101—103.

шимъ по лѣтамъ, какъ внушаетъ слово Божіе: „предъ лицемъ сѣдаго вставай и почитай лице старца, и бойся Господа Бога твоего“ (Лев. 19, 32), продолжающаго жизнь старцевъ, въ качествѣ награды за добродѣтели, до послѣднихъ предѣловъ ея (Исх. 20, 12; Пс. 90, 16). Замѣчая въ старшихъ слабости и недостатки, мы, согласно ученію ап. Павла, не должны „укорять“ ихъ, но „увѣщавать“, какъ родителей, соотвѣтственно ихъ возрасту (1 Тим. 5, 1—2), потому что укоризны могутъ поколебать въ другихъ уваженіе къ старости.

Любовь православнаго къ своему отечеству, требующая жертвъ и самоотверженія. Власть верховная; ея важность и права. Обязанности подданныхъ къ своему Государю. Вѣрноподданническая присяга.

Главнѣйшими условіями не только благосостоянія, но и самаго существованія человѣческихъ обществъ служить *любовь къ отечеству* и преданность *верховой власти*.

Подъ именемъ отечества разумѣется не одна страна, въ которой кто родился, росъ, учился и живетъ, но цѣлое гражданское общество,—съ его правительствомъ, языкомъ, вѣрою, преданіями, нравами и обычаями. Существенная обязанность каждаго въ отношеніи къ своему отечеству состоитъ въ пламенной любви къ нему и полной готовности служить его цѣлямъ и пользѣ. По силѣ этой обязанности, мы должны любить свое отечество до рѣшимости положить за него свою душу (Іоан. 15, 13), и притомъ любить преимущественною любовью предъ всѣми народами, принимая живое участіе во всѣхъ судьбахъ его. Такая любовь называется патриотизмомъ.

Патриотизмъ есть высокое и священное чувство, внушаемое намъ природою, религіею и нравственными требованіями, ибо мы тѣсно связаны съ своимъ отечествомъ жизнію тѣлесною, религіозными побужденіями и всѣмъ внутреннимъ строемъ души своей. Противоположность патриотизму составляетъ космополитизмъ, ведущій свое начало еще отъ временъ цини-

ковъ и римскихъ стойковъ¹⁾. Христіанину совершенно не свойственъ космополитизмъ. Считать себя только гражданиномъ всего міра—значить отречься отъ всякихъ гражданскихъ обязанностей; потому что не существуетъ на самомъ дѣлѣ и не можетъ существовать всемірной гражданственности. Не космополитизмъ, а именно патриотизмъ заповѣдуется и словомъ Божиимъ. Вся книга „Плачь Іереміи“ есть боговдохновенное изображеніе самаго глубокаго патриотизма. Особенно прекрасно выражены чувства патриотической любви въ слѣдующихъ словахъ пѣсни, воспѣтой евреями въ плѣну вавилонскомъ: „если я забуду тебя, Іерусалимъ, забудь меня десница моя. Прильпни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима во главѣ веселія моего“ (Пс. 136, 5—6). Самъ Господь Іисусъ Христосъ былъ преисполненъ высочайшаго патриотическаго чувства. Хотя Онъ, какъ Богъ, „хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись, и достигли познанія истины“ (1 Тим. 2, 4), однакожъ, какъ сынъ своего народа, прежде всего заботился о „погибшихъ овцахъ дома Израилева“ (Матѣ. 10, 5—8; 15, 24) и „плакалъ“ даже объ Іерусалимѣ по поводу ожидавшей его горькой участи (Лук. 19, 41—44). Св. ап. Павелъ, какъ апостоль „языковъ“ „возвѣщалъ“ слово Божіе преимущественно „язычникамъ“ (Гал. 1, 16), и однакожъ его сердце также было проникнуто великимъ чувствомъ любви къ своему отечеству. Сокрушаясь по причинѣ упорнаго невѣрія своихъ соотечественниковъ въ Господа Спасителя, онъ говоритъ: „я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти“ (Рим. 9, 3)²⁾.

Любя самоотверженно свое отечество, мы не можемъ не уважать и стоящей надъ нами власти. Верховная власть установлена и освящена самимъ Богомъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ

¹⁾ Энцикл. Слов. Брокгауза, Спб. 1895 г., XXXI полут., стр. 378—379.

²⁾ „Предосудителенъ ли патриотизмъ?“ А. А. Бронзова въ „Христ. Чтеніи“ 1900 г., май, стр. 741—744.

самъ Господь Богъ возвѣщаль; „Мною цари царствуютъ, и повелители узаконяють правду“ (Прит. 8, 15). И въ Новомъ Завѣтѣ Иисусъ Христосъ на вопросъ искушавшихъ Его фарисеевъ: „позволительно ли (народу Божію) давать подать Кесарю (языческому государю), или нѣтъ“, отвѣчалъ: „отдавайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу“ (Мѡ. 22, 17, 21). Известно и то, что отвѣтилъ Онъ на судѣ Пилату, когда послѣдній обратился къ Нему съ вопросомъ: „не знаешь ли, что я имѣю власть распять Тебя, и власть имѣю отпустить Тебя“. „Ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, говорилъ Спаситель, если бы не было дано тебѣ свыше“ (Іоан. 19, 10—11). Тому же учить и ап. Павелъ, говоря: „нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противляющійся власти протівится Божію установленію“ (Рим 13, 1—2).

Богоустановленность верховной власти сообщаетъ ей высокія *права* и преимущества. Она имѣетъ право учреждать и предписывать все то, что, по ея благоусмотрѣнію, можетъ клониться къ достиженію ближайшей и дальнѣйшей или высшей цѣли человѣческихъ обществъ. Отсюда, чтобы имѣть возможность направлять дѣятельность гражданъ къ общему благу, и чтобы воля преобладающей власти всѣмъ имъ могла быть известна, она издаетъ законы—„узаконяетъ правду“ (Притч. 8, 15), имѣя сама постоянно Законъ Божій предъ собою. Чтобы на основаніи изданныхъ законовъ имѣть возможность управлять всѣми подданными, она „посылаетъ“ низшихъ, подчиненныхъ „правителей“ (1 Пет. 2, 14), которые должны быть ея представителями и исполнителями ея велѣній. Чтобы законы ея были всѣми исполняемы, она не только наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ, но и производитъ судъ надъ ихъ нарушителями (Рим. 13, 4),—употребляетъ награды и наказанія, чтобы однихъ возбудить и поощрить, другихъ исправить и обратить къ полезной дѣятельности; имѣетъ даже право жизни и смерти и пользуется имъ, если всѣ мѣры, направленные къ исправленію преступниковъ, оказываются неэффективными.

тельными (Быт. 9, 6; Мѡ. 26, 52; Дѣян. 25, 11; Апок. 13, 10). Наконецъ, чтобы оградить безопасность государства отъ внѣшнихъ (а иногда и внутреннихъ) враговъ, посягающихъ на его честь, благоустройство или благосостояніе, она готова силою оружія защищать права своихъ подданныхъ.

Хотя христіанство, какъ религія мира и любви, не можетъ не осуждать того духа, который обыкновенно приводитъ къ войнѣ, но зато оно не можетъ осуждать и такой самозащиты, которая требуетъ противопоставлять оружію оружіе, какъ ложно думаютъ нѣкоторые (меннониты, квакеры, наши штундисты и Толстой). „Начальникъ, по слову ап. Павла, не напрасно носить мечъ“ (Рим. 13, 4), который онъ долженъ употреблять противъ внѣшнихъ (и внутреннихъ) враговъ отечества. Въ этомъ именно обстоятельствѣ, т. е. въ томъ, что власти данъ отъ Бога мечъ, и заключается оправданіе войны. Отсюда и призваніе воина совмѣстимо съ званіемъ христіанина. Воинамъ, которые приходили къ Іоанну Крестителю и спрашивали его, что имъ дѣлать, онъ не говорилъ, чтобы они отказались отъ военной службы, а сказалъ только: „никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своимъ жалованьемъ“ (Лук. 3, 14). Есть философы-оптимисты, которые мечтаютъ о наступленіи „вѣчнаго мира“ на землѣ. И Свящ. Писаніе говоритъ о такомъ времени, когда „волеъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ“ (Ис. 11, 6), когда „перекуютъ мечи свои на орала, и копья свои—на серпы“ (Ис. 2, 4. Ср. Мих. 4, 3). Но пока всѣ народы не будутъ болѣе или менѣе одинаково одушевлены духомъ христіанской любви къ ближнимъ, до тѣхъ поръ война не перестанетъ быть печальною необходимостію для нихъ, какъ послѣднее средство къ огражденію законной свободы отъ беззаконнаго насилія¹⁾. До тѣхъ поръ среди христіанскаго міра постоянно можно будетъ слышать „о войнахъ и о военныхъ слухахъ... ибо надлежитъ всему

¹⁾ „О христ. нравственности“ прот. Фаворова, стр. 119.

тому быть“ (Мф. 24, 6). Однакожь вѣчный миръ на землѣ навсегда останется идеаломъ, къ которому непремѣнно нужно стремиться. Священный союзъ Александра I и Гаагская мирная конференція Николая II служатъ тому доказательствомъ и примѣромъ.

Сообразно съ понятіемъ о важности и правахъ верховной власти подданные должны исполнять въ отношеніи къ своему Государю слѣдующія обязанности:

1) Благовѣрно почитать своего Государя, какъ верховнаго главу всего государства и помазанника Божія, на которомъ почиваютъ дары св. Духа, потребныя для достойнаго прохожденія имъ своего служенія (1 Цар. 10, 11, 16, 13). „Не прикасайтесь къ помазаннымъ Моимъ“, говоритъ Самъ Богъ (Ис. 104, 15). „Бога бойтесь, царя чтите“, учитъ ап. Петръ (1 Пет. 2, 17).

2) Безпрекословно и охотно повиноваться ему, побуждаясь къ тому не страхомъ наказанія только, но и искреннимъ сознаніемъ важности и справедливости его повелѣній (Рим. 13, 5. Ср. ст. 1). „Будьте покорны, говоритъ ап. Петръ, всякому человѣческому начальству, для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ“ (1 Пет. 2, 13—14). Единственнымъ исключеніемъ изъ общаго правила о повиновеніи власти можетъ быть лишь неповиновеніе такимъ ея требованіямъ, которыя оказываются противными Закону Божію (Дѣян. 4, 19—20). Исключеніе это предполагается и словами ап. Петра: „будьте покорны для Господа“. Покорность человѣческой волѣ „для Господа“ или ради Господа возможна только тогда, когда она не требуетъ запрещеннаго общимъ для всѣхъ Владыкою и Господомъ.

Наконецъ, 3) не только платить охотно и безъ ропота дани, налагаемыя отъ царя для удовлетворенія общественныхъ нуждъ (Рим. 13, 7. ср. ст. 6), но и усердно возносить за него и за всѣхъ начальниковъ молитвы Господу Богу, „дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во вся-

комъ благочестіи и чистотѣ“ (1 Тим. 2, 1—2),—и, еслибы потребовалось, положить даже за него самую душу свою (Іоан. 15, 13).

Для того, чтобы вѣрно и ненарушимо исполнять обязанности въ отношеніи къ своему Государю, вѣрноподданные даютъ клятвенное обѣщаніе или *присягу*. Присяга произносится предъ св. Крестомъ и раскрытымъ Евангеліемъ, при чемъ присягающій поднимаетъ къ небу два пальца правой руки своей, и въ заключеніе обѣщанія дѣлуется слова Евангелія и Крестъ въ увѣреніе, что онъ говоритъ предъ Богомъ, въ Котораго вѣруетъ по Евангелію, и призываетъ Господа, пострадавшаго и умершаго на Крестѣ за истину, въ свидѣтеля истинности своей клятвы, и въ случаѣ нарушенія ея, покорно подвергнетъ себя лишенію наивысшаго изъ всѣхъ благъ—вѣчнаго спасенія, совершеннаго на Крестѣ и возвѣщаемаго въ Евангеліи.

Есть сектанты (анабаптисты, квакеры, меннониты, духоборцы, молокане, штундисты, Толстой и др.), которые отвергаютъ клятву, произносимую предъ лицомъ Церкви, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ важныхъ и необходимыхъ случаяхъ. Между тѣмъ употребленіе въ христіанскомъ обществѣ клятвы, вообще говоря, имѣющей цѣлью открытіе истины для утвержденія и распространенія на землѣ царства Божія, которое есть „праведность и миръ и радость во святомъ Духѣ“ (Рим. 14, 17), не только оказывается умѣстнымъ, но и прямо обязательнымъ при особенныхъ или исключительныхъ случаяхъ. Самъ Богъ клялся Собою неоднократно (Быт. 22, 16; Пс. 88, 4); ее уважалъ и Іисусъ Христосъ, когда удовлетворилъ требованію первосвященника Каиафы сказать ему во имя „Бога живаго“, точно ли Онъ Христосъ, Сынъ Божій (Мѡ. 26, 63); апостолы нерѣдко также употребляли клятву (Рим. 1, 9; 2 Кор. 1, 23; Гал. 1, 20; Филип. 1, 8; 1 Тим. 5, 21; 2 Тим. 4, 1; Евр. 6, 16 и др.); наконецъ она была въ употребленіи во всѣ времена христіанства. Если же указанные сектанты отвергаютъ клятву, то это связывается у нихъ съ приз-

наніемъ всѣхъ членовъ своей секты святыми (между которыми не можетъ быть взаимнаго недоувѣрія) и потому не нуждающимися въ клятвѣ. Въ подтвержденіе своего ученія они обыкновенно ссылаются на слѣдующія слова Спасителя: „Я говорю вамъ: не клянитесь вовсе..., но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго“ (Мѡ. 5, 34, 37). Но эти слова Іисуса Христа направлены ближайшимъ образомъ противъ іудейскихъ видовъ клятвы, иногда мелочныхъ и легкомысленныхъ, придуманныхъ евреями въ замѣнъ той, о которой самъ Богъ въ Вѣтхомъ Завѣтѣ говорилъ: „не клянитесь именемъ Моимъ во лжи, и не безчести имени Бога твоего“ (Лев. 19, 12). Чтобы избѣжать столь преступной клятвы, они придумали клясться разными предметами, какъ то: небомъ, землею, Іерусалимомъ, своею головою (Мѡ. 5, 34—36), полагая, что такого рода клятвы, хотя бы и были ложными и нарушались, не могутъ подвергаться строгой отвѣтственности клянущагося. Противъ такого-то злоупотребленія клятвою и направлены непосредственно слова Спасителя¹⁾. Главнымъ же образомъ слова Іисуса Христа выражаютъ требованіе возможной святости и чистоты послѣдователей Его. Клятва дѣйствительно не нужна была бы въ такихъ обществахъ, въ которыхъ господствовала бы совершенная свитость, равно какъ она была бы бесполезна или даже преступна тамъ, гдѣ нѣтъ никакого благоговѣнія предъ именемъ Божиимъ. А гдѣ нѣтъ владычества такой правды, по и не совсѣмъ еще ослабѣло благочестіе, тамъ въ извѣстныхъ случаяхъ она составляетъ дѣйствительное средство къ открытію истины и сохраненію взаимной вѣрности.

(Продолженіе будетъ).

Свящ. Н. Стеллецкій.

¹⁾ Очерки нравственнаго православно-христ. ученія, прот. Н. Фаворова, Кіевъ, 1889 г., стр. 61—62.

Какъ священникъ можетъ пробуждать въ душѣ своей святыя чувства при совершеніи службъ церковныхъ?

(Окончаніе ¹⁾).

Вышнее церковное богослуженіе служитъ выраженіемъ съ нашей стороны чувствъ благоговѣнія, благодарности къ Богу и смиреннаго недостойства предъ Нимъ. И вотъ, въ частности, пастырь Христовой Церкви, для настроенія себя къ благоговѣнію при совершеніи церковно-богослужебныхъ священнодѣйствій, долженъ размышлять о безпредѣльномъ величіи и непостижимыхъ свойствахъ и совершенствахъ Божіихъ, открытыхъ намъ въ природѣ видимой и Свящ. Писаніи. Трудно, даже невозможно, кажется, предположить, чтобы послѣ этихъ размысленій не пробудились благоговѣйныя чувстваванія въ сердцѣ его. Далѣе, долженъ поразмыслить священникъ и о тѣхъ особенныхъ дарахъ Божіихъ, которые излиты на него, какъ именно на пастыря душъ человѣческихъ, Премудрымъ и Всещедрымъ Богомъ. Онъ призванъ благодатію Божіею—быть *ангеломъ Господа Вседержителя и Его св. Церкви* (Малах. 2, 7; Апок. 2, 1), *солю земли и свѣтомъ міра* (Мѡ. 5, 13—14), *споспѣшникомъ Богу* (1 Кор. 3, 9), *жателемъ и дѣлателемъ виноградника Христова* (Мѡ. 21, 33—34; Марк. 12, 1; Лук. 20, 9),—призванъ „*стоять съ ангелами, славословить съ архангелами, возносить жертвы на горній жертвенникъ, священнодѣйствовать со Христомъ, возсозидать созданіе, возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра и—даже болѣе быть богомъ и творить богами*“ (Св. Григорій Богословъ: третье защитительное слово...). Священникъ долженъ помнить, что онъ, имѣющій одинаковую слабость и немощь съ прочими людьми, возлюбленъ Господомъ, предпочтенъ Имъ предъ другими, и вообще составляетъ предметъ особеннаго попеченія Божія. И неужели послѣ сего не проник-

¹⁾ См. № 23 за 1901 г.

негь его благодарность къ Богу, даровавшему ему столь великіе дары благодати?.. Неужели не пробудится тогда душа и сердце его къ ббльшей, пламенной благодарности, къ болѣе благоговѣйному смиренію и служенію? Неужели останется онъ равнодушнымъ къ Творцу, Промыслителю и Спасителю, Который такъ возлюбилъ его и поставилъ его надъ избраннымъ участкомъ своимъ?..

Извѣстно, что душа человѣческая легко и непосредственно переходитъ отъ одного чувствованія къ другому, сходному съ первымъ въ какомъ-либо отношеніи. Отсюда, въ цѣляхъ пробужденія въ душѣ своей чистыхъ и возвышенныхъ чувствованій, священнику важно знать, какія чувствованія скорѣе другихъ возникаютъ въ немъ, чтобы отъ этихъ чувствованій удобнѣе и безпрепятственнѣе вознестись къ чувствованію болѣе чистѣйшему. Разъяснимъ это на примѣрѣ. Положимъ, напр., въ священникѣ господствуетъ или преобладаетъ чувство благодарности къ благодѣтелю, оказавшему ему услугу, отъ этого чувства легко можетъ совершиться переходъ къ чувству благодарности къ Богу величайшему Благодѣтелю нашему. Или: если священникъ издавна пораженъ былъ удивленіемъ предъ чѣмъ либо необыкновеннымъ, то долженъ припомнить свое состояніе, такъ какъ при священнодѣйствіи скорѣе и сильнѣе почувствуетъ онъ благоговѣніе предъ Богомъ, „творящимъ великая и славная, чудная же и изрядная дѣла“ (См. Требн., Послѣдов. св. елее, молитву 4). Отсюда открывається, какъ полезно пастырю Церкви, въ вышеуказанныхъ цѣляхъ, размышлять о совершенномъ Воплотившимся Сыномъ Божиимъ дѣлѣ искупленія людей отъ грѣха, проклятія и смерти, объ имѣющемъ быть въ концѣ міра страшномъ, судѣ Божіемъ и другихъ величественныхъ картинахъ, съ великою силою дѣйствующихъ на сердце наше. По этому же самому священникъ долженъ стараться наполнять душу свою тихими и постоянными благими чувствованіями. Напротивъ, съ какимъ великимъ тщаніемъ пастырь Церкви долженъ охранять свое сердце отъ грѣховныхъ и постыдныхъ чувствованій и поже-

лацій, которыя весьма затрудняютъ и дѣлають почти невозможнымъ возникновеніе святыхъ и чистыхъ мыслей и чувствованій, подобно тому, какъ плевелы препятствуютъ возрасти чистой пшеницѣ. Вотъ почему и Господь нашъ Іисусъ Христосъ заповѣдуетъ: „аще принесеши даръ твой къ олтарю, и ту помянешь, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и иди прежде смириися съ братомъ твоимъ, и тогда прииди и принеси даръ твой“ (Мѡ. 5, 23—24). Сколько пастырь церкви долженъ быть чуждъ вражды на ближняго, столько же далѣкъ и нечистыхъ движеній и страстей, а также излишнихъ и суетныхъ заботъ и попеченій житейскихъ, всегда всецѣло предавая себя волѣ благого и премудраго Бога-Промыслителя.

Наконецъ, для пробужденія въ душѣ своей святыхъ чувствованій при совершеніи службъ церковныхъ, священнику необходимы также воздержаніе, чтеніе божественныхъ книгъ и молитва. Каждому по опыту извѣстно, сколько духъ нашъ, въ своемъ настоящемъ состояніи, находитъ въ чувственной природѣ нашей препятствій къ размышленію о небесномъ и къ чувствованію духовнаго! Плоть наша всегда тяготитъ духъ къ землѣ, гдѣ онъ не находитъ ничего такого, что возбуждало бы и питало его высшія духовныя стремленія и чувствованія. Воздержаніе и постъ укрощаютъ и притупляютъ грѣховное вліяніе плоти на духъ и укрощаютъ ея силу: духъ нашъ тогда легче сосредоточивается въ самомъ себѣ, свободнѣе обращается къ предметамъ міра духовнаго, и въ сердцѣ нашемъ, въ такомъ случаѣ, скорѣе возгарается пламень святыхъ и добрыхъ чувствованій. „Хочешь узнать—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ—какое украшеніе для людей постъ, какая онъ оборона и защита? Подумай о блаженномъ и чудномъ родѣ монашествующихъ. Они, убѣжавъ отъ мірскаго шума, и востекши на вершины горъ, и построивъ кельи въ тишинѣ пустыни, какъ въ нѣкоей спокойной пристани, взяли себѣ постъ въ товарищи и сообщники на всю жизнь. Зато онъ сдѣлалъ ихъ изъ людей ангелами; да и не ихъ однихъ, но

кто и въ городахъ соблюдаетъ его,—всѣхъ возводитъ онъ на самую высоту любомудрія. И Моусей, и Илія—столпы ветхозавѣтныхъ пророковъ, хотя знамениты и велики были по другимъ добродѣтелямъ, и имѣли великое дерзновеніе, однакоже, когда хотѣли приступить къ Богу и бесѣдовать съ Нимъ—сколько это возможно человѣку—прибѣгали къ посту и на его рукахъ возносились къ Богу. Поэтому и Богъ, лишь только создалъ человѣка, тотчасъ отдалъ его на руки посту, ему поручилъ его спасеніе, какъ нѣжной матери и наилучшему наставнику. *Отъ всякаго древа, еже въ раю, съядію съси: отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не съясте* (Быт. 2, 16—17),—это вѣдь родъ поста. Если же постъ необходимъ въ раю, то гораздо болѣе внѣ рая; если лѣкарство полезно прежде раны, то гораздо болѣе послѣ раны; если оружіе было нужно намъ еще до начала войны съ похотями, то гораздо болѣе необходимо споборничество поста по открытіи такой брани со стороны похотей и демоновъ“. (Бесѣда о покаян. V).

Что касается чтенія Слова Божія и другихъ божественныхъ книгъ, особенно предъ общественнымъ богослуженіемъ, то оно также весьма полезно для пастыря Церкви. Возвышенные предметы, изображаемые въ божественныхъ книгахъ, должны пробудить столь же возвышенныя чувствованія въ душѣ нашей. Посредствомъ чтенія богомудрыхъ писаній св. Отцевъ и учителей Церкви мы легко и точно усвоаемъ себѣ ихъ мысли; потому, естественно, должны вознестись и на высоту ихъ чувства. А чрезъ чтеніе Слова Божія самая мысль Св. Духа вселяется въ умы наши, очищаетъ душу и возноситъ ее горѣ—въ небесный міръ.

Но болѣе всего, въ отмѣчаемыхъ нами цѣляхъ, необходима для священника молитва. „Нѣтъ ничего равнаго молитвѣ—говоритъ вышеназванный св. Отець Церкви—она и невозможное дѣлаетъ возможнымъ, трудное легкимъ, неудобное—удобнымъ... Невозможно, чтобы человѣкъ, молящійся съ должнымъ усердіемъ и призывающій Бога непрестанно, впасть

когда въ грѣхъ. А почему это, я скажу. Кто воспламенилъ свой умъ, возбудилъ душу—переселился на небо, и такимъ образомъ Господа назвалъ своимъ; кто, вспомнивъ о своихъ грѣхахъ, бесѣдуетъ съ Нимъ о прощеніи ихъ и молитъ Его быть милостивымъ и кроткимъ—тотъ, по самому упражненію въ такой бесѣдѣ, отлагаетъ всякое житейское попеченіе, окрыляется и становится выше страстей человѣческихъ... Станемъ подражать домостроителямъ. Они, когда надобно строить зданіе изъ кирпича, по непрочности этого матеріала, связываютъ постройку длинными бревнами, и кладутъ ихъ не на большомъ, а на маломъ, другъ отъ друга, разстояніи, чтобы отъ частей владии этихъ бревенъ связность кирпичей сдѣлать крѣпче. Это сдѣлай и ты: перелагай все житейскія дѣла свои частыми молитвами, какъ бы связями изъ бревенъ, и такимъ образомъ со всехъ сторонъ огради жизнь свою. Если будешь такъ поступать, то хотя бы напали искушенія, скорби, какія либо горькія мысли, или какое бы то ни было несчастіе, не могутъ они уронить этого дома, скрѣпленнаго такъ частыми молитвами". (Злат. изъ бесѣды объ Аннѣ, IV). Одинъ источникъ всякаго блага—Господь нашъ. Потому священникъ долженъ просить Бога въ молитвахъ, чтобы Онъ отверзъ двери сердца его для входа въ него всего добраго и святого. Въ особенности же пастырь Церкви долженъ быть внимателенъ къ тѣмъ молитвамъ, которыя самъ онъ произноситъ при богослуженіи и которыя изложены въ служебникѣ и другихъ богослужебныхъ книгахъ. Молитвы эти исполнены такой трогательности и назидательности, что, при внимательномъ чтеніи ихъ, онѣ не могутъ не возжечь въ сердцѣ священника божественныхъ чувствованій.

Вотъ средства, при помощи которыхъ священникъ можетъ пробуждать въ душѣ своей святаго чувствованія, столь необходимыя для него, чтобы быть достойнымъ совершителемъ службъ церковныхъ. Правда, путь, ведущій къ достиженію данной цѣли,—путь весьма нелегкій, требующій со стороны священника неусыпной дѣятельности или бдительности надъ

собою, но пастырь Христовой Церкви, поставленный на самомъ высокомъ *свѣщеницѣ* и ближайшей ступени къ Богу, не долженъ страшиться никакихъ подвиговъ, а, напротивъ, съ радостію долженъ приступать къ нимъ въ полной надеждѣ на усиѣхъ. Божественная благодать, всегда врачующая наши немощи и восполняющая недостатки, никогда не оставитъ его безъ своей всеисильной помощи.

В. С.

Баникулярная поѣздка въ Св. Землю ¹⁾.

Отъ монастыря I. Предтечи мы поѣхали въ Иерихонъ. По этому пути шли израильтяне, предводимые Иисусомъ Навиномъ по переходѣ по сухому дну Іордана. На семь же пути во времена христіанскія стоялъ *монастырь св. Архистр. Михаила или Гималъ*,—въ которомъ Даніилъ паломникъ видѣлъ сложенными 12 камней, будто бы, тѣхъ самыхъ, которые, по распоряженію Иисуса Навина, взяты Израильтянами со дна Іорданова. Кавасъ говорилъ, что здѣсь влѣво отъ нашей дороги, на половинѣ разстоянія между Іорданомъ и Иерихономъ, есть развалины какой то церкви или даже монастыря, но я, къ сожалѣнію, не могъ побывать тамъ.

Черезъ $\frac{3}{4}$ часа по выѣздѣ изъ мон. св. Іоанна Предтечи мы были уже въ Иерихонѣ и поѣхали къ горѣ Сорокодневной. Теперь мы имѣли возможность болѣе отчетливо познакомиться съ мѣстоположеніемъ города въ разныя времена. Древній Иерихонъ лежалъ далѣе нынѣшней деревни, къ западу, у источниковъ, при подошвѣ горы Сорокодневной; въ періодъ римскаго владычества городъ устроился южнѣе, а въ періодъ крестовыхъ походовъ онъ былъ на мѣстѣ нынѣшней деревни. По дорогѣ вспоминаю давно минувшее и думаю: какъ измѣнчивы времена! какой многолюдный, крѣпкій и славный былъ здѣсь городъ! какая цвѣтущая была вокругъ мѣстность! а теперь и слѣдовъ всего этого почти не осталось.

¹⁾ См. № 21 за 1901 г.

Какая-то мертвая, могильная здѣсь тишь! ¹⁾ Мы ѣдемъ среди садовъ, изъ которыхъ *садъ русской миссіи* окруженъ высокой изгородью и отличается особенной роскошью. Слѣдуя далѣе вверхъ по теченію ручья, протекающаго по южной сторонѣ Іерихона, мы прибыли къ началу его: это и есть *Елисейевъ источникъ*, по преданію, тотъ самый, воду котораго пр. Елисей, по просьбѣ мѣстныхъ жителей, сдѣлалъ здоровою, бросивъ въ источникъ чашу соли (4 Цар. 2, 19). У магомстанъ онъ называется *Султанскимъ источникомъ*. Вытекаетъ изъ гористыхъ скалъ и въ самомъ началѣ собирается въ большой, обложенный гладкими камнями бассейнъ длиною саж. 3, шир. 1¹/₂ и глубиною почти 1 саж. Вода въ бассейнѣ чистая, холодная и очень вкусная. Далѣе она идетъ по каменистому ложу значительною массою и съ шумомъ спускается внизъ: часть ея про-

¹⁾ Запошу сюда и краткія историческія свѣдѣнія объ Іерихонѣ. По разрушеніи Израильтянами, городъ сей былъ, вопреки заклітію Іисуса Навина, но и съ повеселіемъ предсказаннаго имъ несчастія, воздвигнутъ вновь Азаномъ изъ Веиля (1. Пав. 6, 25). Онъ былъ очень великъ и окруженъ стѣнами. По богатству и роскоши растительности онъ часто называется „Городомъ пальмъ“. Вокругъ его были цвѣтуція поля хлѣба и льна. Онъ славился бальзамовыми садами; въ немъ произрастали самыя южныя тропическія растенія. Во времена земной жизни Господа Іисуса Христа здѣсь при пути стояли смоковницы и на одну изъ нихъ взобрался Закхей, чтобы видѣть Того, Кто исполнилъ надежды истиннаго Израиля (Лк 19, 4). Триумвиръ Антоній—подарилъ Іерихонъ Клеопатрѣ (въ 32-31 г. до Р. Хр.), а она продала его Ироду, который украсилъ его дворцами и сдѣлалъ своею зимнею резиденціей. Онъ здѣсь и умеръ, но похоронили его въ Геродионѣ (къ югу отъ Внелеема). Въ Іерихонѣ собирались изъ Перен и Галилеи толпы іудейскихъ богомольцевъ, путешествовавшихъ къ праздникамъ въ Іерусалимъ. Такъ и Господь Іисусъ Христосъ черезъ этотъ городъ совершалъ свое послѣднее путешествіе въ Іерусалимъ (Лк. 19, 1). Уже въ 4 в. являются на соборахъ Іерихонскіе епископы. Императоръ Юстиніанъ велѣлъ возстановить „церковь Богородицы“ въ Іерихонѣ и построить домъ для богомольцевъ. Въ 810 г. въ Іерихонѣ былъ монастырь св. Стефана. Крестоносцы устроили въ немъ замокъ и церковь Св. Троицы. Въ послѣдующее время здѣсь поселились мусульмане и городъ все болѣе и болѣе приходилъ въ упадокъ. Въ 1840 г. Іерихонъ былъ ограбленъ солдатами Ибрагима паши, а нѣсколько лѣтъ раньше опустошенъ пожаромъ. Baedeker, Paläst. u. Syrien, S. 150.

ведена въ сторону на кровлю мельницы и приводя въ движеніе мельничные жернова, большимъ каскадомъ спадаетъ на землю. Въ бассейнѣ и ручьѣ водятся красивыя рыбки и особой породы раки, не похожіе на нашихъ рѣчныхъ, да и на морскихъ. Купанье въ Елисеевомъ источникѣ насъ значительно освѣжило и приготовило къ дальнѣйшему и труднѣйшему дѣлу, восхожденію на Сорокодневную.

Сначала мы шли по предгорію *Сорокодневной* (греч. Сарандиріонъ, лат. Карантана). Здѣсь мы видѣли остатки древнихъ капитальныхъ сооружений въ видѣ большихъ зданій и стѣнъ; первыя, говорятъ, были въ древности мельницами для выработки сахара изъ сахарнаго тростника, вторыя идутъ и теперь далеко въ гору и служили, кажется, отчасти приспособленіями для стока воды съ горъ въ цистерны и многочисленные сады, занимавшіе прежде всю прекрасную долину Иорданскую. Далѣе надъ крутымъ и глубокимъ ущельемъ мы пришли къ раздolu между Сорокодневной и предгорьемъ ея: здѣсь находились посѣвы проса и др. хлѣбныхъ растений, принадлежащіе монастырю горы Сорокодневной. Подъ самой горой стоитъ съ виду весьма приличное двухъ-этажное зданіе, принадлежащее монастырю: это пріемный покой для болѣе почетныхъ гостей. Отъ этого домика начинается самый крутой и трудный восходъ на самую гору. Дорожка на эту гору хорошо разработана, такъ что теперь можно по ней не только всходить пѣшкомъ, но и взвѣзжать на осликѣ. Однако и въ настоящее время восходъ на Сорокадневную труденъ вслѣдствіе своей продолжительности и крутизны, и страшенъ, такъ какъ идетъ надъ глубокою бездною. Въ половинѣ горы на самой Сорокадневной и на противоположной, сосѣдней съ нею, горѣ зяютъ множество пещеръ большихъ и малыхъ, расположенныхъ въ рядъ и еще теперь имѣющихъ иногда между собою общіе ходы въ видѣ уступовъ горы: это жилища древнихъ христіанскихъ подвижниковъ. Особенно много виднѣется такихъ пещеръ по ту сторону Сорокадневной горы, за ущельемъ, надъ которымъ устроенъ монастырь. Минуть черезъ 40 путе-

шествия подъ жгучимъ полдневнымъ зноемъ мы наконецъ прибыли къ цѣли. Монастырь здѣсь устроился въ цѣломъ рядѣ большихъ пещеръ, окружающихъ *пещеру Искушенія Спасителя*. Со стороны глубокаго ущелья онъ огражденъ каменными стѣнами, у которыхъ привѣшены надъ страшною бездною корридоры и балкончики. Мы сперва вошли въ переднюю; поднявшись по лѣстницѣ выше, очутились среди корридоровъ, шедшихъ направо и налево и впередъ. Вышедшій къ намъ послушникъ отвелъ насъ въ архондарикъ. Здѣсь насъ встрѣтилъ словомъ привѣта радушный архим. о. Авраамій. Онъ самъ здѣсь и строитель и начальникъ. Живетъ съ двумя послушниками. Отдохнувъ и успокоившись послѣ утомительнаго пути, мы отправились въ храмъ обители. Поднявшись еще выше и пройдя двѣ большихъ пещеры, вступили въ небольшой храмъ Спасителя. Помолившись здѣсь, мы по ступенямъ поднялись еще въ другую пещеру. Здѣсь-то изъ полу выдается особый камень съ крестомъ; на немъ, по преданію, сидѣлъ Спаситель во время 40-дневнаго поста и молитвы. Здѣсь-то Онъ былъ со звѣрями, искушаемый отъ діавола! Отсюда до вершины горы минутъ 25 ходьбы. Мы сначала прошли по длинному балкону, висящему надъ головокружительной бездною, затѣмъ прошли нѣсколько шаговъ по узкому карнизу горы и, наконецъ, стали взбираться (въ сопровожденіи одного послушника) на вершину горы. Дорога также шла зигзагами, но мы иногда, для сокращенія пути, взбирались прямо на гору. Но вотъ мы уже на самой горѣ. Вершина обведена высокою каменной стѣной. Внутри стѣны—зачатки капитальныхъ работъ. Вправо отъ входа, къ востоку, алтарная часть будущаго храма; здѣсь же стоитъ и большой, окованный мѣдью крестъ съ сіяніемъ. Влѣво копаются, очевидно, цистерны. Съ этой ли горы діаволь показывалъ Господу славу и царства міра сего, или съ другой какой, неизвѣстно. Несомнѣнно только, что Господь нашъ былъ здѣсь, когда жилъ въ горѣ сей со звѣрями, и мы съ трепетнымъ сердцемъ поклонились здѣсь предъ иконою Тому, Кому Единому надлежитъ кланя-

тися и служить. Спустившись съ горы въ монастырь и проходи въ архондарикъ, мы обратили вниманіе на рабочихъ, которые въ одной изъ двухъ большихъ пещеръ занимались столярнымъ дѣломъ: очевидно, и теперь еще идетъ стройка въ монастырѣ. О. Авраамій, очевидно, принимаетъ это дѣло близко къ сердцу. Самъ уже лѣтъ 10 трудится въ этомъ мѣстѣ, и успѣхи его трудовъ у всѣхъ на виду. Не безъ чувства нѣкотораго самодовольства онъ показывалъ намъ два большихъ и по здѣшнему удобныхъ помѣщенія для приѣма богомольцевъ (душъ на 200), а также новую цистерну, которая наполнится водою, лишь только пойдутъ зимніе дожди. „Тогда, сказалъ онъ, намъ будетъ воды довольно“ ... Послѣ такого утомительнаго странствованія намъ нужно было отдохнуть, и мы подкрѣпили себя пищею и получасовымъ сномъ.

Въ часъ дня мы уже простились съ св. обителью и почтеннымъ настоятелемъ ея, а въ 2 часа мы были уже у источника Елисеева. Еще около 4 часовъ оставалось у насъ свободныхъ до выѣзда изъ Іерихова. Мы снова выкупались въ Елисеевомъ источникѣ и отправились къ русскому дому. По дорогѣ мы заѣхали въ *русскій садъ*. Намъ принялъ живущій здѣсь о. Никита. Онъ не жалуется на жару, такъ какъ садъ его даетъ немало прохлады. Мы гуляли подъ густымъ навѣсомъ изъ винограда. Вездѣ богатая растительность: финики, бананы, гранаты, олеандры. Кромѣ о. Никиты и работниковъ, есть здѣсь и двѣ работницы-богомолки изъ Малороссіи и въ томъ числѣ оказалась одна изъ Кіевской губ. Мнѣ очень пріятно было видѣть, что не одинъ я, но и другіе забрались въ эту пустыню, гдѣ нѣтъ ни почты, ни телеграфа, и куда не посылаются никакія газеты и журналы, а лишь воюють по ночамъ звѣри, да въ заросляхъ Іордана спасаются отшельники.

Заѣхавъ на короткое время въ русскій домъ и поблагодаривъ добраго и услужливаго о. Діонисія, мы въ 5 часовъ отправились въ обратный путь. Мы взобрались опять на крутизны Іуд. горъ и ѣхали надъ ущельемъ долины р. Хозевы. Черезъ $\frac{1}{2}$ часа мы остановились противъ дорожки къ Хозе-

витами. Мы сначала спустились къ половинѣ ущелья. Затѣмъ дорога пошла горизонтально надъ Хозевой. Ущелье было очень тѣсное и своимъ видомъ живо напоминало мнѣ Дарьялъ (по Военно-Грузинской дорогѣ). Выстрѣлъ моего спутника изъ револьвера отозвался громкимъ эхомъ по ущелью. Мы сбрасывали камни въ ущелье, и они были подхватываемы сильнымъ теченьемъ потока и уносимы внизъ. На полудорогѣ тропа поворачивала влѣво за выступъ скалы. Лишь только сдѣлали мы этотъ поворотъ, какъ остановились въ изумленіи передъ открывшейся чудной картиной. Внизу надъ Хозевой зеленой лентой тянулся по правой сторонѣ чудный садъ съ роскошными кипарисами по краямъ. Дальше черезъ рѣчку перекинутъ каменный мостъ. За мостомъ шумѣла мельница. А по лѣвой сторонѣ Хозевы, высоко къ скаламъ, словно гнѣздо ласточки, была прилѣплена *обитель Хозевитовъ*. Сюда нѣкогда удалился Богоотецъ Іоакимъ, отягченный скорбію вслѣдствіе поношенія безчадетва. Вблизи, но еще выше обители, виднѣлось множество пещеръ, которыя, очевидно, были обитаемы, ибо къ нимъ приставлены были лѣсенки, часто связанные между собою, или рискованно приставленные и прикрѣпленные къ скаламъ. Мы прошли къ мостику, перешли на другую сторону и стали подыматься къ обители. На полудорогѣ насъ встрѣтилъ какой-то старецъ, кажется, самъ игуменъ обители и сталъ просить насъ зайти въ близко расположенный здѣсь „кмитиріонъ“ (усыпальницу) и посмотрѣть св. мощи избитыхъ будто бы Персами. Мы зашли. Усыпальница устроена въ пещерѣ. Множество череповъ, собранныхъ изъ другихъ пещеръ, расположено въ два ряда со всѣхъ сторонъ. Кости сложены особо. Здѣсь же горятъ лампадки и зажигаются свѣчи, которыя мы купили и поставили съ молитвою къ скончавшимся здѣ праведникамъ, чтобы они ходатайствовали и о насъ передъ Богомъ, да подастъ Онъ намъ силы крѣпко и благодушно нести жребій жизни нашей. По приходѣ въ монастырь, мы были введены во храмъ. Здѣсь на стѣнѣ мы видѣли древнія изображенія свв. Іоакима и Анны и др., а на полу-древнюю

мозаику. Въ алтарѣ не были, вслѣдствіе того, что церковники теперь были заняты пригвѣской пожертвованнаго кѣмъ то паникадила. Были мы еще на балконѣ и любовались чуднымъ видомъ долины Хозевитовъ и самой рѣчки Хозевы. Мы очень жалѣли, что по причинѣ поздней поры не могли и здѣсь покушаться. Обратилъ на себя наше вниманіе своеобразный способъ доставанія воды для братіи монастыря прямо изъ Хозевы. По проволокаѣ спускается ведро изъ обители въ шумящій внизу потокъ. Оттуда оно уже съ водой подымается особымъ воротомъ на верхъ, и такимъ образомъ, всегда, по желанію, въ монастырѣ могутъ имѣть свѣжую воду. Еще болѣе поразили насъ древнія сооруженія (каменная кладка) двойного водопровода, шедшаго нѣкогда изъ Хозевы прямо въ долину Іордана. Говорятъ, эти водопроводы сооружены пр. Евѣміемъ, учителемъ пр. Саввы.

Насладившись вполнѣ видомъ долины Хозевитовъ, мы возвратились къ экипажу. Приѣхали въ Миссію уже часовъ въ 11^{1/2} ночи, преисполненные богатыхъ впечатлѣній отъ всего нами видѣннаго.

(Продолженіе будетъ).

П. Петрушевскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 4 іюня 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ, Тип. Императорск. Унив. Св. Владимира Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 25.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевокой
духовной Семинаріи.

1901 года, іюня 17-го.

Содержаніе: Очерки православно - христіанскаго нравоченія (продолженіе).—О богослужебныхъ собраніяхъ и мѣстахъ для нихъ у первенствующихъ христіанъ до построенія нарочитыхъ храмовъ Божіихъ.— Вѣрный до смерти.—Каникулярная поѣздка въ Св. Землю (продолженіе).

Очерки православно-христіанскаго нравоченія¹⁾.

Состояніе семейное. Святость супружескаго союза.

Семейное состояніе имѣетъ весьма важное нравственное значеніе. Оно есть первое, коренное состояніе, въ которомъ человѣкъ получаетъ свое бытіе, развитіе и укрѣпленіе своихъ силъ, какъ тѣлесныхъ, такъ и духовно-нравственныхъ. Здѣсь приобрѣтаетъ онъ первыя понятія о своемъ назначеніи, обязанностяхъ и отношеніяхъ къ Богу и людямъ; здѣсь научается онъ порядку, трудолюбію, покорности, чистотѣ нравовъ и

¹⁾ См. № 24 за 1901 г.

благочестію, узнаеть свои способности и склонности; здѣсь находитъ онъ для себя успокоеніе и отдохновеніе послѣ трудовъ, и отсюда беретъ побужденія и правила для разнообразной дѣятельности, какую представляетъ его жизнь домашняя, гражданская и церковная. Семья такимъ образомъ есть самая лучшая школа нравственности, и чѣмъ больше проникается человѣкъ ея духомъ, тѣмъ безопаснѣе будетъ онъ отъ различныхъ вредныхъ вліяній, ожидающихъ его въ жизни общественной. Самъ Господь Іисусъ Христосъ наибольшую часть своей земной жизни провелъ въ кругу семейномъ. И посланные Имъ на всемірную проповѣдь апостолы (Мѡ. 28, 19—20) прежде всего вносили ее въ дома частныхъ людей. Нравственное благосостояніе семействъ обыкновенно сопровождается благосостояніемъ и гражданской жизни общества; а разрушеніе семействъ неизбѣжно ведетъ къ разложенію общественной жизни.

Святость супружескаго союза, служащаго основою семейства, открывается изъ того, что онъ былъ установленъ для людей самимъ Богомъ еще въ началѣ бытія ихъ. Свящ. бытописатель представляетъ нашихъ прародителей живущими въ бракѣ, какъ мужа и жену. Создавъ перваго человѣка, Господь сказалъ: „не хорошо быть человѣку одному; сотворимъ ему помощника, соответственнаго ему“ (Быт. 2, 18) и, даровавъ вмѣстѣ съ тѣмъ первою челоѣку благословеніе— „плодитесь, размножьтесь и наполняйте землю“ (Быт. 1, 28), чрезъ то самое установилъ на всѣ времена законъ супружества для людей. Законъ этотъ, по вдохновенію отъ Св. Духа, изреченъ былъ Адамомъ, когда онъ, увидѣвъ сотворенную для него помощницу, произнесъ: „вотъ это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою: ибо взята отъ мужа своего. Потому оставитъ человѣкъ отца своего и мать свою, и прильнетъ къ женѣ своей; и будутъ два одна плоть“ (Быт. 2, 23—24). Хотя благословеніе размножаться дано Богомъ и всѣмъ земнымъ существамъ, но собственно супружеское благословеніе получили только люди,

такъ какъ брачный союзъ не есть только плотское соединеніе лицъ различнаго пола, но и духовно-нравственное общеніе ихъ—въ трудѣ и отдохновеніи, въ скорбяхъ и радостяхъ жизни,—въ силу котораго они составляютъ, какъ голова и тѣло, „одну плоть“, и потому въ отношеніи другъ къ другу не суть только мужчина и женщина, но—мужъ и жена. Эта изначальная святость супружескаго союза, вслѣдствіи ограждаемая въ законѣ Моисея (Лев. 20, 10; Втор. 7, 14 и др.), подтверждена и еще болѣе возвышена въ христіанствѣ. Господь Іисусъ Христосъ, внушая уваженіе къ этому союзу, почтилъ Своимъ присутствіемъ брачное торжество въ Капѣ Галилейской и положилъ тамъ начало своимъ знаменіямъ, чудесно претворивъ воду въ вино (Іоан. 2, 1—11). Онъ утвердилъ боговдохновенно изреченный праотцемъ законъ брака и показалъ его первоначальное единство (единоженство и единомужество) и нерасторжимость, когда сказалъ фарисеямъ: „не читали ли вы, что сотворившій въ началѣ мужчину и женщину, сотворилъ ихъ? И сказалъ: посему оставитъ человекъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотію; такъ что они уже не двое, но одна плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ“ (Мѡ. 19, 4—6. Ср. Мрк. 10, 6—9). И ап. Павелъ, изъясняя внутреннее значеніе брачнаго союза, называетъ его „тайною“ и при томъ „великою“ во образъ духовно-таинственнаго союза Христа съ Церковію (Еф. 5, 32).

Благословенное Богомъ супружество не только служить необходимымъ условіемъ къ продолженію и размноженію рода человѣческаго, но и самымъ благонадежнымъ средствомъ къ сохраненію и утвержденію добродѣтели и счастья людей. Въ отношеніи къ самимъ супругамъ оно избавляетъ ихъ отъ многихъ искушеній, приводя въ законный порядокъ естественныя влеченія одного пола къ другому (1 Кор. 7, 2. 9), смягчаетъ и облагораживаетъ нравы, удерживаетъ отъ худыхъ предпріятій, возвышаетъ радости, облегчаетъ горести и внушаетъ расположеніе ко всѣмъ другимъ добродѣтелямъ. Будучи за-

конно и свято соблюдаемо, оно же даетъ вѣрное и прочное ручательство къ правильному христіанскому воспитанію дѣтей.

Высоко-нравственное значеніе союза супруговъ налагаетъ на нихъ важныя и священныя обязанности взаимныя, которыя можно раздѣлить на общія и частныя.

Общія обязанности, равно относящіяся къ мужу и женѣ, суть слѣдующія: супруги обязаны искренно любить и уважать другъ друга (1 Кор. 7, 3), свято и ненарушимо соблюдать обѣтъ взаимной вѣрности, данный ими, по свободному желанію, предъ лицемъ св. Церкви, и освященный Богомъ въ таинствѣ брака; они обязаны имѣть христіанское терпѣніе и снисходительность одинъ къ другому въ случаяхъ какихъ-либо открывшихся недостатковъ, слабостей, или домашнихъ огорченій; должны заботиться о домашнемъ благоустройствѣ и, насколько возможно, помогать другъ другу въ свойственныхъ каждому изъ нихъ трудахъ и занятіяхъ; наконецъ они не должны терять изъ виду главнѣйшей цѣли для всѣхъ христіанъ — стремиться къ нравственному усовершенствованію другъ друга (Ефес. 2, 25—27. Ср. 1 Кор. 14, 35; 1 Пет. 3, 1—2), и никогда „не уклоняться другъ отъ друга, развѣ по согласію на время, для упражненія въ постѣ и молитвѣ“ (1 Кор. 7, 5).

Частныя, или особенныя обязанности супруговъ, касающіяся или одного мужа или одной жены, происходятъ изъ того изначальнаго отношенія, въ какое Самъ Богъ поставилъ ихъ между собою. „Прежде созданъ Адамъ, а потомъ Ева“, говоритъ ап. Павелъ (1 Тим. 2, 13), и на этомъ основываетъ естественное главенство мужа надъ женою. Но это отношеніе между первыми супругами, установленное Богомъ при самомъ созданіи ихъ, не унижало жены до положенія рабыни; ибо назначеніе Евы быть „помощницею“ своего мужа. (Быт. 2, 18. 20) указывало только на кругъ и характеръ дѣятельности жены, сообразно съ свойствами, силами и способностями ея пола. Лишь со времени грѣхопаденія жена, послужившая соблазномъ мужу къ преступленію (Быт. 3,

6—7), подверглась такому подчиненію ему, которое ограничивало ея человѣческія права (ст. 16—17). Съ пришествіемъ же Спасителя въ міръ, когда всякое бремя осужденія было снято какъ съ мужа, такъ и съ жены, духовно-нравственныя права ихъ снова возстановились¹⁾. Высшая равноправность христіанскихъ супруговъ открывается въ томъ, что „во Христѣ Исусѣ нѣтъ уже мужескаго пола, ни женскаго“ (Гал. 3, 28), что жена наравнѣ съ мужемъ есть участница всѣхъ даровъ Духа Божія, что Пресвятая Дѣва Марія, послужившая тайнѣ нашего искупленія, есть Царица Небесная, честиѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ. И однакожь это не измѣнило въ христіанствѣ того отношенія между супругами, какое въ самомъ началѣ установлено Богомъ для порядка въ настоящей жизни. Мало того. Въ христіанскомъ бракѣ изначальное отношеніе между мужемъ и женою утверждается даже и освящается высокимъ сопоставленіемъ перваго со Христомъ и второй съ Церковію: „мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ глава Церкви“ (Еф. 5, 23. Ср. 1 Кор. 11, 3).

Какъ глава, мужъ имѣеть господственную власть въ своемъ домѣ (1 Тим. 3, 4—5) и по-преимуществу обязывается вносить въ семейственное состояніе всѣ необходимыя познанія и добрыя качества, нужныя ему какъ отцу, наставнику, попечителю и защитнику собственнаго семейства (1 Кор. 14, 34—35). Какъ глава дома, онъ долженъ заботиться о содержаніи жены и семейства (1 Тим. 5, 8), оберегать жену, какъ „немощиѣйшій сосудъ“ (1 Пет. 3, 7), отъ всякихъ неприяностей и оскорбленій, и въ своемъ обращеніи съ нею не долженъ доходить до суровости и излишняго преобладанія (Еф. 5, 25; Кол. 3, 19), ни до совершенной уступчивости и унижительнаго для себя раболѣпствованія, хотя бы это послѣднее имъ допускалось изъ любви къ семейному миру. Что же касается жены, то она, питая искреннюю любовь и уваженіе

¹⁾ О христ. нравственности, прот. Н. Фаворова, стр. 82.

къ своему мужу, должна вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ ап. Павла, „повиноваться“ ему „во всемъ“, какъ „Церковь повиновется Христу“ (Еф. 5, 22. 23; Кол. 3, 18. Ср. 1 Пет. 3, 1—6). Представляемый здѣсь апостоломъ образъ, по которому жена обязана повиноваться мужу, такъ высокъ и святъ, что устраняетъ всякую мысль о какомъ-нибудь униженіи ея въ исполненіи предписываемаго ей долга. Сама природа внушаетъ женѣ тотъ же долгъ повиновенія: „къ мужу твоему влеченіе твое“, сказано было Богомъ еще нашей праматери (Быт. 3, 16). Какъ истинная и вѣрная подруга жизни, жена, далѣе, должна избѣгать вѣтренности, тщеславія, расточительности и пристрастія къ вѣшнимъ украшеніямъ (1 Пет. 3, 3). Заботясь объ общемъ семейномъ благѣ, она, наконецъ, должна усматривать выгоды и невыгоды домашнихъ обстоятельствъ, соблюдать бережливость, поддерживать порядокъ и согласіе между домашними, и быть душою въ своемъ семействѣ. Мудрый царь израильскій рисуетъ прекрасный образъ женщины-домохозяйки, „цѣна“ которой „выше жемчуговъ“ (Прит. 31, 10—31).

Ложная философія, получающая свои идеи изъ порочныхъ свойствъ и дурныхъ склонностей человѣческаго сердца, привела нѣкоторыхъ современныхъ намъ мечтателей къ такъ называемой „эмансипаціи женщины“. Отвергая христіанскій бракъ, какъ устарѣлое учрежденіе и, высказывая принципъ совершенно свободной любви во взаимномъ отношеніи половъ, эти мечтатели стремятся не только освободить женщину изъ подъ опеки мужа, но и уравнить ее съ нимъ во всѣхъ гражданскихъ правахъ и преимуществахъ. Но такое стремленіе ихъ угрожаетъ разрушеніемъ семейнаго быта и дѣлаетъ человѣка лицомъ только общественнымъ и совершенно свободнымъ въ своихъ частныхъ дѣйствіяхъ. При подобномъ стремленіи, сами собою падаютъ и уничтожаются всѣ домашнія отношенія однихъ членовъ семейства къ другимъ, и великое дѣло воспитанія дѣтей оказывается невозможнымъ, такъ какъ предоставляется не родителямъ, а цѣлому обществу. Такъ какъ

общества человѣческія не дошли еще до такого безнравственнаго безпорядка, и между ними продолжаетъ существовать естественный, Богомъ установленный порядокъ, то въ современномъ стремленіи эмансипировать женщину можно видѣть только одну несбыточную, противоестественную и не приложимую къ общей жизни человѣчества теорію, которая сама въ себѣ носитъ начало общаго замѣшательства и разрушенія въ быту человѣческомъ. На эмансипированной женщинѣ исполняется изреченіе Спасителя: „всякій возвышающій самъ себя, униженъ будетъ“ (Лук. 18, 14). Оторванная отъ семейнаго очага, она не только не достигаетъ желанной высоты, но и падаетъ ниже того достоинства, которое предназначено было для нея Творцемъ.

(Продолженіе будетъ).

Свящ. *Н. Стеллецкій.*

О богослужебныхъ собраніяхъ и мѣстахъ для нихъ у первенствующихъ христіанъ до построенія нарочитыхъ храмовъ Божіихъ.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ устроились храмы истинному Богу у народа еврейскаго приспособительно къ жертвоприношеніямъ, составлявшимъ существенное содержаніе богослуженія. Для такого богослуженія необходимы были жертвенники подъ открытымъ небомъ; а потому, самое богослуженіе совершалось не въ храмѣ, закрытомъ зданіи, а предъ храмомъ, въ открытыхъ дворахъ.

Съ появленіемъ христіанства, отвергшаго кровавыя жертвы, и съ умноженіемъ числа его послѣдователей, явилась потребность въ особыхъ храмахъ, въ которыхъ христіане могли бы „поклоняться Богу духомъ и истиною“. Эта потребность предречена была Господомъ Іисусомъ Христомъ въ бесѣдѣ Его съ самарянкою, которой Онъ сказалъ: „настанетъ время, и

настало уже, что истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу не на горѣ и не въ Иерусалимѣ, а въ духѣ и истинѣ; ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ“ (Іоан. 4, 21, 23).

Это время настало для увѣровавшихъ въ Иисуса Христа, какъ Господа Бога и Спасителя рода человѣческаго, по вознесеніи Его на небо. Первенствующіе христіане избирали сначала мѣста для молитвы въ частныхъ домахъ. Однимъ изъ такихъ домовъ была, между прочимъ, такъ называемая „Сіонская горница“, въ которой „всѣ апостолы единодушно пребывали въ молитвѣ и моленіи“, и гдѣ Духъ Святой, въ день Пятидесятницы, сошелъ „на нихъ въ видѣ огненныхъ языковъ“ (Дѣян. 1, 14; 2, 1—3). Въ „Сіонскую горницу“ собирались потомъ и всѣ вѣрующіе, обращенные въ христіанство апостолами. Находясь въ ней, „они постоянно пребывали въ ученіи апостоловъ, въ общеніи и преломленіи хлѣба, или евхаристіи, и въ молитвахъ“; а выходя оттуда, „преломляли по домамъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца, хваля Бога и находясь въ любви у всего народа“ (Дѣян. 2, 42. 44. 46). Молитвы христіанъ, собиравшихся въ „Сіонской горницѣ“, послужили примѣромъ для общественныхъ молитвъ и въ другихъ домахъ, которые избирали первенствующіе христіане для своихъ церковныхъ собраній.

Первый примѣръ такой молитвы мы находимъ у христіанъ, встрѣтившихъ апостоловъ Петра и Іоанна, задержанныхъ іудейскимъ синедріономъ за проповѣданіе вѣры Христовой, а потомъ отпущенныхъ на свободу. Когда эти апостолы пришли къ своимъ и пересказали, что говорили имъ первосвященники и старѣйшины, тогда, выслушавъ ихъ, христіане „единодушно возвысили голосъ къ Богу и сказали: Владыко, Боже, сотворивый небо, и землю, и море и все, что въ нихъ! Ты устами отца нашего Давида, раба Твоего, сказалъ Духомъ Святымъ, что мятутся язычники, и народы замышляютъ тщетное. Возстали цари земные и князи собрались вмѣстѣ на Господа и на Христа Его. Ибо поистинѣ собра-

лись въ городъ семь на Святаго Сына Твоего Иисуса, помазаннаго Тобою, Иродъ и Пилатъ съ язычниками и народомъ израильскимъ, чтобы сдѣлать то, чему быть предопредѣлила рука Твоя и совѣтъ Твой. И нынѣ, Господи, возри на угрозы ихъ, и дай рабамъ Твоимъ со всею смѣлостію говорить слово Твое, тогда какъ Ты простираешь руку Твою на исцѣленіе и на содѣланіе знаменій и чудесъ именемъ Святаго Сына Твоего Иисуса“. Послѣ этой молитвы „поколебалось мѣсто, гдѣ они были собраны, и исполнились всѣ Духа Святаго, и говорили слово Божіе съ дерзновеніемъ“ (Дѣян. 4, 24—31).

Каждый вѣрующій, находившійся въ церковномъ собраніи, бывавшемъ въ частныхъ домахъ, чувствовалъ свое тѣсное духовное общеніе со всѣми, жилъ общею жизнію, почерпалъ отсюда бодрость духа и новыя, оживляющія его силы. Въ ученіи апостоловъ онъ находилъ слово наставленія и урокъ для жизни; въ евхаристіи получалъ священный огонь, воспламенявшій въ его душѣ по отношенію къ Богу чувство сыновней любви, а по отношенію къ ближнимъ—чувство искренней любви братской; въ молитвѣ ему подавалась сила, ободрявшая и освѣжавшая его душу. Здѣсь именно заключался родникъ той высдой самоотверженной любви первенствующихъ христіанъ, которая была движущимъ началомъ всей ихъ нравственной жизни.

О церковныхъ собраніяхъ христіанъ въ частныхъ домахъ нерѣдко упоминаетъ въ своихъ посланіяхъ св. ап. Павелъ. Такъ, въ *первомъ* посланіи къ Коринѳянамъ онъ говоритъ: „привѣтствуютъ васъ усердно въ Господѣ Акила и Прискилла съ домашнею ихъ церковію“, т. е. съ собраніемъ, бывавшимъ въ ихъ домѣ (1 Кор. 16, 19). Въ посланіи къ Колоссянамъ апостоль проситъ ихъ „привѣтствовать братьевъ въ Лаодикии, и Нимфана и домашнюю церковь его“ (Кол. 1, 15). Въ посланіи къ Филимону онъ же подаетъ „благодать и миръ какъ ему, такъ и домашней его церкви отъ Бога, Отца нашего и Господа Иисуса Христа“ (Филим. 1—3). Въ *первомъ* же посланіи къ Коринѳянамъ, а также и въ посланіи къ Ев-

реямъ ап. Павелъ указываетъ на необходимость общихъ собраний для молитвъ и причащенія хлѣба Господня и чаши благословенія, каковое священнодѣйствіе должно продолжаться до втораго пришествія Христова (1 Коринѣ. 10, 16. 17; 11, 18—26, 33; Евр. 10, 25). Для нарушающихъ же чрезъ грѣхопаденіе духовный союзъ со Христомъ и Церковію, но потомъ раскаивающихся и ищущихъ примиренія съ ними, необходимо разрѣшеніе и отпущеніе ихъ грѣховъ (1 Кор. 5, 1—13; 2 Кор. 2, 4—8).

Съ размноженіемъ христіанъ явилась необходимость и возможность имѣть нарочитыя, или особо опредѣленныя мѣста для богослужебныхъ собраний. Такими мѣстами были въ то время обыкновенные дома, но пожертвованные или построенныя исключительно для этой цѣли усердіемъ вѣрующихъ. О подобныхъ мѣстахъ, посвященныхъ богослуженію, упоминаютъ во *второмъ* и началѣ *третьяго* вѣка св. Іустинъ и Тертуліанъ. Когда обратившійся въ христіанство приметъ крещеніе, т. е. „омоется водою во имя Бога Отца и Владыки всего и Спасителя нашего Иисуса Христа и Духа Святаго, мы ведемъ его,—говоритъ св. Іустинъ въ своей первой Апологіи,—къ такъ называемымъ братьямъ—въ общее собраніе для того, чтобы со всѣмъ вниманіемъ совершить общія молитвы какъ о себѣ, такъ и о просвѣщенномъ и о всѣхъ другихъ, повсюду находящихся, дабы удостоиться намъ, познавши истину, явиться и по дѣламъ добрыми гражданами и блюстителями заповѣданнаго, для полученія вѣчнаго спасенія. По окончаніи молитвъ, мы привѣтствуемъ другъ друга лобзаніемъ. Потомъ, къ предстоятелю братій приносится хлѣбъ и чаша воды и вина, и онъ, взявши ихъ, возсылаетъ именемъ Сына и Духа Святаго хвалу и славу Отцу всѣхъ и подробно совершаетъ благодареніе за то, что Онъ удостоилъ насъ этого. Послѣ того, какъ онъ совершитъ молитвы и благодареніе, весь присутствующій народъ отвѣчаетъ *аминь*“.—По словамъ Тертуліана, въ общихъ молитвенныхъ собраніяхъ, происходившихъ въ его время въ частныхъ домахъ, кромѣ молитвъ,

читались Божественныя Писанія, сообразно съ потребностями времени. „Здѣсь,—замѣчаетъ онъ,—святыми словами мы воспитываемъ вѣру, укрѣпляемъ надежду, утверждаемъ мужество, никакими распрями не мѣшая ученію наставниковъ. Тутъ же происходятъ увѣщанія, исправленія и приговоры божественные. Ибо судъ производится съ строгимъ изслѣдованіемъ и съ увѣренностію въ присутствіи Божіемъ. А потому, то служить уже явнымъ предзнаменованіемъ будущаго осужденія, если кто проступками своими заслуживаетъ быть отлученнымъ отъ общенія въ молитвахъ, въ собраніяхъ и другихъ священныхъ соотношеніяхъ“.

Дома, назначавшіеся исключительно для богослужебныхъ собраній христіанъ, назывались ими различно: то „домомъ Господнимъ“, то „домомъ Божественнымъ“, то „домомъ молитвы“ и проч.; храмами же ихъ въ первыя времена совсѣмъ не называли. Съ внѣшней стороны эти дома ничѣмъ не отличались отъ домовъ обыкновенныхъ. Даже для *кающихся* не было въ нихъ особыхъ отдѣленій (по словамъ Тертуліана, кающіеся стояли на дворѣ). Но разные предметы, употреблявшіеся при богослуженіи въ это время, уже начинаютъ получать опредѣленный характеръ. Чаши, свѣтильники, драгоценные сосуды и вообще церковная утварь отличаются прочностію, драгоценностію матеріала и изяществомъ отдѣлки. Уже Тертуліанъ упоминаетъ о чашѣ съ изображеніемъ на ней Господа Иисуса Христа въ видѣ пастыря.

Но гоненія на христіанъ дѣлали богослужебныя собранія въ частныхъ домахъ опасными. вмѣстѣ съ гоненіями на христіанъ, предпринимаемы были гоненія и на общественныя молитвенныя дома ихъ. Послѣдніе часто были совершенно разрушаемы. Но были для гонимыхъ христіанъ и мѣста, признававшіяся римскими законами *неприкосновенными*: это *усыпальницы*, гдѣ погребались умершіе. Въ подобныхъ мѣстахъ, огражденных законами, при гробахъ своихъ мучениковъ, и собирались христіане для своихъ богослуженій въ тяжкія для нихъ времена. Общественныя кладбища у гре-

ковъ и римлянъ устроились или при большихъ дорогахъ, или на особо отведенныхъ для этой цѣли загородныхъ мѣстахъ; въ большихъ городахъ для нихъ служили иногда подземелья, образовавшіяся вслѣдствіе извлеченія изъ земли строительнаго матеріала и тянувшіяся часто на огромныя пространства какъ подъ самими городами, такъ и въ предмѣстьяхъ ихъ. Въ этихъ-то подземельяхъ, служившихъ мѣстомъ погребенія преимущественно для людей бѣдныхъ, рабовъ и преступниковъ, погребали своихъ мучениковъ христіане, и тамъ, во мракѣ, у ихъ гробовъ, искали защиты, въ которой отказывали имъ свѣтъ и живые люди.

Изъ подземелій, служившихъ убѣжищемъ для христіанъ во время гоненій, наиболѣе извѣстны *катакомбы* Рима. Катакомбы, или—иначе сказать—подземныя пещеры, состоятъ изъ сѣти подземныхъ коридоровъ, развѣтвляющихся и взаимно пересѣкающихся между собою на огромномъ пространствѣ. Коридоры эти, по большей части, низки и узки, заключаютъ по обѣимъ сторонамъ въ углубленіяхъ останки погребенныхъ тамъ въ разныя времена умершихъ и не имѣютъ на себѣ никакихъ слѣдовъ украшеній. Но они приводятъ въ болѣе или менѣе обширныя подземныя же залы, служившія преимущественно для погребенія христіанскихъ мучениковъ и для собраній вѣрующихъ, отличающіяся изящною отдѣлкою. Эта отдѣлка и украшеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежатъ уже болѣе позднимъ временамъ; но отдѣлка и украшеніе нѣкоторыхъ восходятъ ко временамъ гоненій. Залы, болѣе или менѣе обширныя, болѣе или менѣе правильной формы, по большей части совершенно лишеныя свѣта, освѣщались лампами, привѣшенными къ сводамъ или вставленными въ небольшія углубленія, нарочито сдѣланныя для этого въ стѣнахъ. Кромѣ того, для освѣщенія употреблялись также еще свѣчи.

Въ глубинѣ залы, на нѣкоторомъ возвышеніи у противоположной входу стѣны, стоялъ гробъ мученика изъ мрамора или изъ камня, служившій главнымъ алтаремъ при соверше-

ни таинства евхаристіи. Иногда онъ бывалъ отгороженъ рѣшеткою и окруженъ сѣдалищами для епископа и пресвитеровъ. По стѣнамъ, въ углубленіяхъ, стояли часто подобные же гробы другихъ мучениковъ, служившіе также алтарями. особенно въ дни празднованія памяти этихъ мучениковъ. Стѣны, углубленія, саркофаги покрыты живописью и скульптурою. Содержаніе картинъ преимущественно историческое и символическое. Предметы ихъ выбраны какъ изъ Ветхаго, такъ и изъ Новаго Завѣта, и притомъ выбраны примѣнительно къ тогдашнимъ обстоятельствамъ—къ тяжкимъ гоненіямъ на Церковь Христову. Ной въ ковчегѣ, Іона, извергаемый китомъ, три отрока въ печи, Данииль во рву львиномъ, Добрый Пастырь, несущій на раменахъ заблудшую овцу, воскрешеніе Лазаря и т. п., вотъ главные предметы этихъ картинъ, питавшихъ мужество въ страданіяхъ, надежду на спасающаго Бога, чаяніе воскресенія и т. п.

Собранія христіанъ для своихъ богослуженій въ усыпальницахъ, вошедшія въ обычай во времена гоненій, не могли не оказать вліянія на обстановку этихъ собраний и послѣ прекращенія гоненій. Изъ усыпальницъ вѣрующіе вынесли гробы своихъ мучениковъ, и эти гробы замѣняли собою престолы даже въ нарочитыхъ зданіяхъ, назначавшихся для богослуженія. Вся вообще Церковь приняла за правило—полагать, по крайней мѣрѣ, частицы св. мощей въ престолахъ и антиминсахъ, при освященіи тѣхъ и другихъ. Изъ усыпальницъ вынесли христіане употребленіе живописи и скульптуры для украшенія стѣнъ и другихъ частей зданій, служившихъ для ихъ богослужебныхъ собраний. Оттуда же, по мнѣнію нѣкоторыхъ, вынесли они употребленіе даже при дневномъ богослуженіи лампъ и свѣчей.

Для богослужебныхъ собраний въ нарочитыхъ зданіяхъ нужно было устроить довольно обширныя помѣщенія, въ виду быстро и постоянно возрастающаго числа христіанъ. Помимо вмѣстимости, нужно было принимать во вниманіе еще и надлежащую приспособленность его къ тому, чтобы ученіе, чте-

ніе и пѣніе, составляющія существенную часть богослуженія, могли быть внятно слышимы каждымъ изъ присутствующихъ. И вотъ, когда истинная вѣра Христова побѣдила язычество и въ лицѣ вѣрующихъ царей взошла на престолы, съ этого времени покровительствуемая, торжествующая христіанская Церковь начала устроить богатые храмы, достойные имени Божія, имени Христа Спасителя. Такое торжество и такую побѣду христіанства надъ язычествомъ предвидѣлъ еще св. ап. и еванг. Іоаннъ Богословъ, когда боговдохновенно сказалъ христіанамъ: „сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“ (1 Іоан. 5, 4).

И. Л.

Вѣрный до смерти.

Въ 187... г. въ городѣ М..... жилъ священникъ по имени о. Максимъ. И по своему характеру, и по своему обращенію съ людьми, онъ былъ не похожъ на другихъ. Никогда родные или знакомые не видѣли, чтобы онъ уклонился съ праваго пути. Своимъ мягкимъ и добрымъ характеромъ, благодушіемъ и чистосердечіемъ онъ привязалъ къ себѣ многихъ людей. Когда онъ говорилъ, то каждому хотѣлось его слышать, а когда служилъ въ церкви, то она была всегда переполнена молящимися. Вообще, о. Максимъ былъ очень уважаемъ всѣми.

Но усиленные труды и преклонный возрастъ расшатали здоровье о. Максима. Онъ почувствовалъ себя плохо и занемогъ. Приближалась минута развязки съ земной жизнью. О. Максимъ видѣлъ это и началъ приготовляться. Но онъ не скорбѣлъ и не боялся смерти. Онъ только печалился о томъ, что не будетъ уже въ состояніи помогать ближнимъ. Болѣзнь о. Максима усилилась до того, что онъ не могъ встать съ постели. Силы его совсѣмъ ослабѣли, и, съ каждымъ часомъ ожидая смерти, онъ исповѣдался и приобщался Св. Таинъ.

Однажды вечеромъ, когда о. Максимъ молился Богу, вошелъ къ нему въ комнату человѣкъ и со слезами на глазахъ началъ просить:

— „Отецъ,—говорилъ онъ:—вамъ знакомъ нашъ сосѣдь Н.... Онъ опасно боленъ, и мы боимся, что онъ умретъ. Мы не знаемъ, что дѣлать, потому что онъ не желаетъ принять къ себѣ другого священника, кромѣ васъ, чтобы исповѣдаться и приобщиться“.

— „Какое несчастіе! Онъ очень добрый человѣкъ,—проговорилъ о. Максимъ:—Еслибы я не былъ такъ сильно боленъ, то непременно поспѣшилъ бы къ нему“.

— „Отецъ,—сказалъ человѣкъ:—отъ васъ зависитъ все. Онъ васъ знаетъ, почитаетъ и уважаетъ. Если вы пойдете къ нему, то онъ приметъ васъ и выслушаетъ“.

О. Максимъ никогда въ жизни не отказывалъ несчастному, который пуждался въ немъ, и привыкъ помогать ближнимъ, поэтому и теперь, несмотря на свою болѣзнь, рѣшился исполнить послѣдній долгъ къ ближнему. Онъ сдѣлалъ надъ собой послѣднее усиліе и всталъ. Жена и дѣти его, находившіяся въ комнатѣ, изумились. Они не могли понять, какъ могъ встать съ постели умирающій, и смотрѣли на него съ удивленіемъ. О. Максимъ зналъ, что время для него слишкомъ дорого и что ему нельзя терять ни минуты; поэтому сказалъ своимъ слугамъ одѣть его и отнести на носилкахъ къ больному. Слуги, привыкшіе повиноваться ему, сдѣлали все, какъ имъ было сказано. Уже одѣтый и посаженный на носилки, онъ торопилъ слугъ, чтобы несли его какъ можно скорѣе.

Нѣтъ и не можетъ быть ничего выше на этомъ свѣтѣ, какъ то, чтобы каждый человѣкъ любилъ своего ближняго и помогалъ ему въ минуты несчастія.

О. Максимъ только съ большими усиліями надъ собой могъ перенести всѣ тѣ страданія, которыя испыталъ во время переноски отъ толчковъ на пути, чтобы поспѣть въ пору въ домъ къ умирающему.

— „Пріятель, — сказалъ священникъ умирающему:— я пришелъ выслушать тебя и исповѣдать, чтобы такимъ образомъ приготовить тебя къ вѣчной жизни. Быть можетъ, мы вдвоемъ черезъ нѣсколько часовъ предстанемъ предъ судомъ Божиимъ. Готовъ ли ты къ этому? Я и пришелъ помочь тебѣ въ послѣдній часъ и дать тебѣ утѣшеніе отъ нашей святой вѣры.

Больной, услышавши голосъ батюшки, открылъ глаза. До его прихода онъ мало подавалъ признаковъ жизни. Взглянувши на о. Максима, онъ узналъ его и съ радостью началъ цѣловать его руку. Велики были его восхищеніе и радость!

О. Максимъ, видя, что больному мало остается времени жить, сказалъ:

— „Пріятель! Исповѣдайся и прими Св. Причащеніе. Пора уже сознать истину“.

Больной, пораженный этимъ чрезвычайнымъ проявленіемъ къ нему пастырской любви, со слезами на глазахъ сказалъ ему:

— Вамъ, отче святой, открою все, все свое сердце и душу“.

Небесная улыбка озарила лицо больного и ослабѣвшаго силами священника. Онъ подаль знакъ присутствующимъ выйти и оставить его съ умирающимъ наединѣ. Тогда отецъ Максимъ выслушалъ исповѣдь больного и своими усталыми руками благословилъ его. Послѣ этого онъ приобщилъ его Св. Таинъ. Когда больной принималъ Св. Причастіе, то почувствовалъ, что къ нему снова возвращается жизнь; его охватило невѣдомое дотолѣ чувство радости. Послѣ этого больной успокоился. Страданія его уменьшились и онъ тихо и спокойно испустилъ духъ на рукахъ своего пастыря.

— „Скоро увидимся, пріятель“!...—тихо шепнулъ священникъ покойнику. Слуги обратно понесли его домой. Мысль, что онъ въ послѣднія минуты своей жизни исполнилъ долгъ въ отношеніи къ ближнему, облегчила о. Максима. Онъ не чувствовалъ никакой боли, когда его принесли домой. Съ

большою заботливостію слуги и домашніе уложили его на постель и всѣ ожидали его смерти. Онъ чувствовалъ, что наступаетъ послѣдняя минута. Какъ добрый пастырь, онъ далъ предсмертныя наставленія домашнимъ. Затѣмъ онъ тихо прочиталъ молитву и умеръ.

Онъ навсегда переселился въ царство небесное, но только послѣ того, какъ исполнилъ свой долгъ, какъ по отношенію къ Богу и святой Церкви, такъ и по отношенію къ ближнему, оставшись вѣрнымъ своимъ обязанностямъ до смерти. (Съ болгарскаго, „Правосл. Проповѣдникъ“, кн. X, 1900 г.).

Каникулярная поѣздка въ Св. Землю ¹⁾).

18 Июля, воскресенье. Сегодня утромъ въ 9 часовъ ходилъ я къ литургіи въ русскую церковь при миссіи Св. Троицы. Служилъ новый о. настоятель архимандритъ Александръ соборнѣ, всѣ служащіе—въ благолѣпныхъ ризахъ. Въ церкви молящихся было много, не только прибывшихъ богомольцевъ, но и живущихъ здѣсь служащихъ; изъ послѣднихъ женщины были повязаны бѣлыми платочками. Пѣніе стройное и весьма благообразное. Впечатлѣніе отъ богослуженія получается отрадное, особенно если взять во вниманіе некрасивое пѣніе греческое. Не даромъ иностранцы приходятъ сюда, чтобы послушать русское богослуженіе. Въ 12 часовъ дня мы, живущіе въ миссіи (въ томъ числѣ и о. А. Левицкій, изъ Устюга, Вологод. губ.), отправились въ такъ называемую мечеть Омара, вмѣстѣ съ кавасомъ Христо. Туда же пошли и прочіе богомольцы въ сопровожденіи каваса Димитрія. Мы прошли сперва по Крестному пути. Миновавъ арку „Се человекъ“, вошли въ ворота у турецкихъ казармъ (башня Антонія). Очутились среди обширнѣйшей площади горы Морія. Площадь горы не пѣльная, но какъ бы двойная или лучше двухъярусная: среди

¹⁾ См. № 24 за 1901 г.

наружной площади, бѣльшей, возвышается внутренняя, такая же почти *четыреугольная какъ и первая* ¹⁾. Посреди внутренней площади стоитъ главная святина *такъ наз. мечеть Омари* или лучше *Куббетъ—ес-Сахра* (Kubbet es-Sachra, т. е. куполь скалы). Въ самой южной оконечности наружной или нижней площади находится другая значительная мечеть *Эль-Акса*. По всему же пространству Моріа разсѣяны мусульманскія часовни или навѣсы съ куполами (Kubbet), возвышенные мѣста (mastaba) съ молитвенными нишами (mihrāb), колодцы (Sebil) для религіозныхъ омовеній и каѣдры для проповѣдниковъ. Все пространство горы Моріа съ украшающими ее мусульм. святинами и составляетъ такъ называемый *Харамъ еш-Шерифъ* (Harām esch-Scherif, т. е. благородное святилище). Пройдя немного по наружной площади Харамы, мы взошли по ступенькамъ на среднюю площадь горы. Здѣсь не далеко отъ входа влѣво подъ навѣсомъ намъ показали выдающуюся часть природной скалы Моріа. Далѣе вправо, рядомъ съ мечетью (къ западу) стоитъ маленькая часовенка: это будто-бы „престоль великаго первосвященника“ (!)... Мнѣ сразу стало видно, что по нынѣшнимъ турецкимъ святинамъ, безъ справокъ съ исторіей, нельзя будетъ судить о томъ, что представляла гора Моріа во времена Соломона, царей, Маккавеевъ и Иисуса Христа. Воспроизведу кратко главнѣйшія свѣдѣнія о прошедшихъ судьбахъ сего мѣста.

Во времена первобытныхъ гора эта представляла голую скалу, которой самая высокая часть была въ сѣверо-западномъ углу (гдѣ мы вошли сюда); къ востоку она круто спускалась въ долину потока Кедронскаго, къ югу болѣе покато, къ сѣверу-же и западу она отдѣлялась отъ сосѣднихъ горъ (Сіона и Акры) долиною Тиропеонъ. Во времена Давида въ одномъ мѣстѣ посреди горы было гупно Орны Іевусеянина.

¹⁾ Большая площадь (также какъ и меньшая, внутренняя) представляетъ не вполнѣ правильный четырехугольникъ: западная сторона имѣетъ 490 м., восточная 474 м., сѣв. 321 м., южная 233 м.

Гдѣсь-то увидѣлъ Давидъ во время страшной трехдневной моровой язвы Ангела истребителя съ простертой на Іерусалимъ рукой и молилъ Бога о прекращеніи язвы. На этомъ мѣстѣ юнѣ потомъ устроилъ жертвенникъ и принесъ жертвы всесожженія и мирныя (2 Цар. 24, 16—25). На этомъ мѣстѣ преѣмникъ и сынъ Давида, Соломонъ, согласно завѣщанію отца, устроилъ *храмъ* (1017—1010 до Р. Хр.), при чемъ жертвенникъ всесожженія, сооруженный Давидомъ, былъ только имъ распространенъ (тамъ-же гл. 24, ст. 25). Для обширныхъ сооружений, стоявшихъ въ связи съ ветхо-завѣтнымъ храмомъ, понадобилось расширить и уравнять гору Моріа. Это было сдѣлано чрезъ устройство стѣнъ по окраинамъ горы, при чемъ промежутки между ними и природной скалой, особенно на восточномъ и южномъ склонахъ горы были наполнены землею, а на южномъ склонѣ явилась возможность устроить въ нѣсколько ярусовъ подземныя сооруженія въ видѣ залъ и галлерей. Такъ явилась обширная площадь храмовыхъ построекъ, которая и тогда, какъ и теперь, составляла четырехугольникъ.

Самый видъ мѣстности указываетъ на положеніе храма Соломонова приблизительно въ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ находится центральная святыня горы „куполъ скалы“; при той живучести, съ которою на востокѣ св. мѣста переживаютъ въ памяти народной всевозможныя перемѣны до настоящаго времени, очень вѣроятно, что теперешній идеальный центральный пунктъ горы, „священная скала“, былъ отъ начала особенно священнымъ пунктомъ. Тогда на немъ былъ жертвенникъ всесожженій, а самый храмъ слѣдовалъ за жертвенникомъ къ западу: онъ обращенъ былъ фасадомъ къ востоку и состоялъ изъ святилища и святаго святыхъ. Передъ святилищемъ былъ притворъ, а передъ симъ послѣднимъ, на дворѣ священническомъ стояли алтарь всесожженій, мѣдное море и мѣдныя передвижные умывальники. Затѣмъ, террасой ниже, слѣдовалъ большой, внѣшній дворъ назначенный для народа. Оба двора окружены были служебными постройками (для священныхъ принадлежностей

и служащихъ священниковъ). *Второй храмъ*, который іудеи сооружали подъ большимъ гнетомъ совнѣ по возвращеніи изъ плѣна (534—516 г. до Р. Хр.), далеко не достигалъ ни великолѣпія, ни размѣровъ прежней постройки; не имѣлъ онъ и главной—святыни—кивота завѣта ¹⁾).

Тѣмъ великолѣпнѣе былъ такъ называемый *третій храмъ Ирода*, отъ котораго еще и теперь кое-что осталось. Начатый за 20 л. до Р. Хр., онъ собственно никогда не былъ оконченъ въ томъ видѣ, въ какомъ былъ проектированъ. Объ этомъ храмѣ мы имѣемъ извѣстіе іудейскаго писателя Іосифа Флавія (Antiqu. XV, 11; Bell. jud. I, 21; V, 5), который однако писалъ въ болѣе поздніе годы и именно уже въ Римѣ, а поэтому ему часто не достаетъ точности.

Времени Ирода принадлежатъ прежде всего великолѣпныя постройки на южной сторонѣ горы; въ этомъ направленіи храмовая площадь была значительно увеличена, между тѣмъ какъ Асмонеи (особ. Симонъ Праведный) еще раньше расширили ее къ сѣверу. Видимыя и теперь стѣны вокругъ Харама съ исполинскими камнями въ нижней части суть дѣло Ирода. По краямъ величественной площади были выстроены колоннады изъ монолитовъ—колоннъ, которыя окружали все пространство въ видѣ галлерей или притворовъ. Восточная галлерей называлась *Соломоновой*, южная *царскою* (στόα βασιλική); такія-же колоннады и галлерей шли вокругъ вѣшняго двора на западѣ и сѣверѣ. Особеннымъ великолѣпіемъ отличалась

¹⁾ Хотя во 2-мъ храмѣ и было святое святыхъ, отдѣляемое завѣсою отъ святилища, но оно было пусто: ковчега съ святилищемъ и херувимами въ немъ не было. Утвердилось преданіе, что ковчегъ завѣта вмѣстѣ съ другими остатками скинии былъ сокрытъ пророкомъ Іереміею въ нѣкоторой ближайшей пещерѣ, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться въ неизвѣстности до послѣднихъ временъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ ковчегъ, видѣлся ничѣмъ не покрытый простой камень. Указывая на него, священники говорили: „тамъ, подъ скалою глубоко въ землѣ есть пещера; а въ пещерѣ стоитъ сокрытый отъ человѣческихъ взоровъ ковчегъ завѣта“.

галерея южная: она состояла изъ четырехъ рядовъ колоннъ и образовала три аллеи (въ прочихъ было по три ряда колоннъ и по двѣ аллеи); съ каждой стороны внѣшняго двора были ворота,—на западной сторонѣ 4, на южной 2, на восточной 1. Галереи заирали большой „дворъ языковъ“, въ которыхъ всегда царствовало большое оживленіе. Изъ внѣшняго двора нѣсколько воротъ вело по лѣстницамъ во „внутренній дворъ“, расположенный выше перваго и окруженный сперва брустверомъ или каменнымъ барьеромъ (у Иосифа Флавія *δορυχατος*), а затѣмъ валомъ и стѣною. Вокругъ бруствера были на каменныхъ столбахъ вырѣзаны на греческомъ и латинскомъ языкахъ надписи, запрещающія подѣ страхомъ смерти не-израильтянамъ входить въ этотъ внутренній дворъ¹⁾. Внутренній дворъ также имѣлъ у стѣнъ колоннады и состоялъ изъ двухъ отдѣленій: первое, восточное называлось „дворомъ для женщинъ“, такъ какъ сюда имѣли доступъ не только мушны, но и женщины—израильтянки. Затѣмъ слѣдоваль „дворъ священниковъ“ съ большимъ жертвенникомъ всесожженій изъ неотесанныхъ камней. За нимъ опять чрезъ глубокую, богато украшенную галерею восходили по 12 ступенямъ вверхъ въ „святилище“ храма, расположеннаго на высшемъ мѣстѣ храмовой площади. Храмъ былъ съ трехъ сторонъ (ю., зап., сѣв.) окруженъ высокою пристройкою камеръ въ 3 этажа, изъ которыхъ высшій на 10 локтей былъ ниже карниза „святилища“, такъ что еще оставалось мѣсто для оконъ къ освѣщенію внутренности „святилища“. За дверями висѣла завѣса; внутри стояли алтарь для куреній, столъ съ хлѣбами предложенія, золотой свѣтильникъ—седмисвѣщникъ. За свя-

¹⁾ Одна изъ этихъ надписей, открытая Ганно, хранится въ Константинополѣ, въ кіоскѣ Тинили. Она греческая. Вотъ ея переводъ: „Да никто изъ иностранцевъ не входитъ внутрь барьера и ограды, которая вокругъ священнаго мѣста, кто-же будетъ уличенъ въ этомъ, тотъ навлечетъ на себя наказаніе смертію“ (Ветхоз. храмъ въ Іерусалимѣ, проф. Ак. Олесницкаго, Правосл. Пал. Сборникъ 13-й вып., Спб. 1889 г., стр. 443).

тилищемъ одна, закрытая занавѣсью, дверь вела въ темное малое „святое святыхъ“. Храмовое зданіе со временъ Ирода было двухъ-этажное (если не считать еще надстройки надъ вторымъ этажомъ въ видѣ башни): нижній этажъ состоялъ изъ святилища и святого святыхъ, а верхній представлялъ валу для собраній синаedrіона—фарисеевъ и книжниковъ. Матеріаль для храма былъ вездѣ великолѣпный и золотыхъ листовъ не щадили. Главный фасадъ былъ обращенъ на востокъ. На сѣверъ отъ внѣшняго двора, устроенъ былъ еще такъ называемый *дворъ отлученный*, для разнаго рода хозяйственныхъ надобностей, а къ сѣверо-запад. части прилежала *крѣпость Антонія*. Отсюда Титъ въ 70 г. по Р. Хр. смотрѣлъ на пожаръ прекраснаго зданія храма. Когда уже внѣшній дворъ былъ занятъ римлянами, то іудеи заперлись во внутреннемъ дворѣ и еще шесть дней отражали нападенія враговъ. Только произведенный здѣсь пожаръ далъ возможность римлянамъ довершить пораженіе. По разрушеніи храма римлянами на мѣстѣ оставались громадныя развалины. При Симонѣ Баръ-Кохба, въ теченіе трехлѣтней независимости Іудеи (133—135 г. по Р. Хр.), зданіе нижняго этажа было нѣсколько исправлено. Но, по усмиреніи возстанія, имп. Адріанъ совершенно изгналъ іудеевъ изъ Іерусалима, а храмъ ихъ былъ обращенъ въ капище Юпитера и въ немъ были поставлены статуи сего бога и императора Адріана.

При императорѣ Константинѣ Великомъ языческое капище было разрушено и площадь бывшаго храма іудейскаго обратилась въ груды развалинъ. Древнѣйшій западный паломникъ (Бордосскій путникъ въ 333 году) находилъ еще здѣсь „двѣ статуи Адріана и недалеко отъ нихъ пробитый камень, къ которому, по его словамъ, однажды въ годъ приходятъ іудеи и помазываютъ его елеемъ, плачутъ, разрываютъ свои одежды и затѣмъ удаляются“¹⁾. Императоръ Юліанъ (361—363 г.) задумалъ было возстановить храмъ, но едва присту-

¹⁾ Ветхоз. храмъ, А. Олесницкаго, 539 стр.

плено было къ закладкѣ основанія, какъ страшное землетрясеніе, соединенное съ изверженіемъ пламени изъ древнихъ катакомбъ, навело на работниковъ такой ужасъ, что предпріятіе это оставлено было въ самомъ началѣ. Съ тѣхъ поръ вѣковое безмолвіе царило надъ этимъ мѣстомъ. Церковные писатели (св. Кириллъ Іерус., Іоаннъ Злат., Евсевій Кесар., въ утраченной книгѣ „*Θεοφανία*“) констатируютъ постепенное разрушеніе храма.

Новый періодъ въ исторіи развалинъ ветхозавѣтнаго храма начинается съ 638 года, когда, по договору, заключенному халифомъ Омаромъ съ патриархомъ Софроніемъ, Іерусалимъ сдался мусульманамъ на капитуляцію. Тогда мѣсто храма и жертвенника всесожженій найдено покрытымъ соромъ и нечистотами. По распоряженію Омара, оно было очищено отъ мусора, но мечеть на сей разъ была сооружена не здѣсь, а въ южной части горы, м. б., а на томъ мѣстѣ, гдѣ была *στόα βασιλική*. Только уже въ 687 году отъ Р. Хр. халифъ Абдъ-ел-Меликъ, происходившій изъ дома Омайядовъ и имѣвшій резиденцію въ Дамаскѣ, предпринялъ постройку въ центральной площади ветхозавѣтнаго храма, на мѣстѣ внутренняго двора, — рѣшился онъ на это изъ политическихъ расчетовъ. Въ виду возмущенія многихъ аравійскихъ и африканскихъ провинцій противъ дамасскихъ халифовъ, когда не только магометанамъ Сиріи, но и самому халифу былъ возбраненъ входъ въ Мекку (при Мухаммедѣ ибн-Цуберѣ), Абдъ-ел-Меликъ рѣшился основать новый пунктъ поклоненія для магометанъ въ Іерусалимѣ, именно на томъ мѣстѣ, гдѣ изъ подъ разрушеннаго жертвенника всесожженій виднѣлась натуральная скала горы или „Сахра“. Начатая постройкою въ 687 г., мечеть Куббетъ ес-Сахра (или куполь скалы) была окончена въ 690 г. по Р. Хр. Изъ почтенія къ мѣсту рабочіе, по преданію, приступали къ дѣлу не иначе, какъ въ праздничныхъ одеждахъ и по совершеніи ежедневныхъ омовеній. Съ конца 7 в., когда возобновленная мусульманами площадь ветхозавѣтнаго храма сдѣлалась предметомъ ихъ поклоненія, она была совершенно

очищена отъ древнихъ развалинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ довершено было разрушеніе остатковъ древняго храма: послѣдніе камни храма и двора, доселѣ остававшіеся на мѣстѣ, были исторгнуты. Мечеть Куббетъ ес-Сахра построена на открытой части внутренняго двора, гдѣ былъ жертвенникъ всесожженій. Нылѣ сохранились нѣкоторые остатки не храма, а внѣшняго двора, — языковъ.

Основанія для почитанія магометанами мѣста Іерусалимскаго храма восходятъ къ началу магометанства. Уже Магометъ высказывалъ уваженіе къ древнему „храму“ Іерусалимскому. Прежде своего окончательнаго разрыва съ іудеями онъ даже приказывалъ правовѣрнымъ при молитвѣ обращаться лицомъ къ Іерусалиму. Уже въ Коранѣ находится упоминаніе о Харамѣ какъ „Mesdschid el-Aksâ“ (что значитъ „самая далекая отъ Мекки мечеть“): „Да будетъ, говорится тамъ, — хвала Богу, Который перенесъ своего раба (т. е. Магомета), чтобы показать ему нѣкоторые изъ нашихъ чудесъ, ночью въ ночномъ путешествіи отъ святаго храма (Кааба въ Меккѣ) къ самому отдаленному храму, котораго окрестности мы благословили“ (Sûre, XVII, 1). Видятъ въ этомъ утвержденіи Магомета, будто онъ самъ былъ здѣсь. Еще и теперь Харамъ Іерусалимскій послѣ Мекки у магометанъ считается самымъ священнымъ мѣстомъ; поэтому до Крымской войны мусульмане упорно отказывали „невѣрнымъ“ въ дозволеніи посѣщать его.

(Продолженіе будетъ).

И. Петрушевскіи.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 12 іюня 1901 г.

За цензора священникъ *К. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 26.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, іюня 24-го.

Содержаніе: Очерки православно-христіанскаго нравоученія (окончаніе).—
Подвигъ столпничества и столпники-подвижники въ Церкви Хри-
стовой.—Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова
Божія (продолженіе).

Очерки православно-христіанскаго нравоученія¹⁾.

(О к о н ч а н і е).

Воспитаніе дѣтей въ духъ православной вѣры.

Христіанскіе супруги, дѣлаясь родителями, тѣмъ самымъ
обязываются *воспитывать своихъ дѣтей въ духъ православ-
ной вѣры*. Подъ именемъ христіанскаго воспитанія разумѣется
правильное и постепенное руководство челоуѣка къ тому,
чѣмъ онъ долженъ быть по духу христіанскаго ученія, т. е.
чтобы онъ былъ истиннымъ христіаниномъ и полезнымъ чле-
номъ общества. Къ исполненію этой священной обязанности
побуждаетъ родителей естественная любовь къ дѣтямъ, вну-

¹⁾ См. № 25 за 1901 г.

шаемая имъ Самимъ Богомъ, естественное право дѣтей на ихъ воспитаніе, благо обществъ человѣческихъ и собственное благо самихъ родителей, и, наконецъ, прямое ученіе слова Божія. „Отрокъ, оставленный въ небреженіи (относительно его воспитанія) дѣлаеть стыдъ своей матери“, говоритъ Премудрый (Прит. 29, 15). „Стыдъ отцу рожденіе невоспитаннаго сына, пишетъ другой ветхозавѣтный мудрецъ, дочь же невоспитанная рождается на униженіе“ (Сир. 22, 3). „Отцы, заповѣдуетъ Ап. Павелъ, воспитывайте дѣтей вашихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ“ (Еф. 6, 4).

Выраженіе апостола: воспитывайте „въ ученіи“, повидимому, говоритъ о развитіи въ дѣтяхъ только умственныхъ ихъ способностей или о развитіи ихъ дарованій. Но стояція въ этомъ апостольскомъ выраженіи греч. слово *paideia*, а еще яснѣе лат. *disciplina* говорятъ болѣе объ образованіи въ дѣтяхъ воли ихъ, о воспитаніи нравственнаго ихъ характера¹⁾. И дѣйствительно, дѣти преимущественно должны быть воспитываемы въ благоговѣніи и послушаніи, въ благочестіи и любви, въ вѣрѣ въ Бога и Спасителя, и этой задачѣ, конечно, должно соподчиняться умственное ихъ образованіе.

Въ особенности родители должны воспитывать своихъ дѣтей, по выраженію апостола, „въ наставленіи Господнемъ“. Другими словами, главнѣйшимъ предметомъ родительскаго воспитанія должно быть ознакомленіе дѣтей съ началами Христовой вѣры; ибо изъ слова Божія родители знаютъ, что дѣти ихъ, возрожденныя и освященныя въ таинствѣ крещенія, принадлежатъ уже къ царству Христову: „таковыхъ есть царствіе Божіе“ (Мрк. 10, 14), и потому должны воспитывать ихъ такъ, чтобы приготовить ихъ къ полученію предназначеннаго имъ со времени крещенія наслѣдства—царства небснаго.

Съ началами Христовой вѣры дѣти должны быть ознакомлены, лишь только начнетъ въ нихъ пробуждаться созна-

¹⁾ Къ вопросу объ условіяхъ нормальнаго теченія жизни христіанской семьи, проф. А. Бронзова въ Христ. Чт. 1898 г., апрѣль, стр. 548.

ніе. Но есть воспитатели (напр. Руссо), которые думаютъ, что религіозное воспитаніе дѣтей нельзя начинать такъ рано, потому что малолѣтнее дитя, говорятъ, не въ состояніи еще понимать высокихъ истинъ религіи. Съ этимъ мнѣніемъ пожалуй можно было бы согласиться, если бы взглядъ ихъ на религію, какъ на совокупность только приобретаемыхъ разумомъ теоретическихъ истинъ о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку, былъ правиленъ. Но вѣдь такой взглядъ на сущность религіи совершенно чуждъ православію. Хотя мы не можемъ отрицать значенія знанія въ области религіи (Іоан. 17, 3. Ср. 2 Кор. 3 гл., Іак. 5, 19—20); но еще менѣе можемъ допустить, чтобы существо религіи исчерпывалось религіознымъ знаніемъ. Религія воспринимается, существеннымъ образомъ, не разумомъ, какъ полагаютъ эти воспитатели, а болѣе первоначальной силою души—вѣрою. Если же такъ, то дожидаться развитія разума въ дѣтяхъ, чтобы можно было начать ознакомленіе ихъ съ религіей, нѣтъ никакой надобности, тѣмъ болѣе, что одно разсудочное пониманіе религіи еще не можетъ обезпечивать дѣйствительной религіозности. Пока родители будутъ ожидать въ своихъ дѣтяхъ развитія разума, пока признаютъ ихъ способными понимать истины религіи,—воображеніе дѣтей такъ засорится представленіями земныхъ, а иногда и нечистыхъ предметовъ, ихъ сердца столько приобретутъ разныхъ склонностей и привязанностей, что чистыя религіозныя представленія и чувства будутъ не по вкусу ихъ одичавшимъ душамъ. Религія можетъ быть въ человѣкѣ помимо разсудочной дѣятельности его, и потому начало религіознаго воспитанія дѣтей возможно и необходимо до полного развитія ихъ умственныхъ силъ. Пусть для малолѣтняго дитяти въ религіи будетъ много непонятнаго; изъ этого еще не слѣдуетъ, что религіозное воспитаніе должно начинаться не ранѣе, какъ разовьется разсудокъ. Развѣ дитя, начиная только съ этого времени, будетъ въ состояніи ясно понимать предметы религіи? Развѣ полное пониманіе ихъ можетъ быть когда нибудь доступно человѣку? Въ религіи всегда останется мно-

гое, доступное лишь и вѣрѣ и надеждѣ, а не изслѣдованію и пониманію (Бенеке).

Религіозное воспитаніе дитяти, особенно въ первое время его жизни, вѣряется прежде всего матери. Отъ нея получаетъ оно первую тѣлесную пищу, отъ нея же должно получить и первое духовное питаніе. И если достойнѣ сожалѣнія та мать, которая не въ состояніи сама кормить своего ребенка физически, то еще большаго сожалѣнія заслуживаетъ мать, не могущая питать его духовно. Къ неуспыннымъ заботамъ о воспитаніи дитяти она влечется самою природою своею. Не напрасно Господь Богъ, желая выразить высшую степень попечительности своей объ избранномъ народѣ, сравниваетъ ее съ естественною заботливостію матери о ребенкѣ: „забудетъ ли женщина грудное дити свое, чтобы не пожалѣть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя“ (Ис. 49, 15). По естественнымъ особенностямъ своей женской природы мать ближе всѣхъ стоитъ къ своему дитяти,—она больше, чѣмъ кто другой, знаетъ потребности его и лучше всякаго другого умѣетъ удовлетворить этимъ потребностямъ,—и потому никто лучше ея не выполнитъ задачи первоначальнаго воспитанія его, не только физическаго, но и религіозно-правственнаго.

Раньше всего мать должна научить своего ребенка молитвѣ. Какъ только начнетъ языкъ его говорить первыя слова, она должна учить его бесѣдовать съ Богомъ, къ Которому, какъ любвеобильному Отцу небесному (Мѡ. 5, 45; 6, 6—9; 26, 32), уже возбуждено его благоговѣніе. Повторяя слова материнской молитвы, дитя не останется при одномъ бездушномъ повтореніи ихъ, если только сердце молящейся матери было причастно благоговѣйнаго чувства. Когда у евреевъ было установлено священное торжество пасхальной ночи,—вотъ что между прочимъ, было повелѣно имъ: когда скажутъ вамъ дѣти ваши: что это за служеніе? Скажите имъ: это пасхальная жертва Господу“ (Исх. 12, 26—27). Подобно этому и въ Новомъ Завѣтѣ надобно матерямъ приводить своихъ дѣтей въ

храмъ Божій къ богослуженію. Въ храмѣ иное устройство, другая обстановка, чѣмъ дома. „Дитя въ храмѣ: благолѣпіе храма, освѣщеніе, свѣтлое облаченіе священно-служащихъ, пѣніе и безмолвное предстояніе молящихся, обращенныхъ къ алтарю, священныя дѣйствія, отсутствіе предметовъ обыденной жизни, запрещеніе неблагоговѣйныхъ движеній, требованіе вниманія къ чему-то высшему, особенному,—это уроки благоговѣнія предъ Богомъ, которыхъ не замѣнитъ никакая краснорѣчивая рѣчь законоучителя“¹⁾. Пусть дѣти, присутствуя при церковномъ богослуженіи, многого не поймутъ въ немъ, но ихъ сердца проникнутся благоговѣніемъ, когда благоговѣйно будутъ молиться всѣ стоящіе въ храмѣ.

Когда ребенокъ не только уже умѣетъ говорить, но и начинаетъ вслушиваться въ рассказы другихъ, мать должна рассказывать ему главнѣйшія событія изъ жизни Спасителя тѣмъ дѣтскимъ простымъ языкомъ, которымъ лучше всего могутъ говорить матери. Отецъ въ эту раннюю пору жизни дитяти не можетъ еще входить такъ близко въ воспитаніе его, какъ мать, однако-жъ и онъ не долженъ уклоняться отъ участія въ дѣлѣ: пусть и онъ раздѣляетъ трудъ матери, внося въ воспитаніе ребенка мужескую серіозность, свойственную отеческой власти²⁾. Преподаваніе дѣтямъ катехизическихъ уроковъ вѣры, которые должны слѣдовать за рассказами изъ свящ. исторіи, всего естественнѣе взять на себя именно родителю. Конечно, не всѣ родители могутъ эти уроки преподавать дѣтямъ своимъ сами: этотъ недостатокъ можетъ быть восполненъ потомъ школою. Но если они не въ состояніи научить ихъ въ этомъ отношеніи многому, то научатъ наилучшимъ образомъ самому главному—сердечно и твердо вѣровать въ Бога и по вѣрѣ жить достойно³⁾.

Для поддержанія и развитія въ дѣтяхъ духовной жизни, наставшей для нихъ со времени крещенія, родители должны,

¹⁾ Проповѣди высокопреосв. Амвросія, М., 1883 г., стр. 206.

²⁾ Христ. начала семейной жизни, Тирша, М., 1861 г., стр. 110—125.

³⁾ О христ. нравственности, прот. П. Фаворова, стр. 92.

съ первыхъ же дней существованія ихъ, обращаться и къ чисто благодатнымъ средствамъ христіанскаго воспитанія, которыя, въ своей совокупности, составляютъ какъ бы какую спасительную вокругъ нихъ таинственную атмосферу. Сюда относятся: 1) возможно частое ношеніе ребенка въ церковь, прикладываніе ко св. кресту, евангелію, иконамъ, накрываніе воздухами; также и дома—частое поднесеніе его къ иконѣ, освѣщенной лампадой, благоговѣнное осѣненіе его крестнымъ знаменіемъ, которое есть „сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему“,—окропленіе св. водою, куреніе ладономъ, осѣненіе крестомъ колыбели, пици и всего прикасающагося къ нему, прикрѣпленіе къ колыбели иконы, благословеніе священника, приношеніе въ домъ иконы изъ церкви и совершеніе молебствъ. Все это и подобное чудеснымъ образомъ возгрѣваетъ и питаетъ духовно-благодатную жизнь дитяти ¹⁾. 2) Самое главное благодатное средство, спасительно дѣйствующее на ребенка, несомнѣнно есть возможно частое причащеніе его св. Таинъ Христовыхъ, которое „все“ въ немъ очищаетъ, омываетъ и укрѣпляетъ“ ²⁾. Хотя дитя еще не можетъ выражать своей вѣры въ Бога, которая требуется отъ христіанина для воспріятія благодатнаго дѣйствія таинства, однако дѣйствіе это несомнѣнно воспринимается его душою, и именно „за вѣру приносящихъ“ ³⁾, т. е. личную вѣру дитяти замѣняетъ вѣра родителей и воспріемниковъ его. Поступающіе такимъ образомъ родители и воспріемники нерѣдко замѣчаютъ, что въ тотъ день, когда причащается ребенокъ, онъ бываетъ погруженъ въ глубокій покой, безъ сильныхъ движеній всѣхъ естественныхъ потребностей, даже тѣхъ, которыя въ дѣтихъ сильнѣе дѣйствуютъ. Иногда онъ исполняется „радостію“ и „взыграціемъ“ духа (Лук. 1, 44), въ которомъ готово всякаго обнимать, какъ своего. Нерѣдко причащеніе св. Таинъ со-

¹⁾ Путь ко спасенію, еп. Теофана, М., 1894 г., стр. 26.

²⁾ 3-я молитва по причащеніи.

³⁾ Учит. Извѣстіе.

провождается и чудодѣйствіями. Св. Андрей Критскій въ дѣтствѣ долго не говорилъ. Когда сокрушенные родители прибѣгли къ таинству св. причащенія, то въ это время Господь благодатію своею разрѣшилъ узы языка, потомъ напоившаго Церковь потоками сладкорѣчія и премудрости. Одинъ докторъ, замѣчаетъ преосвящ. Теофанъ, по своимъ наблюденіямъ свидѣтельствовалъ, что въ большей части дѣтскихъ болѣзней слѣдуетъ носить дѣтей ко св. причащенію, и очень рѣдко имѣлъ нужду употреблять послѣ медицинскія пособія¹⁾.

Христіанское воспитаніе дѣтей должно совершаться въ духѣ кротости. Ап. Павелъ, обращаясь къ родителямъ, внушаетъ имъ „не раздражать дѣтей своихъ“ излишнею строгостію или суровостію, „дабы онѣ не унывали“ (Кол. 3, 21. Ср. Еф. 6, 4). Такъ какъ сердце ожесточеннаго дитяти сжимается и закрывается для родителей, то родительское воспитаніе для него прекращается. Но тотъ же апостоль, предостерегая родителей отъ суроваго обращенія съ дѣтьми, какъ вредной крайности, не только не возбраняетъ имъ обращаться къ мѣрамъ исправленія дѣтей, но и почитаетъ такіа мѣры самымъ естественнымъ признакомъ родительской любви къ нимъ (Евр. 12, 5—8). Извѣстно, что первосвященникъ Илій за преступную слабость къ своимъ дѣтямъ подвергся отъ Бога тяжкому наказанію (I Цар. 2, 12—36). Итакъ, наказанія, какъ исправительныя мѣры, не должны быть изгоняемы изъ домашняго воспитанія, такъ какъ здѣсь они бывають иногда прямо необходимы для обузданія злой воли ребенка. Надобно только при этомъ помнить, что наказанія—отрицательныя лишь средства воспитанія, и безъ положительныхъ средствъ ободренія и помощи воспитывающемуся могутъ приносить скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Пользоваться ими нужно съ особеннымъ благоразуміемъ и разборчивостію.

¹⁾ Путь ко спасенію, стр. 25. Ср. свидѣтельство о томъ же самомъ преосвящ. Тихона, епископа Николаевского (въ мірѣ врача И. И. Оболенскаго) въ „Церк. Вѣдомостяхъ“, 1901 г., № 5, стр. 161—163.

„Насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возвращающій“ (1 Кор. 3, 7), говоритъ ап. Павелъ. Это апостольское выраженіе находитъ свое извѣстное приложеніе и въ христіанскомъ воспитаніи дѣтей. Что воспитаніе далеко не всемогуще, это показываетъ опытъ. Нерѣдко дѣти, имѣющія однихъ и тѣхъ же родителей и пользующіяся однимъ и тѣмъ же воспитаніемъ, выходятъ далеко не одинаковыми въ нравственномъ отношеніи, какъ это уже и испытала первая человѣческая чета въ лицѣ своихъ совершенно различныхъ по нравственному направленію сыновей—Каина и Авеля. Отсюда родители, терпѣливо и безропотно переносящіе всѣ трудности воспитанія дѣтей, должны вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно молить о нихъ Бога, чтобы Онъ Самъ „возвращалъ“ ихъ въ „страхъ Своемъ“ (Пс. 18, 10), удалялъ отъ зла и укрѣплялъ во всякомъ благомъ дѣлѣ, предавая жизнь и судьбу ихъ въ отеческое промысленіе. Молитва родителей въ этомъ случаѣ особенно сильна предъ Богомъ: она низводитъ на дѣтей Божіе благословеніе.

Обязанность православнаго во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и въ затрудненіяхъ руководиться ученіемъ Священнаго Писанія и святой Церкви.

Для того, чтобы христіанинъ, получившій воспитаніе въ духѣ православной вѣры, могъ все болѣе и болѣе утвердаться и возрастать въ духовной жизни (Мѡ. 5, 48. Ср. 1 Иоан. 2, 12—15), онъ *долженъ* во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни и въ затруднительныхъ случаяхъ *руководиться ученіемъ Свящ. Писанія и св. Церкви.*

Свящ. Писаніе, написанное по вдохновенію св. Духа пророками и апостолами, есть „свѣтильникъ ногамъ нашимъ и свѣтъ стезямъ нашимъ“ (Пс. 118, 105). Оно содержитъ въ себѣ не только основныя истины Христовой вѣры, но и святѣйшія правила христіанской нравственности, и чистѣйшія побужденія къ добродѣтели, и поучительнѣйшіе примѣры для

сердца. Посему слово Божіе называется „нетлѣннымъ сѣменемъ“ жизни духовной (1 Пет. 1, 23), отъ котораго рождается спасительная вѣра и познаніе нравственныхъ обязанностей, и „хлѣбомъ духовнымъ“ (Мѡ. 4, 4), которымъ питается, поддерживается и развивается духовная жизнь. По такой своей важности Свящ. Писаніе и служить самымъ вѣрнымъ и надежнымъ руководствомъ во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни. „Все Писаніе, учитъ св. ап. Павель, боговдохновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности“ (2 Тим. 3, 16). Какъ существенно необходимое для каждаго истиннаго христіанина, оно „лучше“ для него „тысячъ золота и серебра“ (Ис. 118, 72), и о немъ „размышляетъ онъ день и ночь“ (Ис. 1, 2). Но чтобы „размышленіе“ о словѣ Божіемъ было вполне спасительно и полезно для насъ, необходимо слушать его въ храмѣ и читать дома: 1) съ благоговѣніемъ и сердечнымъ умиленіемъ, по примѣру Псалмопѣвца: „сердце мое боится слова Твоего. Радуюсь я слову Твоему, какъ получившій великую прибыль“ (Ис. 118, 161—162).

2) Потребно читать его съ безпрекословнымъ послушаніемъ ему, даже его „страннымъ словамъ“ (Іоан. 6, 60), такъ какъ и эти слова принадлежатъ Тому же, къ Которому мы съ сердечною увѣренностію и преданностію взываемъ: „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни“ (Іоан. 6, 68). Тамъ же, гдѣ Свящ. Писаніе содержитъ истины, превышающія наше пониманіе, необходима смиренная простота вѣры, ибо, по слову Спасителя, премудрость Божія, скрытая отъ премудрыхъ и разумныхъ вѣка сего, „открывается младенцамъ“ (Лук. 10, 21).

3) Такъ какъ люди, „живущіе по обычаю міра сего“ (Еф. 2, 2), „не имѣютъ слова Отца Небеснаго, пребывающаго въ нихъ“ (Іоан. 5, 38), то для успѣшнаго чтенія слова Божія нужна чистота и непорочность сердца, сопровождаемая святостію жизни.

4) Должно читать Свящ. Писаніе съ теплою молитвою къ Богу, чтобы Онъ „отверзь намъ умъ къ разумѣнію Писаній“ (Лук. 24, 45).

Наконецъ 5) такъ какъ истина слова Божія бываетъ нерѣдко прикровенна, и въ немъ „есть, по словамъ св. апост. Петра, нѣчто неудобовразумительное, что невѣжды и неутвержденные, къ собственной своей погибели, превращаютъ“ (2 Пет. 3, 16), то оказывается существенно необходимымъ при чтеніи и изъясненіи его слѣдовать ученію св. Церкви (содержимому въ ея преданіи и практикѣ), съ которою Самъ Господь Иисусъ Христосъ общался пребыть и пребываетъ во все дни до скончанія вѣка (Мѣ. 28, 20) и которая поэтому называется „Церковію Бога живаго“ (1 Тим. 3, 15), какъ всегда воодушевляемая силою Божіею. „Мы должны вѣрить Свящ. Писанію безпрекословно, пишутъ православные патріархи восточные, и при томъ не какъ нибудь по своему, но именно такъ, какъ изъяснила и предала оное католическая Церковь... Иначе, если бы всякій ежедневно сталъ изъяснять Писаніе по своему, то католическая Церковь не пребыла бы, по благодати Божіей, до нынѣ такой Церковію, которая будучи единомысленна въ вѣрѣ, вѣруетъ всегда одинаково и непоколебимо, но раздѣлилась бы на части, подверглась бы ересямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестала бы быть Церковію святою, столпомъ и утвержденіемъ истины“¹⁾.

Отсюда открывается руководительное значеніе ученія Церкви и въ вѣрѣ и жизни христіанской. Св. Церковь Самимъ Богомъ поставлена блюсти и возвѣщать міру „священные писанія, которыя могутъ умудрить во спасеніе“ (2 Тим. 3, 15), быть учительницею вѣры и благочестія и неоскудною сокровищницею богодарованныхъ благодатныхъ средствъ, необходимыхъ для того, чтобы сѣмена слова Божія произращали благіе плоды во время свое, „да будетъ совершенъ Божій чловѣкъ, ко всякому доброму дѣлу приготовленъ“ (ст. 17).

¹⁾ Посл. Вост. Патр, о правосл. вѣрѣ, чл. 2.

Ученіе Церкви, какъ „мудрость, сходящая свыше“ (Іак. 3, 17), какъ „истина, относящаяся къ благочестію“ (Тит. 1, 1), возвышается надъ всѣми ученіями человѣческими и одинаково властно для пасомыхъ и самыхъ пастырей, преимущественныхъ провозвѣстниковъ и истолкователей ея ученія (Дѣян. 20, 28). Каждый христіанинъ, „питаясь“, подъ руководствомъ Церкви, „словами вѣры и добрымъ ученіемъ“ (1 Тим. 4, 6) и „упражняя себя въ благочестіи“ (ст. 7), долженъ жить и приготовляться къ вѣчности при живомъ и благодатномъ воздѣйствіи ея молитвъ и наставленій. Св. Ирипей Ліонскій (во 2 в.), посылая еретиковъ учиться истинѣ въ церквахъ, основанныхъ апостолами, говорилъ: „они (т. е. апостолы), въ Церковь, какъ бы въ сокровищницу, въ полнотѣ положили все, что относится къ истинѣ, такъ что каждый желающій можетъ принимать отъ нея питіе жизни“¹⁾).

Послѣ сказаннаго странно слышать отъ нѣкоторыхъ такія разсужденія, будто бы наставленія Церкви составляютъ для насъ бремя, отягчающее и безъ того не легкое бремя нравственнаго закона, предписываемаго словомъ Божиимъ. Не довольно ли, говорятъ, каждому знать и исполнить то, что требуется отъ насъ заповѣдями Божиими, безъ приложенія къ нимъ новыхъ правилъ со стороны Церкви? Но церковныя наставленія не являются какимъ нибудь человѣческимъ приложеніемъ къ закону Божию, а служатъ только руководствомъ къ болѣе удобному и точному исполненію заповѣдей Божіихъ. Правила церковныя суть тѣ же заповѣди Божіи, только частнѣе къ намъ прилагаемая, и, слѣд., онѣ не затрудняютъ для насъ благочестіе, а напротивъ облегчаютъ его²⁾.

Свящ. Н. Стеллецкій.

¹⁾ Противъ ересей, кн. 3.

²⁾ О христ. нравственности, прот. Н. Оаворова, стр. 127—128.

Подвигъ столпничества и столпники-подвижники въ Церкви Христовой.

Ублажая угодниковъ Божіихъ, св. Церковь имѣетъ въ виду какъ прославленіе угодившихъ Богу небожителей, такъ и возбужденіе въ нашихъ сердцахъ благочестивой ревности къ достиженію славы Божіей подобно святымъ. Примѣръ святыхъ долженъ служить для насъ свѣточемъ въ настоящей нашей многоскорбной жизни. „Образъ добродѣтельнаго ихъ житія разумѣюще, себе самихъ возбуждаемъ къ подражанію тѣмъ“, т. е. святымъ, говоритъ св. Димитрій Ростовскій. И какъ въ чинѣ природы *звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славу* (1 Кор. 15, 41), такъ и *въ Церкви первоородныхъ, на небесахъ написанныхъ* (Евр. 12, 23), есть разнообразныя лики святыхъ, сіяющіе для насъ каждый своимъ духовнымъ свѣтомъ. Предъ нашимъ духовнымъ взоромъ яркою полосой выдѣляется особый, рѣдкій и, можно сказать, наитруднѣйшій родъ подвижничества—*столпничество* во Христвѣ. Въ настоящемъ очеркѣ мы остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ родѣ подвижничества, причемъ укажемъ и на болѣе извѣстныхъ столпниковъ-подвижниковъ въ Церкви Православной.

Столпники подвизались на высокихъ столпахъ, или башняхъ, открытыхъ для всѣхъ воздушныхъ перемѣнъ. Непрестанною борьбою съ страстями они достигали неизмѣримой высоты духовнаго совершенства и въ своихъ подвигахъ оставили неисчерпаемый источникъ для подражанія. Столпники, какъ и другіе аскеты, принимали добровольныя подвиги съ двойкою цѣлію: во-первыхъ, чтобы, такъ сказать, засушить почву, на которой можетъ разростись сѣмя грѣха; во-вторыхъ, для того, чтобы имѣть больше свободы и силы для исполненія воли Божіей и служенія Ему. Стоя на столпѣ, они не позволяли чрезъ это не только духу разсѣваться, но и тѣлу оставаться въ безопасномъ состояніи и всегда, день и почти

всю ночь бодрствуя о Господѣ, стояли на стражѣ противъ всѣхъ соблазновъ и искушеній со стороны плоти, міра и діавола и, такимъ образомъ, для цѣлаго міра явили себя крѣпкими и возвышенными столпами вѣры, терпѣнія и истиннаго благочестія. Они не только духомъ, но и самымъ тѣломъ желали какъ бы вознести себя на небо, гдѣ находится истинное жилище христіанина. Отсюда понятно то глубокое благоговѣніе предъ подвижниками-столпниками—этими исполинами благочестія, какое проявляли предъ ними ихъ современники.

Наглядное представленіе о томъ, что такое, и каковы именно были столпы, на которыхъ подвизались столпники, мы можемъ получить изъ описанія столпа перваго изъ подвижниковъ этого рода—преп. Симеона. Столпъ его представлялъ изъ себя сложенную изъ простыхъ, необдѣланныхъ камней башню въ сорокъ локтей высоты и такой толщины, что она скорѣе походила на столбъ, чѣмъ на башню. Башня заканчивалась площадкой аршина въ два, такъ что на ней могли стоять или сидѣть только два человѣка. Площадка была обнесена на аршинъ высоты тонкими стѣнками. Рѣдко когда она бывала прикрыта чѣмъ-нибудь сверху въ родѣ кровли, большею же частію была совершенно открыта для холода, зноя, снѣга, дождя, вѣтровъ и для всякой вообще непогоды. На такихъ то и подобныхъ имъ столпахъ и проводили преподобные аскеты дни и ночи въ непрестанныхъ подвигахъ поста, молитвы и богомыслія. Будучи какъ бы посредниками между небомъ и землею, столпники отсюда, съ этихъ своеобразныхъ каедръ, проповѣдывали покаяніе, прекращали дружелюбно ссоры, ревновали за православіе, вынуждали у императоровъ законы, исцѣляли больныхъ, творили чудеса, обращали невѣрныхъ ко Христу.

Возносясь сердцемъ горѣ и въ духовномъ, молитвенномъ подвигѣ распиная себя со своими страстями и грѣховными навыками, столпники, стоя въ высотѣ съ воздѣтыми руками, и вѣшнымъ образомъ уподобились Христу, насъ ради распятому и вознесенному на крестъ. Насколько подобное удаленіе

и вѣншее возвышеніе соотвѣтствуетъ духу и потребности человѣка, ищущаго Бога и Ему одному кланяющагося и служащаго, можно видѣть какъ изъ памятниковъ исторіи, такъ и изъ собственнаго опыта при внимательномъ отношеніи къ себѣ, при нѣкоторомъ самоуглубленіи. Не даромъ въ древности горы были первыми мѣстами храмовъ молитвы; и нынѣ бѣльшая часть нашихъ православныхъ церквей и обителей стоитъ на горахъ. Кому случалось восходить на высокія горы, тотъ чувствовалъ, какъ, по мѣрѣ восхожденія, возвышался онъ въ душѣ своей надъ всѣмъ дольнымъ, живѣе сознавалъ ничтожество всего земного, отрѣшался отъ заботъ и огорченій, ощущалъ въ себѣ бѣльшую, такъ сказать, близость къ небу. Молитвенное же уединеніе на такихъ мѣстахъ производитъ всѣ эти дѣйствія въ высшей степени. Здѣсь такъ близко къ небу, здѣсь такъ далеко отъ земли!..

Отцемъ, или началовождемъ стоппиковъ почитаютъ преп. *Симеона Сиріанина*, отшельника V-го вѣка, стоявшаго на разныхъ столпахъ около 50-ти лѣтъ (память его—1 сент.). Родившись отъ благочестивыхъ родителей—христіанъ, Симеонъ первоначально былъ пастухомъ овецъ. Когда ему было всего только 13 лѣтъ, онъ, еще въ то время неграмотный, услышалъ въ храмѣ прославленіе святыхъ. Это произвело на него такое сильное впечатлѣніе, что отрокъ немедленно отправился въ одно пустынное мѣсто, гдѣ со слезами молился Господу, чтобы Господь открылъ ему путь спасенія. Но вотъ Симеонъ уснулъ. И видится ему, будто онъ начинаетъ копать ровъ какъ бы для фундамента какого-то здапія.—„Копай глубже“!—слышитъ Симеонъ откуда-то голосъ. Отрокъ повинуется и копаетъ. Уставши отъ труда, онъ прекращаетъ работу, полагая, что уже достаточно выкопалъ. Но опять откуда-то слышится голосъ: „Копай еще глубже“! Онъ опять продолжаетъ копать. И въ третій разъ воззвалъ къ нему тотъ же голосъ, возбуждая къ труду. Наконецъ, таинственный голосъ останавливаетъ его и говоритъ: „довольно уже; а теперь, если хочешь строить, созидай, тру-

дьясь прилежно, ибо безъ труда ничего не уснѣешь“. И сталъ трудиться послѣ этого рабъ Божій Симеонъ надъ спасеніемъ своей души—и такъ трудился, какъ трудились и трудятся многіе изъ величайшихъ подвижниковъ.

Въ обители, куда первоначально прибылъ Симеонъ, онъ первые дни оставался безъ пищи и питья и просилъ принять его хотя въ число послѣднихъ слугъ. Игуменъ принялъ его въ число братіи и велѣлъ обучать иноческому житію. Юный Симеонъ настолько преуснѣвалъ въ подвигахъ монашеской жизни, что 18-ти лѣтъ уже удостоился постриженія въ иночество. Съ этихъ поръ онъ переходитъ къ болѣе суровымъ подвигамъ—и прежде всего началъ принимать пищу только разъ въ недѣлю, въ воскресенье, во время же Великаго поста 20 дней воздерживался отъ всякой пищи. Первый опытъ столь продолжительнаго воздержанія отъ пищи едва было не окончился для него смертію, но когда посѣтилъ подвижника Феодоритъ, Симеонъ къ тому времени провелъ въ совершенномъ воздержаніи уже 26 Великихъ постовъ.

Преп. Симеонъ много трудился надъ умерщвленіемъ плоти: то онъ обвязывалъ себя тяжелыми веригами, отъ чего у него образовались гнойныя раны, и за что онъ былъ уволенъ изъ монастыря; то упражнялся въ подвигѣ безмолвнаго стоянія на молитвѣ по цѣлымъ недѣлямъ; то жилъ въ затворѣ по цѣлымъ годамъ и проч.

Наконецъ, въ 423-мъ году онъ нашелъ новый, невѣдомый дотолѣ путь ко спасенію—именно жизнь и стояніе на столпѣ¹⁾. Подвижничество на столпѣ, по мнѣнію преп. Симеона, болѣе приближало къ небу и скорѣе приводило къ совершенству. Здѣсь преп. подвижникъ не могъ ни лежать, ни сидѣть, а вынужденъ былъ или стоять, или приклониться къ столбику, или же сгибаться, при чемъ голова его склонялась почти до ногъ. На столпѣ же онъ принималъ и св.

¹⁾ Высота перваго столпа была шесть локтей, а послѣ она постепенно увеличивалась (12, 22, 36), и, наконецъ, послѣдній изъ столповъ былъ уже въ 40 локтей.

Тайны¹⁾. О подвигѣ преподобнаго на столпѣ блаженный Тео-доритъ рассказываетъ: „случилось однажды, что не малая часть стѣнки, которою была обнесена верхняя площадка столпа, отвалилась, и Святого въ то время можно было хорошо видѣть; и многіе видѣли, какъ подолгу святой стоялъ тутъ неподвижно, устремивъ глаза къ небу, и какъ много онъ творилъ поклоновъ во время молитвы. Одинъ изъ окружавшихъ столпъ хотѣлъ сосчитать, сколько онъ въ одинъ разъ дѣлалъ поклоновъ,—насчиталъ 1244, а больше и пересталъ считать, уставши смотрѣть на высоту. Но святой не изнемогалъ творить поклоны и больше: его тѣло было такъ легко и одухотворено, что молитвенные поклоны не составляли для него никакого труда, или лучше—были для него обычнымъ дѣломъ“.

Слава о жизни и чудесахъ²⁾ необыкновеннаго подвижника далеко распространилась, и къ препод. Симеону спѣшили не только изъ окрестныхъ мѣстъ, но и изъ странъ самыхъ отдаленныхъ. Приходили и обращались съ различными нуждами къ нему не только жители восточныхъ странъ, но и жители Испаніи, Британіи, Галліи и Италіи. Преподобный, не смотря на то, отличался такимъ глубокимъ смиреніемъ, что почиталъ себя всѣхъ ниже, всѣхъ меньше. Онъ былъ для всѣхъ доступенъ, ко всѣмъ привѣтливъ, со всѣми ласковъ; съ каждымъ любовно говорилъ, въ нужды каждаго сердечно вникалъ, только женщинамъ не позволялъ онъ вхо-

¹⁾ Когда великаго подвижника посѣтилъ Мелетій, архіеп. Антиохійскій, и увидѣлъ его прикованнымъ (преп. Симеонъ приковалъ себя, чтобы не сходить съ одного мѣста), то сказалъ; „человѣкъ можетъ и безъ оковъ владѣть собою и не желѣзомъ, но волею и разумомъ привязать себя къ одному мѣсту“. Преп. Симеонъ послѣ того спялъ съ себя оковы.

²⁾ Изъ многихъ чудесъ его въ Великихъ Четвѣхъ-Миннеяхъ (митроп. Макарія) упоминаются девять: 1) О матери св. Симеона; 2) О лани; 3) О змѣи во чревѣ жены; 4) О червѣ, претворившемся въ жемчугъ; 5) О змѣи, просящемъ исцѣленія; 6) О разбойникѣ; 7) О пресвитерѣ; 8) О водѣ, открывшейся по молитвѣ св. Симеона и 9) О раскаявшемся разбойникѣ.

дять вѣнуръ стѣны, окружавшей столпъ ¹⁾. Одинъ сребролюбивый областной начальникъ былъ очень несправедливъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ. Тѣснимые обратились къ преп. Симеону, прося его защиты. Преподобный написалъ начальнику, чтобы послѣдній, хотя изъ страха Божія, былъ милостивъ къ своимъ подчиненнымъ. Корыстолюбець оставилъ просьбу преподобнаго безъ вниманія, и за то наказанъ былъ Богомъ скорою и тяжкою смертію. Другой областной начальникъ, съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ одного невиннаго отца семейства. Узнавъ объ этомъ, преп. Симеонъ, — сначала чрезъ сыновей гонимаго, потомъ чрезъ ученика своего Косьму, — просилъ оставить невинныхъ въ покоѣ. Озлобленный начальникъ не внялъ просьбѣ великаго подвижника. Тогда преподобный предалъ его суду Божию, — и Господь скоро наказалъ притѣснителя: слухъ о несправедливыхъ притѣсненіяхъ дошелъ до мѣстнаго префекта (губернатора), а затѣмъ до самого греческаго императора; назначенъ былъ судъ, и злой начальникъ преданъ былъ общественному позору, посланъ въ заточеніе и умеръ на пути къ мѣсту своего изгнанія.

Какъ свята, удивительна и поучительна была жизнь преподобнаго, можно видѣть отчасти изъ того, что цѣлыя полки измаильтянъ — язычниковъ — по двѣсти, по триста, а иногда и по тысячѣ человекъ, приходившіе къ столпу Симеона, отрекались отъ языческихъ заблужденій, топтали ногами идоловъ, которымъ прежде кланялись, и съ великою радостію принимали ученіе, какое предлагалъ имъ съ своего столпа препод. Симеонъ. „О дѣяніяхъ преп. Симеона столпника хотя могу свидѣтельствоваться почти всеми, — говоритъ современникъ его, блаженный Феодоритъ Кипрскій, но страшусь приступить къ повѣствованію, чтобъ не показались они потомкамъ басно-

¹⁾ Изъ жизнеописанія святыхъ Грузинской церкви видно, что преп. Симеона посѣтилъ, между прочимъ, Іоаннъ, строгій сирскій аскетъ, съ 12-ю своими учениками и получилъ отъ столпника вѣнуственное благословеніе въ Иверійскую страну для распространенія и утвержденія тамъ христіанства, затмѣвавшагося язычествомъ.

словными и недостоверными, такъ какъ превышаютъ человѣческую природу“. („Мѣсяц. вост.“, ч. 2, стр. 266).

По преставленіи препод. Симеона (въ 460 г.), честными мощи его торжественно были перенесены съ горы патриархомъ Мартиріемъ и положены въ Антиохійской соборной церкви. Впослѣдствіи антиохійцы считали его мощи для своего города „стѣною и защищеніемъ“ и величайшею своею святынею.

Изъ другихъ подвижниковъ этого рода извѣстны: Даніиль, жившій въ томъ же V-мъ вѣкѣ, Симеонъ столпникъ Дивногорскій—подвижникъ VI-го в., Алипій, жившій въ VII-мъ в., а также нашъ отечественный подвижникъ св. Никита Переяславскій, жившій въ XII-мъ вѣкѣ и др.

Препод. Даніиль Столпникъ (пам. 11-го декабря)¹⁾—ученикъ и подражатель преп. Симеона столпника. Вся жизнь его была посвящена Богу. Древній писатель Θεодоръ Чтець говоритъ о Даніилѣ, что онъ, пришедши изъ монастыря Симеона, взошелъ на столпъ въ Анаплѣ, недалеко отъ Византии, и проводилъ день и ночь въ постоянной молитвѣ. Много пришлось преподобному претерпѣть въ жизни своей гоненій и клеветы, но онъ все переносилъ спокойно, твердо уповая на Бога, Который не оставлялъ Своего избранника и сподобилъ его высокаго дара чудотвореній... Тотъ же Θεодоръ Чтець говоритъ, что Даніиль столпникъ возсталъ, между прочимъ, противъ царя Василиска, отвергнувшаго указомъ Халкидонскій соборъ. Святой подвизался на столпѣ 33 года и въ глубокой старости предалъ душу Богу.

Въ 1200 г. паломникъ Антоній видѣлъ мощи его: „св. Даніиль столпникъ на горѣ въ тѣлѣ лежитъ“ („Мѣсяц. вост.“, ч. 2, стр. 384).

Иеромонахъ *Михаилъ*.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ 11-го же декабря совершается Церковію и память Луки, *новата столпника* (Халкидонскаго), подвизавшагося 45 л. близъ Халкидона.

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія¹⁾.

Итакъ, въ настоящее время пастыри Церкви самыми обстоятельствами времени вызываются на широкую и плодотворную проповѣдническую дѣятельность. Поэтому, въ послѣднее время все болѣе и болѣе получаютъ значенія, помимо церковно-богослужбной и педагогической проповѣди, еще новый видъ пастырской проповѣди—такъ называемыя внѣбогослужбныя собесѣдованія. Понимаемыя въ смыслѣ пастырскаго наставленія пасомыхъ въ истинахъ вѣры и благочестія христіанскаго въ часы, свободные отъ богослуженій, внѣбогослужбныя собесѣдованія являются какъ нельзя болѣе благовременными и прямо отвѣчающими на запросы русскаго народа. Полезныя и необходимыя вездѣ, они наиболѣе своевременными и необходимыми являются въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ все болѣе развиваются секты рационалистическаго и мистическаго характера. Непросвѣщенный простой людъ, не получившій религіознаго образованія, легко увлекается бесѣдами сектантовъ, которые въ простой домашней рѣчи сообщаютъ ему свои религіозныя воззрѣнія. Особенность религіозныхъ собраній сектантовъ состоитъ въ томъ, что они, собираясь въ извѣстное время въ домахъ, поютъ псалмы и духовныя пѣсни собственнаго составленія, читаютъ Свящ. Писаніе и общепонятно толкуютъ его, хотя, разумѣется, совершенно ложно и превратно. Потребность частныхъ религіозныхъ собраній по воскреснымъ днямъ въ другихъ вѣроисповѣданіяхъ давно признана и приобрѣла нѣкоторую организацію. Такъ, протестантскіе пасторы, помимо общественныхъ богослуженій, имѣютъ обыкновение назначать еще особый часъ для чтенія Свящ. Писанія и собесѣдованія со слушателями по поводу прочитаннаго. Появившаяся въ нашемъ отечествѣ секта штунди-

¹⁾ См. № 24 за 1901 г.

ство въ отсюда именно и получила свое названіе (Stunde — часъ). Съ успѣхомъ противодѣйствовать распространенію этой и подобнымъ ей сектамъ, привлекательнымъ для народа преимущественно своими религіозными бесѣдами, гдѣ предлагаются, въ утоленіе его духовной жажды и алчбы, пища и питіе, хотя бы и затхлая и гнилая, можно, по мнѣнію опытныхъ пастырей, только именно развитіемъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ прихожанами, во время которыхъ послѣдніе имѣли бы возможность не только слушать назиданіе своего пастыря, но и выражать предъ нимъ свои недоумѣнія для разрѣшенія. Учрежденіе и расширеніе внѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ мѣстностяхъ, населенныхъ сектантами—это лучшая борьба противъ распространенія лжеученій сектантовъ при помощи орудія, однороднаго съ собственными средствами сектантовъ, употребляемыми ими для поддержанія и распространенія своихъ религіозныхъ обществъ. Сектанты привлекаютъ православныхъ учрежденіемъ у себя по воскреснымъ днямъ религіозныхъ собраний, на которыхъ поютъ псалмы и духовные стихи и читаютъ Свящ. Писаніе съ общедоступнымъ толкованіемъ его; а потому пусть и православные пастыри, для удовлетворенія назрѣвшей духовной потребности народа, учреждаютъ и расширяютъ у себя внѣбогослужебныя бесѣды—этотъ могущественнѣйшій видъ пастырскаго проповѣданія христіанскаго жизненнаго ученія *).

Въ виду того, что эти собесѣдованія имѣютъ чисто-русское происхожденіе, мы находимъ необходимымъ остано- виться на исторіи ихъ возникновенія и постепеннаго распростране- нія въ нашей отечественной Церкви, чтобы отдать должъ справедливости и благодарности тѣмъ проповѣдникамъ, которые были пионерами въ дѣлѣ созданія этого новаго (вида или лучше сказать—*возсозданія первобытно-христіанскаго вида*), церковно-пастырской проповѣди.

*) А. П.: „Значеніе церковнаго проповѣдничества въ виду появле- нія религіозныхъ сектъ“. Подольск. Еп. Вѣд. 1883 г. № 42—43. — „Значеніе воскресныхъ бесѣдъ въ настоящее время“. Подольск. Еп. Вѣд. 1877 г. № 18.

65. Происхождение внѣбогослужебныхъ собесѣдованій и современное ихъ состояніе.

Внѣбогослужебныя, воскресныя и праздничныя бесѣды пастырей съ прихожанами стали извѣстны сравнительно въ очень недавнее время, хотя мысль объ ихъ учрежденіи относится еще къ первой половинѣ XVIII столѣтія. Въ распоряженіи преосвящ. Иннокентія 2-го, еп. Иркутскаго, отъ 3-го сентября 1733 года читаемъ: „Понеже нашему архіерейству извѣстно есть, что въ Иркутской епархіи обрѣтаются многіе священники, не точію въ надлежащихъ познаніяхъ таинствъ въ количествѣ и качествѣ, но и въ заповѣдяхъ Божіихъ, которыя должны народъ христіанскій вѣдать, неискусные; къ тому же видно, что прихожане ихъ молитву сію повседневною *Отче нашъ* не умѣютъ: чего ради мы, о всей Богомъ врученной намъ паствѣ попеченіе имѣя—ему же больше дано, больше взыщется отъ него—повелѣваемъ: каждому священнику въ своей опредѣленной епархіи *въ господскіе дни и въ городскіе праздники, по литургіи, познать своихъ прихожанъ не скоро, дабы всякъ уразумѣлъ заповѣди Божіи*. Сіе же творити съ исполненіемъ и прилежаніемъ, понеже творящ дѣла съ пренебреженіемъ проклятъ“. Какъ отнеслось духовенство Иркутской епархіи къ предложенію своего архипастыря, не извѣстно *). Можно положительно утверждать, что самыя ранніе опыты внѣбогослужебныхъ бесѣдованій не восходятъ далѣе 50-хъ годовъ XIX столѣтія; первыя же извѣстія о нихъ относятся уже къ 60-мъ годамъ.

Кто были самыми первыми учредителями внѣбогослужебныхъ бесѣдъ, и какъ велись ими эти бесѣды, вѣтъ никакихъ извѣстій. Но нѣтъ сомнѣнія, что свящ. Пермской епархіи—Иоаннъ Тихомировъ, и прот. Евгеній Поповъ и Александръ Луканинъ, первые изъ сообщившихъ печатно о своихъ собе-

*) *Θ. В.*: „О внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ“ (историческая замѣтка).—Волянск. Еп. Вѣд., 1890 г., № 24.

сѣдованіяхъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ и въ числѣ ихъ первыхъ учредителей на Руси. Указанные проповѣдники учрежденіе внѣбогослужебныхъ собесѣдованій поставляютъ въ связь съ открытіемъ въ самомъ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ воскресныхъ школъ. Воскресныя школы, вслѣдствіе обнаруженнаго въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вреднаго направленія, зачислѣннаго отъ того, что въ число учителей ихъ поступало не мало лицъ неблагонадежныхъ, по распоряженію правительства, скоро были закрыты. Тѣмъ не менѣе мысль, вызвавшая ихъ къ жизни и одушевлявшая дѣятелей на нивѣ народнаго просвѣщенія, искала для своего осуществленія цѣлесообразной формы. По отношенію къ пастырямъ-просвѣтителямъ такой формой осуществленія мысли о необходимости помочь народу въ его религіозно-правственномъ развитіи и явились воскресныя собесѣдованія. Впрочемъ, какъ по цѣли, такъ и по самому предмету занятій, тѣ воскресныя школы, которыя были открываемы и руководимы священниками, до нѣкоторой степени уже приближались къ внѣбогослужебнымъ собесѣдованіямъ. Главное вниманіе въ такихъ школахъ обращалось не на обученіе, а скорѣе на назиданіе, почему и посѣщались онѣ не только дѣтьми, но и взрослыми. „Еще во время существованія воскресной школы (въ Шытвинскомъ заводѣ, Оханскаго уѣзда),—говоритъ прот. Луканинъ,—нѣкоторые изъ пожилыхъ прихожанъ стали ходить въ то отдѣленіе школы, гдѣ объяснялось дѣтямъ дневное Евангеліе, а также принадлежности и обряды богослуженія. Началось съ двухъ-трехъ человѣкъ и постепенно увеличивалось до 25 и, наконецъ, достигло 60; больше этого не бывало, потому что столько могло помѣститься въ той классной комнатѣ, гдѣ происходили занятія“. Закрытіе воскресныхъ школъ, очевидно, не могло помѣшать такого рода занятіямъ. „Охота къ слушанію Слова Божія,—продолжаетъ о. Луканинъ,—возбуждена; слѣдовало принять мѣры къ удовлетворенію ея. Поэтому, спустя не много времени по закрытіи воскресной школы, мы, съ архимонастырскаго разрѣшенія, открыли воскресныя бесѣды“.

Такъ, по сообщенію о. Луканина, были открыты имъ въ Нытвинскомъ заводѣ вѣѣбогослужебныя воскресныя собесѣдованія. Но бесѣды эти велись тамъ не долго, только до 18 ноября 1862 года, когда оба священника, занимавшіеся этимъ дѣломъ, были переведены въ другіе приходы.

Одновременно съ открытіемъ собесѣдованій въ Нытвинскомъ заводѣ, были, по словамъ того же прот. А. Луканина, открыты собесѣдованія и въ заводахъ Мотовилихинскомъ и Юговскомъ, Пермскаго уѣзда. Получившія тамъ начало по инициативѣ самихъ прихожанъ, бесѣды о предметахъ вѣры и нравственности велись—въ заводѣ Мотовилихинскомъ священниками П. Поповымъ и А. Поповымъ, а въ Юговскомъ заводѣ—священниками В. Поповымъ и І. Яковкинымъ. „При поступленіи моемъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1862 года,—пишетъ прот. Луканинъ,—въ Юговскій заводъ, Пермскаго уѣзда, здѣсь уже существовали воскресныя бесѣды. Эти бесѣды имѣютъ свою исторію. Онѣ образовались по побужденіямъ, возникшимъ въ средѣ самихъ прихожанъ, и по инициативѣ нѣкоторыхъ набожныхъ людей, которые поставили для себя правиломъ проводить воскресный день такъ, какъ предписываетъ 4-я заповѣдь Закона Божія. Это религіозное движеніе возникло сначала въ Мотовилихинскомъ казенномъ заводѣ—въ 4-хъ верстахъ отъ г. Перми. Въ казенныхъ заводахъ школы заведены давно; грамотныхъ здѣсь довольно. Нѣкоторые изъ мотовилихинскихъ мастеровъ, люди религіознаго настроенія, узнали изъ книгъ, какъ надобно проводить по-христіански воскресные и праздничные дни, и задались мыслию осуществить на дѣлѣ заповѣдь Божию, а для этого стали собираться въ эти дни въ частныхъ домахъ для чтенія назидательныхъ книгъ, пѣнія церковныхъ пѣсней и для духовныхъ бесѣдъ. Это настроеніе еще болѣе развилось и увеличилось отъ одного обстоятельства и отъ личной настойчивости одного грамотнаго мастера“. Около этого мастераго сгруппировался кружокъ религіозныхъ людей, которые поставили себѣ за долгъ не только самимъ проводить воскресные и праздничные дни

по заповѣди Божіей, но пропагандировать свою идею и въ другихъ сосѣднихъ заводахъ и селахъ. Поэтому, „нѣкоторые изъ нихъ съ 1858 года въ воскресные и праздничные дни, а также въ святки, въ масленицу, стали приходить въ Юговскій заводъ и располагать набожныхъ людей заниматься въ эти дни духовными бесѣдами, чтеніемъ книгъ, пѣніемъ,—и значительно успѣли въ этомъ. Нашлись охотники; и здѣсь тоже стали дѣлать собранія въ частныхъ домахъ между заутреней и обѣдней и послѣ обѣда. Но здѣсь собранія эти встрѣтили противодѣйствіе со стороны полиціи и нѣкоторыхъ священниковъ. Собиравшихся для чтенія и пѣнія подозрѣвали въ сектантствѣ, называли молоканами... Во избѣжаніе подозрѣнія, они стали приглашать въ свои собранія священниковъ или причетниковъ; но быть тѣмъ или другимъ для наблюденія и руководства не всегда удавалось“. И только Юговскаго завода священникъ В. Поповъ и Мотовилихинскаго завода священникъ П. Поповъ, болѣе другихъ сочувствовавшіе такому настроенію своихъ прихожанъ, обратили серьезное вниманіе на эти собранія. „Еще въ 1860 и въ началѣ 1861 гг. они бывали иногда на этихъ собраніяхъ въ частныхъ домахъ, и, выскнувъ въ ихъ духъ и направленіе, поняли всю пользу, какую могутъ принести бесѣды, если руководить ими и направлять ихъ благоразумно, и потому рѣшили—первый въ сообществѣ съ свящ. І. Яковкинымъ, второй въ сообществѣ съ свящ. А. Поповымъ, взять ихъ подъ свое наблюденіе и руководство. Мѣстомъ собраній они назначили церковь—въ Юговскомъ заводѣ кладбищенскую, а въ Мотовилихинскомъ—приходскую; время для собраній избрали послѣобѣденное—съ 2 часовъ до вечерни. (Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 18 іюня 1901 г.

За цензора священникъ *К. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 27.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, іюля 1-го.

Содержаніе: Роль женщины въ первоначальной и послѣдующей исторіи старообрядческаго раскола.—Подвигъ столпничества и столпники-подвижники въ Церкви Христовой (окончаніе).—Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія (продолженіе).

Роль женщины въ первоначальной и послѣдующей исторіи старообрядческаго раскола.

Въ настоящее время въ литературѣ по исторіи раскола твердо установленъ фактъ великаго значенія женщины въ расколѣ за все время его существованія. Но въ пониманіи и изображеніи ея значенія или роли въ первоначальной исторіи раскола замѣтны нѣкоторая большая или меньшая односторонность и неполнота. Односторонность состоитъ въ томъ, что роль женщины въ первоначальной исторіи старообрядческаго раскола понимается въ извѣстныхъ намъ статьяхъ¹⁾ исклю-

¹⁾ „Значеніе женщины въ исторіи возникновенія раскола“. Н. С—ва, см. Миссіонерскій сборникъ 1891 г, ноябрь-декабрь. „О значеніи женщины въ расколѣ“ А. Георгіевскаго, въ Орловск. Еп. Вѣд. 1899 г. №№ 49 и 50.

чительно въ смыслѣ пассивнаго протеста женщины противъ церковныхъ преобразованій патр. Никона и одного лишь пассивнаго опять „стоянія ея за старину“. Въ результатѣ этого нѣсколько узкаго взгляда на значеніе женщины въ расколѣ за указанное время, и виды женской дѣятельности изображены въ нашей литературѣ недостаточно полно или, по крайней мѣрѣ, недостаточно рельефно. Настоящею статьею мы и хотѣли бы восполнить недостающее въ существующемъ рѣшеніи занимающаго насъ вопроса.

Говорить о женщинахъ въ первоначальной исторіи старообрядческаго раскола значитъ говорить о кружкѣ лицъ, приближенныхъ къ первымъ расколоучителямъ. Надобно знать, что представлялъ собою этотъ кружокъ—цѣльное-ли и объединенное въ своихъ членахъ общество, или собраніе лицъ, которыя другъ друга не знали и дѣйствовали порознь?

Свѣдѣнія о женщинахъ этого кружка, ихъ имени, положеніи и дѣятельности въ немъ почерпаются почти исключительно изъ посланій къ разнымъ лицамъ самихъ расколоучителей, изъ автобіографіи протопопа Аввакума. Нѣсколько сочиненій, современныхъ первымъ расколоучителямъ, а равно и позднѣйшаго происхожденія, принадлежащихъ перу какъ раскольниковъ („Біографія Морозовой“), такъ и православныхъ авторовъ (напр., Посланіе Игнатія, митр. Тобольскаго), въ немаломъ восполняютъ означенныя свѣдѣнія¹⁾. Между извѣстными намъ изъ этихъ документовъ женщинами найдутся, во 1-хъ, жены протопоповъ Аввакума и Ивана Неронова и діакона Федора; во 2-хъ, ученицы и духовныя дѣти какъ этихъ, такъ и другихъ расколоучителей меньшихъ—Антонія, архимандрита Муромскаго Спасскаго монастыря, игумена Θεоктиста; и, наконецъ, ученицы ученицъ означенныхъ расколоучителей, не имѣвшихъ, повидимому, непосред-

¹⁾ Нужные намъ документы раскольниковскаго происхожденія заключаются, главнымъ образомъ, въ I, V и VIII тт. Матеріаловъ для исторіи раскола.

ственныхъ сношеній съ послѣдними. Почти всѣ эти женщины были извѣстны одна другой, находились въ сношеніяхъ между собою, составляли „едино стадо“ въ строгомъ смыслѣ ¹⁾. Особенно это нужно сказать о кружкѣ собственно Аввакумовскихъ ученицъ, душою котораго была боярыня Морозова, а начальною матерію инокиня Меланія. Къ этому кружку не принадлежали лишь очень немногія изъ извѣстныхъ намъ женщинъ—первыхъ послѣдовательницъ раскола. Ихъ можно перечестъ; это, во 1-хъ, Густина, вологжанка по мѣсту происхожденія, проповѣдывавшая расколь въ Москвѣ въ 1663 году ²⁾; затѣмъ—нѣкая Евдокія Новгородская ³⁾. Изъ документовъ не видно, чтобы къ Аввакумовскому кружку ученицъ принадлежали жены протопопа Ивана Неронова и діакона Ѳедора, хотя послѣдніе оба были сподвижниками Аввакума. Начальствуемая Меланіей, главныя ученицы Аввакума жили гдѣ то вмѣстѣ, составляя цѣлый монастырь ⁴⁾. Однако, Меланія почему-то не была въ немъ игуменьей, мѣсто которой здѣсь занимала нѣкая Анисья—по всей вѣроятности дворянка по происхожденію ⁵⁾. Назначеніе же Меланіи было шире и выше: она была общею духовною матерью ученицъ Аввакума и знатнѣйшихъ между ними въ особенности. Имѣя въ монастырѣ какъ бы замѣстительницу и представительницу своего лица и власти, сама она держала подъ непосредственнымъ своимъ началомъ такихъ знатныхъ женщинъ—ученицъ протопопа, какъ боярыня Ѳедосья Морозова и сестра ея—княж-

¹⁾ Нѣкоторымъ доказательствомъ этому можетъ служить посланіе Аввакума, такъ наз. „Книга всѣмъ горемыкамъ миленькимъ“ (V т., 231 - 239), имѣющая назначеніе ко всѣмъ раскольникамъ и раскольницамъ, но отправленная, конечно, на имя одного лица.

²⁾ Мат. для ист. раск., т. I, 204 - 207 прим.

³⁾ Опис. раск. соч., ч. I, стр. 153.

⁴⁾ Мат. для ист. раск. VIII, 95. Извѣстно до 9 - 10 старицъ-сестеръ этой обители: Анисья, Пелагея, Елена, Марія, Сусанна, Евдокія Иванова, Маремьяна Ѳедоровна, Ульяна, Ксенія.

⁵⁾ Мат. для ист. раск., *ibidem*.

на Евдокія Урусова¹⁾. Но и тутъ, впрочемъ, не всё наиболѣе видныя послѣдовательницы раскола находились подъ началомъ матери Меланіи. Жена Аввакума пользовалась привилегіею независимости отъ нел, разумѣется, не потому, что жена отца-законодателя раскола, не нуждалась въ какомъ-либо началѣ надъ собой, а потому, что имѣла такое начало въ лицѣ своего мужа, котораго не могла замѣнить никакая мать. Не состояли послушницами Меланьи какая-то вліятельная женщина изъ фамиліи Милославскихъ—Анна Милославская²⁾, и „сопричастница подвига“ знаменитыхъ сестеръ Ѳеодосіи и Евдокіи, не менѣе ихъ знаменитая въ расколѣ жена стрѣлецкаго полковника Маріи Данилова. Но первая была, надо думать, только тайной благотворительницей первыхъ расколуучителей, а не явной ихъ послѣдовательницей; вторая же такъ тѣсно сблизилась съ двумя сестрами—послушницами Меланьи, что дышала одною жизнью съ ними и, не провозглашая Меланьи своею матерью, была на дѣлѣ ея послушнымъ дѣищемъ. Ихъ единокровіе отмѣтилъ самъ Аввакумъ, называя ихъ „троицей“, „тричисленной единицей“, обращаясь къ нимъ такъ: „Ѳеодора (Морозова въ иночествѣ) въ Евдокѣи, Евдокѣя въ Ѳеодорѣ и Маріи въ Ѳеодорѣ и Евдокѣи. Чудной составъ, по образу святыхъ Троицы“³⁾!! Подъ началомъ Меланіи не находились и къ числу сестеръ ея обители не принадлежали и другія многія женщины, первыя послѣдовательницы раскола. Не состоя въ ряду главныхъ ученицъ Аввакума, онѣ были его почитательницами, принадлежали къ его „единому стаду“ и перечислены въ посланіи его „ко всѣмъ горемыкамъ миленькимъ“—

¹⁾ Мат. для ист. раск., V, 167 стр. VIII, 174.

²⁾ За вліятельную женщину изъ фамиліи Милославскихъ принимаетъ эту личность проф. Субботинъ (Мат. для ист. раск. I, 313). Проф. Забѣлинъ (Домашній бытъ русск. царей, стр. 121, примѣч.) думаетъ, что это была Анна Ильинична Милославская, родная сестра царицы Марьи Ильиничны и вдова деверя Морозовой—Бориса Ив. Морозова.

³⁾ Мат. для ист. раск., V, 174.

Было бы, конечно, ошибочнымъ объяснять соединеніе ученицъ Аввакума во едино стадо и расположеніе ихъ въ немъ по началамъ иноческой субординаціи случайнымъ знакомствомъ ихъ между собою, хотя и оно до нѣкоторой степени имѣло здѣсь мѣсто. Нисколько не удивительно, что Морозова является послѣдовательницею главнаго расколуучителя Аввакума: онъ былъ ея духовникомъ ¹⁾, или что сестра Ѳеодоси Прокопьевны княгиня Урусова, затѣмъ—ихъ общая знакомая Марія Данилова и домочадицы боярыни—Ксенія Иванова, Анна Соболева и Анна Амосовна ²⁾ дѣлаются ея единомысленницами, а послѣдняя и сподручницей въ раздалніи милостыни. Но уже, разумѣется, не случайно, а намѣренно инокъ Симонова монастыря, Трифилій, крѣпкій старовѣръ, знакомить Морозову съ инокиней Меланіей ³⁾, рассчитывая, очевидно, на ту пользу, какую можетъ оказать дѣлу раскола испытанная старовѣрка, своимъ вліяніемъ на боярыню укрѣпляя ея преданность расколу, въ которой могла остывать Морозова въ разлукѣ съ протопопомъ. Съ этой-же цѣлю Аввакумъ отдаетъ нѣкую Маремьяну Ѳедоровну подъ началъ игуменьѣ Анисіи ⁴⁾. Знакомство Морозовой и другихъ ученицъ протопопа съ его семьей несомнѣнно было намѣреннымъ дѣломъ самого Аввакума Петровича. Разумѣется, что и сами послѣдовательницы раскола искали сближенія между собою, по взаимному влеченію, вполнѣ объяснимому содержаніемъ одной вѣры. Такъ составлялось цѣлое женское воинство за старую вѣру, предводительствуемое Меланьей—Аввакумомъ въ сарафанѣ, по остроумному выраженію проф. Пильскаго ⁵⁾.

Но оставимъ пока распутывать тѣ пути, по которымъ плло взаимное знакомство первыхъ послѣдовательницъ раскола,

¹⁾ Тамъ же, стр. 262.

²⁾ Тамъ же, стр. 184, 189.

³⁾ Мат. для ист. раск., т. VIII, 147—148.

⁴⁾ Мат. для ист. раск., V, 238.

⁵⁾ Литограф. лекціи по ист. раск., читанныя въ 1888/, учебн. году въ СПб. Академіи, стр. 235.

и причины, отъ которыхъ зависѣло расположеніе ихъ въ Аввакумовомъ стадѣ по началамъ иноческой субординаціи. Полная разгадка этого явленія кроется въ характерѣ стремленій и интересовъ, которые преобладали въ женщинахъ—первыхъ раскольницахъ, въ условіяхъ ихъ жизни и въ обычныхъ способахъ ихъ сношеній съ обществомъ. А къ ознакомленію съ духовнымъ обликомъ первыхъ ученицъ Аввакума и другихъ расколоучителей мы должны перейти теперь же, чтобы получить возможность правильно опредѣлить ихъ роль въ первоначальной исторіи старообрядческаго раскола. Къ сожалѣнію, большинство этихъ женщинъ намъ извѣстно лишь по имени, да по отдѣльнымъ эпизодамъ изъ ихъ жизни. Даже такая видная раскольница, какъ инокиня Меланія, остается для насъ темною, загадочною личностью. Ни начала ея дней, ни конца жизни мы не знаемъ. Въ „житіи Морозовой“ (по ркн. Импер. Публ. Библиот. Q. 1, № 475)¹⁾, въ „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“ Алексѣева²⁾—она называется „старницею бѣлевкою“ или „бѣлевскою“. Полагають отсюда³⁾, что она происходила изъ г. Бѣлева, частице—изъ старицъ—инокинь Бѣлевскаго монастыря, по имени котораго и прозывалась бѣлевскою⁴⁾. Въ исторіи старообрядческаго раскола мы застаемъ Меланью въ чинѣ инокини, которую знаетъ, повидимому, весь первоначальный старообрядческій міръ. Аввакумъ и Трифилій относятся къ ней съ великимъ почтеніемъ.

¹⁾ Мат. для истор. раск., VIII, 151—152.

²⁾ Братск. сл., 1889 г., № 7, стр. 507.

³⁾ Проф. Субботинъ, см. Мат. для ист. раск., VIII, XVI—XVII и прим. 2; Забѣлинъ, см. Дом. бытъ р. царств., стр. 119.

⁴⁾ Въ житіи Морозовой по гектографированному списку, изданному раскольниками въ Боровскѣ, Меланья значится подъ именемъ „старницы бѣглевки“. Хотя прозваніе это и можетъ означать старницу „бѣжавшую“ изъ монастыря, но проф. Субботинъ не останавливается на такомъ объясненіи его и болѣе правильнымъ признаетъ чтеніе „бѣлевка“ или „бѣлевска“, указывающее на происхожденіе Меланьи изъ г. Бѣлева. См. Мат. для ист. раск., VIII, XVII—XVIII, прим.

Аввакумъ называетъ ее „блаженной“, „великой“¹⁾, а Трифилій рекомендуетъ ее, какъ примѣрную инокиню, Морозовой²⁾. Она спосится даже съ вѣтковскими старообрядцами, оказывая имъ услуги³⁾. Словомъ, ревностною раскольницею—инокинею является Меланія на наши глаза, такую же инокинею и исчезаетъ съ нихъ. О большинствѣ первыхъ послѣдовательницъ раскола мы еще менѣе имѣемъ біографическихъ свѣдѣній. Но, присматриваясь ближе къ раскольницамъ, о которыхъ мы имѣемъ біографіи (Морозовой, Урусовой, Даниловой), и переводя свой взоръ съ этихъ личностей на женщинъ, извѣстныхъ только по отдѣльнымъ эпизодамъ изъ ихъ жизни, мы безъ особаго труда можемъ возстановить общій обликъ и этихъ послѣднихъ, потому что въ тѣхъ и другихъ узнаемъ одну и ту же женщину XVII вѣка, только болѣе типично выразившуюся,—въ ихъ жизни и ея отдѣльныхъ эпизодахъ видимъ наиболѣе полное выраженіе началъ, по которымъ слагалась вообще жизнь женщины того времени.

(Продолженіе будетъ).

Преп. А. Волгинъ.

Подвигъ столпничества и столпники-подвижники въ Церкви Христовой ⁴⁾.

(О к о н ч а н і е).

Препод. Симеонъ столпникъ (младшій) — Дивногорецъ (нам. 24 мая) былъ сынъ благочестивыхъ и знатныхъ родителей Иоанна и Мары. Праведная Марѳа отличалась особенною ревностію къ славѣ Божіей и съ этою цѣлію жила не-

¹⁾ Мат. для ист. раск., V, 166.

²⁾ Тамъ же, VIII, 147—148.

³⁾ Братск. сл., 1884 г., № 7, стр. 507.

⁴⁾ См. № 26 за 1901 г.

далеко отъ храма, первую приходила въ него и послѣднюю выходила. На молитвѣ и божественныхъ службахъ она стояла съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ сердечнымъ сокрушеніемъ, что слезы обильно струились изъ ея глазъ, а послѣ причастія св. Христовыхъ Таинъ лицо ея сіяло особымъ свѣтомъ—такъ, какъ нѣкогда лицо боговидца Моисея. Въ воскресные и праздничные дни сердобольная Марѳа питала нищихъ, одѣвала нагихъ; часто посѣщала больницы и служила больнымъ, собственными руками шила одежды для новокрещаемыхъ и вообще служила примѣромъ цѣломудренной и богоугодной жизни. Будучи первое время супружеской жизни безплодною, Марѳа постомъ, молитвою и слезами испросила себѣ у Господа сына, котораго назвали Симеономъ. Двухъ лѣтъ младенецъ былъ крещенъ и тотчасъ же вдругъ началъ говорить на неродномъ языкѣ удивительныя слова: „имѣю отца и не имѣю отца, имѣю мать и не имѣю матери“... Рано лишившись родителей, Симеонъ съ 5-ти лѣтъ удалился въ пустыню, гдѣ и провелъ въ великихъ подвигахъ около 70 лѣтъ. Историкъ Евagriй говоритъ, что св. Симеонъ въ дѣтскомъ возрастѣ во время игры на горѣ, связавъ шею леопарда поясомъ, привелъ его къ своему наставнику, называя леопарда кошкою. Видя изъ этого случая въ юномъ Симеонѣ великую благодатную силу, наставникъ поставилъ его на столпъ. Когда слава о подвигахъ Симеона начала распространяться, и къ подвижнику стали стекаться народъ изъ окрестныхъ странъ, онъ взшелъ на другой, болѣе высокій столпъ, будучи уже діакономъ. Здѣсь онъ предсказалъ смерть Іоанну, своему духовному отцу, сказавъ: „йди, отче, чтобы успокоиться съ отцами моими, въ послѣдній разъ помолившись обо мнѣ“. Предсказаніе вскорѣ сбылось. Послѣ 8-ми лѣтняго подвига на этомъ столпѣ, Симеонъ, по откровенію свыше, удалился на одну изъ горъ¹⁾ въ окрестностяхъ города Антиохіи и стоялъ на ней нѣсколько лѣтъ подъ открытымъ небомъ, источая благодатные дары

¹⁾ Отъ великихъ, дивныхъ дѣлъ, совершенныхъ Симеономъ, гора эта получила названіе „Дивной“.

всѣмъ, притекавшимъ къ нему съ вѣрою. Предсказывалъ будущія событія, онъ, между прочимъ, предсказалъ смерть Антиохійскому архіепископу и землетрясеніе, разрушившее почти всю Антиохію. Каково было смиренномудріе преподобнаго, можно отчасти видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства. Однажды приходитъ къ Дивногорцу братъ, одержимый нечистымъ духомъ, и проситъ, чтобы преподобный помолился о немъ и изгналъ бѣса. Симеонъ спрашиваетъ: „Гдѣ ты живешь?“ Братъ отвѣчалъ: „Въ Райѣ“. Старецъ продолжалъ: „Удивляюсь, братъ, какой трудъ ты понесъ, какой путь совершилъ, чтобы прійти ко мнѣ, человѣку грѣшному, между тѣмъ какъ имѣешь въ своей лаврѣ великихъ отцевъ. Пойди къ аввѣ Андрею и проси его, чтобы онъ помолился о тебѣ, и исцѣлѣешь“. Братъ, пришедши въ Райѣ, палъ предъ аввою Андреемъ, какъ велѣлъ ему авва Симеонъ, и сказалъ: „Помолись обо мнѣ, авва!“ Авва Андрей помолился о братѣ, и братъ тотчасъ исцѣлѣлъ и возблагодарилъ Бога („Лугъ Дух.“, стр. 119).

Съ помощію многихъ исцѣленныхъ, Симеонъ на Дивной горѣ основалъ монастырь и устроилъ церковь, а для себя столпъ, на которомъ и окончилъ въ санѣ пресвитера свои многотрудные подвиги. Преподобный скончался въ 596-мъ г., предсказавъ свою блаженную кончину за 10 дней. Составитель житія Симеона говоритъ, что „и по кончинѣ преподобнаго чудеса лились потокомъ, при жизни ихъ было такъ много, что всѣ исчислить не возможно: ихъ не вмѣститъ никакая память, никакой краснорѣчивый языкъ не передастъ“.

Отечествомъ препод. Алипія столпника (пам. 26 нояб.) былъ городъ Адрианоуполь Пафлагонскій. Родившись отъ благочестивыхъ родителей, Алипій вскорѣ лишился отца и въ отроческомъ возрастѣ былъ врученъ матерію епископу того же города Θεодору для обученія и воспитанія. Пришедши въ возрастъ, Алипій за свое благонравіе и благочестіе, скоро достигъ званія церковнаго эконома и сана діаконскаго.

Но Алипій искалъ уединенія пустыннаго, монашескаго, о чемъ и открылъ своей матери. Получивши материнское

благословеніе, Алипій тайно уходитъ изъ Адрианополя и поселяется въ Евхаитѣ; но скоро посланные отъ епископа и согражданъ угрозами и просьбою возвращаютъ его въ родной городъ. Въ скорби и печали преподобный видитъ однажды ангела Божія, говорящаго: „Алипій! ты скорбншь о своемъ возвращеніи, но помни, что всякое мѣсто свято, гдѣ человекъ живетъ благочестиво и угождаетъ Богу“. Хотя и не мало былъ утѣшенъ этимъ видѣніемъ преподобный, но душа его не мирилась съ житейскою суетою, а потому онъ вторично—и уже съ благословенія епископа—покидаетъ городъ и поселяется въ необитаемомъ, пустынномъ мѣстѣ, недалеко отъ родины. Граждане и окрестные жители приходили къ Алипію съ своими нуждами, и онъ всѣмъ предлагалъ свои поученія, питая жаждущихъ духовною пищею. Впослѣдствіи здѣсь была устроена церковь во имя св. великомуч. Евѡміи, послѣ чего преп. Алипій вскорѣ возшелъ на ближайшій столпъ, и, при помощи Божіей, твердо ограждалъ св. мѣсто и отражалъ всѣ демонскія полчища, хотѣвшія его погубить, а созданную имъ церковь разрушить. Раздраженные бѣсы, наконецъ, употребляютъ послѣднее средство. Однажды въ ночное время начинаютъ побивать преподобнаго камнями, какъ первомученика Стефана; но святой мужественно перенесъ и эту ярость бѣсовскую и даже открылъ послѣдній навѣсъ надъ столпомъ. Тогда вражья сила со стыдомъ бѣжала, а преподобный уже безъ всякой защиты оставался на столпѣ во всѣ времена года и при всѣхъ воздушныхъ перемѣнахъ въ продолженіе 53-хъ лѣтъ. Когда слава о великомъ подвижникѣ достигла странъ и болѣе отдаленныхъ, и къ нему началъ собираться народъ для исцѣленія отъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, а другіе—затѣмъ, чтобы навсегда остаться при столпникѣ, Алипій благословилъ устроить вблизи столпа два монастыря—мужескій и женскій, а самъ стоялъ на высотѣ среди нихъ, какъ горящая свѣча, разливая духоносный свѣтъ тому и другому. Иногда собирались къ нему цѣлые сонмы иноковъ, съ которыми онъ днемъ и ночью воспѣвалъ псалмы

и свящ. гимны во славу Божию. Много чудесъ совершалъ преподобный; надъ его столпомъ часто можно было видѣть дивное сіяніе на подобіе огненнаго столпа, доходившаго до облаковъ.

За 14 лѣтъ до своей кончины угодникъ Божій былъ пораженъ лютою язвою, такъ что стоять уже болѣе не могъ, а лежалъ на одномъ боку до самой кончины. Отъ цѣльбоносныхъ мощей его многіе получали исцѣленіе и различныя утѣшенія. Глава преподобнаго находится на Аѳонѣ, въ греческомъ Куглумусіанскомъ монастырѣ.

Преп. Никита столпникъ (пам. 24 мая) родился въ городѣ Переславлѣ. Въ молодыхъ годахъ онъ служилъ въ гражданскомъ судѣ и, занимаясь сборомъ податей, безнаказанно наживался на счетъ другихъ. Но слезы и стоны многихъ слабыхъ и несчастныхъ взопли ко Господу. Никита вдругъ измѣняетъ свою жизнь, приходитъ къ сознанию своей грѣховности и укрощаетъ алчные порывы. Однажды въ церкви онъ слышитъ пророческія слова: „измыйтеся, и чисти будете“... Проповѣдь тронула его, и онъ, послѣ нѣкотораго размысленія, не сказавъ никому изъ домашнихъ ни слова, вышелъ изъ дому съ мольбою ко Господу: „настави мя, Господи, на путь Твой“. Въ сокрушеніи сердечномъ о грѣхахъ, Никита пришелъ въ монастырь св. великомуч. Никиты (въ 3-хъ верст. отъ Переславля) и, послѣ испытанія, облеченъ былъ игуменомъ во власяницу и причисленъ къ иноческому чину. Съ этого времени для Никиты началась суровая подвижническая жизнь: въ тяжелыхъ веригахъ преподобный проводилъ дни и ночи въ молитвѣ, пѣніи псалмовъ и чтеніи житій святыхъ... Пламенѣя болѣе и болѣе любовію ко Господу, онъ устроилъ себѣ столпъ, отъ котораго прокопалъ подземельный ходъ въ церковь для посѣщенія богослуженія¹⁾.

¹⁾ Подвижникъ при выходѣ воздѣвалъ на голову каменную шапку; эта шапка оставалась въ обители до 1735 года, и ее вмѣстѣ съ веригами носили на себѣ богомольцы, обходя вокругъ столпа преподобнаго.

Господь принялъ искреннее раскаяніе обратившагося къ Нему грѣшника и даровалъ ему силу творить чудеса и исцѣлять болящихъ еще при жизни. Такъ, малолѣтній сынъ Всеволода, князя Черниговскаго, Михаилъ, прибывши къ преподобному въ Переяславль, получилъ исцѣленіе отъ его жезла. Черезъ нѣсколько времени преподобнаго посѣтили родственники и, замѣтивши блестящія на немъ цѣпи, приняли ихъ за серебряныя. Это возбудило ихъ корыстолюбіе, и они, возвратившись ночью, умертвили св. столпника и воспользовались снятыми съ него веригами. Кончину преподобнаго отпосытъ къ 1186 году. Мощи его, почивающія въ Никитскомъ монастырѣ, прославились множествомъ чудесъ.

На св. Руси были и другіе, если не столпники, въ полномъ значеніи слова, то близкіе имъ подражатели. Такъ, на сѣверѣ Россіи, изобилующемъ обширными лѣсными пространствами, нѣкоторые подвижники укрывались въ лѣсныя чащи насколько возможно дальше отъ человѣческихъ жилищъ и подвизались даже въ дуплахъ деревьевъ. Таковъ былъ, напр., препод. Павелъ Обнорскій (Комельскій), одинъ изъ многочисленныхъ учениковъ преп. Сергія, Радонежскаго Чудотворца, отца монашествующихъ въ сѣверной полосѣ Россіи.

Еще болѣе угодился столпникамъ почти современный намъ подвижникъ, хотя и не причисленный къ лику святыхъ, извѣстный всей православной Россіи старецъ Саровской пустыни іеромонахъ Серафимъ. Для усиленія молитвенныхъ подвиговъ въ ночное время, онъ восходилъ на величайшій гранитный камень въ глухомъ лѣсу и на немъ обыкновенно молился или на ногахъ, или стоя на колѣнахъ съ воздѣтыми вверхъ руками, взывая мытаревымъ гласомъ: *Боже, милостивъ буди ми грѣшному!* А чтобы уравнивать ночные подвиги свои съ дневными, о. Серафимъ и въ келліи имѣлъ камень. Въ молитвенномъ стояніи находился на немъ старецъ все время и сходилъ только въ крайнихъ случаяхъ—для кратковременнаго отдохновенія, или для принятія пищи. Такого рода молитвенный подвигъ онъ несъ по временамъ въ тече-

ніе тысячи сутокъ подъярьдъ. „Намъ все стараніе должно имѣть о душѣ—говорилъ о. Серафимъ въ наставленіяхъ, — тѣло же подкрѣпляютъ для того только, чтобы оно способствовало къ подкрѣпленію духа“. Объ этихъ подвигахъ старецъ отвернулъ только нѣкоторымъ изъ братій предъ кончиною своею, чтобы не быть загадкою для людей (см. жизнеоп. старца Серафима).

Св. апостоль Павелъ нѣкогда писалъ христіанамъ: *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ Слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жителства, подражайте вѣрѣ ихъ (Евр. 13, 7)*. Апостоль этимъ показываетъ, что руководства въ нашей духовной жизни мы должны искать у тѣхъ, кто на опытѣ прошелъ путь слѣдованія за Христомъ. Всякій урокъ и наставленіе гораздо дѣйствительнѣе, когда подкрѣпляются живымъ примѣромъ. Одинъ преп. отецъ приближался къ блаженной кончинѣ. Собравшіеся вокругъ него старцы спросили: „Что будемъ дѣлать послѣ тебя, авва“?— „Смотрите,—отвѣчалъ св. мужъ,—како ходихъ предъ вами, сего для васъ довольно. Если захотите идти въ слѣдъ мой и хранить заповѣди Божіи, Господь ниспошлетъ на васъ благодать Свою и сохранить мѣсто сіе; а если не соблюдете оныхъ, не останетесь и на мѣстѣ семъ. Мы, видя приближающихся къ смерти отцовъ нашихъ, также сокрушались, но, соблюдая заповѣди Господни и совѣты ихъ, жили, какъ будто ихъ самихъ предъ собою имѣя. Равнымъ образомъ поступайте и вы, и Господь Богъ сохранитъ васъ“ (Учил. благоч.). Въ жизни святыхъ—неисчерпаемый источникъ для подражанія. Потому-то любимѣйшими книгами благочестивыхъ людей всегда были и будутъ прологи и сказанія о жизни, подвигахъ и трудахъ угодниковъ Божіихъ.

Какъ сатанѣ не ликовать надъ небомъ,

Такъ злу добра не побѣдитъ во вѣкъ...

Не даромъ сказано, что не единымъ хлѣбомъ

Живъ будетъ человекъ.

То тамъ, то здѣсь Свѣтильники Христовы
Являются среди царящей въ мірѣ тьмы;
Ихъ рѣчи пламенны, ихъ подвиги суровы,
Сердца восторженны, возвышенны умы.

* * *

Ихъ тихія обители—твердыни,
Вѣчапныя крестомъ... Пусть дерзко человекъ
Разрушить силится великія святыни...
Ихъ не сломить во вѣкъ ¹⁾!

Іером. *Михаилъ.*

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ²⁾).

Священникъ В. Поповъ сдѣлалъ первый опытъ такого собранія въ 1861 г. въ день св. Троицы. Собралось до 150 человѣкъ обоего пола и разнаго возраста; въ Духовъ день—столько же. Такое значительное число жаждавшихъ поученія показало настоятельную нужду воскресныхъ бесѣдъ. О. В. Поповъ обратился за разрѣшеніемъ вести ихъ къ енархіальному начальству, и Пермская духовная консисторія въ томъ же 1861 г. разрѣшила веденіе бесѣдъ особымъ указомъ, дозволивъ притомъ для извѣщенія жителей ударять нѣсколько разъ въ колоколь. Съ той поры воскресныя бесѣды какъ въ Юговской кладбищенской церкви, такъ и въ Мотовилихипской велись неопустительно въ каждый воскресный и праздничный дни. Въ первой бесѣды велъ свящ. В. Поповъ—сначала при помощи свящ. І. Яковкина, потомъ,

¹⁾ А. Кругловъ. „Душен. Чт.“, 1901 г., февр.

²⁾ См. № 26 за 1901 г.

послѣ перевода послѣдняго въ другой приходъ, одинъ, а въ Мотовилихинскомъ заводѣ—оба священника попеременно*). Сверхъ того, по поступленіи въ концѣ 1862 года въ Юговскій заводъ протоіерея А. Луканина, послѣднимъ съ 1863 года открыты были внѣбогослужебныя собесѣдованія, кромѣ кладбищенской церкви, еще и въ соборѣ завода. Протоіерей А. Луканинъ—это одинъ изъ опытнѣйшихъ и усерднѣйшихъ проповѣдниковъ—„бесѣдовниковъ“. Его бесѣды, по богатству содержания, живости изложенія, примѣнимости къ быту и вѣрованіямъ народа, представляющія собою довольно выдающееся явленіе въ области внѣбогослужебнаго проповѣдничества,—были первоначально записываемы имъ въ формѣ дневника и потомъ напечатаны въ журналѣ: „Руководство для сельскихъ пастырей“ за 1870 годъ.

Въ то же самое время, когда были учреждены внѣбогослужебныя воскресныя и праздничныя бесѣды въ Нытвинскомъ, Мотовилихинскомъ и Юговскомъ заводахъ, открылъ въ своемъ приходѣ собесѣдованія и священникъ села Неклюдова о. Іоаннъ Тихомировъ. „Съ мыслью объ открытіи въ моемъ собственномъ домѣ школы,—разсказываетъ о. Тихомировъ,—у меня явилась и укрѣпилась другая мысль: какъ бы вывести сколько-нибудь самихъ взрослыхъ, пожилыхъ и уже состарѣвшихся прихожанъ обоюга пола изъ закоснѣнія и мрака невѣжества. Жалко и грустно видѣть въ нихъ почти ребяческія понятія о самыхъ первыхъ и существенныхъ истинахъ вѣры и нравственности, множество суевѣрій“, и вотъ, наконецъ, я „рѣшился учредить воскресныя и праздничныя собесѣдованія съ крестьянами въ деревнѣ Подушкиной и приписномъ селѣ Вешкахъ—въ крестьянскихъ домахъ, съ согласія домохозяевъ“ (14 сентября 1861 года)**).

*) Луканинъ А., прот.: „Воскресныя бесѣды“ (Рук. для сел. п., 1870 г., № 21).

***) Тихомировъ Г., свящ., „Правосл. Обзоръ“, 1862 г., т. II, стр. 16.

Въ ряду именъ первыхъ учредителей вѣбогослужебныхъ собесѣдованій нужно поставить и имя извѣстнаго духовнаго писателя—прот. Евгенія Попова. Вѣбогослужебныя бесѣды открыты имъ въ бытность его священникомъ въ одномъ помѣщичьемъ заводѣ, Пермской губерніи, и явились какъ бы естественнымъ продолженіемъ закрытой здѣсь воскресной школы. „Идея воскресныхъ собесѣдованій съ народомъ,—пишетъ о. Е. Поповъ,—занимала меня еще съ первыхъ лѣтъ моей священнической службы... Но только уже лѣтъ черезъ *десять*, когда я перешелъ на службу въ Н. заводъ (помѣщичій), дѣло воскресныхъ бесѣдъ дошло до меня само собой. Въ Н. заводѣ, послѣ закрытія воскресной школы наравнѣ съ другими воскресными школами, не переставали, однако, собираться мальчики и частью возрастныя обоюгаго пола для изученія молитвъ, для слушанія объясненій на дневное Евангеліе и для чтенія книгъ. Я счелъ болѣе удобнымъ и полезнымъ перевести собраніе возрастныхъ, съ цѣлію подобнаго назиданія, изъ школы въ церковь, какъ мѣсто, для всѣхъ уже открытое и въ частности никому не принадлежащее“. При этомъ о. Поповъ не только открылъ у себя вѣбогослужебныя воскресныя собесѣдованія, но, какъ благочинный, совѣтовалъ учредить таковыя и другимъ священникамъ своего благочинія *).

Получившія начало въ сѣверо-восточномъ краѣ Европейской Россіи, на границѣ съ Сибирью, вѣбогослужебныя собесѣдованія стали открываться мало-по-малу и въ другихъ мѣстностяхъ нашего отечества. Исторію распространенія и развитія вѣбогослужебнаго проповѣдничества можно прослѣдить отчасти по официальнымъ даннымъ, именно—по всеподданнѣйшимъ отчетамъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора. Впервые о вѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ упоминается во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1866 годъ. По словамъ от-

*) *Поповъ Е.*, прот.: „Духовная бесѣда и цѣніе въ церкви не во время богослуженія“ („Духовн. Бесѣда“, 1870 г., № 46).

чета, въ указанномъ году, кромѣ церковно-богослужебныхъ поученій, приспособленныхъ къ понятіямъ, нравственному состоянію и обстоятельствамъ слушателей, уже „во многихъ приходскихъ церквахъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, предъ литургіею раздѣльно и внятно читались символъ вѣры и *десять* заповѣдей и нужнѣйшія молитвы, чтобы и неграмотные могли твердо и правильно впечатлѣвать ихъ въ памяти... Въ Самарской же епархіи, въ видахъ противодѣйствія молоканизму, которые любятъ привлекать иногда православныхъ въ свои дома по воскреснымъ днямъ, въ послѣобѣденное время, для слушанія Слова Божія, обыкновенно ими искажаемаго ложными объясненіями, сдѣлано распоряженіе со стороны епархіальнаго начальства, чтобы священники тѣхъ приходоу, гдѣ есть молокане, старались, по возможности, въ то же время читать прихожанамъ Новый Заветъ, сопровождая свое чтеніе толкованіемъ, сообразнымъ съ ученіемъ Православной Церкви“. Въ отчетѣ 1867 года упоминается о дальнѣйшемъ развитіи „благочестивыхъ упражненій“ въ той же Самарской епархіи и указывается на священниковъ Вологодской епархіи, которые, „по предложенію преосвященнаго, въ свободное отъ богослуженія время учили прихожанъ съ голоса общеупотребительнѣйшимъ молитвамъ или изъясняли имъ первоначальныя катехизическія истины“. Въ отчетѣ за 1868 годъ сказано, что, „кромѣ проповѣдыванія въ храмахъ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, по заботливости преосвященныхъ, при усердіи духовенства, усиливается внѣбогослужебное назиданіе, направленное къ удовлетворенію общихъ духовныхъ нуждъ и потребностей прихожанъ“, и что въ частности такія бесѣды вновь введены въ предѣлахъ Кавказской епархіи. По отчету за 1870 годъ воскресныя собесѣдованія съ прихожанами представляются уже достаточно распространенными (введены, между прочимъ, и въ Минской епархіи). Изъ отчетовъ за послѣдующіе годы можно видѣть, какъ постепенно прививались внѣбогослужебныя пастырскія бесѣды въ епархіяхъ Таврической,

Смоленской, Астраханской, Владимірской и др.; а въ отчетѣ за 1877 годъ онѣ прямо называются явленіемъ, входящимъ въ обычай“ *).

Въ настоящее время внѣбогослужебныя бесѣды проникли уже во всѣ концы нашего обширнаго отечества; но то время, когда внѣбогослужебная проповѣдь, въ формѣ воскресныхъ и праздничныхъ пастырскихъ бесѣдъ, найдетъ себѣ мѣсто, во всѣхъ безъ исключенія приходяхъ отечественной Церкви, настанетъ, конечно, еще не скоро: для этого потребуются еще очень и очень многіе годы.

66. Отношеніе внѣбогослужебныхъ бесѣдъ къ церковно-богослужебной проповѣди, ихъ польза и значеніе.

Религіозныя собесѣдованія священниковъ съ народомъ во внѣбогослужебное время являются однимъ изъ самыхъ дѣйственныхъ и вѣрнѣйшихъ средствъ пастырскаго наученія насомыхъ истинамъ христіанской вѣры и нравственности. Правда, и проповѣдь съ церковной кафедры,—проповѣдь живая, одушевленная, понятная слушателямъ и отвѣчающая ихъ религіозно-нравственнымъ потребностямъ,—есть великая сила и можетъ сдѣлать многое при неутомимой проповѣднической дѣятельности пастыря. Но условія жизни одну только церковно-богослужебную проповѣдь дѣлаютъ далеко не достаточною для полнаго просвѣщенія народа свѣтомъ Христова ученія. Впечатлѣнія, выносимыя слушателями отъ церковно-богослужебной проповѣди, силою и рядомъ ослабляются и даже совсѣмъ утрачиваются въ ихъ сознаніи подъ вліяніемъ будничной, обыденной обстановки, довольно часто производящей на человѣка

*) *Мауринскій В.*: „Воскресныя и праздн. внѣбогослуж. собесѣдованія, какъ особый видъ церковно-народной проповѣди“. Ворон., 1885 г., стр. 6—13; *Сперанскій Ив.*: „О внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ“ (Смолен. Еп. Вѣд., 1891 г., № 16).

впечатлѣнія, діаметрально противоположныя получаемымъ отъ словъ проповѣдника. Всѣ частныя, отдѣльныя причины, способныя парализовать благотворное вліяніе церковно-богослужебной пастырской проповѣди, сводятся въ сущности къ одной общей, основной причинѣ, именно къ борьбѣ плоти съ духомъ. Самая значительная часть людей всѣ заботы свои сосредоточиваетъ прежде всего и главнымъ образомъ на устройствѣ только внѣшней жизни. Въ виду такого отношенія людей къ своимъ духовнымъ потребностямъ, пастырю Церкви надлежитъ неустанно воздѣйствовать на своихъ пасомыхъ, чтобы они отсутствіе удовлетворенія высшихъ потребностей духа еознавали и чувствовали также глубоко и сильно, какъ чувствуютъ и сознаютъ неудовлетвореніе нуждъ тѣлесныхъ. Пастырю — проповѣднику принадлежитъ довести пасомыхъ до такого состоянія въ нравственно-религіозномъ отношеніи, чтобы они, по удовлетвореніи нуждъ своей физической природы, чувствовали, что еще цѣлая и большая половина ихъ существа остается безъ удовлетворенія въ своихъ нуждахъ и потребностяхъ. Перевѣсь въ человѣкѣ тѣла надъ духомъ необходимо долженъ побуждать пастырей къ усиленію своей проповѣднической дѣятельности, съ цѣлію направлять жизнь пасомыхъ по заповѣдямъ Господнимъ, по евангельскимъ требованіямъ. Зависимость человѣка отъ окружающихъ его внѣшнихъ условий и опредѣленіе въ своей дѣятельности обыкновенно эгоистическими мотивами ясно и рѣшительно указываютъ на настоятельную необходимость расширенія и систематизаціи пастырской проповѣди, на необходимость для пастырской церковно-богослужебной проповѣди еще особеннаго дополненія, продолженія, существенной поддержки подспорья *).

Такою поддержкой и такимъ продолженіемъ и дополненіемъ церковно-богослужебной проповѣди является проповѣдь внѣбогослужебная, или внѣбогослужебныя религіозно-нрав-

*) *Григорьевъ О*: „Задачи просвѣтит. дѣятельн. современ. русскаго духовенства“, стр. 31—34.

ственные собесѣдованія пастырей съ пасомыми. Только въ томъ случаѣ, когда священникъ для наученія и назиданія своихъ пасомыхъ пользуется въ равной степени и педагогической, и богослужебно-храмовой, и внѣбогослужебной проповѣдью, онъ можетъ явиться строго послѣдовательнымъ, дѣйствующимъ непрерывно, проводникомъ въ жизнь пасомыхъ идей богопознанія, святости, любви, истины, добра и справедливости; только въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть названъ въ полномъ смыслѣ истиннымъ пастыремъ и проповѣдникомъ.

Не смотря на то, что внѣбогослужебныя собесѣдованія являются однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа въ духѣ Православной Церкви, вопросъ о томъ, могутъ ли они быть признаны церковною проповѣдью наравнѣ съ проповѣдью богослужебно-храмовой, остается до настоящаго времени еще не выясненнымъ окончательно въ нашей богословской литературѣ. Существуетъ по этому вопросу два совершенно противоположныхъ возрѣнія на важность внѣбогослужебныхъ пастырскихъ бесѣдъ. По одному мнѣнью, высказываемому, напр., проф. Н. Барсовымъ *), внѣбогослужебныя собесѣдованія въ сравненіи съ проповѣдью богослужебной представляютъ изъ себя нѣчто низшее, менѣе важное, не имѣющее такого церковнаго значенія, какое принадлежитъ проповѣди богослужебно-храмовой. По *другому* возрѣнью, раздѣляемому и высказываемому нѣкоторыми проповѣдниками и духовными писателями, внѣбогослужебныя собесѣдованія являются истинно церковною проповѣдью, по своему значенію и по своей важности и пользѣ превосходящею проповѣдь богослужебно-храмовую и потому долженствующею рано или поздно даже вытѣснить послѣднюю и замѣнить ее собой **).

*) Барсовъ Н.: „Къ вопросу о правѣ проповѣди за литургіей для лицъ не имѣющихъ священства“ (Церк. Вѣстн., 1896 г., № 36).

**) Напр., священники: А. Поповъ, Гр. Маргаритовъ, Соколовъ и др. Первый, между прочимъ, пишетъ о себѣ: „Убѣдившись, наконецъ, въ безполезности обыкновеннаго, такъ сказать, официального проповѣд-

Какъ первое, такъ и второе воззрѣнія должны быть признаны несостоятельными. Первое мнѣніе зиждется на одномъ лишь традиціонномъ воззрѣніи на пастырскую проповѣдь, по которому наименованіе „церковнаго“ назиданія можетъ, будто бы, быть усвоено лишь тѣмъ пастырскимъ поученіямъ, которыя произносятся въ „церкви“, т. е. въ храмѣ, во время богослуженій—и при томъ въ формѣ монологической.—Но это традиціонное воззрѣніе на „церковность“ проповѣди совершенно не основательно. Наименованіе *церковной* проповѣди можетъ быть усвоено въ равной степени *каждому пастырскому назиданію и поученію*, гдѣ бы и когда бы то ни было сказанному, если только послѣднее своей идеей имѣетъ идею царства Божія, раскрываемую въ духѣ Православной Церкви, а своею цѣлію—спасеніе слушателей. Съ этой точки зрѣнія и слово, произносимое во время богослуженій, если оно не ведетъ человѣка къ вѣчному спасенію, а направлено лишь къ устроенію и обезпеченію его жизни въ матеріальномъ отношеніи, не можетъ быть признано истинною проповѣдію церковно-христіанскаго характера. Время и мѣсто внѣбогослужебныхъ собесѣдованій не могутъ лишать послѣднихъ (какъ

ничества, я обратилъ вниманіе на другой родъ *церковнаго* учительства, на такъ называемыя *воскресныя бесѣды* („Воскресныя бесѣды священника Вологодской епархіи Ерогородской Успенской Церкви“.—Твер. Еп. Вѣд., 1877 г., № 21).—По словамъ свящ. Соколова, „наблюденіе и опытъ даютъ основаніе предполагать, что простой народъ отъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій получить болѣе пользы и назиданія, чѣмъ отъ церковныхъ поученій, потому что онъ, по своей малоразвитости, въ поученіяхъ многого не понимаетъ, или не можетъ запомнить, и произнесеніе ихъ часто не производитъ никакого дѣйствія на умы и сердца слушателей“ („Отчетъ Владимірскаго православнаго Братства св. кн. Александра Невскаго“.—Владимірска Еп. Вѣд., 1881 г., № 22).—Свящ. Гр. Маргаритовъ говоритъ: „вотъ уже болѣе 6 лѣтъ я считаю *за лучшее* вести ко спасенію ввѣренную мнѣ необразованную паству путемъ воскресныхъ собесѣдованій, и прихожу къ заключенію, что чрезъ такое веденіе *дѣло евангельской проповѣди* только *выигрываетъ* въ результатахъ и, безъ малѣйшаго сомнѣнія, можетъ достигать самыхъ добрыхъ послѣдствій... *Безъ подобнаго проповѣданія* Слова Божія *никогда нельзя рассчитывать*, чтобы ввѣренныя намъ овцы словеснаго стада *что-либо знали* въ дѣлѣ вѣры“ („Мысли о воскресныхъ собесѣдованіяхъ“.—Донскія Еп. Вѣд., 1881 г., № 21).

и педагогической проповѣди) церковнаго характера и значенія, не могутъ унижать ихъ предъ проповѣдью богослужебной, потому что и вся проповѣдь Христа Спасителя и апостоловъ была собственно проповѣдью внѣбогослужебной. Поэтому, введеніе въ пастырски—проповѣдническую практику въ новѣйшее время внѣбогослужебныхъ собесѣдованій не есть въ полномъ смыслѣ введеніе чего-либо новаго; это скорѣе воссозданіе первобытно-христіанскаго вида религіознаго проповѣдничества. На это именно указываютъ слова одного изъ современныхъ архипастырей, обращенныя имъ къ священникамъ своей епархіи: „проповѣдуйте слово во время церковныхъ собраній, учите и внѣбогослужебными чтеніями и собесѣдованіями. О сихъ послѣднихъ приложите особенное попеченіе, какъ о способѣ ученія, наиболѣе удобномъ и для васъ и для пасомыхъ вашихъ, послѣдуя примѣру Божественнаго Учителя и Господа, Который училъ и въ храмѣ и въ синагогахъ, во градѣхъ и весѣхъ, на горѣ и на мѣстѣ равнѣ, на брежѣ моря и въ мѣстѣ пустѣ, на пути и изъ корабля“ *).

Диалогическая форма внѣбогослужебныхъ бесѣдъ точно также не можетъ лишать ихъ церковнаго значенія. Только тотъ можетъ думать, что внѣбогослужебныя собесѣдованія, какъ допускающія вопросы и отвѣты слушателей и пастыря, не имѣютъ истиннаго характера проповѣди, кто на самую проповѣдь смотритъ, лишь какъ на плодъ ораторскаго искусства, и ставитъ ее въ генетическую зависимость не отъ проповѣди Христа Спасителя и апостоловъ, а отъ искусственныхъ рѣчей языческихъ ораторовъ, въ родѣ Демосѣена или Цицерона. Проповѣдь Христа Спасителя, долженствующая имѣть для пастырей значеніе наивысшаго примѣра и вмѣстѣ съ тѣмъ служащая источникомъ самыхъ религіозно-правственныхъ идей для проповѣди православныхъ священниковъ, была по своей формѣ именно живымъ разговоромъ, живой бесѣдой Господа съ учениками и слушателями. Довольно наглядную и обстоя-

*) *Макарій*, еп. Томск.: „Архипастыр. посл. къ паст. Томской еп.“ (Ц. Вѣд., 1891 г., № 39).

тельную характеристику метода и формы проповѣди Христа Спасителя даетъ, на основаніи евангельскихъ сказаній, одинъ изъ западно-европейскихъ писателей въ слѣдующихъ словахъ: у Христа,—говоритъ онъ,—нѣтъ недостатка ни въ одной изъ формъ обученія, и всѣми Онъ пользуется съ совершеннѣйшимъ искусствомъ. Въ систематическомъ изложеніи нагорной проповѣди (Мѡ. 5—7 гл.), ученія о таинствѣ причащенія (Іоанн. 6 гл.) и въ послѣднихъ бесѣдахъ (Мѡ. 23—25 гл.: Іоан. 14—17 гл.) училъ Онъ такъ убѣдительно, что никто не могъ уклониться отъ сильнаго впечатлѣнія (Мѡ. 7, 28—29). Въ бесѣдѣ Онъ такъ проникалъ въ глубину человѣческаго сердца, что сокровенное дѣлалось явнымъ (Іоан. 3—4 гл.). И какъ Онъ умѣетъ спрашивать! То спрашиваетъ учениковъ Своихъ: *поняли ли вы все это?* (Мѡ. 13, 51) и вызываетъ ихъ на размышленія о выслушанномъ отъ Него; то вопросъ Его, только какъ сѣмячко, западаетъ въ сердце; то проникаетъ въ самую глубину сердца (Іоан. 3, 10), то съ непреодолимой силой разбиваетъ нападенія противниковъ (Мѡ. 22, 20) и приводитъ враговъ въ постыдное молчаніе (Мѡ. 21, 25). Наглядно Онъ описываетъ полевые лиліи, и сѣмя, зрѣющее въ колосѣ; всецѣло овладѣвая умомъ и сердцемъ слушателей, рассказываетъ Онъ притчу и пользуется исторіею народа, чтобы учить и предостерегать современниковъ (Мѡ. 10, 15; 12, 41—42). Чтобы ввести учениковъ въ новыя, принесенныя Имъ истины, Онъ исходитъ изъ обѣихъ великихъ областей знанія своего народа—изъ откровенія Бога въ Вѣтхомъ Завѣтѣ въ исторіи, ученіи, поэзіи (въ свящ. псалмахъ), и изъ откровенія Бога въ природѣ и въ естественной жизни человѣчества, такъ что мы находимъ у Него всѣ виды нашего религіознаго обученія. Какъ человѣкъ домовитый, раздаетъ Онъ и старое и новое изъ своей сокровищницы (Мѡ. 13, 52). Онъ знаетъ жизнь природы на небѣ, на землѣ, на морѣ; знаетъ жизнь человѣческую въ ея высотѣ и въ ея паденіи, ея свѣтлыя и ея мрачныя стороны,—это показываютъ намъ Его притчи,—и всѣмъ пользуется, чтобы доставить своему

ученію доступность и удобопонятность. Онъ говорилъ со всѣми подходящимъ образомъ, такъ что мудрые удивлялись Его мудрости, а простые и бѣдные умилялись близъ Него сердцемъ. Онъ пользуется всѣми средствами человѣческой рѣчи, чтобы доставить Своему народу разумніе спасенія. Божественная любовь, которую Онъ питалъ ко всѣмъ, дѣлала Его въ высшей степени краснорѣчивымъ и поучительнымъ, а потому у Него нѣтъ стремленія къ эффекту и фразамъ. Сколько словъ, столько и дѣла: все—величайшая простота и безыскусственность, и все при этомъ—высочайшее совершенство“ *). Эта характеристика, отмѣчая возвышенность и разносторонность метода проповѣди Спасителя, въ то же время указываетъ на ея живую собесѣдовательную, разговорную форму. И дѣйствительно, достаточно раскрыть св. Евангеліе, чтобы увидѣть, что весьма и весьма многія бесѣды Спасителя были въ полномъ смыслѣ *бесѣдами*, допускавшими вопросы и отвѣты со стороны какъ Самого Учителя, такъ и Его слушателей; таковы, напр., бесѣды съ Никодимомъ, самаряянкой, фарисеемъ Симономъ и т. д. и т. д. Но діалогическая, разговорная форма, равно какъ мѣсто и время проповѣди Спасителя, ни мало ни унижаютъ возвышеннаго, Божественнаго характера послѣдней, потому что дѣло не во времени и мѣстѣ, не въ той или иной формѣ, а въ самомъ содержаніи, въ самой идеѣ и цѣли проповѣди. Такъ точно мѣсто, время и форма внѣбогослужебной проповѣди пастырей ни мало не лишаютъ ея *церковнаго* значенія и нисколько не унижаютъ предъ проповѣдью съ церковной кафедры. Внѣбогослужебныя собесѣдованія, поэтому, должны быть признаны истинно-церковною проповѣдью, по своей важности равной проповѣди богослужебно-храмовой. (Пр. буд.).

*) Слова д-ра Шуманна; см. *Соколовъ Ав.*: „Методика Закона Божія“, стр. 208.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 22 іюня 1901 г.

За цензора священникъ *К. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 28.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, іюля 8-го.

Содержаніе: Роль женщины въ первоначальной и послѣдующей исторіи старообрядческаго раскола (продолженіе).—Примѣры добрыхъ пастырей Русской Церкви (по епарх. органамъ за 1900 г.).—Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія (продолженіе).

Роль женщины въ первоначальной и послѣдующей исторіи старообрядческаго раскола ¹⁾).

1. Женщина, по своей природѣ, съ избыткомъ надѣляющей ее чувствомъ зависимости отъ окружающей среды, всегда и вездѣ вообще религіозна. Особенно и особенною религіозностью отличалась русская женщина XVII вѣка. Религіозность ея была результатомъ той зависимости, въ которую издавна была поставлена женщина отъ окружавшаго ее общества. По понятіямъ нашихъ предковъ, достоинство предмета опредѣлявшихъ съ богатырской точки зрѣнія, женщина, какъ существо слабое и физически и умственно ²⁾, почиталась за ма-

¹⁾ См. № 27 за 1901 г.

²⁾ Умственно слабая—тогдашняя женщина.

лолѣтка, недоросля, члепа несовершеннолѣтняго. Прямымъ выводомъ изъ этихъ воззрѣній на женщину было то, что общество стало беречь ее отъ сторонняго глаза, — отъ міра, заперло ее въ домашнюю келью и здѣсь окружило женскую личность самой полной опекой, строго опредѣливъ каждое ея движеніе. Подавленная своимъ тяжелымъ бытомъ, цѣлыми вѣками приученная къ терпѣнію и выносливости, русская женщина покорно удалилась въ глубь своего дома и здѣсь стала искать себѣ утѣшенія. И она нашла его въ религіи. Жизнь ея горька и тѣгостна; но есть свѣтлый лучъ и въ ней: это — надежда на будущее блаженство, обѣщанное Спасителемъ всѣмъ гонимымъ и презираемымъ (Мѳ. 5, 11—12; Лук. 6, 22—23; ср. Мѳ. 11, 28); для достиженія его нужно безропотно, терпѣливо и самоотверженно нести крестъ жизни (Мѳ. 16, 24—26; 24, 13; Лук. 21, 19). Эти завѣты Спасителя не могли не запасть въ горемычное женское сердце и, запавъ, должны были возбуждать затворницу къ соотвѣтствующимъ подвигамъ. Такъ, родительская опека не только дѣлала русскую женщину религіозной, но и сообщала религіозности ея аскетическое направленіе. Этого мало: та же опека, разражаясь надъ женщиной массой повелѣній, запрещеній, отреченій, анаѳемъ, сосредоточила все вниманіе ея не на духъ религіи, а на ея формѣ, обрядѣ, обычаѣ, закрѣпостила мысль ея въ области этихъ буквъ религіи настолько, что она лишилась способности располагать свою религіозную жизнь самостоятельно и нажила непобѣдимую привычку имѣть при себѣ руководство — будетъ ли имъ писанный уставъ или живой учитель, — и слѣдовать за нимъ, этимъ руководствомъ — какъ бы на привязи. Наиболѣе типичное выраженіе обрядовѣрнаго направленія, развившагося въ русской женщинѣ XVII вѣка подъ вліяніемъ опекунскаго надъ нею начала, мы и видимъ въ первыхъ послѣдовательницахъ раскола.

Когда Федосья Морозова „увѣдѣ“, говорится въ ея житіи, о мнимомъ „развращеніи древняго святоцерковнаго преданія и чина и во святыхъ книгахъ писанія“, тогда „о пра-

вославіи зѣло возревнова и всего новоустановленія церковнаго отвратися и возгнушася¹⁾. „Возревнова“ о томъ обрядовомъ православіи, къ которому съ дѣтства была привязана всею душой, о которомъ часто бесѣдовала въ аскетической настроенности съ своимъ деверемъ Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ²⁾. Ея преданность этому православію была не новымъ какимъ либо подвигомъ, на который вызывало ее все, что связано съ именемъ и дѣломъ патр. Никона, а усиленіемъ прежняго ея подвижничества въ обрядовѣріи.

Усиленіе это началось еще до патр. Никона: по свидѣтельству Игнатія, митрополита Тобольскаго³⁾, Морозова упражнялась въ немъ еще при патріархѣ Іосифѣ, и уже тогда, по внушенію Аввакума, Лазаря и Никиты Пустосвята⁴⁾, перестала почитать „архіерейскій чинъ и самого святѣйшаго патріарха“, усмотрѣвъ въ немъ, очевидно, религіознаго новатора. Равнымъ образомъ, и въ другихъ женщинахъ—послѣдовательницахъ первыхъ расколоучителей—мы видимъ тѣхъ же защитницъ обряда и буквы религіи, какими были онѣ и прежде,—съ тою только разницею, что раньше онѣ стояли за исполненіе буквы религіи по привычкѣ, полусознательно, а теперь, когда преобразованія Никона коснулись этой завѣтной ихъ святыни, онѣ обратили привычное исполненіе религіозныхъ обрядовъ въ убѣжденно-фанатичное. Превращеніе вполнѣ понятное въ тогдашней, умствѣнно-ограниченной женщинѣ. При крайней своей неразвитости, она никакъ не могла помириться съ мыслью, какъ это она вдругъ станетъ креститься троеперстно, когда сегодня, вчера, въ теченіе всей своей жизни, она крестилась двуперстно! Такая переменна равносильна была для нея разстройству всего религіознаго ея уклада, въ которомъ какъ бы застыли ея религіозное со-

¹⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, 146.

²⁾ Тамъ же, прим. 1.

³⁾ Его посланіе, стр. 136.

⁴⁾ Съ двумя послѣдними Морозову познакомились, вѣроятно, протопопъ Аввакумъ.

знаніе и чувство до такой степени, что въ иной формѣ не могли и въ движеніе приходять, не могли и возбуждаться. Возставая противъ церковныхъ преобразованій патр. Никона, русская женщина отстаивала не только любимую, дорогую старину, но до нѣкоторой степени и свою самостоятельность въ дѣлѣ религіи, свою религію. Въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ все было спокойно, пока не прислали сюда въ 1666 году ново-исправленныхъ книгъ; служили здѣсь до этого времени по старымъ книгамъ, вѣроятно, съ большимъ только усердіемъ, чѣмъ прежде, потому что прознали, конечно, про „гоненіе на старину“. Но вотъ прислали новыя книги, и взбунтовалась обитель. Уставщица Елена Хруцова „съ той поры въ церковь не стала ходить“, а стала „въ кельи говорить по старымъ книгамъ“. Желая избавиться отъ игуменьи Маремьяны—сторонницы новыхъ книгъ, она подала на нее ложный извѣтъ царю и митрополиту Павлу, обвинивъ ее въ томъ, что, будто бы, она сама не велитъ служить въ монастырѣ по ново-исправленнымъ книгамъ; а когда этотъ хитрый замыселъ противъ игуменьи не удался, Елена перебѣжала въ домъ Морозовой, а отсюда въ Меланьину обитель ¹⁾).

Рядомъ съ родовой опекой, такъ односторонне вліявшей на развитіе въ русской женщинѣ обрядовой, внѣшней религіозности, дѣйствовало и другое начало, которое вмѣстѣ съ первымъ „все крѣпче и крѣпче притворяло женскій теремъ, все плотнѣе обгораживало его высокимъ тыномъ церковныхъ, общественныхъ и домашнихъ запрещеній и разныхъ анаемъ“ ²⁾), больше и больше развивая въ женщинѣ религіозность или вѣрнѣе—набожность и, именно, аскетическую и внѣшнюю. Это начало—давнишній взглядъ на женщину, какъ на существо нечистое, какъ на источникъ всякихъ соблазновъ и нравственной порчи. Взглядъ этотъ былъ занесенъ къ намъ изъ Византіи. У насъ на Руси онъ привился и развился особенно

¹⁾ Братское сл., 86 г., 2 т., стр. 498—500.

²⁾ Забѣлинь, Дом. быть р. цариць, см. стр. 42 и сл.

послѣ нашествія Монголовъ. Религіозные люди приписывали иго Монголовъ гнѣву Божию, карѣ за недостойную жизнь народа, въ которой несчастная женщина виновна была больше мужчины. Такое настроеніе народа не замедлило отразиться и на его жизни. Явились постники, умножились пустынники, монастыри; люди усугубили свои молитвы и милостыни. За женщиной усилился опекунскій присмотръ. Сама она насквозь прониклась сознаниемъ своей нечистоты и съ особенной приверженностью устремилась къ иноческому идеалу, забившись въ свою келью ¹⁾. Такими наклонностями преимущественно отличались княгини и боярыни, имѣвшія матеріальную возможность осуществить постническую жизнь въ полной мѣрѣ,—и вдовы между ними прежде всего. Весьма естественно, что идеаль иночества, какъ идеаль лучшей жизни, вносилъ свои стремленія, а съ ними и свои порядки, и въ обыкновенную повседневную жизнь женщины, устраивая эту жизнь по своимъ образцамъ и правиламъ. Воплощая завѣтныя мечты и стремленія свои въ дѣлахъ и отношеніяхъ дома, русская женщина, съ теченіемъ времени, мало по малу, создаетъ изъ своего дома монастырь или нѣчто такое, что, по своимъ нравственнымъ уставамъ, очень напоминало чинъ жизни монастырской. Въ половинѣ XVI вѣка священникомъ Сильвестромъ былъ снятъ какъ бы фотографическій снимокъ съ домашняго быта русскихъ людей—былъ составленъ имъ общеизвѣстный Домострой. Вотъ въ какомъ видѣ представляется здѣсь этотъ бытъ. Мужчина, глава семьи, является „игуменомъ“ дома, какъ называетъ его Домострой,—олицетворя въ своей особѣ начало повелѣвающей власти; безпрекословное повиновеніе ему жены, какъ игумену, подъ страхомъ наказанія—съ одной стороны, веденіе домашняго хозяйства и порядка, идущее въ перемежку съ молитвеннымъ бдѣніемъ, постомъ и другими проявленіями глубокой набожности—съ другой: таковъ монастырскій строй домашней жизни русскихъ

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. у Забѣлина, *Ibidem*, стр. 42—48.

людей XVI вѣка на женской ея половинѣ, строй, выработанный родовымъ и аскетическимъ началами русской жизни ¹⁾). Такой ея порядокъ перешелъ и въ XVII в.; и не удивительно, что первыя послѣдовательницы раскола обнаруживаютъ сильныя стремленія къ иноческому идеалу. Почти все онѣ были въ иноческомъ чинѣ. Феодосья Прокопьевна въ молодости услаждала Бориса Ивановича Морозова бесѣдами о постнической жизни; овдовѣвъ (въ 1662 году), она приступила къ исполненію иноческихъ обѣтовъ и устроила свой домъ чисто по монастырски: въ немъ держала она „пятерицу... инокинь изгнанныхъ“ ²⁾ и радовалась, „зря въ ноци на правилѣ себе съ ними предстоящу и на трапезѣ ихъ съ собою ядущихъ“ ³⁾, „нудила плоть свою на постническіе подвиги, питала себя постомъ и цвѣла молитвами“ ⁴⁾. Морозова усиливаетъ свои иноческіе подвиги по мѣрѣ увеличенія нерасположенія къ ней царя. Ее лишаютъ вотчинъ за упорство „въ старинѣ“ (хотя и не на долго); а она, между тѣмъ, „мыслию на бѣлая простирается“: надѣваетъ власяницу, которую „носитъ подъ одѣяніемъ на срачицѣ“; и чѣмъ больше испытываетъ несприятностей и притѣсненій со внѣ, тѣмъ дальше уходитъ въ свои заветныя стремленія и кончаетъ тѣмъ, что принимаетъ иноческій чинъ, который давно лелѣяла въ своей душѣ и осуществляла въ жизни ⁵⁾. Такъ, аскетическія стремленія, предъявлявшія къ женщинѣ долгъ подвижничества, находили подходящее выраженіе именно въ подвигахъ стоянія ея за старую вѣру. Служа для нея стимуломъ къ возделѣнному подвигу на себя всѣхъ страданій, какія могли выпасть на долю упорной раскольницы, они, въ то же время, сами усиливались на счетъ этихъ страданій, питая ея радостною увѣрен-

¹⁾ Забѣлинъ, см. *ibidem*.

²⁾ Вѣроятно—изъ Вознесенскаго монастыря. См. Мат. д. ист. раск., VIII, XVI—XVII, прим. 2.

³⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, 158.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 148.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 154; V, 189 и др.

ностью въ спасительности подвига. Аскетическая настроенность русскихъ женщинъ, лежащая въ основаніе ихъ взаимныхъ отношеній, естественно располагала послѣднія по началамъ иноческой субординаціи, которыя тѣсно сплывали женщинъ другъ съ другомъ и являлись залогомъ болѣе или менѣе прочнаго согласія между ними, такъ что онѣ могли, при удобныхъ и благопріятныхъ обстоятельствахъ, составить собою своего рода дружину—воинство стойкихъ борцовъ за идею раскола.

Слѣдствіемъ опекунскаго и аскетическаго начала, заправлявшихъ жизнью русской женщины XVI и XVII вв., было то, что теремъ сдѣлался почти исключительнымъ мѣстомъ и сферой женской и особенно дѣвичьей жизни и дѣятельности въ указанное время. Грустными мотивами описываетъ русская пѣсня это затворничество юной жизни. „Сидитъ она за тридевятью замками, да сидитъ она за тридевятью ключами, чтобы и вѣтеръ не завилъ, да и солнце не заекло, да и добры молодцы чтобы не завидѣли“... „Состояніе русской женщины, говоритъ Герберштейнъ въ своихъ мемуарахъ, самое плачевное: женщина считается честною тогда только, когда живетъ дома взаперти и никуда не выходитъ; напротивъ, если она позволяетъ видѣть себя чужимъ и постороннимъ людямъ, то ея поведеніе становится зазорнымъ... Весьма рѣдко позволяется имъ ходить въ храмъ, а еще рѣже въ дружескія бесѣды, развѣ ужъ въ престарѣлыхъ лѣтахъ, когда онѣ не могутъ навлекать на себя подозрѣній“¹⁾.

Однако, это затворничество женщины не уничтожало въ конецъ связей ея съ обществомъ. Здѣсь не одно любопытство и человѣческая любовь брали свою дань. Страдающая русская женщина искала глазами подобныхъ себѣ страдальцевъ, съ которыми бы она могла размыкать свое горе, которымъ бы могла выразить свое соболѣзнованіе, оказать какую либо помощь. Въ пріисканіи средствъ удовлетворить и своему любо-

¹⁾ Проф. Забѣлинъ, Домъ бытъ р. царницъ, стр. 101—102. Свидѣтельство Герберштейна относится къ началу XVI вѣка.

пытству и желанію общенія съ подобными себѣ горемыками она не растерялась. Подъ гнетомъ родительской и мужниной опеки, у нея выковалась та, прославленная въ пѣсняхъ, смѣлка ума, которая научила ее искусству обходить опекунскія запрещенія, явно не нарушая ихъ. Смѣлая для потаенныхъ подвиговъ и робѣющая всенародныхъ очей, она утрашила бы явно выдти къ людямъ, прямо нарушить убѣжденіе своего вѣка, считавшаго появленіе женщины на глазахъ міра великимъ позоромъ, великимъ соблазномъ и поношеніемъ; но она нисколько не постѣснилась принимать въ своемъ домѣ церковниковъ, разныхъ старцевъ и старицъ, богомольцевъ, нищихъ и т. п. лицъ: это общество такъ шло къ лицу постницы, богомолицы. Наплывъ такихъ людей въ домъ женщины нисколько не казался страннымъ русскимъ людямъ. Страданіе въ то время привлекало общее сочувствіе; наши предки не входили въ тонкое разбирательство, за какое дѣло кто страдаетъ; но, видя страданіе, шли за нимъ, проникались милосердіемъ ко всякому страждущему. Принятіе въ домъ убогихъ людей составляетъ даже предметъ особаго наставленія Домостроя: „церковниковъ, и нищихъ, и маломощныхъ, и бѣдныхъ, и скорбныхъ, и странныхъ пришельцовъ призывай въ домъ свой, и по силѣ накорми и напои и согрѣй“¹⁾... Такимъ образомъ, не выходя изъ своего дома, оставаясь, по видимому, внѣ общества, русская женщина XVI и XVII вв. на самомъ дѣлѣ была въ обществѣ—не только всякаго рода юродивыхъ, но и дальше—за его предѣлами. Посредствомъ этихъ друзей своего терема, она сносилась съ нужными ей людьми общества, узнавала все, что творилось въ мірѣ, и—какъ знать?—можетъ быть—производила иногда вліяніе и на общественное мнѣніе, направляя его по своимъ цѣлямъ... Такой способъ сношенія съ вышнимъ міромъ весьма свойственъ русской женщинѣ. Даже и теперь не рѣдкость—такое явленіе, что хозяйка дома, занятая постоянными хлопотами по

¹⁾ Тамъ же, стр. 113.

хозяйству, не имѣющая времени для выхода въ общество, обращаетъ нищую братію въ своихъ корреспондентовъ, узнаетъ отъ нихъ всѣ новости и переговаривается чрезъ нихъ, съ кѣмъ ей нужно.

Условія затворническаго положенія женщины въ большей или меньшей степени тяготѣли и надъ первыми послѣдовательницами старообрядческаго раскола. Уже постническіе подвиги, въ кругъ которыхъ входило еще руководѣлье въ пользу нищихъ ¹⁾, удерживали ученицъ протопопы Аввакума отъ появленія въ обществѣ. Кромѣ того, какъ дочери своего вѣка, и онѣ, говоря вообще, считали неприличнымъ показываться въ свѣтѣ безъ вызова со стороны послѣдняго—по одной своей волѣ. Поэтому то Морозова и дочадица ея Анна Амосовна не иначе выходятъ изъ своего дома для раздачи милостыни, какъ подъ покровомъ ночи и одѣвшись въ рубище ²⁾. Тутъ именно обнаружился традиціонный страхъ показаться на всенародныя очи, а не стыдъ объявить міру свое общеніе съ убогими людьми. Свѣтъ зналъ про ея знакомство съ этими людьми, и никто не считалъ его зазорнымъ для боярыни, не смѣлъ отказать ей въ этомъ обычномъ проявленіи сострадательной любви.

Но уже этотъ фактъ доказываетъ, что домашняя сфера дѣятельности не была исключительной для раскольницъ, что, при видимой изолированности отъ общества, онѣ умѣли находить способы сношенія съ внѣшнимъ міромъ такіе, которые почитались дозволительными съ точки зрѣнія общественнаго мнѣнія, вообще запрещавшаго или неодобрявшаго гласное появленіе женщины въ обществѣ. Вышеуказанный способъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ посредствомъ разнаго рода убогихъ людей широко практиковался раскольницами. Кромѣ упомянутой выше „пятерицы инокинь изгнанныхъ“, Морозова „иныхъ въ дому своемъ гнойныхъ держала—Федота Степано-

¹⁾ Мат. д. ист. раск., V, 184, 189.

²⁾ Тамъ же.

вича и прочихъ; имъ своими руками служила, язвы гнойныя измывала и во уста ихъ пищу влагала“¹⁾). Домъ ея былъ отворенъ юродивымъ Христа ради, нищимъ и сиротамъ, которые „невозбранно въ ея ложницахъ витали и съ нею ѣли изъ одного сосуда“²⁾). Въ числѣ юродивыхъ находились извѣстные два ревнителя старины—Федоръ и Киприанъ³⁾). О послѣднемъ извѣстно, что онъ держалъ останавливать Государя, при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ, молилъ его о восстановленіи древняго благочестія и подавалъ о томъ челобитныя. Общеніе съ этими фанатичными страдальцами разжигало сочувствіе Морозовой и ея домочадицъ ко всякому страданію, а, слѣдовательно, и къ протопону Аввакуму и самому расколу, какъ гонимымъ, и ихъ самихъ одушевляло на подвигъ страданія. Умонастроеніе раскольниковъ и раскольниковъ того времени наглядно выразилось въ афоризмъ: „которая вѣра гонима, та вѣра спасима“. Кромѣ такого рода результатовъ, знакомство Морозовой съ означенными лицами могло приносить и обычныя практическія выгоды, которыя умѣли, конечно, извлекать изъ него боярыня и ея единомысленицы. Посредствомъ юродивыхъ и всякой нищей братіи они знакомились другъ съ другомъ,—ознакомившись, сносились между собою, разносили славу Морозовой и пр. т. п. Удивительно ли, что извѣстная уже намъ Елена Хрущева, уставщица Вознесенскаго монастыря, оставивъ послѣдній, идетъ къ Морозовой, а отъ нея въ обитель Меланьи? Дорожку Еленѣ и ей подобнымъ къ боярынѣ, несомнѣнно, проторили юродивые, свободно расхаживавшіе по Москвѣ и всюду разыскивавшіе сочувствующихъ себѣ.

Если, такимъ образомъ, какъ видимъ, въ силу крайняго увлеченія обрядовѣріемъ—при умственной неразвитости, а равно и вслѣдствіе аскетической настроенности, русская женщина XVII в. обѣщала быть фанатически преданной расколу

¹⁾ Мат. д. ист. раск., V, 189.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, V, 144; I, 310.

послѣдовательницей его, то, въ зависимости отъ условій тогдашняго затворническаго положенія, она могла проявить свой протестъ церковнымъ преобразованіямъ патр. Никона, главнымъ образомъ, въ сферѣ домашней, частной своей жизни. Поскольку, однако, затворничество ея было неполное и не исключало связей ея съ обществомъ, она могла вынести свой протестъ и въ среду послѣдняго. Если, далѣе, въ частной ея жизни протестъ ея могъ быть, какъ само собою понятно, преимущественно пассивнымъ по своему характеру, т. е. могъ выражаться въ упорномъ отрицаніи ею церковныхъ новинъ и въ упорномъ же стояніи за старину, то, при выходѣ ея въ сферу жизни общественной, онъ долженъ былъ принять болѣе или менѣе активный характеръ, т. е. долженъ былъ выразиться въ такомъ или иномъ содѣйствіи ея пропагандѣ раскола и, можетъ быть, даже въ самой его пропагандѣ.

Независимо, впрочемъ, отъ затворническаго положенія женщины XVII в., въ самомъ духовномъ обликѣ ея были нѣкоторыя особенности, въ силу которыхъ протестъ ея церковнымъ преобразованіямъ патр. Никона могъ быть болѣе пассивнымъ, чѣмъ активнымъ, болѣе фанатическимъ, чѣмъ обдуманно-спокойнымъ и уравновѣшеннымъ. Одною изъ такихъ особенностей было отсутствіе у нея твердаго характера, способности къ послѣдовательному и ровному обнаруженію себя. При всей своей видимой покорности, русская женщина XVII в. была въ дѣйствительности очень своевольной. Чтобы понять, какъ совмѣщались въ ней эти два противоположныхъ свойства, обратимъ вниманіе на то настроеніе и состояніе ея воли, которыя неизбѣжно должна была производить въ ней родительская и мужнина опека. Приходилъ въ трепетъ предъ самодурствомъ своихъ опекуновъ и втайнѣ считая его, разумѣется, идеаломъ человѣческаго благоденствія, завидуя ему, женщина глубоко и крѣпко убѣждалась въ томъ, что это то своеволие, самовластіе и есть именно горячо желанная свобода человѣка. Вырвавшись же на эту свободу изъ подъ своей опеки, она не умѣла справиться съ собою, потому что не

имѣла *своей* воли, и или снова искала глазами то, что только что оставила, т. е. чужую волю, на которую и опиралась, или давала полный просторъ необузданному произволу, если представлялся случай и находилась сфера для проявленія его. Излишне было бы долго разъяснять, что противодѣйствіе церковнымъ преобразованіямъ патр. Никона было какъ разъ тою сферою, гдѣ русская женщина могла проявить все свое необузданное своеволие, такъ какъ этими преобразованіями затрогивались, какъ видѣли, ея существеннѣйшіе интересы, разрушалась цѣлостъ и неприкосновенность той сферы (религіозно-правственной), гдѣ она была предоставлена самой себѣ и не стѣсняема никѣмъ.

Типичный примѣръ соединенія слабОВОлія (или, по крайней мѣрѣ, внѣшней покорности) и своеволія представляетъ боярыня Морозова. Очутившись на своей волѣ послѣ вдовства, она скоро теряетъ равновѣсіе и съ охотою отдается въ послушаніе матери Меланіи,—и что всего удивительнѣе—не столько за тѣмъ, чтобы отказаться отъ своей воли и ждать для себя повелѣній ея, сколько за тѣмъ, чтобы въ ней—въ этой матери—получать санкцію подвиговъ собственнаго измышленія, имѣть ближайшую совѣтницу и одобрительницу своихъ предпріятій. Боярыня робѣетъ безъ благословенія матери совершать келейные подвиги, на которые уже рѣшилась втайнѣ. „Увы мнѣ, мати моя,—пишетъ она Меланіѣ изъ заточенія на Печерскомъ подворьѣ,—не сотвори хъ ничтоже азъ дѣла иноческаго! Како убо возмогу нынѣ поклоны земные полагати (она была „обложена желѣзами тяжкими и неудобствомъ стула томима“)... И ты, радость моя, вмѣсто поклоновъ земныхъ *благослови* мнѣ Павловы узы Христа ради поносить. Аще волиши *благослови* ми масла кровія, и млека, и сыра, и яиць воздержатися, да не просто ми иночество будетъ, и день смертный да не похититъ мя неготову. Едино же точію *повели* ми постное масло ясти“¹⁾. Боярыня заду-

¹⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, 171.

мывается, какъ видимъ, относительно богоугодности келейныхъ подвиговъ своихъ и нуждается въ утвержденіи ихъ авторитетомъ матери Меланьи; между тѣмъ какъ та же самая боярыня не колеблется подъять на себя подвиги болѣе сильныя за содержаніе старой вѣры и, не обращаясь за чѣмъ либо авторитетнымъ постороннимъ ободреніемъ, безстрашно переноситъ и пытки „на тряскѣ“¹⁾ и заточенія въ разныхъ мѣстахъ. Очевидно, тамъ, гдѣ требовались отъ нея постоянное самообузданіе и трата волевой энергіи по мелочамъ, т. е. въ повседневныхъ мелкихъ дѣлахъ, она чувствуетъ себя какъ бы безвольной и неудовлетворенной, потому что эти дѣла слишкомъ ничтожны для поглощенія накопившейся въ состояніи раздраженія и озлобленія ея дѣломъ Никона волевой энергіи, избытокъ которой тяготитъ ее; тамъ же, гдѣ она можетъ проявить весь запасъ своей необузданной воли—именно въ подвигахъ страданія за старину, она чувствуетъ себя и сильной и довольной. Сильная въ этихъ подвигахъ она считала себя и сопричастницей своихъ страданій бессильными, какъ она признавалась Меланьѣ, „безъ ея пастырства сотворити что либо доброе“. „Такъ то мы, государыня, безъ тебя по своей волѣ“²⁾!—поясняла Морозова. Такъ то онѣ, добавимъ мы, безвольны въ мелкихъ повседневныхъ дѣлахъ и слишкомъ, неудержимо вольны въ слѣпомъ противодѣйствіи церковнымъ преобразованіямъ патр. Никона! Слабоволіе—при своеволіи—общее свойство первыхъ послѣдовательницъ раскола. Едва ли не имъ объясняется то, что онѣ, отвергнувъ авторитетъ и руководство православной Церкви въ своей религіозной жизни, спѣшили скорѣе причалить свою шаткую, какъ ладью, волю подъ начало какой либо опытной матери, которая, въ свою очередь, пользовалась наставленіями самихъ расколоучителей. Протопопъ Авакумъ, очевидно, хорошо видѣлъ это слабоволіе своихъ ученицъ: онъ самъ назначалъ имъ матерей въ руководительницы, а этихъ послѣднихъ постоянно „жюрилъ, какъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 182—185.

²⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, 191, прим. 4.

бы лутчи⁴ были, т. е. внимательны къ себѣ и другимъ, неослабно слѣдили бы за сохраненіемъ взаимнаго согласія, которое иногда нарушалось своевольными выходками его ученицъ, и направляли бы свою и ихъ волю къ понесенію страданій за старую вѣру, въ которыхъ эта необузданная ихъ воля находила свой выходъ ¹⁾). Уроки Аввакума падали на воспримчивую почву и заботы его не пропали безслѣдно: ученицы его, какъ увидимъ, явились фанатическими его послѣдовательницами.

Отсутствие твердаго характера до извѣстной степени, конечно, препятствовало русской женщинѣ XVII вѣка выступить съ пропагандою раскола, гдѣ именно потребовалась бы отъ нея способность спокойно встрѣтить вопросъ о ея „упованіи“, твердо выслушать и отразить всякое возраженіе относительно ея вѣры. Но чего неспособна она была сдѣлать въ спокойномъ состояніи духа, то могла сдѣлать въ состояніи фанатическаго увлеченія идеей раскола, такъ что не здѣсь— не въ отсутствіи твердаго характера, и не въ традиціонной изолированности ея отъ общества нужно, быть можетъ, искать главной помѣхи ея пропагаторской дѣятельности въ расколѣ, а въ недостаточной проникновенности ея общественными интересами. Интересы общественные принадлежали въ то время мужчинамъ; а вниманіе и интересы женщины сосредоточивались на себѣ и ея семьѣ, вращались въ кругѣ занятій, относившихся до управленія домою и воспитанія дѣтей. Она больше заботилась о благѣ своемъ и своей семьи, чѣмъ о благѣ общественномъ. Погруженная въ заботы о спасеніи своей души, о воспитаніи дѣтей и хозяйствѣ, она мало была способна подняться своею мыслію до сознанія общественныхъ нуждъ, до пониманія общественныхъ задачъ, не задавалась, говоря вообще, или весьма мало задавалась планами о проведеніи въ общественную жизнь тѣхъ или другихъ началъ, о подавленіи въ ней тѣхъ или другихъ направленій и обновленіи ея иными

¹⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, 147—148 и др.; V, 180.

вѣяніями. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что послѣдовательницы раскола не совсѣмъ подходятъ въ этомъ отношеніи подъ общій типъ женщины XVII вѣка и представляютъ собою типъ переходный. Правда, что церковныя преобразованія патр. Никона, затронувъ самый существенный интересъ женщины, прежде всего—заставили ее углубиться въ себя и съ большою силою сосредоточиться на устроеніи своего спасенія старымъ и единственно-богоугоднымъ, по ея мнѣнію, путемъ, который теперь разрушался этими преобразованіями; но, поскольку въ дѣлѣ спасенія она не могла обойтись безъ содѣйствія общества, которое доставляло ей и старыхъ поповъ и старыя книги, поскольку грозила ей опасность лишиться этихъ привычныхъ средствъ спасенія,—она неизбежно должна была перенести свое вниманіе изъ домашней среды въ общественную и напряженно слѣдить здѣсь за судьбою порушаемой старины церковной, принимая посильныя мѣры къ ея охраненію. Такъ, неизбежно долженъ былъ расширяться горизонтъ волновавшихъ раскольницу интересовъ,—и постепенно она должна была втянуться въ интересы и отношенія общественности. И мы отчасти уже видѣли, отчасти увидимъ дальше, что раскольницы зорко слѣдятъ за отношеніемъ общества къ церковной реформѣ, заботятся о приумноженіи своего стада ревнителей старины, заводятъ сношенія съ единомыслящими людьми, не стѣсняясь дальностью разстоянія, и пр. т. п. Что неестественнаго, при такомъ ихъ настроеніи, въ томъ, если онѣ воспользуются благопріятнымъ случаемъ и выступятъ съ пропагандою и защитою раскола, если не гласнымъ, непривычнымъ и опаснымъ для нихъ, путемъ, то путемъ тайнымъ, къ какому онѣ нерѣдко прибѣгали въ потребныхъ случаяхъ для обхода опекунскихъ запрещеній? Такое переходное состояніе женщины въ отношеніи ея къ церковной реформѣ отъ пассивнаго протеста ея къ активному подмѣтилъ, кажется, самъ протопопъ Аввакумъ. Въ самую первую пору по появленіи раскола, онъ, держась на женщину взгляда своихъ современниковъ, высказавшаго немного послѣ

патр. Пителимомъ въ такихъ словахъ: „женское ихъ дѣло,— что онѣ много смыслятъ“¹⁾),—удерживалъ раскольниковъ отъ пронагаторской дѣятельности, поощряя ихъ на одно пассивное отрицаніе всякаго новшества и крѣпкое стояніе за древнее благочестіе. „Женскій бытъ одно твори;—совѣтовалъ онъ раскольницамъ: такъ въ старыхъ книгахъ напечатано; такъ я держу и вѣрую, съ тѣмъ и умираю. Гръзи молитву Іисусову, да и все тутъ“²⁾). Даже боярынь Морозовой онъ внушалъ въ первое время: „блюдися ты, государыня, лъстцовъ-чернцовъ, и поповъ и черницъ, еже бы не развратили душу твою, и всѣхъ злыхъ челоувѣкъ уклоняйся, а съ добрыми бесѣдуй“³⁾). Очевидно, протопопъ Аввакумъ боялся за крѣпость убѣжденій своихъ послѣдовательницъ, за ихъ способность спокойно и достойно встрѣтить и умѣло отразить возраженія относительно старой вѣры. Но позднѣе онъ едва ли бы уже далъ такое внушеніе кому либо изъ своихъ ученицъ. Увѣрившись въ ихъ способности „хорошенько мучиться за Христа“⁴⁾), протопопъ такъ уже отзывался о нихъ: „не учти васъ о томъ стало, какъ право вѣровати,—вѣдаете путь Господень, его же ради и страждете“⁵⁾). Сами хорошо якобы увѣдѣвъ путь Господень, раскольницы могли и имѣли побужденія научить этому пути и другихъ—несвѣдущихъ или малосвѣдущихъ относительно его.

Итакъ, полагая главную роль первыхъ послѣдовательницъ раскола, въ зависимости отъ ихъ духовнаго облика, въ пассивномъ протестѣ ихъ церковнымъ преобразованіямъ патр. Никона, мы не отрицаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ способности и къ пропагандѣ раскола, если не гласной и открытой, то тайной. Факты, о которыхъ дальше рѣчь, покажутъ, насколько мы правы. (Продолженіе будетъ).

Преп. А. Волчинъ.

¹⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, 177.

²⁾ Тамъ же, V, стр. 176.

³⁾ Тамъ же, стр. 173.

⁴⁾ Мат. д. ист. раск., V, 194.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 197.

Примѣры добрыхъ пастырей Русской Церкви.

(По епарх. органамъ за 1900 г.).

Ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: *имуще же дарованія по благодати, данный намъ, различна: аще пророчество* (пророчествуй) *по мѣрѣ веры: аще ли служеніе, (пребывай) въ служеніи: аще ли учай, во ученіи: Аще ли утѣшай, во утѣшеніи: подавая въ простотѣ: предстояй, со тщаніемъ: милуй, съ добрымъ изволеніемъ...* (Рим. XII, 6—8). Такова должна быть жизнь и во всякой Церкви, орошаемой благодатными струями Св. Духа. Благодареніе Господу, и въ нашей обширнѣйшей Русской Церкви никогда не изсякаль источникъ духовныхъ дарованій, которыя и употребляются въ своемъ мѣстѣ и въ свою мѣру къ общей пользѣ и спасенію. Здѣсь,—какъ и слѣдуетъ,—самое выдающееся мѣсто занимаетъ наше *пастырство*, призванное свыше и уполномоченное особымъ посвященіемъ къ апостольскому служенію. При всѣхъ трудностяхъ своего положенія (матеріальнаго и общественнаго), оно въ значительномъ большинствѣ несетъ бодро свой крестъ и свято выполняетъ свою высокую миссію въ народѣ русскомъ. Ежегодная епархіальная хроника отмѣчаетъ нѣкоторые примѣры выдающейся пастырской дѣятельности, посвященной всецѣло служенію Церкви въ ея разнообразныхъ нуждахъ тѣми многоразличными дарованіями, которыя они имѣютъ по благодати, имъ даннѣй. А сколько остается неотмѣченныхъ въ печати, безвѣстныхъ, скромныхъ пастырей-тружениковъ, вѣрныхъ и самоотверженныхъ служителей Церкви, доблестно подвизавшихся на своемъ посту до послѣдняго издыханія,—такъ, какъ пишетъ тотъ же апостоль: *тщаніемъ не мниши, духомъ горяще, Господеви работающе: Упованіемъ радующеса, скорби терпяще, въ молитвъ пребывающе: Требованіемъ святыхъ приобщающеса, страннолюбія держащеса:* и дал. (Рим. 12, 11—13 и д.). Они не ищутъ славы міра сего. Имена ихъ и

подвиги остаются извѣстными лишь Одному Богу, Которому *вся наша и объявлена*. Но плоды ихъ дѣятельности въ нашемъ народѣ очевидны. Не задаваясь здѣсь цѣлями какой либо регистраціи и основанныхъ на ней выводовъ, мы приведемъ здѣсь лишь нѣкоторые характерныя примѣры достойной пастырской дѣятельности на основаніи епархіальныхъ извѣстій за прошлый 1900-й годъ, къ утѣшенію и назиданію тѣхъ, которые еще подвизаются на своемъ поприщѣ, — *блгуть на ристалищѣ*, чтобы получить награду отъ Пастыреначальника Г. н. І. Христа (1 Кор. 9, 24).

Служеніе престола Божию и назиданіе словомъ и жизнію.

Образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистою (1 Тим. 4, 12).

12 марта 1901 г., въ г. Дорогобужѣ, Смолен. епархіи, скончался мѣстный градскій протоіерей о. *Андрей Іоанновичъ Медвѣдокъ*. Лишь только печальная вѣсть разнеслась по городу, какъ народъ потянулся къ дому почившаго о. протоіерея. Отовсюду слышались выраженія глубокой скорби и сожалѣнія. Гдѣ ни проходишь, кого ни встрѣчаешь, — вездѣ рѣчь о почившемъ. „Добрый былъ батюшка; царство ему небесное!“ — какъ бы невольно выливалось изъ устъ всѣхъ. Во всѣхъ этихъ, исходящихъ отъ чистаго сердца, сѣтованіяхъ и сожалѣніяхъ высказывалась истинная — сущая правда, воздавалось только достойному достойное. Едва ли въ г. Дорогобужѣ, говоритъ корреспондентъ, въ продолженіе всей его исторіи, былъ другой подобный пастырь, который бы столь должную и исполненную самоотверженнаго труда и энергичную дѣятельность посвятилъ городу, какъ почившій протоіерей о. Андрей. Покойный былъ сынъ священника. Служа въ Дорогобужѣ около 46 лѣтъ сначала священникомъ въ Покрово-Пятницкой церкви, а затѣмъ въ Соборѣ, почившій зналъ большую половину гражданъ съ дѣтства, какъ свою семью, какъ дѣтей, выросшихъ на его глазахъ. Первою отличитель-

ною чертою о. Андрея была его глубокая *преданность храму Божию*; украшеніе храма Божія было главною его заботою во всю его пастырскую дѣятельность, а постоянное неуклонное совершеніе имъ церковныхъ службъ, можно сказать, составляло потребность его духа; опущенія въ службѣ допускались только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, да и то—если самъ служить не могъ, просилъ за себя кого-либо изъ сослуживцевъ - священниковъ. Служеніе любилъ неспѣшное, торжественное, не любилъ вычурности, выкрикиванья въ пѣніи и поспѣшности въ чтеніи. Не смотря на недостатокъ голоса, самъ всегда старался произносить молитвы и возгласы неспѣшно, отчетливо. Присутствіе его было всегда желательнымъ во всѣхъ градскихъ храмахъ во время совершенія въ нихъ праздничныхъ богослуженій. И эту безавѣтную, самоотверженную *преданность труду* онъ проявлялъ положительно во всѣхъ своихъ многосложныхъ дѣлахъ и занятіяхъ. Праздности, недѣятельности онъ, кажется, совсѣмъ не зналъ. Когда—бывало—ни придешь къ нему, всегда застаешь за дѣломъ. Всякое дѣло старался дѣлать самъ; и писалъ ли какую-либо дѣловую бумагу или малозначущую записку, вездѣ проглядывала особенная чистота, аккуратность и ясность изложенія. До самой смерти ему не пришлось узнать, что такое отдыхъ: лежа на смертномъ одрѣ, онъ просматривалъ и подписывалъ болѣе нужныя и неотложныя дѣла, а нѣкоторыя, требовавшія большей напряженности и сообразительности, отлагалъ со словами: „послѣ просмотрю“. Но не судилъ Богъ: неисповѣдимы судьбы Божіи! Вѣрно пришла пора отдохнуть усталому труженику. Доброй христіанской кончиной онъ закончилъ свою жизнь: онъ былъ нѣсколько разъ приобщенъ Святыхъ Таинъ, особорованъ и, выслушавъ отходную, тихо отошелъ къ Тому, Кто сказалъ: приидите ко Мнѣ вси труждающіеся...

Съ примѣрнымъ трудолюбіемъ почившій соединялъ неменьшее *миролюбіе* и *сдержанность*. Чуждый горячности, вспыльчивости, онъ никогда не позволялъ себѣ выйти изъ

усвоенной имъ всегдашней сдержанности, никогда не позволялъ себѣ въ разговорѣ повысить голосъ и тѣмъ показать предъ кѣмъ бы то ни было свой вѣсъ, свое преимущество. Для всѣхъ онъ былъ одинаково простъ и доступенъ. Ссоръ и какихъ либо натянутыхъ отношеній терпѣть не могъ. Уживался съ сослуживцами самыхъ пылкихъ характеровъ, всегда умѣя горячность ихъ, направленную иногда лично противъ него, охлаждать своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ. Не былъ онъ многорѣчивъ и словоохотливъ и вслѣдствіе этого никогда и никакіе языки не могли вмѣшать его имя въ какіе-либо пустые разговоры-пересуды, но не любилъ онъ и молчать, когда требовало дѣло, когда видѣлъ гдѣ-либо непорядокъ, опущеніе,—и если говорилъ, то говорилъ, не прикрываясь лишней любезностію или снисходительностію, но прямо и опредѣленно: „не такъ, нельзя!“ Какъ начальникъ, онъ обладалъ рѣдкимъ *тактомъ*: въ одно и то же время онъ умѣлъ быть и строгимъ, и снисходительнымъ, и требовательнымъ, и добрымъ. Не любилъ почившій рѣшать дѣла подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, и замѣчаемая въ немъ намѣренная медлительность въ рѣшеніи или же въ направленіи по дальнѣйшимъ инстанціямъ спорныхъ дѣлъ, возникавшихъ между подчиненными ему причтами, приводила къ тому, что всѣ спорныя дѣла, по охлажденіи горячности, рѣшались самымъ мирнымъ образомъ, не возбуждая дальнѣйшихъ процессовъ. У почившаго всегда и все было хорошо, вездѣ порядокъ и миръ. Съ увѣренностію можно сказать, что за все время его благочинія никто изъ его подчиненныхъ не потерпѣлъ отъ него или чрезъ него какого-либо существеннаго вреда и не могъ вслѣдствіе этого кинуть въ лицо почившаго слово упрека. Время пребыванія почившаго какъ пастыремъ, такъ и благочиннымъ будетъ занесено въ лѣтопись, какъ самое мирное и полезное.

Почившій былъ и *выдающійся педагогъ*. Съ первыхъ же лѣтъ священства онъ поступилъ законоучителемъ сначала въ приходское, а затѣмъ въ городское училище, и, прослужа въ

этой должности болѣе 30 лѣтъ, приобрѣлъ глубокую педагогическую опытность и пониманіе природы учащихся. Онъ считался однимъ изъ выдающихся законоучителей. Какъ членъ мѣстнаго училищнаго совѣта и какъ предсѣдатель отдѣленія Епарх. Учил. Совѣта, онъ ежегодно былъ назначаемъ въ школы разныхъ типовъ для производства экзаменовъ. Всегда и вездѣ почившій обнаруживалъ себя на высотѣ современныхъ требованій науки и педагогіи. Никогда появленіе его на экзаменахъ не налагало на учениковъ непріятное чувство страха и волненія. Онъ умѣлъ приблизиться къ пониманію учениковъ, да и ученики какъ то скоро привыкали къ нему и понимали его, не смотря на неособенно внятную рѣчь его. На экзаменахъ почившій не любилъ закидывать учениковъ многочисленными вопросами,—предлагалъ обыкновенно одинъ-два вопроса, но за то требовалъ отвѣтовъ осмысленныхъ, толковыхъ и вполнѣ оконченныхъ, и если отвѣты удовлетворяли его, онъ здѣсь же высказывалъ и похвалу ученику.

А простота почившаго, вниманіе, умъ и участие выслушать, почувствовать горю каждого дѣлали его любимымъ не только своимъ приходомъ, но и всѣмъ городомъ. Мпожество народа съ горькимъ сожалѣніемъ провожало останки любимаго о. протоіерея отъ дома до собора и отъ собора до могилы. На разстояніи какихъ-нибудь ста сажень отъ осиротѣлаго дома до собора печальное шествіе съ тѣломъ новопреставленнаго, несомаго священника, продолжалось около двухъ часовъ: на каждомъ положительно шагу, по усердію и прошенію признательныхъ къ почившему гражданъ, пѣли литіи и вѣчную память незабвенному о. Андрею. Погребеніе его, послѣ обычной соборной литургіи, совершено было торжественно при участіи множества (17) священниковъ. (Смолен. Еп. Вѣд. № 17).

(Продолженіе будетъ).

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія¹⁾.

Что касается *второго* воззрѣнія, то въ немъ мысль, что внѣбогослужебныя собесѣдованія являются дѣйствительно истинной церковной проповѣдью, вполне справедлива. Крайность этого воззрѣнія заключается лишь въ томъ, что оно находитъ внѣбогослужебную проповѣдь болѣе важною и болѣе цѣлесообразною въ сравненіи съ проповѣдью богослужебно-храмовой. Но, поставляя внѣбогослужебныя собесѣдованія выше богослужебно-храмовой проповѣди, лица, раздѣляющія это воззрѣніе, имѣютъ въ виду собственно не живое, одушевленное, понятное слушателямъ слово проповѣдника, а *чтеніе* за литургіей *по тетрадикъ* мертвыхъ, сухихъ, схоластическихъ трактатовъ, которые принимаются за проповѣдь лишь по крайне печальному недоразумѣнію. Если бы приходскіе священники, отрѣшившись отъ старинныхъ проповѣдническихъ приемовъ, предписываемыхъ о. Іоанникіемъ Голятовскимъ и его послѣдователями, обращались съ церковной кафедрой съ живымъ словомъ убѣжденія и назиданія, отвѣчающимъ насущнымъ потребностямъ паствы, то они убѣдились бы въ важности, силѣ и пользѣ церковно-богослужебнаго проповѣдничества. Теперь же нѣтъ ничего удивительнаго, если живыя внѣбогослужебныя собесѣдованія оказываются полезнѣе и дѣйственнѣе безжизненныхъ трактатовъ, безучастно читаемыхъ за литургіей.

Относительно же дѣйствительной пользы внѣбогослужебныхъ собесѣдованій не можетъ быть и сомнѣнія. Простыя, жизненныя, вызываемыя и направляемыя самими слушателями, внѣбогослужебныя собесѣдованія, конечно, должны самымъ благотворнымъ образомъ вліять на самосознаніе и жизнь народа. При этомъ польза внѣбогослужебныхъ собесѣдованій

¹⁾ См. № 27 за 1901 г.

не ограничивается лишь тѣмъ, что онѣ вызываютъ въ душѣ слушателей чувство умиленія, раскаянія и т. д.,—нѣтъ, дѣйствительность показываетъ, что внѣбогослужебныя собесѣдованія способны измѣнить даже самый порядокъ обыденной домашней жизни народа. Объ этой пользѣ и объ этомъ значеніи внѣбогослужебныхъ собесѣдованій свидѣлствуютъ сами священники, и заподозривать справедливость ихъ свидѣтельствъ нѣтъ никакихъ основаній *).

Итакъ, внѣбогослужебныя собесѣдованія священниковъ съ народомъ должны быть признаны истинно-церковною проповѣдью, по своей важности, идеѣ, цѣли и, наконецъ, пользѣ. Такъ какъ внѣбогослужебныя собесѣдованія, по своему происхожденію, представляютъ явленіе въ Русской Церкви очень недавнее и еще далеко не во всѣхъ приходахъ практикующееся, то гомилетическія указанія относительно веденія ихъ должны касаться не только метода и содержанія собесѣдованій, но и внѣшнихъ условій ихъ,—и этого послѣдняго главнымъ образомъ, потому что сравнительно медленное распространеніе ихъ объясняется преимущественно незнакомствомъ нашихъ пастырей, особенно молодыхъ, съ тѣми внѣшними условіями, при которыхъ возможно веденіе въ приходѣ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій.

67. Указанія относительно открытія внѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ сельскихъ приходахъ.

Самымъ *первымъ* вопросомъ, чисто внѣшняго, практическаго характера, на который приходится наталкиваться священнику, желающему ввести у себя въ приходѣ внѣбогослужебныя собесѣдованія, является, естественно, вопросъ о томъ, какъ же именно приступить къ дѣлу открытія собесѣдованій?

*) *Смирновъ Н.*: „Нравственно-просвѣтит. дѣятельность духовенства Пензенской епархіи за 1874 г.“ (Пенз. епарх. вѣд., 1877 г., № 14).—*„Отчетъ Владимір. правосл. Братства св. кн. Александра Невск. (Владимірск. еп. вѣд., 1881 г., № 22).*

какъ расположить прихожанъ въ пользу этого вида церковной проповѣди? что дѣлать, если прихожане сначала отнесутся слишкомъ равнодушно къ такому прекрасному дѣлу? Опасность остаться безъ сочувствія прихожанъ заставляетъ нѣкоторыхъ священниковъ долго колебаться въ рѣшеніи вопроса относительно открытія виѣбогослужебныхъ собесѣдованій.

Конечно, прежде чѣмъ формально объявить открытіе виѣбогослужебныхъ собесѣдованій, священникъ лучше всего сдѣлаетъ, если частнымъ образомъ, въ своихъ разговорахъ съ прихожанами въ домахъ послѣднихъ, будетъ напоминать имъ о необходимости, важности и пользѣ воскресныхъ и праздничныхъ собесѣдованій. Благодаря такому приему, онъ заранѣе уже будетъ знать, насколько его прихожане сочувствуютъ собесѣдованіямъ, и, въ случаѣ благопріятнаго отношенія къ его предложенію, смѣло можетъ приступить къ самому открытію собесѣдованій. Народъ, безъ сомнѣнія, отнесется къ благому дѣлу священника сочувственно, потому что жажда религіознаго просвѣщенія и знанія у нашего народа сильна и настойчива, а любовь его къ слушанію Слова Божія и душевспасительныхъ повѣствованій и бесѣдъ нелицемѣрна и крѣпка.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 28 іюня 1901 г.

За цензора священникъ *К. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Шовицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 29.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, іюля 15-го.

Содержаніе: Роль женщины въ первоначальной и послѣдующей исторіи старообрядческаго раскола (продолженіе). — Превосходство нравственнаго героизма предъ воинскимъ. — Каникулярная поѣздка въ Св. Землю (продолженіе).

Роль женщины въ первоначальной и послѣдующей исторіи старообрядческаго раскола ¹⁾.

2. Въ дѣлѣ „стоянія за старину“ болѣе другихъ женщинъ прославились въ первоначальной исторіи старообрядческаго раскола Морозова, Урусова и Данилова—эта „тричисленная единица“, какъ называлъ ихъ протопопъ Аввакумъ. Зная ихъ интересы и стремленія, мы понимаемъ поражающее своею силою упорство въ „старинѣ“ Морозовой, котораго не могли сломить ни благоразумные совѣты родныхъ, ни лестныя обѣщанія и угрозы царя, ни кроткія вразумленія митрополита и патріарха. Дядя Морозовой бояринъ Ртищевъ и дочь его Анна Михайловна пробовали затронуть въ ней

¹⁾ См. № 28 за 1901 г.

материнское чувство любви къ сыну, надѣясь, что оно образумитъ заблудившуюся и расположить ее не гибнуть царя—поберечь себя, свою честь и имущество для сына. „Не хочу, не хочу, щади своего сына, себе погубити“—къ удивленію убѣждавшихъ отвѣчала Морозова. „Аще хотите, изведите сына моего на пожаръ и предадите его на растерзаніе псамъ, страша мене, дабы отступила отъ вѣры, то азъ не хочу себе сотворити, еже новую вѣру пріяти. Аще и узрю красоту его псомъ растерзаему, благочестія же не помышлю отступити“¹⁾. Къ царскимъ посланнымъ обѣ сестры Морозова и Урусова обнаруживали на допросѣ явное неуваженіе и давали показанія свои, лежа на постели; не стѣсняясь присутствіемъ слѣдователей архимандрита Іоакима, митрополита Павла и даже самого патріарха Пигирима, онѣ изрыгали страшныя хулы на православное духовенство и всю Церковь, называл всѣхъ безумными и еретиками²⁾. Закованныя въ цѣпи и помѣщенныя въ разныхъ монастыряхъ подъ крѣпкимъ карауломъ стрѣльцовъ, онѣ категорически отказывались ходить въ православныя храмы и ихъ буквально „влачили“ туда на рогожахъ. Предложеніе явиться на царскую свадьбу, гдѣ будетъ патріархъ, который преподастъ свое благословеніе присутствующимъ, поднимаетъ въ душѣ Морозовой бурю ненависти³⁾. Для исцѣленія больной души сестеръ, духовенство задумало было помазать ихъ св. елеемъ; но Морозова, „яко борецъ“, оттолкнула отъ себя митрополита, а Урусова, мгновенно снявъ съ своей головы покрывало, опростоволосилась и, тѣмъ самымъ устыдивъ властей, миновала помазанія⁴⁾. Даже когда подвергли раскольницъ пыткамъ и „подпяли на тряску“, онѣ и тогда не переставали обличать мнимое отступленіе отъ вѣры и заявлять, что съ нетерпѣніемъ желаютъ

¹⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, 149, 153.

²⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, 159, 182.

³⁾ Тамъ же, стр. 155—156.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 175—182.

за два перста сгорѣть въ срубѣ¹⁾. Въ концѣ концовъ всѣхъ трехъ сослали въ г. Боровскъ, Калужской губерніи, и помѣстили тамъ въ земляной тюрьмѣ, гдѣ онѣ и скончались, не измѣняя своихъ убѣжденій. Въ этихъ подвигахъ стоянія родовитыхъ женщинъ за древнее благочестіе мы имѣемъ дѣло съ проявленіями крайняго ихъ фанатизма, благопріятныя условія для развитія котораго въ русской женщинѣ XVII вѣка уже видѣли.

Такихъ же точно по самоотверженной до слѣпоты преданности расколу женщинъ мы встрѣчаемъ въ первоначальной его исторіи не много, но подобныхъ имъ чуть не всѣхъ. Такъ, извѣстна Іустина, ученица Аввакума, еще до прибытія Морозовой и ея сподвижницъ томившаяся въ Боровской земляной тюрьмѣ и за фанатическую преданность расколу сожженная въ срубѣ²⁾. Въ „Виноградѣ Россійскомъ“ Семена Денисова разсказывается про нѣкую Евдокію, которая „приведена бывши въ новгородское училище за содержаніе древняго благочестія, прежде увѣщанми и ласканми много времени увѣщаема была“, а послѣ того, какъ показала непоколебимое упорство, предана была смертной казни³⁾. Подобнымъ же фанатизмомъ отличались жены протопопа Аввакума и діакона Θεодора. Настасья Марковна ради раскола идетъ въ ссылку вмѣстѣ съ своимъ протопопомъ и переноситъ всѣ невзгоды и бѣдствія ссыльной жизни⁴⁾. Жена діакона Θεодора Аксиныя Алексѣевна скрывается гдѣ-то вмѣстѣ съ мужемъ, послѣ бѣгства его изъ Покровскаго монастыря, опасаясь, какъ бы, подъ давленіемъ притѣсненій, не перейти въ православіе и тѣмъ не „соблазнити кого-нибудь отъ малыхъ вѣрующихъ правъ“⁵⁾. Разсужденіе Аксиныи Алексѣевны даетъ основаніе заключать, что слѣпая ревность раскольниковъ такъ

¹⁾ Тамъ же, VIII, 182—189.

²⁾ Тамъ же, стр. 194, 184.

³⁾ Описан. раск. соч., ч. I, стр. 153.

⁴⁾ Мат. д. ист. раск., V, 40—41.

⁵⁾ Тамъ же, I, 425.

прославила женщину въ расколѣ, что привлекла къ ней общее вниманіе, отъ котораго не укрылось бы даже малѣйшее колебаніе ея.

Дѣйствительно, мужественное стояніе женщинъ за древнее благочестіе должно было производить сильное впечатлѣніе на людей того времени, которые вообще почитали страданіе и склонны были окружать страдальцевъ ореоломъ праведности. И вполне естественно, что своимъ мужествомъ и твердостью въ вѣрѣ женщины однихъ склоняли къ переходу въ расколъ, другихъ утверждали въ расколѣ, иныхъ побуждали на защиту его, а иныхъ ободряли въ пропагандѣ его.

„Терпѣніе“ Морозовой и ея сподвижницъ привлекало къ нимъ, можно сказать, общее сочувствіе, начиная съ членовъ царскаго семейства и кончая самыми простыми людьми—вродѣ старосты Хамовнической слободы, гдѣ нѣкоторое время находилась Морозова въ заточеніи, или солдата-караульщика при боровской тюрьмѣ. „Множество вельможныхъ женъ и простыхъ людей стекалось въ Алексѣевскій монастырь на зрѣніе, како влачаху княгиню (Урусову) на носилѣ къ церкви“¹⁾. Великое множество любопытствующихъ съѣзжалось также въ Печерскій, Новодѣвичій и потомъ Алексѣевскій монастыри, въ которыхъ въ разное время содержалась Морозова, посмотрѣть на „терпѣніе“ этой боярыни²⁾. Не всѣ созерцали это зрѣлище съ однимъ удивленіемъ; многіе, несомнѣнно, соболѣзновали мнимымъ мученицамъ и принимали ихъ вѣру. Какъ сильно было сочувствіе Московскаго общества къ родовитымъ подвижницамъ древняго благочестія, говоритъ уже то, что его потокомъ чуть не увлекся самъ Ртищевъ—этотъ умный, разсудительный бояринъ! Онъ пріѣхалъ однажды къ княгинѣ Урусовой въ Алексѣевскій монастырь и, стоя у ея окна, сказалъ: „удивляетъ мя ваше страданіе; едино же смущаетъ: не вѣмъ, аще за истину ли терпѣніе“³⁾.

¹⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, стр. 176, прим. 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 189.

³⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, 174.

Если болѣе или менѣе развитые люди соблазнялись мужествомъ мнимыхъ мученицъ настолько, что склонны были признать ихъ праведными страдальцами, то простые люди такъ думали и вѣрили, конечно, безъ колебаній. Сочувствіе фанатичнымъ исповѣдницамъ раскола восходило до самаго трона царскаго. Отправленіе Морозовой и ея сподвижницъ въ Боровскъ было слѣдствіемъ заступничества за нихъ предъ царемъ сестры его Ирины Михайловны. Она говорила царю: „почто, братецъ, не въ лѣпоту твориши и вдову оную бѣдную помыкаешь съ мѣста на мѣсто? Не хорошо, братецъ“ ¹⁾. Изувѣрныхъ сестеръ и Данилову заключили въ Боровской земляной тюрьмѣ, но сочувствіе пошло изъ Москвы вслѣдъ за ними и здѣсь, въ Боровскѣ, не покидало ихъ. Такъ, заключенные пользовались—по крайней мѣрѣ, въ первое время—свободой, потому что окружавшіе ихъ сочувствовали имъ ²⁾. Имъ прислуживала съ пламеннымъ усердіемъ жена пѣкоего боровитянина Панфила, почитателя Морозовой и ея сестры, Агриппина ³⁾. Но лучшею иллюстраціею того, какою силою вліянія обладали узницы, можетъ служить слѣдующій фактъ. По смерти Евдокіи Урусовой (въ сентябрѣ 1672 года), къ Θεодосьѣ былъ присланъ монахъ для увѣщанія; увѣщаніе кончилось тѣмъ, что монахъ умилелся словами узницы, заплакалъ и сказалъ: „Госпоже честнѣйшая! Воистину блаженно ваше дѣло! Молю тя и азъ: Господа ради потщися началу конецъ навершити“ ⁴⁾.

Страданіе „тричисленной единицы“ произвело значительный подъемъ самочувствія даже въ отцѣ раскола—Аввакумѣ. Онъ употребляетъ все свое краспорѣчіе, чтобы достойно восхвалить „подвижницъ“. „Что воздамъ вамъ,—писалъ онъ имъ, прослышавъ объ ихъ подвигахъ,—земніи ангели, небесніи че-

¹⁾ Тамъ же, стр. 190.

²⁾ Тамъ же, стр. 191.

³⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, 192 прим.

⁴⁾ Тамъ же, VIII, 199—200.

ловѣцы! О святая Θεодосія и блаженная Евдокія и страсто-
терница Марія! Мученицы и исповѣдницы Христовы! Верто-
градъ Эдемскій васъ именую и Ноевъ славный ковчегъ, стоящъ
на горахъ Араратскихъ. Свѣтліи и добліи мученицы, столпи
непоколебиміи! О каменіе драгое: акинонь и измарагдъ и ас-
пидъ! О трисіятельное солнце и немерцающія звѣзды! Кто не
удивится, и кто не прославить терпѣніе и мужество ваше про-
тиву козней враговъ и разорителей церковныхъ? ¹⁾... Во-
истину красота есте церкви и сіяніе присносущныя славы
Господни по благодати! Вы забрала церковная и стражи дома
Господни, возбраняете волкамъ входъ во святая. Вы—пастыри,
пасете овчье стадо Христово на пажитяхъ духовныхъ, огра-
ждающе всѣхъ молитвами своими отъ волковъ губящихъ. Вы—
руководство заблуждшимъ въ райскія двери и вшедшимъ древа
животнаго наслажденіе!... Вы и моей дряхлости жезлъ и под-
пора, и крѣпость и утвержденіе! И что много говорю?—
Всѣмъ вся бысте ко исправленію и утверженію во Христа
Ісуса. Какъ васъ нареку?... Не вѣдаю, какъ назвать! Языкъ
мой коротокъ, не досяжетъ вашей доброты и красоты; умъ
мой не обьметъ подвига вашего и страданія. Подумаю да
лише руками возмахну“ ²⁾!... Здѣсь сказано все, что можно
сказать о страданіи знатныхъ раскольницъ, какъ средствѣ,
привлекавшемъ въ расколъ новыхъ членовъ и укрѣплявшемъ
преданность ему въ его послѣдователяхъ. Въ своихъ похва-
лахъ Аввакумъ исходитъ, видимо, изъ фактовъ извѣстнаго ему
вліянія родовитыхъ раскольницъ на окружающую ихъ среду:
мы уже видѣли эти факты. Но всего важнѣе то, что Авва-
кумъ ссылается здѣсь на свой личный опытъ, называя Моро-
зову и ея сподвижницъ „крѣпостью и утверженіемъ своей
дряхлости“. Если уже учитель и законодатель раскола нахо-
дилъ въ своихъ ученицахъ опору для себя, то тѣмъ болѣе
онѣ служили опорой и утверженіемъ преданности расколу

¹⁾ Мат. д. ист. раск., V, 185.

²⁾ Тамъ же, стр. 192.

въ родовыхъ его послѣдователяхъ. Въ чемъ именно выразилось укрѣпляющее вліяніе мнимыхъ мученицъ на Аввакума, онъ поясняетъ въ другомъ мѣстѣ. Обращаясь къ себѣ самому, онъ сказалъ въ минуту раздумья: „Душе!... потщися, окаянная, и убудися! Уснула еси сномъ погибельнымъ, задремала еси въ пищахъ и питіи перадѣнія. Виждь, мотылюбная, кто при тебѣ: Ѳедосья Проконьевна Морозова и сестра ея Евдокія Проконьевна княгиня Урусова и Даниловыхъ дворянская жена Марья Герасимовна съ прочими! Мучатся въ Боровскѣ, въ землю живы закопаны по многихъ мукахъ и пыткахъ и домовъ разореніи, алчуть и жаждуть. Такіе столпы великіе, имъ же не точень міръ весь! Жены суть немощнѣйшая чадь, а со звѣремъ по человѣку борются (т. е. съ антихристомъ). Чудо, да только подивиться чуду сему!... Душе безумная, ну-тко, опрянися и исповѣждь Христа Сына Божія явственнѣ... Само царство небесное валится въ ротъ,—а ты откладываешь говоря: дѣти малы, жена молода, разориться не хочется! А тово не видишь, какую честь бросили боярынѣ тѣ! Да еще жены суть. А ты мужикъ, да безумнѣе бабъ“¹⁾. Изъ этого самообличенія и самовразумленія Аввакума открывается, что подвижничество родовитыхъ раскольницъ было для него своего рода масштабомъ, по которому онъ провѣрялъ степень собственной своей приверженности дѣлу раскола и находилъ себя не вполне отдавшимся ему, такъ что, въ концѣ концовъ, было оно вмѣстѣ и призывомъ къ болѣе ревностной защитѣ и пропагандѣ раскола. „Душе безумная, нутко, опрянися и исповѣждь Христа Сына Божія явственнѣ“—говорилъ себѣ протоиошъ въ результатъ размышленія о подвигахъ своихъ ученицъ. При этомъ въ сознаніи его выступала и благовременность усиленной пропаганды раскола, такъ какъ подвиги мнимыхъ мученицъ представляли сильную точку опоры и яркій примѣръ при распространеніи раскольническихъ заблужденій, что Аввакумъ выразилъ словами: „само царство

¹⁾ Мат. д. ист. раск., V, 266—268.

небесное валится въ ротъ, а ты откладываешь"... Нужно, впрочемъ, сказать, что такое значеніе страданій своихъ ученицъ за вѣру Аввакумъ не теперь только увидѣлъ и оцѣнилъ; онъ предвидѣлъ это значеніе и раньше, оттого и былъ дѣятельнымъ пособникомъ знатнымъ сестрамъ въ подъятіи ими на себя и мужественномъ несеніи ихъ страданій. Протопопъ то и дѣло писалъ имъ наставленія—не лѣниться класть поклоны по ночамъ, перестать медокъ попивать, блюстись разныхъ льстецовъ¹⁾; утѣшалъ ихъ въ горестяхъ—Морозову, напр., въ ея скорби объ умершемъ сынѣ, Урусову—о покинутыхъ дѣтяхъ, Данилову—объ оставленномъ ею мужѣ²⁾; словомъ, всячески убѣждалъ ихъ „брести прямою дорогою ко Христу неоглядкою“³⁾! Если теперь онъ взираетъ на подвижничество своихъ ученицъ удивленными глазами, то его поражаетъ въ нихъ такъ быстро и широко развернувшійся результатъ его стараній. Онъ любитъ на этотъ результатъ, восхищается дѣяніями своихъ ученицъ и въ похвалахъ имъ позабываетъ себя, свои труды по воспитанію ихъ. Но усвоенный имъ тонъ учителя не оставляетъ его и здѣсь: въ его похвалахъ своимъ ученицамъ изливается неподдѣльное восхищеніе ихъ подвигомъ, но въ нихъ же между словъ и за ними чувствуется въ то же время тайная цѣль—подбодрить и укрѣпить узницъ къ мужественному несенію поднятаго ими подвига до конца. Справедливость, поэтому, требуетъ сказать, что Аввакумъ былъ нѣкоторою причиною того, что знатныя сподвижницы стали мученицами—сѣменемъ раскола. Это обстоятельство, конечно, не отнимало за ихъ подвигомъ значенія силы, привлекавшей въ расколъ новыхъ послѣдователей, какъ и не мѣшало пріобрѣсти имъ несказанный авторитетъ среди раскольниковъ. Самъ Аввакумъ, какъ видѣли, называлъ узницъ святыми. Онъ дорожилъ, какъ святыней, всякою полученною отъ нихъ вещью. Такъ, прислала ему Морозова

¹⁾ Мат. д. ист. раск., V, 171—173.

²⁾ Тамъ же, стр. 175—179.

³⁾ Тамъ же, стр. 179.

„столбцы“—„своею рукою наморала“. „Долго столбцы тѣ были у меня“—разсказываетъ Аввакумъ,—„прочту, да поплачу, да въ щелку запехаю. Да бѣсъ—собака изгубилъ ихъ у меня“¹⁾. Ихъ подвижничество было для него какъ бы наградой за понесенные имъ труды по распространенію раскола и поощреніемъ на новые труды. Награда оказалась очень высокою, такъ что даже превосходила, можетъ быть, ожиданія самого Аввакума, потому что и смерть не уничтожила именъ Морозовой, Урусовой и Даниловой въ памяти раскольниковъ. Имена ихъ запечатлѣны, и дѣла ихъ прославлены въ произведеніяхъ не только раскольническаго происхожденія²⁾, но и православныхъ авторовъ³⁾, задавшихъ тенденціею сочувствія расколу; а одинъ моментъ изъ дѣла Морозовой запечатлѣнъ даже кистью художника (Сурикова) на картинѣ⁴⁾. Такимъ образомъ, Боровскія заточницы и по смерти служатъ дѣлу пропаганды раскола, по винѣ жалкихъ въ своемъ заблужденіи почитателей ихъ.

Если такъ сильно было вліяніе раскольнической женщины на людей, болѣе или менѣе случайно и не постоянно входившихъ въ соприкосновеніе съ нею, то можно представить, какъ значительно было ея вліяніе въ семьѣ—на воспитываемое и руководимое ею молодое поколѣніе. Замѣчательно, въ какой преданности „старинѣ“ воспитала жена Аввакума своихъ дѣтей. Протопопъ мало жилъ въ своей семьѣ: ссылки разлучали его съ нею. И, однако, Аввакумовичи и Аввакумовны вышли достойными дѣтьми своего отца, благодаря именно надзору и наставленіямъ своей матери. Ни разлука,

¹⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, 110.

²⁾ „Житіе“ Морозовой въ двухъ изданіяхъ: одно было сдѣлано въ послѣдней четверти XVII ст. вскорѣ послѣ смерти заточницъ, и другое въ 1884 г.—боровскими раскольниками.

³⁾ Разумѣемъ романъ Чмырева: „Раскольническія мученицы“ и повѣсть Мордовцева: „Великій расколъ“.

⁴⁾ Картина хранится въ извѣстной Третьяковской галлерей въ Москвѣ.

ни бѣдствія, ни даже темницы не могли сломить ихъ упорства. Въ то время, какъ Аввакумъ сидѣлъ въ Пустозерскомъ острогѣ, а Марковна съ сыновьями была „закопана въ землѣ на Мезени“, тамъ же, т. е. на Мезени, „перебивалась кой-какъ старшая ихъ дочь Аграфена, вмѣстѣ съ другими меньшими сестрами“¹⁾. „Бѣдные горемыки“ и не думали измѣнять „старинѣ“ для лучшей, безбѣдной жизни. Мужу и отцу было пріятно это мужество жены и дѣтей: въ немъ онъ почерпалъ нравственную поддержку для себя, о немъ не безъ внутренняго довольства онъ восклицалъ: „Пускай горькіе мучатся всѣ ради Христа“! Сына своего Аванасія онъ даже прямо благодарилъ за подражаніе себѣ²⁾. Въ такой же степени преданною древнему благочестію, какъ и Марковна, была, надобно полагать, иѣкая Ульяна, въ мірѣ Устинья. Она воспитала такого упорнаго въ расколѣ сына Антона, о которомъ Аввакумъ замѣтилъ: „Антоновъ тѣхъ су немного на семь свѣтѣ. Я и нынѣ, поминая его службу ко Христу, ужа-саюся. Огнь такой горить бывало зѣльной, а они съ матерью плаваютъ тутъ же, со мною лѣзутъ въ глаза отступникамъ“³⁾. Едва ли нужно доказывать, что такимъ безстрашіемъ въ отношеніи къ смерти Антонъ былъ обязанъ вліянію матери. По положенію своему въ семьѣ, какъ „домодержица“, женщина того времени имѣла всѣ средства и полный просторъ для привитія дѣтямъ своихъ взглядовъ и настроенія. Самъ протопопъ Аввакумъ образъ дѣйствій дѣтей ставилъ въ зависимость отъ вліянія на нихъ матери и долгъ воспитанія цѣликомъ возлагалъ на нее. Когда Аввакумъ сидѣлъ въ Пустозерскѣ, а жена его и дѣти перебивались кой-какъ на Мезени, вѣрно было повѣсить за содержаніе раскола двоихъ его сыновей—Ивана и Прокопія. „И онѣ бѣдные,—разсказываетъ Аввакумъ,—испу-

¹⁾ Мат. д. ист. раск., V, 36; см. также „Житіе протопопа Аввакума по списку Казанской духовной Академіи“, Хр. Чт., 1885 г., ч. II, стр. 584.

²⁾ Тамъ же, 36, 164.

³⁾ Тамъ же, VIII, 105.

жався смерти, повинились: „виноваты предъ Богомъ и предъ великимъ государемъ“,—а не вѣдомо что своровали“. Тогда ихъ съ матерью троихъ закопали въ землю. Аввакумъ огорченъ былъ нѣсколько малодушіемъ своихъ сыновей; но замѣчательно, что въ этомъ малодушіи онъ винить не ихъ, а мать. „А мать за то сидитъ съ ними, чтобъ впредь дѣтей подкрѣпляла Христа ради умирати, и жила бы не развѣшавъ уши, а то баба... дѣтей своихъ и забыла подкрѣпить, чтобъ на висельницу пошли и з доброю дружиною умерли за одно Христа ради“¹⁾. Но, пороптавъ па жену за то, что она не подкрѣпила дѣтей къ высшему подвигу, Аввакумъ примиряется съ нею, такъ какъ терпѣливое перенесеніе его дѣтьми заключенія въ земляной тюрьмѣ достаточно свидѣтельствовало о силѣ ея вліянія на нихъ и бдительности въ руководствѣ ими. „Ну да Богъ васъ проститъ,—великодушно разсуждалъ Аввакумъ о женѣ и дѣтихъ: не дивно то такъ сдѣлали,—и Петръ апостоль нѣкогда убоился смерти и Христа отрекся, и о семъ плакася горько, таже помилованъ и прощенъ бысть. А и о васъ нѣкогда молящумися тошно и видѣвъ вашу предъ собою темницу и васъ троихъ на молитвѣ стоящихъ въ вашей темницѣ, а отъ васъ три столпа огнены къ небесамъ стоятъ простерты, а съ тѣхъ мѣсть обрадовался и лехче мнѣ стало, яко покаяніе ваше пріялъ Богъ, слава о семъ Богу“²⁾.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что такія фанатичныя раскольницы, какъ жена протопопа Аввакума, могли оказывать сильное вліяніе и на самихъ мужей, поддерживая ихъ энергію въ служеніи расколу. Марковна, перенося невзгоды ссылки жизни, подчасъ давала чувствовать протопопу, что она терпитъ ихъ ради него, а не за вѣру только³⁾. Какъ обновлялся чрезъ это Аввакумъ своимъ духомъ и отбрасывалъ далеко прочь всякое упыніе, которое посѣщало иногда адаманта

¹⁾ Житіе протопопа Аввакума по синску Казанской духовной Академіи“, см. Хр. Чт., 1888 г., ч. II, стр. 592.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Мат. д. ист. раск., V, 41.

древняго благочестія ¹⁾, показываетъ слѣдующій случай, занесенный имъ въ свою автобіографію. Когда Аввакумъ, возвращаясь „милосердіемъ скиптродержца“ изъ Сибири, достигъ русскихъ городовъ и увидѣлъ, что вездѣ служатъ по новоисправленнымъ служебникамъ, поборникъ древняго благочестія сильно смутился этимъ обстоятельствомъ и не зналъ, что дѣлать. „Опечался, сидя разсуждаю—разсказываетъ онъ,— что сотворю? Проповѣдаю ли слово Божіе или скрплюся гдѣ? Понеже жена и дѣти связали меня. И видя меня печальна, протопница моя приступи ко мнѣ со опрятьствомъ и рече ми: что, господине, опечалился еси? Авъ же ей подробну извѣстилъ: жена, что сотворю? Зима эретическая на дворѣ: говорить ли мнѣ или молчать? Связали вы меня. Она же мнѣ говорить: Господи помилуй! Что ты, Петровичъ, говоришь! Слыхала я—ты же читалъ—апостольскую рѣчь: „привязался еси женѣ, не ищи разрѣшенія; егда отрѣшишия, тогда не ищи жены“ (Кор. гл. 7, ст. 27). Авъ ты и съ дѣтьми благословляю: держай проповѣдати слово Божіе попрежнему! А о насъ не тужи: дондеже Богъ изволить, живемъ вмѣстѣ; а егда разлучить, тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай! Силенъ Христосъ и насъ не покинуть! Поди, поди въ церковь, Петровичъ, обличай блудно эретическую“ ²⁾! Какъ подѣйствовали эти рѣчи на Аввакума, говоритъ самъ онъ: „Я су ей за то челомъ и, отряси отъ себе печальную слѣпоту, началъ попрежнему слово Божіе проповѣдати и учити по градомъ и вездѣ, еще же и эресь никоніанскую со дерзновеніемъ обличалъ“ ³⁾. Въ описаніи своего „житія“ протопицъ Аввакумъ вообще не разъ добрымъ словомъ вспоминаетъ свою протопницу, а вмѣстѣ съ нею и дѣтей, за ихъ заботливость о немъ, которой онъ обязанъ былъ облегченіемъ своихъ и душевныхъ мукъ и тѣлесныхъ страданій—особенно во время прилучавшихся

¹⁾ Мат. д. ист. раск., V, стр. 29—30; 156.

²⁾ Мат. д. ист. раск., V, 57.

³⁾ Тамъ же.

съ нимъ болѣзней, вслѣдствіе тягостей ссыльной скитальческой жизни ¹⁾. Не будь у Аввакума такой преданной расколу протопопцы, въ частности—не получи онъ отъ нея ободренія въ минуту раздумья и унынія,—кто знаетъ, онъ, можетъ быть, и совсѣмъ приунылъ бы и не явился бы законодателемъ раскола—такимъ богатыремъ, который, не смотря на всѣ пережитыя имъ страданія за „старину“, только одинъ разъ (въ Пустозерскомъ острогѣ) въ жизни ослабѣлъ дотого, что проклялъ день своего рожденія ²⁾.

Такую же поддержку, надо полагать, получали отъ своихъ женъ и другіе расколоучители. Такъ, о женѣ протопопа Ивана Нерокова Евдокіи извѣстно, что она „имѣла велию любовь и ничимъ же преслушала его“ ³⁾. Не безъ побужденій, вѣроятно, со стороны жены и діаконъ Феодоръ покинулъ мѣсто своего убѣжища и „объявился“, чтобы „душу свою положить за други своя“ ⁴⁾, потому что укрывательство отъ преслѣдованія властей было дѣломъ ихъ совмѣстнаго обсужденія и рѣшенія ⁵⁾.

(Продолженіе будетъ).

Преп. А. Волгинъ.

Превосходство нравственного героизма предъ воинскимъ.

Поэзія и проза всегда отдавали дань хвалы и удивленія воинскому героизму. Цари и подданные, богатые и бѣднѣе, варвары и образованные изощрили всю свою изобрѣта-

¹⁾ „Житіе прот. Аввакума по списку Казанской дух. Академіи“, Хр. Чт. 1888 г., ч. II, стр. 598 -9.

²⁾ Мат. д ист. раск., V, 156.

³⁾ Тамъ же, I, стр. 250, 252, 256.

⁴⁾ Тамъ же, I, стр. 426.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 425.

тельность, чтобы свить вѣнокъ, достойный украсить чело героя. Но, восхищаясь мужествомъ благородныхъ людей, жертвующихъ жизнію и проливающихъ свою кровь за отечество, и въ то же время чувствуя ихъ, мы не должны забывать, что есть героизмъ гораздо благороднѣе воинскаго, есть побѣды славнѣе тѣхъ, которыя одерживаются на кровавыхъ поляхъ битвъ. Мы говоримъ о *нравственномъ* героизмѣ, который проявляется въ битвахъ, такъ сказать, на полѣ сердца, — о нравственной побѣдѣ, одерживаемой надъ нашимъ грѣховнымъ эгоизмомъ. Эта побѣда, какъ ни мало о ней думаютъ, и какъ ни кажется она незначительною для поверхностнаго наблюдателя, благороднѣе и славнѣе побѣдъ надъ полчищами внѣшнихъ враговъ какъ *сама въ себѣ*, такъ и *по своимъ послѣдствіямъ*.

Она благороднѣе и славнѣе *сама по себѣ*. Въ борьбѣ со зломъ, гнѣздящимся въ нашемъ сердцѣ, не бываетъ побужденій и поощреній, которыхъ такъ много представляется воину на полѣ битвы. Тутъ воинскіе звуки поражаютъ его слухъ и воодушевляютъ его; съ крѣпостей и башней развиваются знамена; гулъ сраженія, ржаніе коней, крики всадниковъ носятся эхомъ по полю. Но въ великой нравственной борьбѣ съ самимъ собою нѣтъ этихъ возбуждающихъ сценъ, нѣтъ этихъ возбуждающихъ звуковъ; намъ приходится здѣсь вести войну одиноко и никѣмъ не замѣченными. Никакая человѣческая сила не можетъ помочь намъ; никакой человѣческой глазъ не видитъ враговъ, съ которыми мы сражаемся. Есть одно только всевидящее Око надъ всѣми, есть одинъ только Помощникъ и Покровитель у всѣхъ, Который обѣщаль быть съ нами и вооружить насъ па битву; только Его одна десница подкрѣпляетъ, и только Его одно присутствіе ободряетъ насъ.

Въ борьбѣ между людьми развиваются иногда самыя дурныя страсти сердца. Люди часто ожесточаются. Ненависть, месть, жестокость, честолюбіе и жажда крови неукротимо и необузданно начинаютъ дѣйствовать. Въ битвѣ на

полѣ сердца эти страсти должны быть усмирены и совершенно подчинены истинѣ, правдѣ и чистотѣ. Враги, съ которыми намъ приходится здѣсь вести борьбу, не какіе-нибудь незначительные, потому что это тѣ самыя страсти и начала, которыя дѣлають людей страшными и опасными на брадномъ полѣ. Искусство и наука сдѣлали чудеса. Онѣ укротили дикихъ звѣрей и подчинили себѣ стихіи природы. Онѣ овладѣли океанами, уничтожили пространство, соединили вмѣстѣ отдаленныя материки, дали жизнь пару, языкъ проволокѣ, голосъ молніи. Но въ сердцѣ человѣческомъ есть страсти страшнѣе дикихъ звѣрей и силы болѣе бурныя, чѣмъ бурныя вѣтры природы; этими страстями труднѣе управлять, чѣмъ тонкой, но мощной силой электричества. Одно человѣческое искусство не можетъ справиться съ ними. Христіанская наука—наука, которой Христосъ Самъ учитъ насъ, она одна можетъ дать намъ побѣду надъ ними. Исполнины свѣта часто оказывались немоцными въ этой борьбѣ съ самими собою, съ своими страстями и искушеніями. Сопоставленные или враждебно встрѣтившіеся съ исполинами нравственной силы, они обыкновенно являлись безсильными предъ послѣдними, какъ Голіаѳъ предъ Давидомъ, такъ какъ были чужды ихъ нравственной силы: эта сила—не достояніе плоти и крови, а даръ благодати, открывающей въ немощахъ. Эта сила—божественная, потому она можетъ, наконецъ, сдѣлаться неодолимою ни для какой другой силы, ни на небѣ, ни на землѣ, ни въ преисподней (Римл. 8, 35—39). Пусть тотъ, кто недовѣрчиво улыбается, когда мы говоримъ о нравственномъ торжествѣ, возьмется побѣдить свое честолюбіе, или гордость, или тщеславіе, или какую бы то ни было преобладающую страсть,—и онъ найдетъ себя болѣе слабымъ, а врага болѣе сильнымъ, чѣмъ подозрѣвалъ, и побѣду болѣе трудною, чѣмъ воображалъ себѣ. Многіе изъ тѣхъ, которые обладали непоколебимою храбростію и съ желѣзною твердостію сердца бросались въ битву при звукахъ барабана, призывающаго къ ней, падали въ изнеможеніи, какъ младенцы, отъ нѣжныхъ звуковъ какой-нибудь Сирены. Въ

нравственной борьбѣ за правду—вотъ гдѣ всего больше требуется величіе души и героизмъ. Еще въ дѣтствѣ мы учили объ Александрѣ Великомъ и удивлялись его безчисленнымъ побѣдамъ. Но какъ онъ ни былъ великъ, когда водилъ свои полки на поле брани, въ домашней жизни онъ обнаружилъ самое низкое расположеніе духа и часто дѣлался жертвою поживавшихъ его страстей. Какъ побѣдитель народовъ, онъ былъ знаменитъ; но его страсти сдѣлали изъ него труса. Самсонъ былъ великъ и силенъ, когда побѣдилъ филистимлянъ; но оказался слабымъ въ борьбѣ съ чувственностію, потому что позволилъ Далилъ побѣдить себя ласками. Онъ легко унести по крутой горѣ тяжеловѣсныя ворота Газы и потрясаетъ громадные столбы, на которыхъ опирался Дагоновъ храмъ; но самъ падаетъ подъ тяжестію своей чувственности. Дайте ему вѣшняго врага, съ которымъ бы онъ могъ сразиться,—и тогда сила его удивитъ васъ; но съ глазу на глазъ съ своимъ внутреннимъ врагомъ, съ своею похотью онъ становится слабѣе младенца и малодушно падаетъ. Узы страстей опутали его такую сѣтью, что ни необыкновенная его сила, ни стальные мускулы не могутъ разорвать ее. Было много людей, которые могли управлять цѣлыми легіонами воиновъ въ самыхъ опасныхъ схваткахъ, но которые до конца жизни не овладѣли искусствомъ побѣждать самихъ себя. Они не знали страха, когда смерть была близка, когда кругомъ нихъ падали тысячи убитыхъ, но трусливо избѣгали борьбы съ самими собою. Они храбро защищали свободу и честь своего отечества, но во внутреннемъ мірѣ сердца оставались презрѣнными рабами. Гнусныя страсти, подобно мрачнымъ призракамъ, гнѣздились въ ихъ душѣ, а они никогда не осмѣливались посмотрѣть имъ въ глаза или постараться плѣнить хотя бы одну изъ нихъ. Въ нихъ не было столько мужества, чтобы напасть на этихъ внутреннихъ враговъ или прогнать ихъ съ поля сердца. Печальный, но несомнѣнный фактъ, что нѣкоторые изъ величайшихъ героевъ міра были самыми низкими нравственными трусами. Въ награду за ихъ побѣды,

ихъ облакали въ великолѣпныя одежды, украшали грудь ихъ почетными наградами. Но подъ этими блестящими одеждами и почетными наградами часто билось сердце, запятнанное самыми гнусными преступленіями; въ сердцѣ ихъ, какъ на полѣ битвы, усѣянномъ костями убитыхъ, было одно нравственное разложеніе и смерть.

Враги, съ которыми мы должны сражаться, достигая побѣды, не внѣшніе, а внутренніе; они не въ матеріальномъ внѣшнемъ мірѣ, но во внутреннемъ мірѣ сердца. Ихъ нельзя увидѣть и осязать, потому что они скрываются въ тайныхъ убѣжищахъ души. Они находятся въ засадѣ, готовые напасть на насъ неожиданно, когда мы и не подозрѣваемъ ихъ близости къ намъ. Кто беретъ городъ, тотъ нападаетъ на явнаго и вооруженнаго врага; но кто побѣждаетъ сердце, тотъ нападаетъ на самого себя. Мы должны обратить свое оружіе противъ себя же и твердою рукою выгнать изъ твердыни сердца тѣхъ завоевателей, которые долго гнѣздились и даже воцарились внутри насъ, или, говоря языкомъ Евангелія, мы должны распять себя, пригвоздить ко кресту своими собственными руками нашу преступную и непокорную природу.

Побѣда надъ своимъ сердцемъ благороднѣе и славнѣе *по своимъ послѣдствіямъ*, чѣмъ всѣ пріобрѣтенія войны. Многія страницы міровой исторіи наполнены печальными сказаніями объ ужасныхъ послѣдствіяхъ войны. Что оставляетъ послѣ себя воинъ?—Онъ оставляетъ по себѣ слѣдъ, облитый человѣческою кровію, оглашенный криками и стонами раненыхъ и умирающихъ, покрытый ужасными жертвами, страшными въ ихъ предсмертныхъ мукахъ. Онъ оставляетъ за собою осиротѣвшія семейства, пенелища храмовъ, опустошенныя дворцы, поруганную невинность, дѣтей, потерявшихъ своихъ отцовъ, матерей, оплакивающихъ своихъ сыновей.

Взгляните теперь на нравственнаго героя, который побѣдилъ себя, побѣдилъ свою гордость, лѣнь, вступилъ на поприще самопожертвованія; который посвятилъ жизнь, энергію, достояніе на благо ближнихъ, на облегченіе бѣдствій и

скорбей преступныхъ и несчастныхъ. Какой человѣкъ предпочелъ бы идти по слѣдамъ воина, по опустошеннымъ селамъ, разграбленнымъ городамъ—и слышать раздирающіе сердце рассказы, быть свидѣтелемъ ужасающихъ сценъ,—предпочелъ бы тому, чтобы идти за побѣдившимъ себя нравственнымъ героемъ по тюрьмамъ, больницамъ—и слышать благословія тѣхъ, которымъ онъ самъ помогъ и которыхъ благословилъ?... О, если бы было больше сердецъ, которыя бы возвышались до забвенія своего ничтожнаго „я“ и настолько расширялись, чтобы могли чувствовать иные интересы, кромѣ своихъ собственныхъ! Одна изъ характеристическихъ чертъ нашего Испытателя—самоотверженіе. Онъ жилъ не для себя, а для другихъ; Онъ страдалъ не за Себя, а за другихъ; умеръ для другихъ. Вознесся на небо съ тѣмъ же самоотверженіемъ и теперь, возсѣдая на престолѣ славы, ходатайствуетъ за другихъ.

Замѣтимъ еще, что успѣхи воина не могутъ сдѣлать его счастливымъ. Счастіе—это цѣль, къ достиженію которой направлены всѣ наши дѣла и помысленія, это—предметъ всеобщихъ стремленій. Всѣ люди желаютъ счастья. Но побѣды надъ вооруженными регіонами и завоеваніе обширныхъ владѣній не могутъ доставить человѣку счастья. Онѣ могутъ веселить радостное, торжествующее чувство, но для блаженства души ровно ничего не представляютъ. Онѣ могутъ доставить воину утѣшеніе видѣть на своей груди награды за бранные подвиги, но не могутъ водворить довольства въ безсмертномъ умѣ, не могутъ доставить духу мира и радости. Если бы онѣ могли это сдѣлать, то отчего же не доставили, напр., Александру, одному изъ величайшихъ побѣдителей? Его слава была въ зенитѣ, когда весь міръ лежалъ у ногъ его,—а онъ плачетъ, плачетъ. Онъ всѣхъ одолѣлъ, какъ самъ думалъ,—а слезы все-таки были горькими плодами его триумфовъ. Эти слезы были сильными и ясными доказательствами, что онъ не успѣлъ побѣдить самого себя,—доказательствами, что страсть, въ свою очередь, овладѣла имъ и сдѣлала его игралищемъ своимъ.

Никакое отличіе, доставляемое міромъ, никакая почесть со стороны сильныхъ и знатныхъ не могутъ сообщить безсмертному духу истиннаго счастія. Безъ власти надъ собою мы были бы несчастны во дворцѣ, съ порфиною на плечахъ и съ царственною діадемою на челѣ. Посмотрите на челоуѣка, которымъ овладѣла гордость. Онъ—первый министръ Персіи, челоуѣкъ, окруженный всевозможными почестями, второй послѣ самого царя. Въ его рукахъ—судьба обширнаго и благоденствующаго царства. Онъ вполне сознаетъ свою силу. Но гордость дѣлаетъ его чрезвычайно чувствительнымъ ко всему. Малѣйшее неуваженіе—острый ножъ для него. И вотъ одинъ, плѣнный еврей, сидя у дворцовыхъ воротъ, не воздалъ почтенія гордому вельможѣ: его гордость затронута, онъ приходитъ въ бѣшенство. Онъ воспыпалъ гнѣвомъ, помышляетъ о мщеніи и торопится уничтожить дерзкаго плѣнника своею немилостію. Жизнь для него становится тяжелою. Онъ готовъ скорѣе умереть, чѣмъ вынести обиду отъ такого презрѣннаго существа. Онъ не найдетъ для себя покоя, пока не раздавитъ этого презрѣннаго челоуѣка. Почести щедро сыплются на гордаго вельможу; великіе и сильные заискиваютъ его милости, завидуютъ ему; наконецъ, его одного приглашаютъ на царскій пиръ. Но гордость овладѣла имъ, и память объ оскорбленіи со стороны еврея отравляетъ всѣ его удовольствія, омрачаетъ его славу и вырываетъ изъ души сознаніе, что „все это ему не угодно, когда онъ видитъ Мардохея іудеянина во дворѣ (царскомъ)“. Вотъ еще примѣръ челоуѣка, одержимаго страстью—завистью. Это—царь. У него безчисленныя богатства, обширныя владѣнія,—но при всемъ этомъ онъ несчастенъ. Лицо его выражаетъ скуку, какое-то недовольство. Жена его сразу замѣчаетъ въ немъ эту перемену и старается узнать причину его скуки. Причина простая: возлѣ царскаго дворца красуется виноградникъ какого-то бѣдняка. Царь смотритъ на него завистливыми глазами, хочетъ приобрѣсти его себѣ и для этого предлагаетъ владѣльцу обмѣняться съ нимъ на другой садъ. Его предложе-

ніе встрѣчается почтительнымъ отказомъ: бѣднякъ не рѣшается разстаться съ наслѣдствомъ, полученнымъ отъ отцовъ своихъ. Смотрите же, какъ подѣйствовалъ на царя отказъ бѣдняка. Онъ печально бросается на свое ложе, отказывается отъ пищи, которая теперь кажется ему отвратительною. Во что бы то ни стало, садъ долженъ принадлежать ему. Страсть одерживаетъ верхъ надъ могущественнымъ царемъ и доводитъ его дотого, что онъ даже злоумышляетъ на жизнь бѣднаго Навуея... Да, лучше переносить иго злѣйшаго тирана, чѣмъ сто разъ болѣе тяжкое иго злой страсти! Какое рабство гнуснѣе рабства страстямъ? какія цѣпи тяжелѣе тѣхъ цѣпей, которыми онѣ опутываютъ человѣка?

Но обратимся и взглянемъ на другую картину—на человѣка, который, въ силу побѣды надъ самимъ собою, счастливъ и благодушенъ среди обстоятельствъ, далеко неблагоприятныхъ для счастья. Мы говоримъ о св. апостолѣ Павлѣ, одномъ изъ высочайшихъ примѣровъ побѣды надъ собою, какіе встрѣчаемъ въ исторіи. Среди жизни, полной всевозможныхъ тревоженій, гоненій, его полное самообладаніе сообщило ему достоинство и силу, которыя ужасали и уничтожали его противниковъ. Онъ поражалъ судей и властей, заставлялъ князей трепетать предъ собою, когда стоялъ предъ ними во всемъ своемъ нравственномъ величій. И даже тогда, когда онъ заключенъ былъ въ тюрьму, какъ преступникъ, душа его была свободна, хотя тѣло было связано; сердце его было полно свѣта, хотя тюрьма его покрыта была мракомъ; въ душѣ его таилась радость, изъ устъ вырывалась пѣснь. Отрѣшаясь отъ тѣхъ ужасающихъ обстоятельствъ, которыми онъ былъ тогда окруженъ, плѣнникъ въ Римѣ, которому предстояла неизбѣжная смерть за истину, онъ изъ тюрьмы пишетъ филиппійцамъ: *азъ бо навыкохъ, въ тѣхъ же есмь, доволенъ быти* (Филип. 4, 2), т. е., „я дотого побѣдилъ свою природу, что теперь счастье мое не зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Злой врагъ можетъ лишить меня свободы, но онъ не можетъ отнять у меня спокойствія ума: оно живетъ

въ глубинѣ моей души, оно со мной среди мрака темницы и звука цѣпей—и радуется меня“. Посмотрите на того же св. апостола, когда онъ стоитъ предъ Агриппой. Судилище наполнено его непримиримыми врагами, которые съ демонскою ненавистію готовы излить на него всю злобу; но онъ питаетъ лишь одну чистую любовь къ своимъ врагамъ и отъ всего сердца желаетъ имъ той радости, того спокойствія, которыя самъ испытываетъ. Чувствуя, что вѣра въ немъ—источникъ спасенія, ключъ, изъ котораго бьется ясная и свѣжая вода жизни, онъ желаетъ этого же блаженства и своимъ врагамъ. Съ величіемъ, которое кажется сверхъ-человѣческимъ, и съ любовію поднявъ свои цѣпи, въ виду ожесточенной толпы, онъ восклицаетъ: „молилъ бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и всѣ слышавшіе меня сегодня, сдѣлались такими, какъ я, кромѣ сихъ узъ“ (Дѣян. 26, 29)...

Подобная побѣда надъ самимъ собою доставитъ намъ похвалы вышихъ и благороднѣйшихъ умовъ. Настанетъ время, когда разумный міръ и судить будетъ разумно, когда человѣкъ, который одолеваетъ злую страсть, искореняетъ въ себѣ какой-нибудь порокъ или поправляетъ гибельное заблужденіе, будетъ считаться достойнымъ большихъ похвалъ, чѣмъ тѣ, которыми нынѣ награждаютъ славнѣйшихъ изъ героевъ военныхъ. Это будетъ тогда, когда мы возвратимся въ свое небесное жилище, въ небесный Іерусалимъ, съ поля битвы, на которомъ успѣшно боролись съ приманками злого міра, съ пороками, дурными наклонностями и страстями злого сердца. Тамъ насъ встрѣтятъ не грѣшныя, смертные люди, но безгрѣшныя, бессмертные ангелы; тамъ насъ почтутъ не земные цари, но Самъ Царь царей.

М. С.

Каникулярная поѣздка въ Св. Землю ¹⁾.

Обращаюсь теперь къ настоящему виду Харама и своимъ впечатлѣніямъ. Хотя поверхность горы представляетъ

¹⁾ См. № 25 за 1901 г.

ровную плоскость, но она теперь,—какъ была, вѣроятно, и въ древности,—не вполне горизонтальна: сѣверо-западный уголъ ея выше юго-восточнаго и южныхъ угловъ ея на 3 м. Западная и сѣверная стороны ея отчасти окружены домами, которые внизу имѣютъ открытыя галлерей, восточная ограничена исключительно стѣною, южная же имѣетъ постройки, занявшія мѣсто древнихъ галлерей. Средняя площадь поднята надъ вѣшнею почти на 3 м. высоты. Со всѣхъ четырехъ сторонъ на нее ведутъ лѣстницы (съ зап. 3, съ юга 2, съ вост. 1, съ сѣв. 2). Лѣстницы заканчиваются элегантными аркадами (по араб. *mawâzin*,—„вѣсы“, потому что въ нихъ на страшномъ судѣ, говорятъ, будутъ повѣшены вѣсы), которыя способствуютъ красотѣ перспективы; эти аркады соотвѣтствуютъ древнему предверію храма, насколько онѣ въ извѣстной степени уже обозначаютъ входъ во святилище. По всей площади нижней и верхней растутъ деревья—кипарисы, оливы, смоквы и другія.

Куббетъ ес-Сахра, называемая также „мечетью Омара“ (какъ увидимъ ниже—по недоразумѣнію), красива, но, признаться, меня не поразила: наслышавшись и начитавшись о ней, я ожидалъ отъ нея гораздо большаго. Снаружи это правильнѣйшій восьмигранникъ (каждая грань 20 фут. длины) съ почти полусферическимъ куполомъ, на шпигъ котораго сверкаетъ полумѣсяцъ. Отъ карниза до подоконниковъ всѣ восемь сторонъ обложены фаянсовыми ¹⁾, а оттуда до низу мраморными плитами. Своеобразное сочетаніе цвѣтовъ синяго, бѣлаго, зеленаго (по краямъ) производитъ хорошее впечатлѣніе. По фризу идутъ вокругъ большія сплетенныя арабскія надписи текстовъ изъ Корана. Въ мечети 4 двери, обращенныя къ четыремъ сторонамъ свѣта. Противъ восточныхъ дверей, называемыхъ *Давидовыми*, или *цѣтными* (*Bab Dâûd* или *Bâb eş-Silsele*), стоитъ открытый со всѣхъ сторонъ павильонъ съ

¹⁾ Фарфоровыя плитки въ первый разъ употреблены Солиманомъ Великолѣпнымъ въ 1561 году; прежде вся лицевая сторона мечети была обложена ими.

мраморнымъ мозаическимъ помостомъ и колоннами древняго происхожденія, византійскаго стиля, расположенными въ два концентрическихъ круга. Павильонъ называется *домомъ цѣпъ* (Kubbet es-Silsele), а также *мѣстомъ суда Давидова* (Meh-kemet-Dâûd). Мусульманская сага сообщаетъ, будто Соломонъ протянулъ здѣсь цѣпь или даже, что цѣпь была здѣсь повѣшена Самимъ Богомъ. Свидѣтель, который говорилъ на судѣ истину, могъ схватить ее; если же свидѣтель клятвопреступный хотѣлъ ухватиться за нее, то одно кольцо ея отрывалось: отсюда и названіе „домъ цѣпи“. Теперь, конечно, этой чудесной, легендарной цѣпи здѣсь нѣтъ... Съ южной стороны павильона, обращенной къ Меккѣ, находится молитвенная ниша, выложенная разноцвѣтными фаянсовыми плитками: это, будто бы, *судный тронъ Соломона*. Вообще, все зданіе и мозаика современны Куббетъ ес-Сахрѣ. Въ этомъ павильонѣ мы должны были совершить свое обуваніе въ туфли. Какой-то турокъ принесъ цѣлую груду изношенныхъ и истрепанныхъ туфель съ шнурками. Мы вкладывали свои ноги съ ботинками въ эти туфли и предоставляли турку завязывать ихъ на ногѣ, за что платили бакшишъ—кто по паричкѣ, а кто и больше.

Затѣмъ мы закрытымъ ходомъ вошли въ мечеть. Зданіе по своему устройству характерно. Центральное положеніе въ немъ принадлежитъ скалѣ выдающихся размѣровъ, такъ что самая мечеть есть собственно какъ бы огромный навѣсъ надъ этою святынею. Такъ какъ мечеть строилась въ VII в. и притомъ христіанскими строителями, то весьма вѣроятно, что образцомъ для нея была ротонда Гроба Господня. Что же касается восьмигранной формы зданія, то она могла быть взята изъ бывшаго на горѣ Гаразинѣ Самарянскаго храма. Внутри мечеть имѣетъ 53 м. въ поперечникѣ и дѣлится двумя концентрическими кругами опорныхъ столбовъ на три части. Первый рядъ столбовъ, который замыкаетъ внѣшній восьмиугольный корабль мечети, состоитъ изъ 8 пилястровъ и 16 колоннъ; между каждыми двумя шести-угольными пилястрами

стоитъ по двѣ колонны. Пилястры обложены мраморными плитами (со временъ Солимана Великолѣпнаго). Колонны суть монолиты изъ мрамора различныхъ цвѣтовъ, формъ и высоты; онѣ всѣ взяты изъ древнѣйшихъ сооружений, частію, можетъ быть, изъ бывшаго на этомъ почти мѣстѣ храма Юпитера, на что указываютъ и капители поздне-римскаго или ранне-византійскаго искусства. Эти столбы и колонны связаны между собою арками и балками, которыя обшиты мраморными плитами и бронзовыми листами, украшенными рѣзьбой. На стѣнахъ, прорѣзываемыхъ арками, мозаики. Богатыя пестрыя линии ихъ не поддаются описанію; среди нихъ видны гирлянды цвѣтовъ. Надъ ними широкая голубая лента, на которой по золотому полю выведены первобытныя куфическія надписи. Онѣ содержатъ стихи изъ Корана, которые имѣютъ отношеніе къ Иисусу Христу, какъ будто строитель хотѣлъ въ этомъ священномъ мѣстѣ выставить на видъ противъ современныхъ христіанъ новую мусульманскую точку зрѣнія на Христа. Здѣсь же находится и надпись о времени построенія мечети: „Во имя Бога милостиваго и милосердаго! Рабъ Божій, Абдалла Имамъ ел-Мамунъ, повелитель всѣхъ вѣрующихъ, построилъ храмъ сей въ 72 году гиджры“ (=691 г. по Р. Хр.)¹⁾

¹⁾ Такъ какъ Мамунъ только въ 170 г., послѣ бѣгства Магомета (въ 786 г.), родился, то нужно думать, что позже, при возобновленіи мечети, вмѣсто „ел-Меликъ“ было написано „ел-Мамунъ“. И арабскіе историки приписываютъ сооруженіе сего зданія этому любившему великолѣпіе халифу изъ Омайядовъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 9 іюля 1901 г.

За цензора священникъ *К. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 30.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, іюля 22-го.

Содержаніе: Роль женщины въ первоначальной и послѣдующей исторіи старообрядческаго раскола (продолженіе). — О просфорахъ на литургіи. — Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія (продолженіе).

Роль женщины въ первоначальной и послѣдующей исторіи старообрядческаго раскола ¹⁾).

Весьма любопытною по своему характеру и проявленіямъ представляется дѣятельность раскольнической женщины внѣ сферы семейной, въ средѣ, или, какъ выражался протопопъ Аввакумъ, „стадѣ“ ея единомышленниковъ и единомышленницъ. Здѣсь раскольница уже не ограничивается однимъ пассивнымъ отрицаніемъ церковныхъ новшествъ, но, поскольку вызывали ее интересы общественности, она выступаетъ съ болѣе или менѣе активнымъ противодѣйствіемъ церковнымъ преобразованіямъ и служитъ расколу болѣе или менѣе дѣятельнымъ образомъ. Взаимныя постоянныя сношенія и услуги,

¹⁾ См. № 29 за 1901 г.

поддержка другъ друга матеріальная и нравственная, укрывательство вождей раскола, увеличеніе своего „стада“ чрезъ принятіе въ него новыхъ членовъ—послѣдователей раскола, иногда организованное возстаніе за идею раскола и открытая борьба съ сторонниками церковныхъ преобразованій, завязываніе знакомствъ съ людьми сильными, эксплуатація этихъ связей въ цѣляхъ раскола—таковы главные виды этой полу-активной, если можно такъ выразиться, дѣятельности раскольницы въ кругу ея единомышленниковъ. Здѣсь кипитъ дѣятельная работа женщинъ, и вся она направлена къ торжеству раскола.

Центромъ, около котораго группировалось значительное большинство первыхъ послѣдовательницъ раскола, откуда исходили для нихъ руководственныя указанія, была мать Меланія. Болѣе другихъ проникнутая интересами общественности, она имѣла такое же значеніе для раскольницъ, какое имѣлъ Аввакумъ для всѣхъ вообще раскольниковъ. Меланія стояла во главѣ „стада“ и была руководима Аввакумомъ: онъ „крѣпко жюриль“ ее, чтобы она зорко слѣдила за своими ученицами, требуя отъ нея отчета въ ея дѣйствіяхъ¹⁾. Въ отношеніи къ нѣкоторымъ ученицамъ она стояла особенно близко. Такъ, родовитыя сестры Морозова и Урусова находились подъ ея началомъ, особенно Морозова: она была смиренной послушницей Меланіи и до самой смерти ни въ чемъ не ослушалась ея повелѣній²⁾. Въ сопровожденіи Меланіи, Морозова „тайно по темницамъ ходитъ“³⁾ пѣшими ногами, обтекаеть чудотворныя мѣста, соборы, монастыри и церкви, всюду разнося дары“⁴⁾. При первомъ же допросѣ Меланія оставила домъ Морозовой и скрылась, но сношеній съ ней не пре-

¹⁾ Мат. д. ист. раск., V, 166—170, 180.

²⁾ Тамъ же, VIII, 147—148.

³⁾ Для утѣшенія заключенныхъ за упорное противленіе церковнымъ преобразованіямъ.

⁴⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, 147—148.

кращала ни письменныхъ ¹⁾, ни личныхъ; мѣстопробываніе же ея оставалось неизвѣстнымъ властямъ, не смотря на развѣдки. Сама же, между тѣмъ, Меланія, какъ невидимка, безпрепятственно навѣщала Морозову и ея сподвижницъ въ мѣстахъ заточенія—сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Боровскѣ—и возбуждала ихъ потухавшую, быть можетъ, энергію къ настоячивому терпѣнію до конца. Морозова благословила у Меланіи на смерть, когда Меланія пришла къ ней на Печерское подворье. „Уже отходиши къ желаемому Христу, а насъ сирыхъ оставляеши“, наставительно говорила мать своей послушницѣ, заключая свою рѣчь „цѣлованіемъ ея съ рыданіемъ“. Пришедши отъ Морозовой къ Урусовой въ Алексѣевскій монастырь, она и ей слезно внушала: „гости вы у насъ любезныя! днесъ или утрѣ отходите ко Владыцѣ,—но обаче идите симъ путемъ, ничтоже сумняся“ ²⁾. Когда ожиданіе смерти не сбылось, Меланія продолжаетъ заботливо хранить въ сестрахъ ревность по вѣрѣ и рѣшимость страдать за нее. Съ цѣлію ободренія она посѣтила заключенныхъ еще два раза въ Хамовникахъ и въ Боровскѣ. Достоинно описанія это послѣднее посѣщеніе. Оно произошло въ три часа ночи и закончилось вечеромъ слѣдующаго дня. Съ приходомъ Меланіи, боровская тюрьма, по признанію Морозовой, превратилась въ „пресвѣтлую темницу“; послушница называла свою наставницу равноапостольной и засвидѣтельствовала ея значеніе для себя признаніемъ, что безъ нея—„безъ твоего,—говорила Морозова Меланіи,—наказанія не возможно намъ жизнь свою добръ правити“ ³⁾. Въ этотъ разъ Меланія, дѣйствительно, сдѣлала сестрамъ весьма цѣнное вразумленіе. Сестеръ связывали какія-то „узы брани бѣсовской“. Можетъ быть, онѣ уже ослабѣли въ своей настойчивости и помышляли о возвращеніи къ своему прежнему положенію. Меланія упрекала ихъ и убѣждала исправиться: „аще не освободитесь узъ сихъ, то не помогутъ

¹⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, 161, 171—173.

²⁾ Тамъ же, стр. 186.

³⁾ Мат. д. ист. раск., VIII, 190, 192, прим.

вамъ и сіи узы желѣзныя“. Сестры смиренно внимали совѣтамъ своей наставницы: Морозова держала ее лѣвую руку, а Урусова правую и, обливаясь слезами, обѣ непрестанно лобызали эти руки. Поученіе имѣло силу убѣжденія: Морозова еще разъ засвидѣтельствовала о необходимости для всѣхъ и пользѣ пастырства Меланіи ¹⁾. Слова Морозовой не были преувеличеніемъ. Значеніе руководительницы Меланіи имѣла не для нея только одной, а и для многихъ другихъ раскольницъ. Стоя во главѣ ученицъ Аввакума, Меланія не была, правда, игуменьей ихъ въ томъ монастырѣ, который составляли онѣ. Совмѣщеніе этой должности было бы затруднительно для нея съ тѣми отлучками изъ монастыря, которыя она довольно часто дѣлала по раскольническимъ дѣламъ. Мы видимъ, что она неоднократно появляется то въ Москвѣ, то въ Боровскѣ для ободренія Морозовой и Урусовой; она сносится затѣмъ съ вѣтковскими раскольниками—привозить „къ Іоасафу попу“ антминсы на освященіе Покровской церкви ²⁾. Но значеніе ея тѣмъ не менѣе признавалось и было велико и въ монастырѣ. Сама игуменья Анисія должна была оказывать послушаніе Меланіи, „не разсуждая о величествѣ сана своего, яко боярышня“ ³⁾. „Имѣй послушаніе къ матери и сестрамъ“,—писалъ ей Аввакумъ... „Куда великая (Меланія) пошлетъ, благословеніе принявъ, со усердіемъ бѣги“ ⁴⁾... Меланіи же поручалъ онъ разслѣдованіе распрей между сестрами и примиреніе ихъ въ наиболѣе затруднительныхъ случаяхъ. Такъ извѣстная намъ Елена Хрущева, находясь уже въ монастырѣ Анисьи послѣ бѣгства изъ Вознесенскаго монастыря и укрывательства въ домѣ Морозовой, возстала противъ сестры Анисьиной Ксеніи Гавриловны, которая, овдовѣвъ, вступила въ бракъ и, вѣроятно, обвѣнчалась въ церкви: Елена, воспи-

¹⁾ Тамъ же, стр. 193, прим.

²⁾ Братск. Слово, 1889 г., № 7, стр. 507.

³⁾ Мат. д. ист. раск., V, 167.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 168—169.

ды ревностью, разлучила ее съ мужемъ и чуть не уморила рожденнаго ею младенца. Аввакумъ особымъ посланіемъ изъ Пустозерска вразумлялъ Елену и наложилъ на нее тяжкую митинію; кромѣ того, поручалъ ее особому смотрѣнію Меланіи: „Меланія!.. смири безчинницу-то,—писалъ онъ ей:—на то она надъ крестьяны играетъ?“ Но „не яко врага ея имѣй, но яко искреннюю“¹⁾. Подобныя порученія, особенно если имѣть въ виду, что они давались Меланіи на ряду съ такими расколоучителями, какъ игумень Сергій или попъ Досифей²⁾, выдвигаютъ эту раскольницу на видное мѣсто среди этихъ послѣднихъ и сами собою говорятъ о ея важной роли въ первоначальной исторіи старообрядческаго раскола.

Въ болѣе или менѣе дѣятельномъ служеніи на общую пользу раскольническаго стада не отставали отъ Меланіи и другія раскольницы. Урусова и Морозова въ разное время взаимно подкрѣпляли другъ друга на твердое стояніе за „старину“³⁾. Княгиня сумѣла даже выйти изъ своего заточенія (Алексѣевского монастыря) и проникнуть на Печерское по-дворье, къ заключенной тамъ сестрѣ, для того, чтобы поплакать съ нею, побесѣдовать и этимъ укрѣпитъ ее на подвиги⁴⁾. Княгиню Урусову сопровождаетъ сюда на свиданіе съ Морозовой Елена Хрущева. Послѣ Елена предпринимаетъ отважныя и опасныя походы къ этимъ заточницамъ въ Боровскъ. Она присутствовала и на послѣднемъ свиданіи ихъ, незадолго передъ смертью, съ матерью Меланіей⁵⁾. Взаимопомощь—какъ нравственная, такъ и матеріальная—составляетъ вообще отличительную черту всѣхъ женщинъ—первоначальныхъ послѣдовательницъ раскола. Этимъ своимъ качествомъ онѣ сослужили большую службу дѣлу раскола, содѣйствуя его развитію и укрѣпленію.

¹⁾ Мат. для ист. раск., VIII, 94, 95.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Мат. для ист. раск., VIII, 153—4, 160, 183.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 175.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 170, примѣч. 2; 175, 192.

Меланьина обитель снабжала разными дарами самого протопопа Аввакума—церковною одеждой, малиной, лакомиться которою любилъ Аввакумъ Петровичъ, и многимъ другимъ ¹⁾). Благотворительностью болѣе другихъ отличалась боярыня Феодосья Морозова. Къ ней обращались съ ходатайствами и просьбами, и она всегда искала случая быть полезной. Морозова укрывала въ своемъ домѣ Аввакума, когда онъ возвратился изъ ссылки: „у свѣта, у Феодосьи Прокопьевны Морозовой не выходя жилъ во дворѣ“—говорить самъ протопопъ ²⁾). У нея же секретно привитала Елена Хрущева послѣ бѣгства изъ Вознесенскаго монастыря ³⁾). Она дала пріютъ въ своемъ домѣ юродивому Теодору, когда его выпустили, по распоряженію царя, изъ Чудова монастыря ⁴⁾). Морозова сужала деньгами и разными вещами бѣдствовавшихъ жену и дѣтей Аввакума ⁵⁾, какими-то вещами епископа Вятскаго Александра ⁶⁾). Извѣстный расколуучитель игумень Феоктисть просить у нея себѣ и старцу Аврамію „манатьи съ клубками“, „черническаго сукна“ и „кровельку“. Архимандритъ Антоній также былъ одолженъ ей милостями ⁷⁾). Тотъ и другой величаютъ Морозову, въ просительномъ и благодарномъ посланіяхъ, „кормилицей“, „ластовицей церковной“ ⁸⁾ и т. п. Выше мы уже упоминали, что боярыня посѣщала по ночамъ тюрьмы и разносила дары заключеннымъ въ нихъ за упорное

¹⁾ Тамъ же, V, 170.

²⁾ Мат. для ист. раск., V, 65.

³⁾ Тамъ же, VIII, 170, прим. 2

⁴⁾ Житіе прот. Аввакума по списку Казанской дух. Академіи, Ур. Чт., 1888, ч. II, стр. 587. Имѣли пріютъ у Морозовой и два другіе юродивые—Кириавъ и Аванасій.

⁵⁾ Мат. для ист. раск., V, 194.

⁶⁾ Тамъ же, т. I, 313—314. Между ними было какое-то сочиненіе противъ новоисправленныхъ книгъ, которое привезъ на Вятку къ еп. Александру отъ Морозовой златоустовскій игумень Феоктисть для просмотра и исправленія. См. тамъ же.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 318, 452—453.

⁸⁾ Мат. д. ист. раск., I, стр. 309—317 и др.

отрицаніе церковныхъ преобразованій¹⁾; этимъ благотвореніемъ она, несомнѣнно, во многихъ сохранила вѣрность расколу до конца. Въ домѣ ея находили себѣ пріютъ не единичныя личности, а цѣлыя компаніи приверженныхъ расколу лицъ. Такъ, у нея секретно привитала „пятерица инокинь изгнанныхъ“²⁾: это были, вѣроятно, инокини, изгнанные изъ Вознесенскаго монастыря за участіе въ церковномъ мятежѣ Елены Хрущевой противъ игуменьи. Какъ бѣглецки, онѣ и скрывались въ домѣ Θεодосіи Морозовой; благодаря ея укрывательству, избѣгли преслѣдованія со стороны властей и сохранились для пагубной дѣятельности въ расколѣ. Изъ указанныхъ фактовъ достаточно открывается, насколько широко простиралась дѣятельность Морозовой въ интересахъ раскола.

Подобно Морозовой, и другія женщины-раскольницы не забывали своихъ братьевъ и сестеръ въ несчастіи. Нѣкоей Маремьянѣ Θεодоровнѣ Аввакумъ былъ особенно благодаренъ за оказаніе помощи его женѣ и дѣтямъ³⁾. Эта Маремьяна имѣла близкія сношенія съ однимъ изъ видныхъ вождей раскола—Козьмою, попомъ церкви Всѣхъ Святыхъ въ Кулишахъ, уведшимъ послѣ свой приходъ въ Стародубье⁴⁾.

За спиной Θεодосіи Прокопьевны скрывалась тайная благотѣлительница еп. Вятскаго Александра, какая-то вліятельная женщина изъ фамиліи Милославскихъ—Анна Петровна Милославская, благотворившая противнику Никона по просьбѣ Морозовой и чрезъ ея посредство. Аввакумъ въ своей автобіографіи рассказываетъ, что, по возвращеніи своемъ изъ Сибири въ Москву, онъ часто бывалъ у этой особы въ ея домѣ⁵⁾; а Морозова извлекаетъ выгоды изъ своего знакомства съ нею въ пользу раскола. Такъ, игумень Θεоктисть въ двухъ сво-

¹⁾ Тамъ же, т. VIII, стр. 147—148.

²⁾ Тамъ же, т. VIII, 158; ср. стр. 170, примѣч. 2.

³⁾ Тамъ же, т. V, стр. 195.

⁴⁾ Мат. д. ист. раск., V, 196.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 66.

ихъ посланіяхъ къ Морозовой, прося у нея помощи для домовыхъ людей „отца епископа Александра“, лишенныхъ крова и скитавшихся по посадскимъ людямъ, и справки по двумъ вопросамъ: приняты ли мѣры для освобожденія Аввакума изъ ссылки, и правда ли, что епископъ Александръ возведенъ въ архіепископа; просить въ то же время *ходатайства предъ Анною Петровною*, чтобы и она оказала посильную помощь епископу въ домовыхъ его дѣлахъ и въ добытіи означенныхъ справокъ¹⁾. Изъ содержанія посланія видно, что расколоучители очень далеко заходили въ эксплуатаціи своего знакомства съ знатными приверженицами раскола и могли достигать чрезъ ихъ посредство очень значительныхъ льготъ себѣ. Игумень Θεоктистъ направляетъ свою просьбу чрезъ посредство Морозовой не только къ Аннѣ Петровнѣ Милославской, но и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ и между ними къ боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому, къ которому Анна Петровна имѣла, очевидно, близкое отношеніе. А этотъ бояринъ былъ тестемъ царя Алексѣя Михайловича и Бориса Морозова. Какъ онъ, такъ и Анна Петровна были, слѣдовательно, самыми приближенными къ царю лицами и могли входить къ нему съ раскольническими просьбами чрезъ посредство царицы Марьи Ильиничны, дочери Ильи Даниловича. Восходили ли означенныя лица къ царю съ тѣмъ ходатайствомъ, о которомъ просилъ ихъ Θεоктистъ чрезъ посредство Морозовой, остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, оно не имѣло на этотъ разъ успѣха: Аввакумъ изъ ссылки (изъ Пустозерска—второй ссылки, въ которую Аввакумъ, возвратившійся изъ Дауріи, посланъ былъ за то, что, живя въ Москвѣ, слишкомъ открыто дѣйствовалъ въ пользу раскола) не былъ возвращенъ²⁾, и Александръ, епископъ Вятскій, въ архіепис-

¹⁾ Мат. д. ист. раск., т. I, стр. 310—312, 317.

²⁾ Вслѣдствіе этого, можетъ быть, ходатайства и челобитныхъ Григорія Неронова и самого Аввакума, ему было дозволено остаться на Мезени, не доѣзжая до Пустозерска. См. Мат. д. ист. раск., т. I, стр. 314, прим. 3.

своца произведенъ не былъ. Но были случаи, когда царственныя приверженницы раскола оказывали его послѣдователямъ немаловажныя услуги. Такъ, извѣстно, что царица Марья Ильинична и сестра царя Ирина Михайловна заступались предъ царемъ за сестеръ Морозову и Урусову¹⁾,—и результатомъ этого заступничества было то, что сестры „получали ослабу“ въ своемъ тяжеломъ положеніи²⁾. Можно думать, что самъ протопопъ Аввакумъ былъ возвращенъ изъ Сибири—мѣста первой его ссылки, благодаря заступничеству тѣхъ же царственныхъ лицъ, которыя къ нему были расположены, какъ и всѣ вообще бояре³⁾. Не напрасно, конечно, и Феоктистъ называетъ Анну Петровну Милославскую своей „кормилицей“ въ томъ же посланіи къ Морозовой.

Не удивительно, что, вслѣдствіе покровительства расколу такихъ высокихъ лицъ, ученицы Аввакума свили себѣ гнѣздо въ самомъ Кремлѣ, по сосѣдству съ патриаршими келліями и царскимъ дворцомъ, въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ и жили безнаказанно и даже учинили церковный мятежъ, очень хитро задуманный и смѣло выполненный. Среди сестеръ этой обители ревнительницы раскола составляли довольно примѣтную числомъ партію. Когда послѣ собора 1666 г. присланы были въ монастырь новоисправленныя книги, и игуменья потребовала читать и пѣть по нимъ, взыскивая съ непослушныхъ, противъ нея возсталъ предводительница послѣднихъ—уставщица Елена Хрущева. Она потребовала отъ клирошанокъ, чтобы онѣ не ходили „въ церковь на соборъ для-ради новаго пѣнія“; приказывала пѣть и читать въ церкви по-старому, а если начиналась служба по новымъ книгамъ, оставлять церковь и у себя въ келліяхъ править службу по-старому, какъ и поступала сама. Многія клирошанки послѣдовали ея приказанію и примѣру,—и игуменья не въ силахъ оказалась

¹⁾ Мат. д. ист. раск., т. VIII, стр. 147, 190.

²⁾ Тамъ же, стр. 147.

³⁾ Тамъ же, т. V, стр. 59.

справиться съ послушницами. Елена же не удовлетворилась этимъ и захотѣла избавиться отъ игуменьи, надѣясь, вѣроятно, что ея мѣсто займетъ какая-нибудь старица изъ Аввакумова „стада“, и тогда можно будетъ устранить изъ употребленія въ монастырѣ новыя книги. Съ этой цѣлю она подала, какъ намъ уже извѣстно, ложный извѣтъ государю и митрополиту Крутицкому Павлу на игуменью Маремьяну, что будто бы она сама не велитъ служить въ монастырѣ по новоправленнымъ книгамъ. Игуменья Маремьяна должна была оправдываться предъ царемъ особой челобитной, и дѣло кончилось не въ пользу Елены и ея единомышленницъ ¹⁾. Потерпѣвъ неудачу, онѣ оставили монастырь въ числѣ пяти или болѣе лицъ и скрылись въ домѣ боярыни Морозовой, а потомъ поступили въ обитель Анисіи. Не забудемъ, что этотъ церковный мятежъ раскольницы учинили въ Москвѣ, у самаго средоточія церковной и гражданской власти, и въ то время, когда даже въ Сибири уже служили по новоправленнымъ книгамъ. До такой дерзости онѣ могли дойти, очевидно, вслѣдствіе покровительства расколу со стороны знатныхъ и сильныхъ лицъ, каковыми были: царица, сестра царя, боярыня Милославская и многіе другіе бояре и боярыни.

Преп. А. Влѣтнѣ.

(Продолженіе будетъ).

О просфорахъ на литургіи.

Въ настоящее время, въ богослужебной практикѣ Православной Церкви, при совершеніи таинства евхаристіи, употребляется пять просфоръ. Одна изъ нихъ назначается для агнца, а изъ остальныхъ четырехъ изъемятся частицы въ честь совершенныхъ членовъ Церкви—Божіей Матери и святыхъ и въ жертвы за несовершенныхъ членовъ Церкви—

¹⁾ Братское слово, 86 г., 2 т., стр. 498 - 500.

живыхъ и умершихъ. Съ послѣднею цѣлью вѣрующими можеть быть приносимо къ алтарю неограниченное число просфоръ. Св. агнецъ и изъятія изъ просфоръ частицы при проскомидіи полагаются на св. дискосѣ въ опредѣленномъ порядкѣ, который выражаетъ мысль о единствѣ Церкви—торжествующей и воинствующей—подъ единою Главою ея Господомъ Исусомъ Христомъ. „Въ божественномъ образѣ и дѣйствіи священной проскомидіи“, разсуждаетъ блаж. Симеонъ Солунскій, „мы видимъ нѣкоторымъ образомъ Самого Исуса, созерцаемъ и всю единую Церковь Его. Въ средоточіи всего видимъ Его, истинный свѣтъ, вѣчную жизнь, Имъ же стяжанную, освящаемую и хранимую: ибо Самъ Онъ присутствуетъ здѣсь подъ образомъ хлѣба, полагаемаго на срединѣ. Частицею же съ правой стороны изобразуется Матерь Его; съ лѣвой—святые...¹⁾; а вверху—благочестивое собраніе всѣхъ уѣвровавшихъ въ Него. Здѣсь великая тайна: Богъ посредѣ людей, и Богъ посредѣ боговъ, получившихъ обоженіе отъ истиннаго Бога—по естеству воплотившагося ради нихъ. Здѣсь—будущее царство и откровеніе вѣчной жизни. Богъ зрится и пріемлемъ бываетъ нами“²⁾. На литургіи, послѣ пресуществленія св. Даровъ и соединенія св. Тѣла со св. Кровію, частицы влагаются въ потиръ и освящаются, соединяясь съ св. Дарами. Соединеніе частицъ за несовершенныхъ членовъ Церкви со св. Дарами служитъ символомъ того, что, по молитвамъ Церкви, имъ усвоются крестныя заслуги Спасителя, и они получаютъ оставленіе грѣховъ и надежду вѣчной, бла-

¹⁾ Блаж. Симеонъ Солунскій добавляетъ: и „ангелы“, считая необходимымъ приносить и за нихъ частицу. Но принять мнѣніе Симеона Солунскаго нельзя, такъ какъ общій голосъ Церкви противъ номинованія ангеловъ на евхаристіи (см. объ этомъ въ солидномъ изслѣдованіи С. Д. Муретова: „О номинованіи безлотныхъ силъ на проскомидіи“, Москва, 1897 г.).

²⁾ Писанія св. отцевъ и учителей Церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія; т. II, Сиб., 1856 г., стр. 128—129 и ранѣе, стр. 123.

женной жизни. Частицы, „приносимыя за вѣрныхъ“,—свидѣтельствуется блаж. Симеонъ Солунскій, передавая ученіе объ этомъ предметѣ, „дошедшее къ намъ отъ отцевъ“,—„почившимъ служить въ отпущеніе грѣховъ и единеніе божественной благодати, а живымъ, если только они благоустроятъ жизнь свою покаяніемъ, въ освобожденіе отъ бѣдъ, въ отпущеніе грѣховъ, въ надежду вѣчной жизни“¹⁾. Другое значеніе имѣють частицы, приносимыя за совершенныхъ членовъ Церкви. Онѣ не имѣють умилоствительнаго значенія за нихъ предъ Богомъ отъ лица земной Церкви. Соединеніемъ ихъ съ Тѣломъ и Кровію Христа только „означается, что Матерь Божія и святые пріемлютъ близкое и живое участіе съ вѣрными въ благодарственномъ воспоминаніи смерти и воскресенія Господа, даровавшаго спасеніе всему міру; съ симъ вмѣстѣ призываются и къ молитвѣ объ умершихъ и живыхъ, чтобы Господь омылъ грѣхи поминавшихся на литургіи—живыхъ и умершихъ (но не прославленныхъ), омылъ кровію Его честною, омылъ молитвами святыхъ“²⁾.

Вѣрованіе въ благодарственно-хвалебное и искупительно-умилоствительное значеніе евхаристіи жертвы всегда составляло непререкаемый догматъ св. Церкви. Всегда Церковь прославляла совершенныхъ членовъ своихъ, прославленныхъ Богомъ, и обращалась къ нимъ съ молитвою о тепломъ предствительствѣ ихъ за грѣшный міръ предъ лицемъ Божиимъ, а за несовершенныхъ и грѣшныхъ членовъ своихъ—какъ живыхъ, такъ и умершихъ—сама молитвенно ходатайствовала къ Творцу и Спасителю въ надеждѣ на безмѣрное милосердіе Его. Но всегда ли это вѣрованіе получало наглядное, внѣш-

¹⁾ Писанія св. отцевъ и учителей Церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія, т. III, Сиб., 1857 г., стр. 56.

²⁾ Отвѣтъ редакціи Церковныхъ Вѣдомостей на вопросъ: можно ли признавать за проскомидійными частицами святыхъ значеніе, возвышающее ихъ нравственное совершенство и восполняющее ихъ блаженство на небѣ?—Церк. Вѣд. за 1893 г. № 30, стр. 1107—1108. См. „О поминованіи безплотныхъ силъ“ С. Д. Муретова, стр. 71—72.

нее выраженіе въ тѣхъ дѣйствіяхъ и свящ. обрядахъ, которыми сопровождается нынѣ принесеніе евхаристіиной жертвы? Другими словами, современно ли изытіе особыхъ частицъ и соединеніе ихъ съ евхаристіиною жертвою началу и учрежденію этой жертвы, или явилось позднѣе и стало входить въ церковную практику постепенно, вмѣстѣ съ развитіемъ и выработкою всей вообще *внѣшней* стороны богослуженія?

Для рѣшенія этого вопроса необходимо обратиться къ исторіи православно-христіанскаго богослуженія и по древнимъ памятникамъ богослуженія церковей Греческой и Русской сдѣлать соотвѣтствующія справки, которыя и дадутъ матеріаль для того или другого отвѣта на поставленный вопросъ.

Таинство евхаристіи установлено Самимъ Иисусомъ Христомъ. Предъ самыми страданіями Своими, Спаситель міра и Божественный Учитель совершилъ вечерю съ Своими возлюбленными учениками и на этой вечери установилъ святѣйшее таинство евхаристіи. Какъ повѣствуютъ евангелисты, Иисусъ Христосъ пріялъ въ Свои пречистыя руки *хлбъ*, благословилъ его, преломилъ и, раздавая ученикамъ, сказалъ: *примите, ядите, сіе есть тѣло Мое*. Затѣмъ пріялъ чашу и, воздавъ хвалу, подалъ ученикамъ Своимъ со словами: *пійте отъ нея вси: сія бо есть кровь Моя новаго завета, яже за вы* (Лук. XXII, 20) *и за мноія* (Мѳ. XXVI, 28. Мр. XIV, 24) *изливаемая, во оставленіе грѣховъ* (Мѳ. XXVI, 26—28. Мр. XIV, 22—24. Лук. XXII, 11—29). Какъ видимъ, Иисусъ Христосъ не только установилъ существо таинства евхаристіи, но указалъ и внѣшнюю форму, подъ которою оно должно было совершаться *во вся дни, до скончанія вѣка*, послѣдователями Христа *въ Его воспоминаніе*. Своимъ примѣромъ Иисусъ Христосъ указалъ на *хлбъ* и *вино*, какъ на вещества для евхаристіи, а образъ совершенія евхаристіи Иисусомъ Христомъ послужилъ основою, на которой впоследствии развился полный и подробный „чинъ“ богослуженія евхаристіи.

Богослужебная практика первенствующей Церкви относительно таинства евхаристіи была именно такова, какую

указаль Иисусъ Христосъ. Для евхаристіи требовался *одинъ* только хлѣбъ и чаша вина. Хлѣбъ этотъ выбирался служителями Церкви изъ числа хлѣбовъ, приносимыхъ вѣрующими къ жертвеннику, какъ самый лучшій, и прелгался въ Тѣло Христово молитвою и благословіемъ совершителя таинства. При этомъ Церковь возносила молитвы за всѣхъ членовъ своихъ и въ частности за лицъ, приносившихъ къ жертвеннику св. Дары. Свидѣтельствомъ богослужебной практики апостольскаго вѣка служатъ выраженія, напр., въ посланіяхъ св. апостола Павла, изъ которыхъ видно употребленіе при евхаристіи *одного* хлѣба, преллагаемаго въ Тѣло Христово. *Чаша благословія, юже благословляемъ, не общеніе м Крове Христовы есть: хлѣбъ, еюже ломимъ, не общеніе м Тѣла Христова есть; яко единъ хлѣбъ, едино тѣло есмь мнози: вси бо отъ единаго Тѣла причащаемся* (1 Кор. X, 16—17). *Емжеды бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію пьете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже приидеть* (1 Кор. XI, 26, и дал. ст. 27—29). Съ практикой въ вѣкъ мужей апостольскихъ можетъ познакомить насъ не такъ давно обнаруженное ученымъ Никомидійскимъ митрополитомъ Филоеемъ Вриеніемъ „Ученіе двѣнадцати апостоловъ“, памятникъ христіанской письменности начала или середины 2-го вѣка. Въ этомъ памятникѣ, между прочимъ, описывается и евхаристія въ томъ, вѣроятно, видѣ, какъ она совершалась тогда. „А что касается до евхаристіи“, читаемъ въ IX главѣ „Ученія двѣнадцати апостоловъ“, „то благодарите слѣдующимъ образомъ. Сперва относительно чаши: Благодаримъ Тебя, Отецъ нашъ, за святой виноградъ Давида, Отрока Твоего, который (виноградъ) Ты явилъ намъ чрезъ Иисуса Отрока Твоего. Тебѣ слава во вѣки! А относительно преломляемаго хлѣба: Благодаримъ Тебя, Отецъ нашъ, за жизнь и вѣдѣніе, которыя Ты явилъ намъ чрезъ Иисуса Отрока Твоего. Тебѣ слава во вѣки! Какъ сей преломляемый хлѣбъ былъ разсѣянъ (въ зернахъ) на холмахъ и соединенъ во-едино, такъ да будетъ соединена Твоя Церковь отъ концовъ земли въ Твое царство, потому что Твоя есть слава

и сила чрезъ Иисуса Христа во вѣки¹⁾. Отсюда мы убѣждаемся, что при евхаристіи употреблялся *одинъ* хлѣбъ и въ половинѣ второго вѣка. То же самое подтверждаетъ Аполонія св. Іустина мученика и философа, скончавшагося въ 163 году, который, слѣдовательно, даетъ намъ знать о богослужебныхъ порядкахъ того же второго вѣка. Св. Іустинъ мученикъ два раза описываетъ евхаристію—сначала въ связи съ таинствомъ крещенія, а затѣмъ отдѣльно—евхаристію въ воскресный день („въ такъ называемый день солнца“). И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ сообщаетъ опять-таки объ одномъ хлѣбѣ и чашѣ вина, какъ веществахъ для таинства евхаристіи. „Но окончаніи молитвъ („какъ о себѣ, такъ и о просвѣщенномъ и о всѣхъ другихъ, повсюду находящихся“) мы привѣтствуемъ другъ друга лобзаніемъ. Потомъ къ предстоятелю братій приносится хлѣбъ и чаша воды и вина; онъ, взявъ это, возсылаетъ именемъ Сына и Духа Святаго хвалу и славу Отцу всего и подробно совершаетъ благодареніе за то, что Онъ удостоилъ насъ этого... Послѣ благодаренія предстоятеля... такъ называемые у насъ діаконы даютъ каждому изъ присутствующихъ причащаться хлѣба, надъ которымъ совершено благодареніе, и вина и воды, и относятъ къ тѣмъ, которые не присутствовали. Пища эта у насъ называется евхаристіей, и никому другому не позволено участвовать въ ней, какъ только тому, кто вѣруетъ въ истину нашего ученія и омылся омовеніемъ въ оставленіе грѣховъ и въ возрожденіе, и живетъ такъ, какъ предаль Христосъ“...²⁾ „Когда окончимъ молитву, тогда, какъ я выше сказалъ, приносится хлѣбъ и вино и вода; и предстоятель также возсылаетъ мо-

¹⁾ Ученіе двѣнадцати апостоловъ. Новооткрытый памятникъ древней церковной литературы въ переводѣ съ греческаго, съ введеніемъ и примѣчаніями. К. Д. Попова, изд. 2. Кіевъ, 1885 г., стр. 34.

²⁾ 1 Апол., гл. 65 и далъ Собраніе древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ въ переводѣ на русскій языкъ. Спб., 1874 г. Введеніе, стр. 40—41. Условія для участія въ таинствѣ евхаристіи, указываемыя св. Іустиномъ, совпадаютъ съ условіями, представленными въ „Ученіи двѣнадцати апостоловъ“. См. стр. 13—14 изслѣдованія К. Д. Попова.

литвы и благодареніи, сколько онъ можетъ, а народъ подтверждаетъ, говоря: аминь; затѣмъ слѣдуетъ раздѣленіе каждому и причащеніе Даровъ, надъ которыми совершено благодареніе, а къ неприсутствовавшимъ они посылаются чрезъ діаконовъ“ 1).

(Продолженіе будетъ).

И. Пильмовъ.

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ²⁾).

По словамъ одного священника Екатеринославской епархіи, ведшаго собесѣдованія въ мѣстной приходской школѣ, сочувствіе и любовь къ нимъ прихожанъ были настолько велики, что „ни далекое разстояніе отъ училища, ни грязь, ни стужа—ничто не удерживало поселянъ въ домахъ: приходили (на собесѣдованія) даже изъ сосѣдняго села“ *). По словамъ свящ. В. Заколпскаго, онъ тоже не безъ колебанія и смущенія приступилъ къ открытію внѣбогослужебныхъ собесѣдованій. „Не отягощу ли я рабочій народъ своими бесѣдами?—такъ думалъ онъ предъ открытіемъ въ своемъ приходѣ собесѣдованій:—что, если прихожане не изъявятъ сочувствія къ этимъ собесѣдованіямъ? что, если въ народѣ на призывъ мой къ собесѣдованію произойдетъ непріятный говоръ и ропоть, и мнѣ прямо скажутъ: батюшка, у насъ нынѣ пора рабочал (бесѣды открыты о. Заколпскимъ 20 мая 1879 года); въ праздникъ, помолясь Богу, намъ скорѣе хочется отдохнуть, мы пришли въ церковь изъ дальнихъ деревень: довольно, что ты насъ и въ церкви поучаешь, а тутъ еще затѣваешь какое-то новое дѣло, даешь намъ лишній трудъ?“ Но всѣ эти опасе-

²⁾ Собраніе др. литургій..., стр. 42.

²⁾ См. № 28 за 1901 г.

*) *Гончаровъ В.*, свящ.: „О воскресныхъ собесѣдованіяхъ съ прихожанами“ (Екатериносл. еп. вѣд., 1878 г., № 4).

нія о. Заколискаго оказались совершенно напрасными. Прихожане отнеслись къ новому дѣлу весьма сочувственно и стали собираться на собесѣдованія во множествѣ *).

Узнавъ предварительно настроеніе, съ какимъ относятся прихожане къ частному предложенію относительно введенія внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, священникъ, если встрѣтитъ сочувствіе народа, можетъ приступить и къ самому открытію собесѣдованій. Съ этою цѣлю, въ тотъ воскресный или праздничный день, когда впервые должны будутъ начаться собесѣдованія, священникъ послѣ литургіи долженъ объявлять прихожанамъ о своемъ рѣшеніи, указавъ необходимость, значеніе и пользу внѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ краткомъ поученіи, а также мѣсто и время собесѣдованій. Такъ поступали почти всѣ священники, сообщавшіе печатно о введеніи у себя въ приходѣ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій. По своей простотѣ и искренности, всего болѣе обращаетъ на себя вниманія сообщеніе объ открытіи собесѣдованій свящ. А. Грацинскаго (Казанской епархіи). О. Грацинскій, рѣшившись на открытіе внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, обратился, какъ онъ самъ сообщаетъ, къ своимъ прихожанамъ въ храмѣ приблизительно съ слѣдующими немногими, простыми, но сильными словами: „вы сами называете себя людьми темными, въ дѣлахъ вѣры ничего не знающими; и такъ какъ въ школѣ вы не учились, то, дѣйствительно, многіе изъ васъ многого, относящагося къ вѣрѣ, не знаютъ и не понимаютъ; называетесь, примѣрно, христіанами, но знаете ли, что такое христіанинъ, каковы его обязанности и назначеніе? Знаете ли и понимаете ли молитвы, заповѣди, значеніе совершаемаго богослуженія?—А знать все это и многое другое и понимать—полезно и необходимо“.—„Гдѣ же намъ, батюшка, знать?—сказали крестьяне:—мы ужь такъ, вѣрно, и состаримся, и

*) *Костыкинъ В.*, свящ.: „Внѣбогослуж. собес. пастыренъ съ прихож. во Владимірской еп., по отзывамъ самихъ священниковъ, ведущихъ оныя собесѣдованія“ (Владимірск. еп. вѣд., 1880 г., № 9).

умремъ: вѣдь намъ *никто никогда* (sic) о томъ ничего не говорилъ, въ школѣ же мы не учились“.—„Такъ, други, вотъ вы и сами сознаетесь, что въ дѣлѣ вѣры ничего не знаете, и говорите, что никто тому васъ не училъ, никто о томъ вамъ не говорилъ; какъ же теперь быть?—Нѣтъ, други, учиться вамъ въ школѣ, дѣйствительно, поздно; но мы, если желаете, вотъ что сдѣлаемъ: съ сегодняшняго же дня начнемъ по воскреснымъ днямъ собираться вести собесѣдованія, на которыхъ и буду говорить вамъ о томъ, что для васъ полезно, назидательно и спасительно... Итакъ, съ сегодняшняго дня наши воскресныя бесѣды будутъ считаться открытыми, и кто желаетъ себѣ добра, приходи и слушай; прошу передать о томъ и другимъ, и если съ вашей стороны на этотъ разъ будетъ сочувствіе и вниманіе, то это будетъ служить для меня утѣшеніемъ и лучшимъ за мой трудъ вознагражденіемъ“ *). Эти слова священника Грацинскаго, обращенныя имъ къ своимъ прихожанамъ, могутъ служить вообще образцомъ и какъ бы конспектомъ начальныхъ пастырскихъ рѣчей, извѣщающихъ прихожанъ объ открытіи вѣббогослужебныхъ собесѣдованій. Указаніе на темноту народа и необходимость для него религіознаго просвѣщенія, понятіе о вѣббогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, ихъ пользѣ и значеніи, указаніе на мѣсто и время собесѣдованій, приглашеніе прихожанъ къ усердному посѣщенію и слушанію ихъ—вотъ приблизительное содержаніе той рѣчи, съ которой можетъ обратиться къ народу священникъ, извѣщая прихожанъ объ открытіи собесѣдованій.

Внушая сначала мысль о вѣббогослужебныхъ собесѣдованіяхъ своимъ прихожанамъ частнымъ образомъ, священникъ

*) *Грацинскій А.*, свящ.: „Воскресныя чтенія въ приходѣ Троицкой церкви села Кошекъ, Спасскаго уѣзда“ (Извѣстія по Казанск. еп., 1879 г. № 6).—Почти такими же рѣчами извѣщали своихъ прихожанъ и другіе священники, напр.: *Орловскій Д.*, свящ.: „Начало вѣббогослужебныхъ собесѣд. въ церкви Городищенскаго завода“ (Кіев. еп. вѣд., 1881 г. № 44) и др.

уже будетъ знать, какъ велико сочувствіе народа къ этому виду проповѣдничества. Совершенно безъ сочувствія священникъ не можетъ остаться. Правда, по словамъ нѣкоторыхъ проповѣдниковъ, внѣбогослужебныя бесѣды ихъ на первыхъ порахъ терпѣли яко бы неудачи и оставались почти безъ слушателей *). Но изъ тѣхъ же самыхъ сообщеній этихъ священниковъ видно, что у нихъ на собесѣдованіяхъ все же бывало не менѣе 15—20 человѣкъ, и что и это-то мнимое несочувствіе народа зависѣло исключительно оттого, что сами же священники не подготовляли народъ къ открытію собесѣдованій, не извѣщали объ ихъ началѣ. Да и присутствіе 15—20 человѣкъ не должно смущать и охлаждать ревности пастыря, если онъ дѣйствительно проникнуть искренней заботой о спасеніи ввѣренныхъ его руководству душъ, а не ищетъ своей личной славы, своей личной выгоды. Для пастыря никакое собесѣдованіе не должно казаться напраснымъ, будетъ ли оно ведено предъ цѣлымъ сонмомъ слушателей, или же предъ самымъ ограниченнымъ числомъ ихъ, лишь бы эти немногіе имѣли искреннее желаніе расширить свои религіозныя познанія и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшить свою нравственную жизнь. „Не маловажно,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—спасти и одну овцу“. По ученію же Самого Спасителя, „на небесахъ болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяноста девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи“ (Лук. 15, 7). Притомъ же, предпріятіе, неуспѣшное въ началѣ, можетъ въ послѣдствіи значительно превзойти ожиданія начинающаго. По словамъ тѣхъ же священниковъ, когда народъ ознакомился съ внѣбогослужебными собесѣдованіями, то сталъ посѣщать ихъ уже не въ количествѣ 15—20 человѣкъ, а цѣлыми массами, отъ 100 до 600 человѣкъ. Благословеніе Божіе никогда не оставитъ ис-

*) *Тихомировъ І.*, свящ., „Прав. Обзор.“, 1862 г., II ч; *Казминъ К.*, свящ.: „Внѣбогослужебн. собесѣд. въ селѣ Бутурлиновкѣ“ (Воронежск. еп. вѣд., 1887 г., № 10).

кренніе, посильные труды пастыря въ дѣлѣ религіозно-правственнаго просвѣщенія прихожанъ *).

Въ тѣхъ же крайнихъ случаяхъ, когда священникъ, дѣйствительно, увидить, что среди его прихожанъ влеченія и интереса къ слушанію Слова Божія почти совсѣмъ не замѣчается, придется употребить нѣсколько иныхъ мѣръ, направленныхъ, прежде всего, къ тому, чтобы пробудить въ пасомыхъ дремлющія духовныя силы. Мѣры эти сводятся къ частнымъ пастырскимъ бесѣдамъ въ домахъ прихожанъ. Предусматривая возможность несочувствія со стороны народа къ внѣбогослужебнымъ собесѣдованіямъ, преосвящ. Томскій Макарій въ своемъ „Архипастырскомъ посланіи“ даетъ священникамъ на этотъ предметъ практически-мудрые и вѣрныя совѣты. „Хорошо сдѣлаеть священникъ,—говоритъ архипастырь,—если начнетъ чтенія и собесѣдованія съ своего дома. Для этого онъ привѣтливо приглашаетъ къ себѣ тѣхъ прихожанъ, которые почему-либо могутъ подавать ему надежду на успѣхъ въ начинаемомъ дѣлѣ, притомъ таковыя (прихожане)—чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Изъяснивши имъ свое намѣреніе, онъ приступаетъ къ дѣлу—читаетъ имъ жизнь святого или иную назидательную статью, непременно сопровождаая таковыя объясненіемъ или разговоромъ, относящимся къ предмету чтенія. Послѣ сего онъ усмотритъ, нужно ли пригласить опять къ себѣ въ домъ этихъ первыхъ посѣтителей, или назначить мѣсто въ другомъ домѣ, на примѣръ, у одного изъ нихъ.—Если священникъ замѣтитъ, что пасомые чуждаются своего пастыря, то ему самому нужно къ нимъ идти, посѣщать ихъ въ ихъ жилищахъ, входить съ ними въ бесѣду. Ему нужно быть миссіонеромъ для своей паствы, изыскивающимъ способы поговорить съ пасомыми и пользующимся всякимъ удобнымъ случаемъ для бесѣды съ ними, начиная таковую иногда съ

*) *Поттжинъ А.*, проф.: „Внѣбогосл. собесѣд. пастырей съ прихожанами“ (Воронежск. еп. вѣд., 1888 г. № 7). — *Сперанскій Ив.*: „О внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ“ (Смоленск. еп. вѣд., 1891 г., № 16).

земного и переходя къ небесному.—Нельзя предположить, чтобы въ селѣ не было хотя одного или двухъ семействъ, болѣе или менѣе усердныхъ къ церкви и потому благорасположенныхъ къ священнику. Съ этихъ семействъ пастырю и нужно начинать свою миссію.—Въ воскресный или праздничный день вечеромъ, а можетъ быть и въ будни, запасиесь наиболѣе назидательной для чтенія статьей (напримѣръ, изъ „Троицкихъ листковъ“) или изустнымъ разговоромъ, священникъ отправляется въ одинъ изъ означенныхъ домовъ. Послѣ обычной житейской бесѣды онъ незамѣтно переводитъ разговоръ къ цѣли своего прихода и предлагаетъ выслушать принесенную имъ статью, которую, надо полагать, хозяева выслушаютъ со вниманіемъ. Если этимъ чтеніемъ священникъ успѣлъ заинтересовать слушателей, то это—добрый признакъ. Полезно потомъ повторить посѣщеніе этого дома, но только нужно предупредить объ этомъ хозяевъ, предложить имъ пригласить на бесѣду своихъ родныхъ и знакомыхъ. Такимъ образомъ кругъ его слушателей расширится. Въ слѣдующіе разы онъ можетъ идти въ дома другихъ, присутствовавшихъ на первой бесѣдѣ, и здѣсь поступать такъ же. Можно быть твердо увѣреннымъ, что послѣ двухъ-трехъ опытовъ число слушателей еще болѣе увеличится“ *).

Поступая согласно приведеннымъ совѣтамъ преосвящ. Макарія, священникъ можетъ пробудить во многихъ изъ своихъ прихожанъ любовь къ слушанію душеспасительныхъ бесѣдъ и Слова Божія; достигнувъ же этого, онъ частныя бесѣды можетъ обратить въ церковно-общественныя внѣбогослужебныя, избравъ для веденія ихъ одно опредѣленное мѣсто и время.

68. Время внѣбогослужебныхъ собесѣдованій.

Вторымъ практическимъ вопросомъ въ дѣлѣ открытія внѣбогослужебныхъ собесѣдованій является вопросъ о времени

*) „Церк. Вѣд.“, 1891 г., № 39.

веденія ихъ. Въ первые годы существованія въ нашемъ отечествѣ этого рода пастырскаго проповѣдничества епархіальныя начальства обыкновенно дѣлали распоряженія, чтобы внѣбогослужебныя собесѣдованія съ народомъ велись священниками въ промежутокъ времени между утреней и литургіей. Къ изданію такихъ распоряженій епархіальныя начальства, конечно, имѣли довольно серьезныя основанія. Прежде всего имѣлось въ виду то обстоятельство, что простой народъ изъ всего круга церковныхъ богослуженій наиболѣе посѣщаетъ именно эти два богослуженія; слѣдовательно, въ промежутокъ между утреней и литургіей въ храмѣ и близъ него находится сравнительно большее число прихожанъ, и потому священникъ въ это время всегда можетъ найти достаточное количество слушателей. Кромѣ того, въ воскресные и праздничные дни пріѣзжаютъ въ приходскій храмъ для молитвы жители и наиболѣе отдаленныхъ деревень,—значить, слово пастыря будетъ имѣть свое просвѣтительное вліяніе на сравнительно большій кругъ темныхъ людей. Имѣлось, при изданіи вышеуказаннаго распоряженія, въ виду также еще и предохраненіе прихожанъ, собравшихся въ храмъ, отъ несообразнаго съ святостію дня и мѣста проважденія времени въ промежутокъ между утреней и обѣдней. Каждый, кто бывалъ въ сельскихъ церквахъ въ праздничные и воскресные дни, знаетъ, какъ проводятъ наши крестьяне этотъ промежутокъ времени. Сплошь и рядомъ случается, что лишь только вышелъ священникъ изъ храма, какъ между собравшимися богомольцами начинаются разговоры, довольно часто выходящіе даже за границы всякаго благоприличія и пристойности: молодежь, столпившись въ церковной оградѣ, затѣваетъ разныя шутки, нерѣдко очень плоскія и циничныя; старушки и вообще женщины, присѣвши на паперти, начинаютъ сплетни и сообщаютъ всевозможныя небылицы относительно своихъ сосѣдей и знакомыхъ; а пожилые крестьяне, въ ожиданіи колокольнаго звона, отправляются гурьбой (конечно, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ казенная продажа вина еще не была введена) въ ближайшій ши-

нокъ, или кабакъ, гдѣ почти никогда дѣло не обходится безъ сквернословія и вышивки. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, епархіальныя власти и издавали въ прежнее время указы относительно веденія внѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ промежутокъ между утреней и литургіей *).

Но въ послѣднее время все болѣе и болѣе стала раздаваться голосъ противъ веденія внѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ это именно время, и уже сами епархіальныя начальства почти перестали обязывать духовенство вести бесѣды съ народомъ между утреней и литургіей. Дѣло въ томъ, что веденіе внѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ промежутокъ времени между утреней и литургіей сопровождается довольно серьезными неудобствами.

Первое неудобство заключается въ томъ, что прихожане, прослушавъ утреню и затѣмъ собесѣдованіе, по окончаніи послѣдняго чувствуютъ себя настолько утомленными, что не въ состояніи бываютъ съ должною сосредоточенностью и вниманіемъ слѣдить за ходомъ такого важнаго богослуженія, какъ литургія; а нѣкоторые, по своей тѣлесной немощи, даже бываютъ совершенно не въ силахъ присутствовать въ храмѣ за этой церковной службой. Такимъ образомъ, послѣдствія собесѣдованій между утреней и литургіей могутъ оказаться совершенно противоположными тѣмъ, какія отъ нихъ ожидаются. По отзывамъ же нѣкоторыхъ священниковъ, многіе изъ ихъ прихожанъ даже послѣ утрени бываютъ такъ утомлены, что не находятъ возможнымъ для себя принять участіе въ собесѣдованіи и вынуждены бываютъ отправиться по домамъ, чтобы отдохнуть тамъ и потомъ съ свѣжими силами явиться въ храмъ къ божественной литургіи **).

Второе неудобство веденія бесѣдъ въ промежутокъ времени между утреней и литургіей стоитъ въ зависимости отъ краткости самаго этого промежутка. Промежутокъ между

*) „Какъ вести внѣбогослужебныя чтенія для народа?“ „Руб. для с. п., 1889 г., № 10).

**) *Макарий*, еп. Томскій: „Архипаст. посл. къ пастырямъ“.

утреней и литургіей бываетъ обыкновенно не настолько великъ, чтобы можно было въ продолженіе его обстоятельно изложить извѣстный предметъ, уяснить его, повторить нѣсколько разъ, вызвать слушателей на размышленія, выслушать недомыслия и дать на предложенные слушателями вопросы удовлетворительные и ясные отвѣты. Въ промежутокъ между утреней и литургіей священникъ можетъ только прочитать или рассказать что-либо своимъ прихожанамъ: но чтеніе, равно какъ и рассказъ, не есть бесѣда въ полномъ смыслѣ. Скажутъ, что священникъ всегда можетъ увеличить этотъ промежутокъ, и тогда недостатокъ времени будетъ устраненъ. Но разсуждать такъ могутъ лица, только совершенно незнакомыя съ народной жизнью. Не нужно забывать, что въ воскресные и праздничные дни почти всѣ крестьяне, какъ посѣщающіе богослуженіе, такъ и остающіеся дома, не принимаютъ пищи до окончанія обѣдни; среди такихъ усердныхъ крестьянъ бываютъ пріѣхавшіе въ церковь и изъ дальнихъ деревень: слѣдовательно, чѣмъ позже окончится обѣдня, тѣмъ дольше придется оставаться многимъ крестьянскимъ семействамъ безъ пищи,—а такое невольное-продолжительное голоданіе, безъ сомнѣнія, увеличитъ въ слушателяхъ усталость, разсѣянность и апатію во время литургіи.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 16 іюля 1901 г.

За цензора священникъ *К. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 31.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, іюля 29-го.

Содержаніе: Роль женщины въ первоначальной и послѣдующей исторіи старообрядческаго раскола (продолженіе).— О просфорахъ на литургіи (продолженіе).— Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія (продолженіе)).

Роль женщины въ первоначальной и послѣдующей исторіи старообрядческаго раскола ¹⁾).

Доселѣ мы изображали дѣятельность большихъ, такъ сказать, раскольниковъ Аввакумова стада. Но эти большіи раскольницы окружены были мѣньшими, которыя съ охотою служили первымъ. Таковы, напр., были прислужницы Морозовой— Анна Соболева, Ксенія Иванова и Анна Амосовна въ ея домѣ въ Москвѣ ²⁾; та же Анна Амосовна и Стефанида, прозываемая Гнѣда, на Печерскомъ подворьѣ ³⁾,— Агрипина—въ Боровскѣ ⁴⁾ и мн. др. „Стадо“ Аввакумовыхъ ученицъ обычно

¹⁾ См. № 30 за 1901 г.

²⁾ Мат. д. ист. раск., т. VIII, 174, примѣч.

³⁾ Тамъ же, стр. 192, примѣч.

⁴⁾ Тамъ же.

и комплектовалось из прислужницъ большихъ раскольниковъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что простыя служанки, наполнявшія, напр., домъ Морозовой, обращались съ теченіемъ времени въ ревностныхъ послѣдовательницъ раскола, подъ вліяніемъ своей госпожи. Но иногда прислуживать родовитымъ раскольницамъ или женщины высокаго происхожденія съ готовою уже настроенностью въ пользу раскола; такія достигали со временемъ виднаго положенія въ расколѣ. Такъ, княгинѣ Урусовой, когда она содержалась въ Алексѣевскомъ монастырѣ, прислуживала нѣкая дѣвица Акилина, „боярская рода дщерь“. По отправленіи Урусовой въ Боровскъ, „Акилина пострижеса и наречена бысть Анисія“¹⁾. Затѣмъ, мы видимъ ее въ должности игуменьи надъ ученицами Аввакума въ извѣстномъ намъ монастырѣ.

Всѣ раскольницы, не смотря на различіе ихъ по происхожденію и положенію въ расколѣ, отличались, говоря вообще, полнымъ согласіемъ во взаимныхъ отношеніяхъ и даже соперничали другъ передъ другомъ во взаимной услужливости, а равно и въ услугахъ расколоучителямъ—своимъ вождямъ. Дѣло не обходилось, впрочемъ, иногда безъ ссоръ и расирей. Морозова осерчала, напр., за что-то на юродиваго Ѳеодора и лишила его своихъ милостей²⁾; Елена Хрущева возстала противъ одной изъ сестеръ Анисьиной обители Ксеніи Гавриловны по извѣстному намъ дѣлу. Но за жизнью своихъ ученицъ зорко слѣдилъ протопопъ Аввакумъ. Понимая весь вредъ подобнаго рода размолвокъ, онъ или предупреждалъ ихъ, или спѣшилъ пресѣчь ихъ въ самомъ началѣ³⁾,—и вообще всегда и всѣхъ увѣщевалъ жить въ мирѣ, заботиться другъ о другѣ, а особенно не оставлять помощію его семьи. Само собою разумѣется, что согласная дѣятельность женщинъ

¹⁾ Мат. д. ист. раск., т. VIII, стр. 174 и прим. 1-е.

²⁾ Тамъ же, т. V, стр. 194.

³⁾ Такъ, Морозову онъ убѣждалъ „не сердитовать на Ѳеодора“ (Мат. д. ист. раск., V, 194), и Еленѣ сдѣлалъ выговоръ за строптивость и поручалъ Меланинъ „смирить безчинницу“ (тамъ же, VIII, 94—95).

въ расколѣ была силою его; благодаря ей расколъ крѣпъ и развивался. Нужды нѣтъ, что эта, сосредоточенная въ сферѣ „стада“ Аввакумовыхъ послѣдователей, дѣятельность раскольницъ не обильна громкими внѣшними проявленіями, не отличается характеромъ внѣшняго оказательства; это не значитъ, что она не была значительною по своей напряженности, бѣдна была своими фактическими проявленіями. Раскольницы вообще избѣгали огласки своихъ дѣйствій; все, что ни дѣлали онѣ на пользу раскола, дѣлали, главнымъ образомъ, скрытно, какъ говорится, съ концами въ воду, такъ что многихъ фактовъ ихъ дѣятельности мы не знаемъ и можемъ догадываться о нихъ по общимъ указаніямъ на нихъ въ сочиненіяхъ расколоучителей, напр., по названію ими раскольницъ „кормилицами, ластовицами“, по выраженію имъ чувствъ благодарности за оказанныя ими, очевидно, какія то благодѣянія и услуги и пр. т. п. При ближайшемъ разсмотрѣніи тѣхъ способовъ, къ какимъ прибѣгали раскольницы для достиженія такихъ или иныхъ своихъ цѣлей, оказывается еще, что способы эти были хитраго свойства и обнаруживаютъ въ раскольницахъ немалую практическую смѣтку. Ходячая мысль, что практическая смѣтливость въ человѣкѣ бываетъ результатомъ внѣшняго гнета надъ нимъ и развивается параллельно увеличенію этого послѣдняго, какъ нельзя болѣе оправдалась на женщинахъ—первоначальныхъ послѣдовательницахъ раскола. Можно удивляться только, какъ хитро онѣ выходили изъ разнаго рода затрудненій, какъ артистически-ловко обдѣлывали свои дѣлишки. Развѣ не хитрое, напр., средство выдумала Елена Хруцова для того, чтобы избавиться отъ никонианки-игуменьи Маремьяны и очистить ея мѣсто для какой-нибудь старицы изъ своего стада? Государю и митрополиту Павлу она подаетъ на игуменью ложный извѣтъ, что будто-бы она сама не велитъ служить въ монастырѣ по новоисправленнымъ книгамъ. Не оправдайся Маремьяна предъ Алексѣемъ Михайловичемъ особой челобитной, она лишилась-бы мѣста, а замыселъ Елены осуществился бы. Или вотъ, напр.,

понадобился почитательницамъ Морозовой попъ-монахъ для того, чтобы постричь ее въ монашество, въ другой разъ— для того, чтобы причастить боярыню и тѣмъ укрѣпить ее на подвигъ,—и онѣ мигомъ достаютъ его. Являются—игумень Тихвинскаго монастыря раскольникъ Досиѳей и постригаетъ ее,—попъ Іовъ Львовскій и причащаетъ ее... Большую услугу здѣсь оказывали тѣ ниціе и юродивые, которые расхаживали по Москвѣ, живали у Морозовой и исполняли всякаго рода порученія раскольниковъ. Не диво, что послѣднія обратили убогихъ людей въ своихъ какъ-бы корреспондентовъ; но то диво, что для раскольниковъ не существовало никакихъ преградъ для взаимныхъ сношеній—даже такихъ, повидимому, непреодолимыхъ преградъ, какъ стѣны или замокъ тюрьмы. Морозова, находясь въ заточеніи на Печерскомъ подворьѣ, вышла однажды на задній крылецъ, „вдѣже исходятъ на нужную потребу“, и случилось въ это время, по замѣчанію самого автора „житія“ боярыни, „чудно вельми“, что Елена проходила по улицѣ. Узница и свободная „Божіимъ мановеніемъ познастася“. „Вѣ-же на улицѣ той мѣсто таковую-же потребу имать, еже ходити ту человѣкомъ на облегченіе чреву. И ту стоящи Елена приближнѣ, и бесѣдова съ Θεодорою, на высотѣ ей стоящи“¹⁾. Такимъ-же какимъ-нибудь тайнымъ путемъ Елена уговори-лась съ сестрами относительно плана ихъ свиданія. Урусова умоляетъ свою начальницу, у которой жила въ кельѣ, отпустить ее въ ея домъ повидаться съ дѣтьми. Желаніе трогательное,—и начальница ему не противостоитъ. Княгиня выходитъ изъ Алексѣевскаго монастыря, направляется, вмѣсто своего дома, къ Печерскому подворью. Дворница сообщаетъ Морозовой объ ихъ приходѣ; та высылаетъ рабу свою Анну, вмѣсто которой, въ обмѣнъ, возвратилась къ ней уже сестра Урусова. Караульщикъ принялъ ее, когда она проходила мимо, за Анну и пропустилъ. „И бесѣдоваша любезно мученица со исповѣдницею“. Но позавидоваль дьяволь; у ка-

¹⁾ Мат. д. ист. раск., т. VIII, стр. 170, прим. 2.

раульныхъ стрѣльцовъ произошла тревога. Они догадались, что дѣло не ладно. Голова, упрощенный Морозовой, успокоилъ ихъ и велѣлъ только гостѣмъ почевать: „я ночью выпущу ее тихонько“—объяснилъ заступникъ. Такимъ образомъ, тревога послужила еще къ большей радости сестеръ. Всю ночь онѣ ликовали, бесѣдуячи. Къ свѣту Урусова ушла, а Елена опять проводила ее до монастыря ¹⁾). Заключение, какъ можно видѣть изъ описаннаго, умѣли задабривать своихъ тюремныхъ начальниковъ и пользовались ихъ снисходительностью для полученія себѣ всякаго рода подкрѣпленій къ мужественному стоянію за „старину“. Благодаря этому ослабленію тюремныхъ начальниковъ, Морозова приняла въ своей темницѣ попа Юва Льговскаго и причастилась отъ него св. Тайнъ ²⁾) и не разъ устроила свиданіе съ Меланіей и Еленой въ Боровскѣ ³⁾).

Если не имѣла внѣшняго оказательства дѣятельность раскольниковъ въ своемъ „стадѣ“, то естественно ожидать, что и пропаганда раскола, если только велась ими, велась, главнымъ образомъ, скрытно. Такой путь пропаганды наиболѣе былъ свойствененъ раскольницѣ, по условіямъ ея положенія въ обществѣ, о чемъ рѣчь у насъ была выше, и по опасности гласной пропаганды, хотя за дѣйствіями женщины въ расколѣ и не было строгаго присмотра со стороны властей, о чемъ будетъ рѣчь наша ниже. Такимъ образомъ, т. е. какъ нибудь скрытно, вѣроятно, былъ соращенъ въ расколъ нѣкто Кипріанъ дѣвицею (устиной ⁴⁾). Однако мы встрѣчаемся въ первоначальной исторіи раскола съ фактами и болѣе или менѣе открытой пропаганды раскола женщинами-раскольницами. О боярынь Морозовой въ ея „житіи“ сказано, что она „песумнѣнно поносила никоніанскую прелесть *всюду вездѣ*“ ⁵⁾).

¹⁾ Мат. д. ист. раск., т. VIII, стр. 174—175, примѣч.

²⁾ Тамъ же, стр. 174.

³⁾ Тамъ же, стр. 192.

⁴⁾ Мат. д. ист. раск., т. V, стр. 231—232.

⁵⁾ Тамъ же, т. VIII, стр. 158.

Изъ дальнѣйшаго, впрочемъ, поясненія эти слова оказываются нѣкоторымъ преувеличеніемъ. Морозова пропагандировала свои раскольническія убѣжденія „всюду вездѣ, яко же въ дому своемъ при гостехъ, тако же или сама на обѣдѣ прилучится“¹⁾, т. е. между людьми, среди которыхъ „прилучалось“ ей бывать по долгу, возлагаемому на нее ея высокимъ положеніемъ боярыни. Съ большимъ усердіемъ дѣлу пропаганды раскола служила жена протопопа Аввакума. Ради этого дѣла она небрегла иногда объ исполненіи прямыхъ своихъ обязанностей—подкрѣпленіи своихъ дѣтей „Христа ради умерати“, въ чемъ попрекаетъ ее Аввакумъ Петровичъ. „Баба бывало нищихъ кормить, стороннихъ паучаетъ, какъ слагать персты, и креститца, и творить молитву“—говорить про нее протопопъ, „а дѣтей своихъ и забыла подкрепить, чтобъ на висельницу пошли и з доброю дружиною умерли за одно Христа ради“²⁾. Такъ ревностно занималась Настасья Марковна пропагандою раскола, находясь въ ссылкѣ на Мезени. На поприщѣ пропаганды немало потрудила также раскольница Іустина, вологодская крестьянка. Въ 1665 году она пришла въ Москву и здѣсь всѣмъ и каждому разглашала о чудесномъ явленіи ей преп. Игнатія и чудесномъ исцѣленіи имъ сухой руки ея. Явившись Іустиѣ и исцѣливъ ее, преподобный будто-бы внушилъ ей слѣдующее: „поди ты къ государю-царю, написавъ моя къ тебѣ явленія, знаменія и чудеса, чтобъ онъ—царь, пѣніе и службу церковную нематежну учинилъ Алексіемъ митрополитомъ, московскимъ чудотворцемъ, и книги двѣ—старой служебникъ да новой, положилъ къ нему чудотворцу въ раку; а уже бо людъ мретъ безъ причастья, какъ скотъ гибнетъ; и не убойся де ты ни отнюдь ничего... Провѣдывай всюду чудеса съ иконою по градомъ и селамъ, по волостямъ и по деревнямъ, по ближнимъ и по дальнимъ, славнымъ и неславнымъ, всякому мѣсту и стра-

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ „Житіе протопопа Аввакума по списку Казанской духовной академіи“, см. Хр. Чт., 1888, ч. II, стр. 592.

намъ безъ всякаго сумнѣнія“¹⁾... Мысль доказать правоту древняго благочестія сверхъестественнымъ образомъ внушили Іустинѣ вовсе, разумѣется, не преп. Игнатій, а, вѣроятно, протопопъ Иванъ Нероновъ, который первый сообщаетъ объ этой раскольницѣ, о явленіяхъ къ ней преп. Игнатія и чудесахъ его надъ нею, а равно и о конфискаціи у нея архі-епископомъ Симономъ списка этихъ явленій и чудесъ и иконы преподобнаго²⁾. Важно то, что Нероновъ поручаетъ пропагандировать правоту раскола дѣвицѣ Іустинѣ, и дѣвица принимаетъ и исполняетъ это порученіе; значитъ, и тотъ и другая не считали уже дѣло пропаганды позорнымъ или несподручнымъ для женщины. Мнимое видѣніе Іустина разсказывала и по возвращеніи изъ Москвы на родину. Вѣроятно, бывали въ первоначальной исторіи старообрядческаго раскола и другіе примѣры публичной пропаганды его женщинами, которыхъ (примѣровъ) мы не знаемъ. Одно только можно сказать, что такихъ примѣровъ было немного. Если-бъ они были часты, то скоро привлекли бы вниманіе правительства на дѣятельность женщины въ расколѣ; между тѣмъ, вниманіе это обращено было не скоро,—и одною изъ причинъ долгаго игнорированія нашимъ правительствомъ дѣятельности раскольницъ было именно то, что она не имѣла характера гласности. А затѣмъ существовавшій у насъ взглядъ на женщину предрасполагалъ смотрѣть на ея поступки, что называется, сквозь пальцы. Въ данномъ случаѣ наша власть придерживалась совсѣмъ неприложимаго къ раскольницамъ взгляда на нихъ патріарха Питирима: „женское ихъ дѣло,—что онѣ много смыслятъ“³⁾?—взгляда, въ ошибочности котораго дол-

¹⁾ Мат. д. ист. раск., т. I, стр. 206—207, примѣч.

²⁾ Съ большою подробностью повторенъ разсказъ этотъ въ раскольническомъ сочиненіи „Христіаноопасный щитъ вѣры“, написанномъ старцемъ Авраміемъ около 1669 г., откуда мы и брали выдержки. См. Мат. д. ист. раск., т. VII, стр. 35, 39—40 ср. т. I, стр. 206—207, примѣч.

³⁾ Мат. д. ист. раск., т. VIII, 177.

женъ былъ убѣдиться уже самъ патриархъ на примѣрѣ раскольнической дѣятельности боярыни Морозовой.

(Окончаніе будетъ).

Преп. *А. Волгинъ.*

О просфорахъ на литургіи¹⁾.

Къ III вѣку относится полная литургія въ восьмой книгѣ „Апостольскихъ Постановленій“. Въ основѣ этой литургіи, какъ предполагаютъ, лежитъ апостольская литургія, записанная св. Климентомъ, но въ настоящемъ своемъ видѣ „она представляетъ заключительную ступень, какой достигло въ третьемъ вѣкѣ развитіе древнѣйшей апостольской литургіи (Биккель)“²⁾. И въ этой литургіи находимъ указанія опять таки на одинъ евхаристійный хлѣбъ: „когда это будетъ исполнено“ (т. е. удаленіе изъ богослужебнаго собранія оглашенныхъ и недостойныхъ присутствовать при евхаристіи), „діаконы пусть принесутъ дары (τὰ δῶρα) епископу къ жертвеннику“³⁾. Въ евхаристійной молитвѣ епископъ молитъ Бога, „дабы онъ явилъ хлѣбъ сей (τὸν ἄρτον τοῦτον) тѣломъ Христа Твоего и чашу сію кровію Христа Твоего“⁴⁾. Послѣ пресуществленія св. Даровъ епископъ очень подробно поминаетъ различныхъ членовъ церкви, и совершенныхъ и несовершенныхъ⁵⁾; такимъ образомъ, въ литургіи изъ апостольскихъ постановленій мы въ первый разъ встрѣчаемъ ясное и опредѣленное указаніе на словесное помяновеніе членовъ цер-

¹⁾ См. № 30 за 1901 г.

²⁾ Введеніе въ православное церковное право. М. Остроумова, т. 1. Харьковъ, 1893 г., стр. 163—164.

³⁾ Liturgies eastern and western. Brightman, Oxford MDCCCXCVI, p. 13. Собраніе древн. литургій, отдѣлъ первый, стр. 114.

⁴⁾ Liturgies eastern and western... p. 21. Собраніе древн. литургій... стр. 125.

⁵⁾ Liturgies eastern and western... p. 21—22. Собраніе древн. литургій... стр. 127—129.

кви при совершении евхаристіи. Отмѣтимъ еще ту особенность, что въ концѣ этой литургіи, гдѣ говорится о причащеніи епископомъ присутствующихъ въ храмѣ, употреблено названіе *просфорá*, означающее въ томъ мѣстѣ хлѣбъ, пресуществленный въ тѣло Христово. „Епископъ пусть преподаетъ просфору (приношеніе) τὴν προσφορὰν,—говоря: тѣло Христово“¹⁾.

Съ недавняго времени въ наукѣ стали извѣстны евхологіонъ Серапіона, епископа Тмуитскаго, жившаго въ IV вѣкѣ, друга св. Аѳанасія. Этотъ замѣчательный евхологіонъ, (открытый и изданный въ 1894 году проф. А. А. Дмитриевскимъ по ркн. X—XI в., принадлежащей библіотекѣ Лавры св. Аѳанасія Аѳонскаго) начинается „молитвою припошенія Серапіона епископа“, которая представляетъ много сходнаго съ молитвою изъ „Ученія двѣнадцати апостоловъ“, только гораздо пространнѣе ея, и съ молитвою въ литургіи александрійской церкви, извѣстной подъ именемъ литургіи св. апостола и евангелиста Марка, и, слѣдовательно, запечатлѣна характеромъ глубокой древности. Въ этой молитвѣ читаются слова, также имѣющія отношеніе къ *одному* евхаристійному хлѣбу: „Тебѣ мы принесли эту живую жертву, приношеніе безкровное; Тебѣ принесли этотъ хлѣбъ (τὸν ἄρτον τοῦτον) подобіе тѣла Единороднаго“... „Да придетъ, Боже правды, святое Твое Слово на хлѣбъ этотъ (ἐπί τόν ἄρτον τοῦτον), чтобы хлѣбъ (ὁ ἄρτος) сталъ тѣломъ Слова и на чашу эту“... и пр.²⁾ Молитва заканчивается, какъ и молитва на литургіи изъ апостольскихъ постановленій, поминовеніемъ живыхъ и почившихъ христіанъ. „Мы призвали Тебя нерожденнаго чрезъ Единороднаго во святомъ Духѣ, да получить милость народъ этотъ, да удостоится преспѣянія, и да пошлются въ спутники народу ангелы для противодѣйствія лукавому и для

¹⁾ Liturgiés castern and western... p. 25. Собраніе древн. литургій... стр. 134.

²⁾ Евхологіонъ IV вѣка Серапіона, епископа Тмуитскаго. А. А. Дмитриевскаго. Кіевъ, 1894 г., стр. 15.

укрѣпленія церкви. Просимъ и за всѣхъ усопшихъ, которыхъ поминаемъ съ перечисленіемъ именъ, освяти души ихъ, потому что Ты знаешь всѣхъ,—освяти души, скончавшіяся о Господѣ и сопричти всѣмъ святымъ силамъ Твоимъ и даруй имъ мѣсто и обитель въ царствіи Твоемъ; пріими и благодареніе (τὴν εὐχαριστίαν) ¹⁾ народа и благослови принесшихъ приношенія и благодаренія, и даруй здравіе, цѣлость, радость и всякое преуспѣяніе души и тѣла всему этому народу ²⁾...

Къ IV—V в. относится книга „О церковной іерархіи“, приписываемая мужу апостольскому св. Діонисію Ареопагиту, и въ этой книгѣ есть глава о „таинствѣ собранія или, что то же, пріобщенія“; въ ней описывается послѣдованіе литургіи того времени, къ которому относится книга. Здѣсь читаемъ такое описаніе начала литургіи вѣрныхъ: „Избранные изъ священнослужительскаго чина предлагаютъ, вмѣстѣ съ іереями, на божественный жертвенникъ священный хлѣбъ и чашу благословенія“ ³⁾. Опять о другихъ хлѣбахъ, приносимыхъ нынѣ на проскомидію вмѣстѣ съ „агничной“ просфорой, въ разсматриваемомъ памятникѣ не говорится, хотя въ немъ указывается на чтеніе „священныхъ помянниковъ“—диптиховъ ⁴⁾, куда, какъ извѣстно, записывались имена живыхъ и умершихъ членовъ Церкви для болѣе удобнаго поминовенія ихъ за богослуженіемъ. „Когда всѣ облобызаютъ другъ друга, совершается таинственное провозглашеніе священныхъ помянниковъ“ ⁵⁾. Очевидно, что всегда существовавшій въ церкви обычай поминать живыхъ и умершихъ чле-

¹⁾ Въ данномъ случаѣ разумѣются хлѣбъ и вино *по предложенію* каковымъ словомъ эти вещества обозначаются и въ „Ученіи двѣнадцати, апостоловъ“ и у св. Игнатія Богоносца, въ посланіи его къ смиринамъ, гл. 7. См. вышеуказанное изслѣдованіе К. Д. Попова, стр. 14.

²⁾ Евхологіонъ IV в... стр. 16.

³⁾ Писанія св. отцовъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго Богослуженія, т. 1. Спб., 1855, стр. 71—72.

⁴⁾ Какъ и въ двухъ предыдущихъ памятникахъ, только въ другой моментъ литургіи, *предъ* евхаристіей.

⁵⁾ Писанія св. отцовъ и учителей церкви... т. I, стр. 72.

новъ ея въ IV—V вв. не нашелъ внѣшней формы своего выраженія въ изытіи частицъ изъ особо-назначенныхъ для этой цѣли хлѣбовъ-просфоръ. О поминальныхъ просфорахъ не говорится еще и въ литургическомъ памятникѣ VIII вѣка: „Послѣдовательное изложеніе церковныхъ службъ и обрядовъ, и таинственное умозрѣніе о значеніи ихъ“, надписываемое именемъ св. Германа, патріарха константинопольскаго ¹⁾, и даже въ спискахъ литургій св. Василія Великаго и св. Іоанна Златоустаго въ древнѣйшемъ литургическомъ кодексѣ, Барбериновскомъ еххологіи св. Марка, относимомъ къ VIII—IX вѣку ²⁾.

Когда же появилось и стало входить въ церковную практику многопросфоріе? Определеннаго отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя за неимѣніемъ твердыхъ основаній. Однако, наши русскіе ученые пытаются разрѣшить вопросъ, и можно указать на два „предположенія“, высказанныя по этому вопросу ученымъ историкомъ церкви Е. Е. Голубинскимъ и литургистомъ С. Д. Муретовымъ. Е. Е. Голубинскій въ своей „Исторіи русской церкви“ говоритъ, что „обычай изымать на проскомидіи вмѣстѣ съ агнцемъ частицы въ честь Божіей Матери и святыхъ и за живыхъ съ умершими есть обычай позднѣйшій, явившійся неизвѣстно когда—не ранѣе VIII вѣка“. „Можно подозревать“, добавляетъ г. Голубинскій, „что къ установленію обычая, какъ къ внесенію иконъ въ церкви, послужило иконоборчество, которое возставало не только противъ почитанія иконъ, но и противъ призванія святыхъ“ ³⁾. Такъ какъ предположеніе г. Голубинскаго не имѣетъ за собою фактическихъ данныхъ, подтверждающихъ его, то С. Д. Муретовъ, спеціально изслѣдовавшій исторію чина проскомидіи, составляетъ другое предположеніе, именно, что помино-

¹⁾ Въ первомъ томѣ „Писаній св. отцовъ и учителей церкви“.

²⁾ Эти литургіи изданы и Brightman'омъ въ его трудѣ: *Liturgies eastern and western*, pp. 309—344.

³⁾ Исторія русской церкви. Е. Е. Голубинскаго, т. 1, вторая половина тома. Москва, 1881, стр. 308.

веніе совершенныхъ и несовершенныхъ членовъ церкви, подъ формою изытія частиць, явилось приблизительно въ X—XII вѣкахъ, когда появляются уже точныя свидѣтельства о многопросфоріи ¹⁾. Но какъ-бы то ни было, въ богослужебныхъ памятникахъ русской церкви встрѣчаются указанія на однопросфоріе, т. е. на одну агничную просфору, и въ XII в. и даже въ XIV вѣкѣ, т. е. уже послѣ появленія многопросфорія.

Объ однопросфоріи говорятъ: служебникъ пр. Варлаама Хутынского († послѣ 1192 года), хранящійся нынѣ въ Московской синодальной (бывшей патриаршей) библіотекѣ подъ № 604—343 и рукопись XIV вѣка библіотeki Воскресенскаго монастыря, подъ № 7. Въ служебникѣ пр. Варлаама Хутынскаго читаемъ (л. 11): „Слоужба сѣго Ио. Златооустаго. во съсоудохранильницѣ. дьяконъ. хота рѣзати проскоуру. прѣхрститъ. тришды ножемъ: и рѣжа. гѣтъ се: Яко окуа на заколѣнне ведеса... прѣрѣзакъ крѣстомъ гѣтъ: Яретьса агнецъ Кио... лѣа кино и водоу въ уаню: Коппемъ прокоденъ выс... Бѣ Кѣ нашъ нже ѡбснмый хлѣкъ... и покрыеть дары гѣа гдѣ воѡрнса... а се покрываа уаню. окуагуса Гѣ к слоу. а се покада. домоу твоємоу подобаетъ сѣни. и потомъ дьяконьницѣ: блѣви вѣко и блѣсклено црѣтко ³⁾. Въ ркн. Воскресенскаго монастыря XIV в. № 7, л. 9: Възмет. поп. прос. и пркреть. крстаобраз. ножем гѣа се: Въспомнианне ткоримъ гѣ вѣ сѣса... и положит. проскр на дорнем блюд. а не на днс. научет. рѣз. гѣа се. ако окуа на заколѣнне... таж. в. ю стран. глѣт. ако агнецъ прамо... а се г. ю стран. рѣжа гѣтъ. Тако не отверзаетъ оустъ сконхъ... а се д. судъ его взатѣс. Таж обрѣздаа окол дор. вынимла агнецъ

¹⁾ О поминовеніи безплотныхъ силъ на проскомидіи. С. Д. Муретова. Москва, 1897, стр. 104, примѣч.

²⁾ Въ древности агнецъ изымался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ діаконами; такъ это было, напр., въ Константинопольской церкви во времена патриарха Германа. Исторія рус. церкви Голубинскаго, т. 1, вт. пол., стр. 310, примѣч. 1.

³⁾ Послѣдованіе проскомидіи, великаго входа и причащенія въ славяно-русскихъ служебникахъ XII—XIV вв. С. Д. Муретова. Москва, 1897 г., стр. 6.

ИЗДРОБ ГЛЕТ. АКО ВЗЕМАЕТСЯ ОТ ЗЕМЛА... ДЬАК АМНИ ТАЖ ПОДРЪЖ
 АГНЕЦЪ КРСТОБРАЗЪ (л. 10). ГЛА ЗЛАЕТСЯ (т. е. заколается) И
 ЖРЕТЬСЯ АГНЕЦЪ ВНИ... АМНИ. Г. ПОЛАГ НА ДИСЪ ГЛА. ПОДАГАЕТСЯ
 АГНЕЦЪ БИИ... СЕ ЕМАА ВНИ КЪ ПРАК РУК. ВОД КЛЪВЮ. И КЪЗДВИГ
 ГОРЪ ГЛЕТ. СЪЕДННЕННЕ СЪГО ДУХА. ЕДНИЪ ОТ КОНИЪ КОПНЕМЪ РЕКРА
 ЕГО ПРОБОДЕ... ПОЗДЕТ (т. е. показываетъ) ПЕРСТ НА ПОТИР НА АГНУ.
 АКО ТРНЕ СУТЬ СВѢДИТЕЛЬСТВУЮЩЕ... ПОСЕМ. КЪЗМЕТ ДЬАК КАДЛА-
 НИЦ. ПОП МОЛ: Кадло приносимъ предъ та... ДЬАК. О ПРЕДПОЛО-
 ЖЕННЫХЪ УСТНЫХЪ ДАРЕХ ГДЕН БУ НАШЕМ ПОМОЛНИ. ПОП. МОЛ. СІІА.
 ДАР. ГСІІ КЕ НАШЪ... КЪСКЛОМ. ПОКРЫВ. ДАР ГЛА СЕ: ГСІІ КЪЦРИСА...
 ПОКРЫВ УАШЮ. И БЛЮД. ОБЛЕУЕСА ГСІІ... ПРКСТА. КАДЛА. ОБОЕ: ДОМУ
 ТВОЕМУ ПОДОКАЕТЪ... ПОСЕМ ПОП. ДЬА. ПОКЛОНИТ: ОУ ПРСТАА Г.
 ЖДА ГІТЬ. КЛГСКВН КЛДКО¹⁾).

Количество просфоръ, послѣ введенія въ практику много-
 просфорія, было различно. Бóльшее или меньшее число ихъ
 зависѣло отъ количества поминовеній. Въ древнемъ славян-
 скомъ служебникѣ преп. Антонія Римлянина († 1147 г.),
 хранящемся нынѣ въ Московской синодальной библиотекѣ
 (подъ № 605—342), послѣ наставленія объ изытіи св. Агнца,
 о прочихъ просфорахъ замѣчается неопредѣленно, безъ ука-
 занія числа ихъ. Вотъ что читается въ служебникѣ преп. Ан-
 тонія Римлянина (л. 8 об.): „Слоуж сѣго Злотустаг. Принимъ
 неръи отъ дьаконъ: просфуроу: и прекръста ножемъ. и гать.
 Въспоминанне ткоримъ гл нашего іс хѣ на таниъ его кеурн.
 И вынемъ агницъ: и положит на дискосъ: И просфумисавъ прос-
 фұры і гать. мол. надъ кадлом: Кадло приносимъ... Мол. надъ
 хлѣбомъ... о предъположенныхъ: Бѣ Бѣ нашъ... И покрываетъ. сѣла
 дары гла. Гѣ кириса. и посемъ. попъ. съдьяконимъ поклонитася:
 предъ трапезою. г. шдъ. и рѣуть: дьаконъ. благословн влдоко²⁾...
 и пр.

Есть памятники, опредѣленно указывающіе на *дѣтъ* прос-
 форы, употребляемыя при евхаристіи. Въ XI в. константино-

¹⁾ См. Послѣдованіе проскомидіи .. Муретова, стр. 24—25.

²⁾ Послѣдованіе проскомидіи.. Муретова, стр. 5—6.

польскому хартофилаксу Петру былъ предложенъ вопросъ: „можно ли служить литургію на одной просфорѣ“? Онъ отвѣтилъ: „если нѣтъ памяти святаго, или поминовенія усопшаго, то нѣтъ никакого препятствія“. Слѣдовательно, если бы нужно было совершать память святаго, или служить заупокойную литургію, то въ этихъ случаяхъ потребовалась бы, кромѣ агничной, еще *другая* просфора ¹⁾. Подобное же свидѣтельство о двухпросфоріи даетъ и св. Нифонтъ епископъ новгородскій (первой половины XII в.) въ отвѣтъ на вопросъ Кирика: „одиною просфоурою достонть ли служити“? Св. Нифонтъ отвѣтилъ: „аже коудеть ддеуе, ако къ сель, а негда коудеть всати дроугое просфоры, то достонть. Аже коудеть банзь торгъ, гдѣ коунити, то не достонть; аще ли како кдѣ не коудеть, по ноужн достонть“ ²⁾. Весьма ясное свидѣтельство о двухпросфоріи представляетъ и отвѣтъ охридскаго архіепископа Димитрія Хоматіана (конца XII и начала XIII в.) сербскому королю Стефану Первовѣчанному. „По написанному преданію мы должны совершать божественное священнодѣйствіе самое меньшее на трехъ хлѣбахъ... А если когда либо можетъ настать нѣкая, неотложная необходимость быть въ священнодѣйствіи, (напр.) если наступитъ великій праздникъ Господень, или когда какой нибудь человѣкъ при послѣднемъ издыханіи потребуеть сватыни... тогда по необходимости священнодѣйствіе можетъ совершаться и съ *двумя* хлѣбами“ ³⁾.

Есть древніе памятники съ указаніемъ на *три* просфоры. По однимъ изъ этихъ памятниковъ вторая и третья просфоры назначаются для поминовенія несовершеннолетнихъ членовъ церкви, а по другимъ—для поминовенія совершенныхъ членовъ ея. Къ первой категоріи относится другое, нами вышеприведенное наставленіе св. Нифонта Кирику, что заупокой-

¹⁾ Исторія русской церкви Голубинскаго, 1 т. втор. пол., стр. 308.

²⁾ Русская Истор. Библиотека, т. VI, с. 50—51.

³⁾ См. Къ свидѣтельствамъ о числѣ просфоръ на проскомидіи въ греческой церкви С. Д. Муретова. Братск. Слово, 1896 г., № 7.

ную литургію должно служить всегда на трехъ просфорахъ ¹⁾. А къ второй категоріи относится указаніе греческаго „Устава литургіи“ въ рукописяхъ XV в. Іерусалимской патріаршей и С.-Петербургской публичной бібліотекъ, въ которыхъ вторая и третья просфоры назначаются для изытія частицъ въ честь членовъ торжествующей церкви небесной: Божіей Матери, Іоанна Крестителя, апостоловъ, пророковъ и др. святыхъ угодниковъ Божіихъ. Послѣ изытія частицъ изъ третьей просфоры, „Уставъ“ дѣлаетъ такую замѣтку: „если (священникъ) имѣетъ и другія просфоры, то говорить на каждой“ и затѣмъ приводитъ текстъ поминовенія для этихъ просфоръ ²⁾. Очевидно, предполагается тотъ случай, когда просфоръ будетъ приготовлено больше, чѣмъ обычныя *три* съ исключительнымъ ихъ назначеніемъ для поминовенія святыхъ.

(Продолженіе будетъ).

Н. Пальмовъ.

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія³⁾).

Третье неудобство веденія собесѣдованій послѣ утрени до начала литургіи оцутительно только въ зимнее время—и то не повсемѣстно. Оно состоитъ въ томъ, что многія изъ нашихъ сельскихъ церквей не имѣютъ отопленія, а потому народъ принужденъ бываетъ послѣ утрени выходить изъ храма, чтобы согрѣться или въ церковной сторожкѣ, или въ сосѣд-

¹⁾ Исторія рус. церкви Голубинскаго, 1 т. втор. пол., стр. 308—300.

²⁾ Н. Ѡ Красносельцевъ. Матеріалы для исторіи чинопослѣдованія литургіи святаго Іоанна Златоустаго. Выпускъ первый. Казань, 1889 г., стр. 84—86.

³⁾ См. № 30 за 1901 г.

ней избѣ. А при такихъ условіяхъ у священника, ведущаго собесѣдованіи въ промежутокъ между утреней и литургіей, не можетъ быть значительнаго количества слушателей *).

Четвертое неудобство касается духовнаго настроенія самого священника. Предъ совершеніемъ литургіи, этого важнѣйшаго христіанскаго богослуженія и вмѣстѣ таинства, отъ священника требуется полнѣйшая сосредоточенность въ мысляхъ и спокойствіе въ чувствахъ. Между тѣмъ, при оживленномъ ходѣ собесѣдованія, когда священнику придется выслушивать отъ своихъ прихожанъ недоумѣнія и разныя суетвѣрія и предразсудки и давать разъясненія и отвѣты на предлагаемые слушателями вопросы, о молитвенной сосредоточенности и спокойствіи въ мысляхъ и чувствахъ у священника въ такомъ случаѣ предъ литургіей не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ живыя впечатлѣнія отъ бесѣды останутся въ его душѣ еще надолго и по окончаніи собесѣдованія. Остается, слѣдовательно, священнику или совершенно избѣгать бесѣды предъ литургіей, или же только что-нибудь читать; но чтеніе, какъ уже выше было сказано, не то же, что живая бесѣда **).

Пятое неудобство заключается въ томъ, что во многихъ приходяхъ изстари заведено священнослужителями и прихожанами употреблять промежутокъ времени между утреней и литургіей на совершеніе таинства крещенія надъ младенцами. И этого обычая почти невозможно вывести, такъ какъ трудно найти другое болѣе удобное время для исправленія этой требы; а отсюда ясно, что священникъ, занятый требоисправленіемъ, лишень возможности устроить въ этотъ промежутокъ собесѣдованіе съ своими прихожанами ***). Сверхъ того, въ это же самое время во многихъ приходяхъ принято еще чи-

*) „Какъ вести внѣбогосл. чтенія для народа?“ „Рук. для с. п.“, 1889 г., № 10.

**) *Урбскій Н.*, свящ.: „Возможно ли и какъ завести внѣбогослужбныя собесѣдованія въ приходяхъ, разбросанныхъ на большомъ разстояніи отъ сельскихъ церквей?“ („Рук. для с. п.“, 1887 г., № 19).

***) *Макарій*, еп. Томскій: „Архипаст. посланіе“.

тать акаѳисты, служить молебны и т. д.; а во время установленных Церковію постовъ въ этотъ промежутокъ священнику приходится даже исповѣдывать нерѣдко довольно значительное количество говѣющихъ.

Шестое неудобство состоитъ въ томъ, что, ведя внѣбогослужебныя собесѣдованія съ прихожанами утромъ предъ литургіей и избавляя ихъ тѣмъ самымъ отъ несообразнаго со святостію времени и мѣста проложенія ими праздничнаго утра, священникъ однако предоставляетъ народу въ его полное распоряженіе всю остальную—и гораздо большую—часть дня, которую онъ, будучи совершенно свободенъ послѣ литургіи, обыкновенно проводитъ совершенно не-по-христіански.

Всѣ указанныя неудобства веденія внѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ промежутокъ времени между утреней и литургіей настолько серьезны, что въ послѣднее время и сами священники стали уже прекращать собесѣдованія въ это именно время, и епархіальныя начальства болѣе не указываютъ на него, какъ на самое подходящее. Веденіе собесѣдованій въ большинствѣ приходоѡ совершается въ настоящее время уже не утромъ, а по-полудни. И послѣобѣденное время есть, дѣйствительно, самое удобное для этого. Но, указывая послѣобѣденное время, какъ наиболѣе удобное для собесѣдованій съ народомъ, мы должны оговориться, что не во всѣхъ приходоѡхъ съ одинаковой пользою возможно вести ихъ въ одни и тѣ же часы. Нужно различать приходоѡ по ихъ объему и количеству приписныхъ деревень. Въ приходоѡхъ, состоящихъ исключительно изъ одного лишь села, конечно, всякое время послѣ обѣда будетъ удобно для собесѣдованій: женщины, которыя не могли, въ силу домашнихъ обстоятельствъ, явиться утромъ въ церковь, теперь, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ совершенно свободны, совершенно свободны также и мужчины, которые, отдохнувъ послѣ литургіи, съ полнымъ вниманіемъ могутъ слушать собесѣдованіе. А потому, для веденія собесѣдованій въ такихъ приходоѡхъ священники могутъ избрать часы, непосредственно слѣдующіе за вечерней, т. е.

начиная съ 5 я далѣе, или же могутъ начинать бесѣды съ 1—2 часа по-полудни и продолжать до вечерни. Послѣднее время, пожалуй, будетъ даже полезнѣе перваго, такъ какъ всѣ крестьяне, будучи свободны послѣ обѣда отъ какихъ-либо работъ, могутъ этимъ временемъ злоупотребить, т. е. провести его совершенно не-по-христіански, вслѣдствіе чего священнику и слѣдуетъ направить волю и мысли своихъ прихожанъ въ эти часы въ должную сторону.

Нѣсколько въ иныя условія поставлены приходы, состоящіе изъ села и нѣсколькихъ деревень, отстоящихъ отъ церкви въ 1—3 верстахъ. Въ такихъ приходяхъ внѣбогослужебныя собесѣдованія вести послѣ вечерни, т. е., начиная съ пятаго часа по-полудни и далѣе, не вполне удобно; особенно же это неудобство сказывается въ зимнее время. Собесѣдованіе, начавшееся уже подъ вечеръ, т. е. съ пятаго часа, можетъ затянуться иной разъ часовъ до 8 вечера; въ виду этого, многіе изъ крестьянъ, живущихъ въ деревняхъ, не явятся на собесѣдованіе изъ опасенія быть застигнутыми и темною ночью и возможною въ зимнее время вьюгою. Вести собесѣдованіе послѣ вечерни не совсѣмъ удобно и лѣтомъ, такъ какъ крестьяне, которые на слѣдующій день должны отправиться на полевыя работы, могутъ уклониться подъ тѣмъ предлогомъ, что, возвратившись поздно съ собесѣдованія, они не успѣютъ вполне отдохнуть и собраться съ силами къ предстоящей имъ работѣ. Поэтому, въ приходяхъ, состоящихъ изъ села и немногихъ деревень, примыкающихъ къ нему, самымъ удобнымъ и единственнымъ временемъ для веденія собесѣдованія будутъ часы, предварающіе вечерню, начиная съ 1—2 часовъ по-полудни *).

Совершенно въ иныхъ условіяхъ находятся тѣ приходы, въ составъ которыхъ входятъ, помимо села, еще деревни, находящіяся отъ церкви на довольно значительномъ разстояніи,

*) „Какъ вести внѣбогосл. чтенія для народа?“ („Руск. для с. и.“ 1889 г., № 10).

въ 5—10 и болѣе верстахъ. Въ такихъ приходахъ жители деревень, въ силу дальняго разстоянія отъ села, не могутъ посѣщать въ послѣобѣденное время вѣбогослужебныхъ собесѣдованій, происходящихъ въ самомъ селѣ. Чтобы не оставить безъ христіанскаго назиданія и наученія жителей такихъ деревень, священникъ долженъ раздѣлить приходъ на двѣ или болѣе, смотря по положенію деревень, части и въ каждой части вести отдѣльныя собесѣдованія. Такъ, воскресные дни посвящаются собесѣдованіямъ въ самомъ селѣ для жителей этого села и примыкающихъ къ нему, ближайшихъ деревень, и собесѣдованія, какъ выше сказано, должны начинаться здѣсь около 1—2 часовъ по-полудни и оканчиваться къ вечернѣ. Дни же праздничные, свободные у крестьянъ отъ работъ, назначаются для собесѣдованія съ жителями отдаленныхъ деревень, при чемъ избирается деревня, находящаяся по возможности въ центрѣ другихъ деревень, отстоящихъ недалеко одна отъ другой; если же деревни находятся въ различныхъ направленіяхъ отъ села и удалены другъ отъ друга на значительное разстояніе, то, конечно, благоразумный и ревностный пастырь будетъ посѣщать каждую изъ этихъ деревень отдѣльно, установивъ для того извѣстную очередь: въ одинъ, напр., праздникъ будетъ вести собесѣдованіе въ одной деревнѣ, въ слѣдующій праздничный день—въ другой и т. д. Наканунѣ праздника или за нѣсколько дней до него священникъ долженъ письменно оповѣстить сельскаго старосту той деревни, гдѣ предполагается собесѣдованіе, прося его увѣдомить крестьянъ о предполагаемомъ у нихъ собесѣдованіи. Въ самый же праздникъ священникъ, по окончаніи литургіи, долженъ объявить народу, что къ такому-то часу онъ придетъ въ такую-то деревню для собесѣдованія. Временемъ для собесѣдованій въ деревняхъ лучше всего избрать тѣ же самыя часы, въ которые ведутся по воскреснымъ днямъ собесѣдованія и въ самомъ селѣ, т. е. отъ 1—2 часовъ по-полудни до вечерни. При такомъ отношеніи священника къ дѣлу проповѣди, „прихожане отдаленныхъ отъ села деревень,—

какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ священниковъ,—дѣйствительно имѣли бы возможность слышать Слово Божіе въ праздничные дни вмѣсто того, чтобы расходиться по шинкамъ, или забавляться пѣснями, да плясками, да разными играми, или сидѣть сложа руки, да сплетничать про сосѣдей“ *).

Открывши въ своемъ приходѣ внѣбогослужебныя собесѣдованія, священникъ долженъ заботиться о томъ, чтобы онѣ производились во все мѣсяцы года—и лѣтніе, и зимніе, и осенніе, и весенніе, безъ продолжительныхъ перерывовъ. Такъ, дѣйствительно, и ведутъ свои собесѣдованія наиболѣе опытные и усердные собесѣдники. Но нужно замѣтить, что не все времена года представляютъ одинаковое удобство для крестьянъ къ посѣщенію собесѣдованій. Замѣчено, что лѣтомъ, когда крестьяне земледѣльческихъ губерній бываютъ заняты тяжелымъ полевымъ трудомъ, внѣбогослужебныя собесѣдованія посѣщаются весьма немногими изъ прихожанъ **). Но это обстоятельство не должно служить для священника поводомъ къ прекращенію собесѣдованій въ лѣтніе мѣсяцы, если только онъ самъ за это время не превратится изъ пастыря въ сельскаго хозяина-фермера, изъ сѣятеля Слова Божія—въ сѣятеля только полевыхъ злаковъ, изъ дѣлателя на нивѣ Господней—въ обыкновеннаго жнеца. Правда, въ это время къ внѣбогослужебнымъ собесѣдованіямъ въ иныхъ мѣстахъ можетъ явиться одна лишь пятая или даже десятая часть слушателей, которые присутствовали на собесѣдованіяхъ въ зимнее время; но, вѣдь, и эти немногіе—тоже люди и нуждаются въ просвѣщеніи, и оставлять безъ назиданія и наученія хотя

*) *Урбскій Н.*, свящ.: „Возможно ли и какъ завести внѣбогосл. собесѣдованія?“ („Рук. для с. п.“, 1887 г., № 19).

***) *Зубовъ И.*, свящ.: „О внѣбогосл. по воскреснымъ и праздн. днямъ пастырскихъ собесѣдованій въ селѣ Петровомъ, какъ противодействию штундѣ, появившейся въ окрестности этого села“ (Херсон. еп. вѣд., 1884 г., № 12).—*Щебатинскій Н.*, свящ.: „Отчетъ о внѣцерковныхъ собесѣдов. и о степени ихъ благоуспѣшности за первое полугодіе (1882 г.) въ Михайловскомъ приходѣ, Зміевскаго уѣзда“ (Херсонск. еп. вѣд., 1882 г., № 14, офф. ч.).

бы и немногихъ священникъ не имѣть нравственнаго права. Священникъ, ранѣе ведшій собесѣдованія систематически, по предварительно начертанному плану содержанія ихъ, въ лѣтніе мѣсяцы, предъ фактомъ малочисленности слушателей, можетъ, пожалуй, придти въ нѣкоторое затрудненіе, опасаясь, какъ бы продолженіе собесѣдованій по прежней программѣ съ наличными немногими слушателями не послужило въ ущербъ отсутствующему большинству прихожанъ. Но это вполне основательное опасеніе можетъ быть устранено прекращеніемъ въ рабочіе лѣтніе мѣсяцы систематическаго изложенія и введеніемъ на нѣкоторое время эпизодическаго изложенія вѣроученія и правоученія въ связи, напр., съ жизнеописаніями тѣхъ святыхъ, память которыхъ совершается въ лѣтніе мѣсяцы. Область предметовъ благочестиваго назиданія настолько широка и необъятна, что священнику не придется жаловаться на недостатокъ матеріала *). Насколько являются неблагоприятными для веденія вѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ сельскихъ приходяхъ лѣтніе рабочіе мѣсяцы, настолько, напротивъ, благоприятны тѣ времена года, когда народъ бываетъ наиболѣе свободенъ отъ работъ. Такими временами являются преимущественно зимніе мѣсяцы, а затѣмъ осенніе и весенніе, т. е. періодъ времени, обнимающій собою мѣсяцы съ октября по май. По замѣчанію нѣкоторыхъ священниковъ, ведущихъ вѣбогослужебныя собесѣдованія, особенно много слушателей на нихъ бываетъ Великимъ Постомъ **). Вотъ на такія-то времена священникъ и долженъ обратить свое вниманіе.

69. Мѣсто для веденія вѣбогослужебныхъ собесѣдованій.

Третьимъ практическимъ вопросомъ въ дѣлѣ веденія вѣбогослужебныхъ собесѣдованій является вопросъ о мѣстѣ для ихъ веденія. Опытъ показываетъ, что ссылаться на не-

*) *Потъгинъ А.*: „Вѣбог. собес. пастырей съ прихож.“ (Ворон. еп. вѣд., 1888 г., № 4).

**) „Вѣбогослужебныя собесѣдованія“ (Владимірск. еп. вѣд., 1882 г., № 22).

имѣніе удобнаго мѣста, какъ на причину, препятствующую веденію собесѣдованій, всего менѣе извинительно. Мѣсто для бесѣды священникъ можетъ найти всегда и вездѣ, лишь было бы какъ съ его стороны, такъ и со стороны прихожанъ искреннее усердіе къ Слову Божію.

При выборѣ мѣста для внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, священникъ долженъ болѣе или менѣе сообразоваться съ тѣмъ, въ какое время года и въ какой части прихода ведутся онѣ. Если собесѣдованія ведутся съ жителями села и ближайшихъ къ нему деревень, то мѣстомъ для веденія ихъ всего естественнѣе выбрать храмъ, который искони служитъ не только домомъ молитвы, но и мѣстомъ для нравственно-религіознаго просвѣщенія христіанъ. Въ этомъ случаѣ священники имѣютъ предъ собой примѣръ Спасителя, проповѣдь Котораго нерѣдко раздавалась какъ въ синагогахъ іудейскихъ, такъ и въ самомъ храмѣ іерусалимскомъ. Веденіе внѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ храмѣ имѣетъ еще то преимущество, что святость мѣста сама по себѣ возбудитъ въ слушателяхъ особенное вниманіе къ словамъ священника и благоговѣйное почтеніе къ тѣмъ предметамъ, которые войдутъ въ содержаніе собесѣдованія. Сверхъ того, церковная обстановка вызоветъ въ слушателяхъ высокія чувствованія, отвлекая ихъ мысль отъ будничныхъ, житейскихъ мелочей и заботъ.

Веденіе собесѣдованій въ храмѣ представляется наиболѣе удобнымъ не съ одной только теоретической точки зрѣнія; такимъ оно должно быть признано и съ точки зрѣнія чисто-внѣшней, практической. Наши сельскіе храмы, какъ бы ни жаловались священники на незначительную ихъ величину, всетаки являются самыми вмѣстительными, самыми обширными изъ всѣхъ сельскихъ зданій, предоставленныхъ священнику въ распоряженіе при веденіи собесѣдованій. Въ нихъ всегда можетъ помѣститься, по меньшей мѣрѣ, отъ 150 до 200 человѣкъ. Между тѣмъ, въ другихъ сельскихъ зданіяхъ съ трудомъ можетъ помѣститься отъ 50 до 100 человѣкъ.

Къ сожалѣнію, веденіе внѣбогослужебныхъ собесѣдова-

ній въ храмахъ не во всякое время года является одинаково удобнымъ. Зимой, когда крестьяне бываютъ наиболѣе свободными, и когда число слушателей достигаетъ maximum'a, въ это именно время всего менѣе удобно вести собесѣдованія въ храмъ, такъ какъ наши сельскія церкви, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ отопленія. Холодъ въ церквахъ заставляетъ слушателей постоянно выходить цѣлыми толпами для того, чтобы хотя немного отогрѣть въ церковной сторожкѣ свои озябшіе члены. Шумъ, производимый входящими и выходящими, препятствуетъ остающимся въ церкви слушателямъ внимательно слѣдить за рѣчью священника, даже дѣлаетъ самыя слова его неслышными и неотчетливыми; съ другой стороны, входящіе и выходящіе лишаютъ себя возможности выслушать всю бесѣду священника и необходимо должны бывать довольствоваться только отдѣльными частями ея, одними лишь безсвязными отрывками. Въ виду этого, веденіе собесѣдованій въ храмахъ безъ отопленія можетъ совершаться лишь въ теплыя мѣсяцы; съ наступленіемъ же зимы собесѣдованія должны быть въ такихъ храмахъ прекращаемы и переводимы въ другія зданія *). Впрочемъ, нѣкоторые священники никогда не ведутъ собесѣдованій въ приходскихъ храмахъ, а предпочитаютъ вести ихъ гдѣ-нибудь внѣ храма,— и это единственно изъ опасенія, какъ бы крестьяне не оскорбили невольною грубостью своихъ вопросовъ и отвѣтовъ святости храма **). Но это опасеніе, какъ увидимъ ниже, совершенно напрасное.

Въ зимнее время въ тѣхъ селахъ, въ которыхъ приходскій храмъ не отапливается, внѣбогослужебныя собесѣдованія всего лучше вести въ зданіи народной школы, какому бы вѣдомству она ни принадлежала, лишь бы была болѣе или менѣе вмѣстительною. Перенесеніе внѣбогослужебныхъ собе-

*) „Какъ вести внѣбог. чтенія для народа?“ („Рук. для с. п.“, 1889 г., № 16).

**) *Поттльинъ А.*: „Внѣбог. собес. наст. съ прихож.“ (Ворон. еп. вѣд., 1888 г., № 4).— *Отчетъ* Владимірск. прав. Братства“ (Владимір. еп. вѣд., 1881 г., № 22).

сѣдованій изъ храма въ школу не будетъ заключать въ себѣ ничего страннаго, такъ какъ цѣль сельскихъ школъ—не только умственное развитіе народа, но и воспитаніе его въ духѣ христіанской вѣры и благочестія. Если мы обратимся къ исторіи возникновенія и распространенія въ Россіи виѣбогослужебныхъ собесѣдованій, то увидимъ, что школы служили и служатъ для священниковъ однимъ изъ наиболѣе удобныхъ мѣстъ при веденіи собесѣдованій. Такъ, еще во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1867 г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода писалъ: „въ Кавказской епархіи, по настоянію преосвященнаго, начинаютъ... заводиться... простыя пастырскія бесѣды съ прихожанами... Бесѣды эти совершались въ приходскихъ школахъ, а гдѣ нѣтъ особыхъ зданій для школъ,—въ церковныхъ сторожкахъ. Народъ, по свидѣтельству преосвященнаго Кавказскаго, оказываетъ усердное расположеніе къ этимъ бесѣдамъ. Въ одномъ селеніи народъ такъ усердно собирается на воскресныя бесѣды, что обширное зданіе училища не могло вмѣщать всѣхъ усердствовавшихъ“. Въ этихъ словахъ отчета, кромѣ народныхъ училищъ, указываются еще, какъ мѣста для веденія собесѣдованій, церковныя сторожки. Но послѣднія, какъ недостаточно обширныя, могутъ служить мѣстомъ для собесѣдованій только въ тѣхъ случаяхъ, когда слушателей собирается не особенно значительное количество. Нѣкоторые священники ведутъ свои бесѣды даже въ зданіяхъ мѣстныхъ волостныхъ правленій *). Конечно, и въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго; только веденіе здѣсь собесѣдованій обставляется лишними хлопотами и формальностями, такъ какъ волостныя правленія подлежатъ вѣдѣнію не духовнаго вѣдомства, а министерства внутреннихъ дѣлъ.

(Продолженіе будетъ).

*) *Маврицкій В.*: „Воскр. и праздн. виѣбог. собесѣдованія“. Воров., 1885 г., стр. 329.

*За Редактора, и. д. Ректора Киевской Духовной Семинаріи,
Инспекторъ Иларъ Балабушевичъ.*

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 20 іюля 1901 г.
За цензора священникъ *К. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 32.

Подписка принимается въ редак-
ціи оеого журнала, при Кіевокой
духовной Семинаріи.

1901 года, августа 5-го.

Содержаніе: Церковное отлученіе и его послѣдствія. — О пастырскомъ
взаимообщеніи. — Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣ-
даніи Слова Божія (продолженіе).

Церковное отлученіе и его послѣдствія.

Отлученіе, понимаемое въ смыслѣ вообще исключенія изъ общества тѣхъ изъ членовъ, которые явно и по существу нарушаютъ уставы и законы общества, — такое отлученіе есть необходимое и разумное проявленіе жизни всякаго общества и всякаго организованнаго союза людей. Понимаемое такъ, отлученіе ни въ какомъ случаѣ не заключаетъ въ себѣ признака стѣсненія свободы воли; напротивъ, оно предполагаетъ въ обществѣ, исключаящемъ изъ своей среды нарушителя своихъ правъ и законовъ, съ одной стороны, уваженіе къ этимъ правамъ и законамъ, а съ другой — уваженіе къ свободѣ исключаемого члена, котораго общество не желаетъ или не можетъ насильно связывать узами своихъ законовъ и постановленій. Исключая изъ числа своихъ членовъ нарушителя

своихъ законовъ, общество предоставляетъ ему широкое право искать другой сферы для проявленія его свободы въ желательной для него формѣ. Поэтому, всякое внѣшне-организованное и видимо-существующее общество людей, какія бы оно цѣли ни преслѣдовало, необходимо должно проявлять свою жизнь исключеніемъ изъ своей среды нарушителей уставовъ и законовъ его. Стоитъ просмотрѣть уставъ любого изъ нынѣ существующихъ обществъ, чтобы убѣдиться въ справедливости этого положенія: параграфъ объ „исключеніи членовъ изъ общества“ найдется въ уставѣ каждаго общества. Что касается, въ частности, религіозныхъ обществъ, то отлученіе у этихъ обществъ существовало съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. По свидѣтельству Юлія Цезаря, у галловъ друиды отлучали отъ богослуженія и жертвоприношеній; а по свидѣтельству греческихъ историковъ, афинскіе жрецы отлучили Алкивіада. У евреевъ существовалъ такъ называемый обѣтъ съ закліатіемъ — *cherem*, *אַנְדָּרָה*, многими учеными разсматриваемый, какъ особая форма отлученія. Сущность этого обѣта состояла въ томъ, что отлученные или съ закліатіемъ посвященные Богу предметы должны были подвергнуться истребленію, а посвященные лица умерщвлены. Такой анаѣемъ, по свидѣтельству Свящ. Писанія, были подвергнуты многіе ханаанскіе города со всѣми ихъ жителями и имуществомъ (Втор. 12, 1—3); Иисусъ Навинъ такой анаѣемъ предалъ городъ Іерихонъ (Ис. Нав. 1, 17). Въ позднѣйшей еврейской (раввинской) литературѣ указывается уже *три* вида отлученія: *выговоръ* (*nesiḥa*), *малое отлученіе* (*nidui* или *shamta*) и *отлученіе великое* (*cherem* или *retiḥa*). Первое отлученіе состояло въ томъ, что отлученный, послѣ „выговора“, въ теченіе опредѣленнаго времени (до 30 дней) не имѣлъ права оставлять свой домъ и, слѣдовательно, лишался возможности принимать непосредственное участіе въ религіозной и общественной жизни своего народа. Подвергавшійся *малому отлученію* въ теченіе тоже опредѣленнаго срока (отъ 30 дней и болѣе) не долженъ былъ стричь волосъ ни на головѣ, ни на бородѣ, не долженъ былъ

носить сандалии; при чемъ ни домашнимъ, ни постороннимъ не дозволялось имѣть съ отлученными какое-либо общеніе. Но самымъ страшнымъ для еврея было *отлученіе великое*. Самое произнесеніе этого отлученія совершалось въ присутствіи большого стеченія народа, при особыхъ, устрашающаго характера, обрядахъ. Отлученный лишался права присутствовать въ собраніяхъ, не имѣлъ права быть учителемъ или ученикомъ, нанимать работниковъ и наниматься въ работники, мыться или надѣвать праздничную одежду; его дѣти не допускались къ обрѣзанію; съ отлученнымъ не дозволялось ѣсть или пить; даже подходить къ нему можно было не ближе, какъ на разстояніе 4-хъ локтей. Впрочемъ, въ богослуженіи принимать участіе отлученный могъ, но входить въ храмъ и выходить изъ него онъ долженъ былъ особымъ, назначеннымъ для отлученныхъ, ходомъ. Если отлученный не исправлялся до смерти, то на его могилу бросали камни, какъ бы въ знакъ того, что онъ еще и при жизни заслуживалъ побіенія камнями. На эти синагогальныя отлученія, существовавшія у евреевъ во время земной жизни Христа Спасителя, есть указанія въ Евангеліи, какъ на страшныя орудія въ рукахъ фарисеевъ (Лук. 6, 22; Иоан. 9, 22; 12, 42; 16, 2).

Христіанская Церковь можетъ быть разсматриваема съ двухъ сторонъ: со стороны внутренней, какъ таинственный организмъ, возглавляемый Христомъ, одушевляемый, оживотворяемый и охраняемый благодатію Св. Духа,—и со стороны внѣшней, какъ внѣшне-организованное общество людей, управляемое въ своей жизни опредѣленными нормами, или законами. Поскольку Церковь есть таинственно-благодатный союзъ членовъ ея со Христомъ и между собою, постольку жизнь ея созидается, и цѣлость, чистота ея сохраняется невидимо пребывающей въ ней ея Главою и благодатными силами Духа Св.; Господь Самъ невидимо совершаетъ судъ надъ упорными нарушителями законовъ Своей Церкви и невидимымъ дѣйствіемъ Своего суда отсѣкаетъ ихъ отъ тѣла

Церкви. Какъ видимо-существующее и внѣшне-организованное въ мірѣ общество вѣрующихъ, Церковь аналогична въ проявленіяхъ своей жизни другимъ обществамъ, а потому однимъ изъ необходимыхъ проявленій и ея жизни служить видимое исключеніе, или отлученіе нарушителей ея законовъ. Основаніе отлученія дано, и основныя правила его указаны для Церкви Самимъ Христомъ Спасителемъ въ извѣстномъ Его наставленіи, какъ должно поступать съ согрѣшающимъ братомъ: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единымъ. Аще тебе послушаетъ, приобрѣлъ еси брата твоего: аще ли тебе не послушаетъ, поими съ собою еще единично или два: да при устныхъ двою, или трѣхъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголь. Аще же не послушаетъ и гъ, повѣждь Церкви: аще же и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Мѡ. 18, 15—17). Въ этихъ словахъ Христа Спасителя, прежде всего, указана причина, могущая вызвать Церковь на отлученіе согрѣшившаго брата. Такою причиной служить вообще грѣхъ. Очевидно, слова: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой* не должно понимать въ смыслѣ личной обиды, въ собственномъ смыслѣ грѣха противъ брата, но въ смыслѣ грѣха вообще, такъ какъ, въ силу тѣсной взаимной братской любви, соединяющей христіанъ во единое общество—братскій союзъ, всякій грѣхъ брата близокъ каждому христіанину. И дѣйствительно, въ первые вѣка христіанства причиной отлученія могъ служить всякій тяжкій грѣхъ—противъ ли то вѣры, или нравственности христіанской (*error propter fidem aut bonos mores*, какъ выражаются канонисты). Ап. Павелъ отлучилъ кровосмѣсника и еретиковъ Александра и Именей (1 Кор. 5, 5; 1 Тим. 1, 20). Апостольскія Постановленія довольно ясно различаютъ отлученныхъ за грѣхъ: „съ отлученными вами за грѣхъ обращайтесь и живите вмѣстѣ“¹⁾,—и отлученныхъ за ложное ученіе: „безбожныхъ еретиковъ, которые

¹⁾ Русскій переводъ Постановленій Апостольскихъ, стр. 70.

не раскаяваются, отдѣлите и открыто выгоняйте изъ церкви Божіей, а вѣрующимъ объявляйте, чтобы всячески удерживались отъ нихъ и не имѣли съ ними общенія ни въ разговорахъ, ни въ молитвахъ“¹⁾).

Но впоследствии въ христіанской Церкви выработалась практика отлучать, главнымъ образомъ, за догматическія заблужденія, тогда какъ уклоненія отъ чистоты христіанской жизни, въ большинствѣ случаевъ, можно было исправлять путемъ наставленія, убѣжденія и при помощи средствъ внутренней церковной дисциплины; только при полной неисправимости грѣшника и при его упорствѣ Церковь отлучала его.

Но и при догматическихъ заблужденіяхъ Церковь, слѣдуя завѣту Христа Спасителя, предваряла отлученіе неоднократными увѣщаніями и вообще поступала въ этомъ случаѣ съ крайней осмотрительностью. Апостольское правило 30-е предписываетъ троекратное увѣщаніе прежде отлученія. Апостольскія Постановленія даютъ наставленія епископу: „со мною о осторожностью, посоветовавшись съ другими опытными врачами, отсѣкай гнилой членъ, чтобы не растлилось все тѣло Церкви“, такъ какъ „отдадите отчетъ въ день Господень, если исторгнете изъ Церкви невиннаго“²⁾. Въ древней христіанской Церкви, кромѣ предварительныхъ увѣщаній, различались два вида отлученія: *отлученіе малое*, или неполное и *отлученіе великое*, или полное; причемъ первое обычно предваряло второе. *Неполное отлученіе*, для обозначенія котораго употреблялся терминъ *ἀποκομια*. *ἀφορισμός*, состояло во временномъ лишеніи заблуждающагося или согрѣшившаго церковнаго общенія, во временномъ лишеніи его тѣхъ благъ, какими пользуется христіанинъ, какъ членъ Церкви: онъ временно лишался права участія въ общественной молитвѣ, иногда на время лишался принятія таинства евхаристіи. *Малое отлученіе* было временнымъ не въ томъ смыслѣ, что

¹⁾ Тамъ же, стр. 188—190.

²⁾ Русск. пер., стр. 72, 43.

оно назначалось на опредѣленный срокъ, но въ томъ, что продолжалось до покаянія и исправленія отлученнаго. Подвергавшійся *малому отлученію* считался находящимся не внѣ Церкви, а въ оградѣ церковной.—Отлученіемъ въ собственномъ смыслѣ было *отлученіе полное*, для обозначенія котораго употреблялся терминъ *ἀνάθεμα*. Это отлученіе состояло въ совершенномъ исключеніи изъ христіанскаго общества; подвергавшійся этому отлученію считался находящимся внѣ Церкви, и Церковь прекращала съ нимъ всякія церковно-богослужебныя отношенія. *Полному отлученію* члены Церкви обычно подвергались уже послѣ того, когда по отношенію къ нимъ были испробованы всѣ средства исправленія и обращенія на путь истины и добра, или когда эти члены нарушали постановленія Церкви, за нарушеніе которыхъ она прямо угрожала такимъ отлученіемъ. *Полное отлученіе* ясно отличается отъ *неполнаго*, напр., въ постановленіяхъ третьяго вселенскаго собора. Такъ, 6-е правило этого собора говоритъ, что „тѣ, которые колеблютъ учиненное на соборѣ (Ефесскомъ), если клирики—извергаются, если міряне—отлучаются отъ общенія церковнаго (*ἀποκοινωνήτοι*)“. Здѣсь, очевидно, назначается *малое отлученіе* за распространеніе сомнѣній касательно „учиненнаго на соборѣ“. *Седьмое* правило того же собора опредѣляетъ мірянъ, „мыслящихъ противное догмату ефесскому, подвергать анаемѣ“, т. е. *полному отлученію* за непринятіе догматовъ собора. Угрозой „анаемы“ соборы весьма часто ограждаютъ ненарушимость своихъ постановленій, но съ понятіемъ анаемы не соединилось понятіе еврейскаго *shegem*, или проклятія: оно служило обозначеніемъ лишь церковнаго отлученія. Правда, мнѣніе объ анаемѣ, какъ о проклятій, какъ о предосужденіи отлученнаго на вѣчныя адскія мученія и преданіи его въ руки сатаны, существовало и въ древнія времена; болѣе распространеннымъ такое мнѣніе было въ средніе вѣка и у греческихъ (Зонары, Вальсамона и др.) и особенно католическихъ канонистовъ: тогда крайне жестокое отношеніе къ еретикамъ какъ бы

находило свое оправданіе въ такомъ совершенно неправильномъ пониманіи анаѣмы. Повидимому, основаіе для пониманія анаѣмы въ смыслѣ проклятiя находили въ словахъ ап. Павла, повелѣвшаго коринѣскаго кровосмѣсника *передати сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день Господа нашего Иисуса Христа* (1 Кор. 5, 5; ср. 1 Тим. 1, 20: *ихже—Именея и Александра—предахъ сатанѣ, да накажутся не хулити*). Но древніе толкователи въ этихъ словахъ апостола усматривали лишь метафорическое выраженіе той мысли, что отлученный какъ бы переходилъ во власть сатаны тѣмъ, что чрезъ отлученіе отъ Церкви возвращался въ языческое состояніе, во власть тьмы, царство зла и діавола.—Что слова апостола нельзя понимать въ смыслѣ проклятiя, дѣйствительнаго и окончательнаго преданiя во власть сатаны, это очевидно изъ того, что цѣль такого *преданiя* апостоль указываетъ духовно-врачевательную—*да духъ спасется, да накажутся* (научатся) *не хулити*. Въ смыслѣ именно возвращенiя отлученнаго въ состояніе язычества объясняетъ слова ап. Павла, напр., блаж. Августинъ. „Поелику,—говоритъ онъ,—внѣ Церкви царствуетъ діаволъ; то тотъ, кто отвергается отъ церковнаго общенiя, какъ бы предается діаволу“. Противъ неправильнаго, не согласнаго съ духомъ христіанской любви пониманiя анаѣмы, какъ проклятiя, какъ предосужденiя отлученнаго на загробное мученіе и преданiя во власть сатаны, направлена и извѣстная бесѣда Іоанна Златоуста „о проклятiи“, въ которой св. отецъ доказываетъ, что такое пониманіе противно духу христіанскаго ученiя, какъ противно духу христіанскаго ученiя произносить окончательный судъ надъ человѣкомъ, судьба котораго во власти Божіей: „апостолы,—говоритъ Златоустъ,—бывъ строго исполнителны какъ во всемъ другомъ, такъ и въ этомъ дѣлѣ, обличали и отвергали ереси, но никого изъ еретиковъ не подвергали такому наказанiю“, т. е. проклятiю. Книга Постановленiй Апостольскихъ объясняетъ анаѣму именно какъ изъятіе негоднаго члена изъ общества вѣрующихъ, изъятіе

сознанію. Покаяніе и исправленіе полагало конецъ не только *малому*, но и *великому отлученію*. Поэтому, Апостольскія Постановленія даютъ убѣдительное наставленіе епископамъ заботиться объ обращеніи и „выгнанныхъ“ изъ стада Христа: „выгнанное ты, епископъ, возвращай, то есть, кто былъ въ грѣхахъ и въ наказаніе извержень, тому не попускай оставаться внѣ, но, принявъ и обративъ его, поставляй въ стадѣ, т. е. въ народѣ непорочной Церкви... Кто такъ далеко ушелъ отъ собственнаго стада, что можетъ быть пожранъ волками, того отыскивай и всѣвай въ него надежду. А если есть надежда, то пусть епископъ усвоитъ прегрѣшенія другого и скажетъ согрѣшившему: только ты обратись, а смерть за тебѣ возьму я, какъ Господь взялъ смерть за меня и за всѣхъ“.

(Продолженіе будетъ).

А. Т.

О пастырскомъ взаимоотноеніи.

Всякое дѣло будетъ идти успѣшнѣе и надежнѣе, если за него принимаются общими силами. Кому не извѣстны пословицы: „умъ—хорошо, а два—лучше“, „семь головъ—семь умовъ“. И въ жизни наблюдается, что разные вопросы—въ области ли научной, или промышленной, особенно близко касающіеся жизненныхъ требованій, опредѣляются и рѣшаются совмѣстными стараніями многихъ спеціалистовъ. Съѣзжаются сахарозаводчики, коммерсанты, медики и многихъ другихъ профессій представители и обсуждаютъ интересующій ихъ вопросъ, равно какъ и дѣлятся своими познаніями по данному предмету.

Что замѣчается среди дѣятелей на разныхъ другихъ жизненныхъ поприщахъ, то рѣдко бываетъ среди духовенства, особенно сельскаго.

Впрочемъ, сельское духовенство не совсѣмъ чуждо взаимнообщенія; но его взаимнообщеніе имѣетъ случайный характеръ, чуждо коллективности и происходитъ почти исключительно на почвѣ обычной визитаціи и гостепріимства. Не могу утверждать, чтобы такъ было повсемѣстно, хотя, впрочемъ, имѣются данныя, основываясь на которыхъ, можно думать, что взаимнообщеніе сельскаго духовенства по всей Руси рѣдко и очень рѣдко выступаетъ изъ очерченныхъ выше рамокъ. Чуть только въ какомъ-нибудь уголкѣ Россіи сельское духовенство начнетъ группироваться въ кружки съ доброю цѣлію обсудить и рѣшить интересующій вопросъ изъ пастырской практики, объ этомъ сейчасъ начинаютъ говорить въ періодической печати, близко стоящей къ церковному дѣлу. А такихъ случаевъ печатью отмѣчено очень мало.

Нельзя сказать, чтобы пастырское служеніе было просто, легко и не требовало для труждающихся въ немъ сторонней помощи и поддержки. Священникъ, какъ пастырь, имѣетъ дѣло прежде всего съ душой. Трудно воспитать даже въ своей семьѣ дѣтей, трудно всегда въ пору уловить различныя движенія и требованія дѣтской души. Еще труднѣе воспитывать души пасомыхъ, такъ какъ ихъ много, и, кромѣ того, воздѣйствіе на нихъ пастыря ограничивается опредѣленнымъ временемъ и мѣстомъ. „Мы“, по словамъ св. Іоанна Златоуста, „готовимся не къ одному роду борьбы; но эта война разнообразна и производится различными врагами. Не всѣ они дѣйствуютъ однимъ и тѣмъ же оружіемъ и стараются нападать на насъ не одинаковымъ образомъ. Поэтому, кто намѣревается вести эту войну со всѣми, тотъ долженъ знать способности дѣйствія всѣхъ ихъ... если намѣревающейся побѣждать не будетъ свѣдущъ во всѣхъ частяхъ этого искусства, то діаволь и чрезъ одну какую-нибудь часть, если она останется въ пренебреженіи, сумѣетъ провести своихъ грабителей и расхитить овецъ“ (Твор. Злат., т. I, стр. 445). „Поэтому, священникъ долженъ со всѣхъ сторонъ оградить себя, какъ бы какимъ адамантовымъ оружіемъ, тщательною бдительностью

и постояннымъ бодрствованіемъ надъ своею жизнію, всюду наблюдая, чтобы кто-нибудь не нашель открытаго и неберегаемаго мѣста и не нанесъ смертельнаго удара; ибо всѣ окружающіе готовы уязвлять и поражать его — не только враги и непріатели, но и многіе изъ тѣхъ, которые притворяются друзьями“ (тамъ же, стр. 426 . „Священникъ долженъ быть бодрствующимъ и осмотрительнымъ и имѣть множество глазъ со всѣхъ сторонъ, какъ живущій не для себя одного, а для множества людей“ (тамъ же, стр. 424). Словомъ, по убѣжденію величайшаго учителя и идеальнѣйшаго пастыря, священнику необходимо обладать предусмотрительностью, благоразуміемъ и искусствомъ, съ помощью котораго можно было бы выходить и изъ безвыходнаго положенія. Помѣщены мною выдержки изъ Златоуста не съ цѣлію кого-нибудь назидать, а для подтвержденія и уясненія той мысли, что священническое служеніе—очень трудное и далеко не можетъ обойтись безъ сторонней помощи. Что же касается сей послѣдней, то она, прежде всего, открывается въ братскомъ взаимообщеніи соратниковъ на одной и той же нивѣ.

Въ добавленіе къ широкому и основательному знакомству съ предметами богословскихъ и соприкосновенныхъ къ нимъ наукъ требуется пастырю имѣть еще кое-что немаловажное, безъ чего дѣятельность его можетъ быть въ лучшемъ случаѣ малоуспѣшна. Это—жизненный опытъ и тактъ. Гдѣ же этого набраться молодому пастырю, еще не извѣдавшему сладости самостоятельнаго бытія? Не можетъ ли онъ, по своей неопытности и часто незрѣлому возрасту, дѣлать большіе промахи, чувствительно отражающіеся на воздѣлываемой имъ духовной нивѣ? Да, наконецъ, достаточно ли каждому пастырю его только личнаго, хотя бы и долготѣннаго, опыта? Не выиграетъ ли значительно его дѣятельность, если онъ познакомится и съ практикой своихъ собратьевъ? Въдъ такимъ образомъ ему откроется возможность выбрать изъ многаго лучшее, что могло прямо-таки и въ голову ему лично не прійти? У насъ теперь каждый священникъ въ приходѣ дѣйствуетъ, можно

сказать, самолично и самостоятельно въ томъ смыслѣ, что рѣдко когда справляется съ практикой своихъ сосѣдей-сослуживцевъ. Одинъ борется съ извѣстнымъ порокомъ въ приходѣ такъ, другой—иначе, третій—опять по своему. У моего сосѣда вѣроученіе и нравоученіе нашей религіи насаждается въ приходѣ по выработанному имъ плану, у меня и у другого и третьяго—по придуманному каждымъ способомъ или же совсѣмъ безъ всякаго плана. Кто изъ насъ достигаетъ вѣрнѣе и болѣшихъ успѣховъ, этого мы не знаемъ и не хотимъ часто знать; между тѣмъ какъ слѣдовало бы знать, чтобы каждый могъ, пользуясь указаннымъ болѣе вѣрнымъ путемъ, приходиться въ своихъ стараніяхъ къ желанному результату. Въ этой области священнической дѣятельности—если не произволь, то полная разрозненность.—Если бы, напримѣръ, священники, порѣшивъ бороться съ какимъ-нибудь сильно вкоренившимся и особо нагубнымъ порокомъ въ народѣ, напрягли всѣ вмѣстѣ свои силы и старанія въ требуемую сторону, то, навѣрно, этотъ самый порокъ въ значительной степени во взятомъ районѣ ослабѣлъ бы, если бы не совсѣмъ исчезъ. Общеніе между народомъ одного села и другого несомнѣнно бываетъ (базары, ярмарки, престольные праздники, родственныя связи и мн. др.), и настроеніе одного села, незамѣтно для насъ и для самихъ прихожанъ, передается другому, отъ другого къ третьему и т. д. Много ли успѣетъ мой сослуживецъ-сосѣдь въ борьбѣ съ намѣченнымъ зломъ въ своемъ приходѣ, если у меня въ приходѣ или же въ другомъ и въ третьемъ селахъ, имѣющихъ общеніе между собою, о томъ же предметѣ и помину нѣтъ? И наоборотъ. Допустимъ, между духовенствомъ взятаго округа на общемъ собраніи состоялось братское разумное соглашеніе о томъ, что необходимо начать и дѣятельно повести борьбу съ такимъ-то порокомъ. Тутъ же выработаны или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько опредѣлены мѣры борьбы. Начинаемъ всѣ мы одинаково свою борьбу. Въ силу того же общенія между крестьянами разныхъ сель пойдутъ разговоры о поднявшейся борьбѣ, одновременность, на-

стойчивость и однообразіе мѣръ приведуть, при помощи Божіей, къ доброму результату.

Широкая и многосторонняя пастырская практика, по скольку она касается чисто житейской сферы, можетъ выдвинуть—да несомнѣнно и теперь выдвигаетъ—много вопросовъ, имѣющихъ какъ мѣстное значеніе, такъ и общецерковное. Не намъ, конечно, рѣшать вопросы съ значеніемъ общецерковнымъ; но мы могли бы такимъ вопросамъ дать приспособленіе къ жизненнымъ требованіямъ даннаго мѣста и момента. Вызываются вопросы немалозначащія. Но, вслѣдствіе разрозненности силъ и за отсутствіемъ единодушія въ средѣ духовенства, эти вопросы остаются не разрѣшенными или рѣшаются односторонне, а подчасъ и совсѣмъ невѣрно, если не съ юридической точки зрѣнія, то съ логической и нравственной. Еще рѣже поставленные вопросы цѣлесообразно приспособляются къ жизненнымъ требованіямъ.

Кромѣ чисто пастырскихъ отношеній къ своимъ прихожанамъ, священникъ имѣетъ съ ними еще и сношенія личнаго характера. Съ этой стороны требуется отъ священника особенно внимательная предусмотрительность, опять таки легче и скорѣе вырабатываемая съ помощью взаимообщенія между собратями. Много писано и въ свѣтской литературѣ о томъ, какъ всего удобнѣе сродниться съ нашимъ простонародьемъ, какъ къ нему подойти, чтобы овладѣть его довѣріемъ,—и все-таки на этотъ счетъ не выработано еще строго опредѣленныхъ способовъ и приемовъ. Наблюдательность прожившихъ немало подлѣ народа и съ народомъ священниковъ могла бы предотвратить новичковъ—пастырей отъ многихъ ошибокъ.

„Не возможно“, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, „чтобы море когда-нибудь не волновалось; не возможно, чтобы и душа священника оставалась безъ заботъ и скорби“ (Твор. Злат. т. I, стр. 455). Развѣ братское взаимообщеніе не подняло бы уха скорбящаго собрата? Развѣ сознание сплоченности и проявленіе единодушія не подавило бы унынія и непрестан-

ныхъ безпокойствъ, могущихъ сокрушить силу души и довести до крайняго изнеможенія? — Конечно, безъ братской любви и взаимнаго довѣрія, взаимообщеніе, кромѣ разочарованія, горечи и ущемленія самолюбія, ничего не принесеть.

Жизнь въ приходѣ и сношенія внѣ прихода предъявляютъ ко всѣмъ священникамъ одинаковыя требованія, отъ всѣхъ одинаково требуютъ умѣнья, сноровки и опытности. И тѣмъ, которые не успѣли еще заpastись этимъ оружіемъ, „нельзя оправдываться неопытностью, прибѣгать къ невѣдѣнію, извиняться необходимостью“. „Священникъ долженъ быть весьма благоразуменъ и опытенъ во многомъ, знать все житейское не менѣе обращающихся въ мірѣ“ (Злат.). Дѣятельность его многосторонняя, и отъ него, поэтому, требуются познанія многостороннія, какъ опытныхъ, такъ и теоретическихкія. Допустимъ, что даже многія изъ послѣднихъ онъ получилъ въ школѣ, а гдѣ же ему взять первыя?—Ужъ, конечно, не въ школѣ.

Не малую пользу принесли бы собранія сельскаго духовенства и въ дѣлѣ самообразованія его. Часто однѣ лишь мечты о чемъ-нибудь добромъ приносятъ въ душу свѣжесть и нѣкоторую отраду. Если же эти мечты перейдутъ въ разумныя, обстоятельныя разговоры—и притомъ не о чемъ-нибудь недосыгаемомъ, а о возможномъ улучшеніи въ себѣ и въ своихъ, то смѣло можно уже сказать, что на впечатлительную душу—и разговаривающихъ и слушающихъ—это окажется не малое воздѣйствіе. Чѣмъ больше человекъ имѣетъ общенія съ людьми свѣдущими въ какой-либо отрасли знанія, тѣмъ больше самъ онъ набирается этихъ свѣдѣній. Это правило приложимо даже къ людямъ совершенно необразованнымъ. Если же принять во вниманіе, что собранія духовенства будутъ устраиваться часто съ спеціальною цѣлію обсужденія различныхъ предметовъ, то вліяніе этихъ собраній на душевную жизнь духовенства будетъ очень значительно. Они оживили бы и расширили бы умственный кругозоръ духовенства: во-первыхъ, каждый старался бы подготовиться къ слу-

шанію и къ участію въ изложеніи и разъясненіи намѣченнаго вопроса; во-вторыхъ, каждый познакомился бы съ взглядами другихъ на тотъ же предметъ. Такимъ образомъ, взаимобщеніе духовенства окажетъ большую услугу его самообразованію. Какъ настоятельна потребность въ семъ послѣднемъ, объ этомъ стоитъ еще поговорить, тѣмъ болѣе, что среди духовенства высказываются мнѣнія, которыя, если не отрицаютъ прямо потребности самообразованія, то отводятъ ей въ пастырскомъ вопросѣ не соотвѣтствующее ея значенію мѣсто. Способствуя одухотворенію нашего самосознанія, помогая возобладанію нашего духа надъ матеріей, оно чрезъ это самое уже дѣлаетъ насъ отзывчивѣе и къ нуждамъ другихъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что всякій человѣкъ тѣмъ ревностнѣе будетъ стремиться ко всему человѣческому.

Вопросъ о самообразованіи тѣсно сопривасается съ вопросомъ о взаимобщеніи сельскаго духовенства. И первый изъ нихъ тѣмъ скорѣе, вѣрнѣе и успѣшнѣе можетъ подвинуться къ рѣшенію, чѣмъ лучше, разумнѣе и сердечнѣе будетъ разрѣшаться второй.

Какъ же организовать дѣло взаимобщенія духовенства?— Думается, что удобнѣе всего было бы взяться за это дѣло окружнымъ благочиннымъ. Благочинные, по своему служебному положенію, поставлены въ необходимость имѣть довольно частое общеніе съ окружнымъ доховенствомъ. Сообщаясь же съ подвѣдомымъ духовенствомъ, они могли бы расположить каждаго порознь къ взаимобщенію и приступить къ организациі собраній. Кромѣ того, каждый благочинный имѣетъ и чисто оффиціальное полномочіе въ своемъ округѣ всѣми добрыми способами помогать духовенству нести свои обязанности и руководить имъ въ его служеніи. Съ увѣренностью можно сказать, что этой стороной своей дѣятельности благочинные гораздо ближе станутъ къ носимому ими титулу, чѣмъ только приѣмомъ годовой и полугодовой отчетности отъ каждаго прихода и своими почти только оффиціальными сношеніями съ духовенствомъ. А между тѣмъ, въ силу какой-то необходи-

мости, почти повсемѣстно благочинные заняты исключительно одной формой, и что сверхъ сего, то считается уже не относящимся „къ дѣлу“ или же совсѣмъ малозначащимъ. Вслѣдствіе этого, живое и интересное дѣло игнорируется, и всякое заявленіе на почвѣ неофициальной остается безъ вниманія и участія. Тяжело видѣть и чувствовать, что въ духовномъ словѣ, которое по преимуществу призвано стоять на стражѣ высокихъ интересовъ духа, возобладѣла одна бездушная форма.

Какія бы ни стояли препятствія на пути организаціи правильныхъ періодическихъ собраній сельскаго духовенства съ цѣлю его взаимообщенія и объединенія, все-таки благочинный могъ бы этого достигнуть. Для этого требуется прежде всего, его личное желаніе, затѣмъ—стараніе, энергія и настойчивость. Правда, привести къ единодушію тридцать человѣкъ или около этого, часто съ противоположными взглядами на жизнь и свое служеніе, довольно трудно,—тѣмъ не менѣе не невозможно. Какъ и во всякомъ дѣлѣ, здѣсь тоже важенъ починъ. Одинъ по одному священники будутъ присоединяться къ образовавшемуся кружку, пока, наконецъ, всѣ поймутъ и увидятъ, что въ ихъ единодушіи, въ объединеніи ихъ интересовъ—ихъ оплотъ, ихъ успѣхъ и корень ихъ самосознанія, ибо „братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ и якоже основанное царство (Притч. XVIII, 19).

Очень отрадно было бы, если бы немногіе примѣры нашихъ собратьевъ по устройству правильныхъ собраній подвинули и насъ къ тому же. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего отечества духовенство на такихъ собраніяхъ, между прочимъ, приняло предложеніе поочередно каждому въ своемъ приходѣ совершать сорокоусты по скончавшихся своихъ собратіяхъ одноокружпикахъ. Въ другихъ же мѣстахъ нерѣдко даже при погребеніи умершаго собрата не молятся, потому что только черезъ мѣсяць, а иногда и два узнаютъ о смерти его изъ епархіальныхъ вѣдомостей... Сообщать, дескать, о смерти священника по всему округу благочинническому—лишнее за-

трудненіе, тѣмъ болѣе, что это не предусмотрѣно параграфами „Инструкціи благочинному“ ¹⁾...

Священникъ *Николай Дробницкій.*

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ²⁾).

Въ лѣтнее время, при благопріятной погодѣ, собесѣдованія могутъ быть производимы и просто на открытомъ воздухѣ, гдѣ-нибудь близъ церкви, на зеленомъ лугу. Такая обстановка вѣббогослужебныхъ собесѣдованій насколько проста, настолько же и высоко умилительна. Священникъ выходитъ изъ церкви безъ ризъ, безъ епитрахили, въ одной рясѣ или подрясникѣ; садится на церковное крыльцо или на скамью, подъ тѣнью вѣкового дуба, густой липы, широколиственнаго клена или серебристаго тополя; его окружаютъ крестьяне, располагаясь запросто, кому гдѣ и какъ удобнѣе—стоя или сидя на травѣ, камнѣ, могильномъ холмѣ и т. п.—и начинается бесѣда, простотой содержанія и обстановки напоминающая евангельскія бесѣды Самого Господа Иисуса Христа, великаго Пастыреначальника *).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда собесѣдованія ведутся священникомъ гдѣ-либо внѣ села, т. е. въ какой-либо изъ деревень прихода, мѣстомъ для нихъ избирается, конечно, наиболѣе просторная и удобная для этой цѣли изба кого-либо изъ прихожанъ, особенно сочувствующихъ собесѣдованіямъ. Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ есть часовни, разумѣется, всего удобнѣе вести собесѣдованія въ этихъ, посвященныхъ имени Божію, зданіяхъ. Нѣкоторые приходы имѣютъ въ своемъ районѣ не одну, а двѣ (иногда и болѣе) церкви: это—приходы съ такъ

¹⁾ Кіевск. еп. вѣд., № 14.

²⁾ См. № 31 за 1901 г.

*) *Потпъзгнъ Ал.* „Вѣббогосл. соб. пастырей“ (Воронѣжск. еп. вѣд., 1888 г., № 4).

называемыми приписными церквами, находящимися въ болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ главнаго центра приходской жизни и мѣстожителства причта. Священники такихъ приходоѡ ведутъ собесѣдованія и въ главномъ селѣ и въ приписномъ, и въ обоихъ случаяхъ они имѣютъ удобное мѣсто для веденія собесѣдованій. именно—сельскіе храмы.— Помимо указанныхъ нами мѣстъ для веденія внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, священникъ можетъ найти и другія, смотря по условіямъ жизни крестьянъ его прихода.

70. Способъ веденія внѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ, ихъ характеръ и роль священника.

По своему характеру, внѣбогослужебныя собесѣдованія, какъ истинная церковная проповѣдь, должны, естественно, быть просты и искренни, хотя въ то же время не должны быть низводимы до обыденнаго, житейскаго разговора друзей и пріятелей. Собесѣдованія необходимо должны носить въ значительной долѣ характеръ церковности, особенно когда онѣ ведутся въ храмѣ. Этотъ характеръ церковности долженъ сказываться не въ одномъ лишь предметѣ бесѣды, который всегда долженъ быть нравственно-религіознымъ; о характерѣ церковности въ бесѣдахъ должны говорить и другіе признаки, къ которымъ относятся молитва и церковное пѣніе.

Если всякое доброе дѣло христіане должны начинать молитвою, то тѣмъ болѣе необходима и умѣстна общая молитва предъ началомъ собесѣдованій. Такъ обыкновенно всюду и дѣлается. Внѣбогослужебныя собесѣдованія всегда и вездѣ предваряются молитвой Св. Духу: „Царю Небесный“... Въ нѣкоторыхъ приходахъ эта молитва читается, въ большинствѣ же мѣстностей она поется, равно какъ поются и молитвы, которыми заканчиваются собесѣдованія. Сначала поютъ, конечно, только священно-церковнослужители съ грамотными прихожанами, а впослѣдствіи присоединяются къ нимъ и многіе изъ присутствующихъ на собесѣдованіи. Въ послѣднемъ

случаѣ пѣніе на первыхъ порахъ бываетъ робкое и не очень стройное, но съ теченіемъ времени оно улучшается и дѣлается необходимымъ спутникомъ собесѣдованій и существенною ихъ принадлежностью. Пѣніе привлекаетъ народъ къ храму и ко всему священному. Оно улучшаетъ и облагораживаетъ даже народныя напѣвы и способно отучить народъ отъ пошлыхъ и циничныхъ пѣсенъ. Кромѣ того, пѣніе молитвословій на внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ служитъ средствомъ, питающимъ религіозное чувство слушателей на ряду съ питаніемъ ихъ ума и сердца изъясняемыми предметами. Имѣя въ виду такое значеніе церковнаго пѣнія, многіе священники допускаютъ пѣніе молитвъ не только въ началѣ и въ концѣ, но и во время самаго собесѣдованія, въ промежуткахъ между различными отдѣлами или частями его. Пѣніе въ этомъ послѣднемъ случаѣ вноситъ въ собесѣдованіе особенную оживленность, способствуетъ ободренію слушателей и предохраняетъ вниманіе ихъ отъ утомленія. „Не очень стройно это пѣніе на первыхъ порахъ,—пишетъ одинъ священникъ,—за то поется отъ чистаго сердца и съ благоговѣніемъ. Какъ скоро начинается на собесѣдованіяхъ пѣніе, всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ; умѣющіе поютъ, иные подпѣваютъ и молятся“ *).

Послѣ предначинательной молитвы слушатели садятся на свои мѣста. Если собесѣдованіе ведется въ школѣ или въ крестьянской избѣ, то затрудненій и неудобствъ въ этомъ отношеніи почти не можетъ быть. Если же собесѣдованіе происходитъ въ храмѣ, то священникъ предварительно долженъ позаботиться о доставкѣ въ церковь скамеекъ изъ сосѣднихъ крестьянскихъ избъ. Слушатели во время собесѣдованія непрерывно должны сидѣть, потому что этимъ въ значительной степени обуславливается успѣхъ собесѣдованія: давши слушателямъ возможность присутствовать на собесѣдованіи безъ утомленія, священникъ легко достигнетъ того, что его внѣбогослужебная проповѣдь, даже независимо отъ своихъ вну-

*) „Отчетъ Владимірск. прав. Братства“ (Владим. еп. вѣд., 1881 г., № 22).

тренихъ качествъ, будетъ должнымъ образомъ услышана, понята и усвоена присутствующими. А разъ проповѣдь, хотя бы въ литературномъ отношеніи и не безукоризненная, будетъ произнесена внятно и выслушана и понята всѣми слушателями, она непременно окажется полезною для нихъ, такъ какъ предметъ ея относится къ области христіанскаго вѣроученія и назиданія *).

Уже въ томъ самомъ, что слушатели во время вѣбогослужебныхъ собесѣдованій сидятъ, а не стоятъ, сказывается одно изъ вѣшнихъ отличій этого рода проповѣди отъ проповѣди церковно-богослужебной. При всей необходимости въ собесѣдованіяхъ элемента церковности, онѣ должны быть какъ можно менѣе оффиціальны и торжественны. Торжественная, оффиціальная обстановка не столько можетъ принести пользы, сколько повредить дѣлу вѣбогослужебнаго проповѣдничества. Нѣтъ нужды для священника надѣвать на себя епитрахиль, а тѣмъ болѣе ризу, не нужно также ставить на солею противъ царскихъ вратъ аналогій: все это будетъ только стѣснять слушателей, такъ какъ самыя собесѣдованія будутъ представляться имъ чѣмъ-то въ родѣ богослуженій, когда входитъ въ разговоры неумѣстно и не позволительно. Лучше всего пусть священникъ велитъ поставить для себя какой-нибудь простой столъ со стуломъ или табуретомъ, гдѣ-нибудь подалѣе отъ иконостаса, напр., на томъ мѣстѣ, гдѣ читается во время литургіи заамвонная молитва. По окончаніи пѣнія молитвы: „Царю небесный“, священникъ, приглашая слушателей сѣсть, садится и самъ на приготовленное мѣсто, положивши на столъ Библию и необходимыя для справокъ книги **).

„Въ Юговской церкви,—говоритъ прот. А. Луканинъ,—сначала (1861 и 1862 гг.) чтеніе производилось за аналоемъ, при чемъ священникъ облачался въ епитрахиль; народъ стоялъ около аналоя; но при такой оффиціальной обстановкѣ пред-

*) Барсовъ Н.: „О возможныхъ улучшеніяхъ нашей церковной проповѣди“ („Христ. чт.“, 1894 г., № 1).

**) Потъхинъ А.: „Вѣбог. собесѣд.“ (Вор. еп. вѣд., 1888 г., № 4).

стоящіе были пассивными, безмолвными слушателями; понимали ли, не понимали ли читаемое, а только слушали. Между тѣмъ въ мысляхъ ихъ могли возникнуть вопросы, недоумѣнія; при обстановкѣ, похожей на оффиціальную проповѣдь, предлагать вопросы, вступать въ бесѣду они стѣснялись. Священнику приходилось избирать предметы для собесѣдованія на удачу. Сверхъ того, стоять на ногахъ нѣсколько часовъ было утомительно. Поэтому, съ 1863 года стали вести бесѣду на подобіе семейной, безъ особенной обстановки: священникъ послѣ молитвы обыкновенно садится за столъ, находящійся въ трапезѣ церкви, слушатели садились около стола на лавкахъ, на табуретахъ, на полу,—и начиналось чтеніе. При такомъ... семейномъ порядкѣ собесѣдованія слушатели чувствовали себя свободнѣе, предлагали вопросы, изъясняли свои недоразумѣнія, сомнѣнія, выслушивали изустныя объясненія священника, а нерѣдко и сами рассказывали назидательные случаи изъ жизни, соприкасающіеся съ предметомъ чтенія. При этомъ очень просто и естественно сказывались ходячія въ народѣ понятія, взгляды, суевѣрія, примѣты, повѣрья, предразсудки, толки, и вообще все религіозное міросозерцаніе простого народа выступало весьма рельефно. Такимъ образомъ, священнику стало легко избирать предметы для собесѣдованія, отвѣчающіе насущнымъ потребностямъ и запросамъ жизни, и притомъ каждое собесѣдованіе давало новые и новые матеріалы для бесѣдъ *).

При простой обстановкѣ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій и самая рѣчь проповѣдника должна быть проста, безыскусственна. Его бесѣда съ прихожанами, — разумѣется, изустная, импровизированная,—должна вестись тѣмъ самымъ языкомъ, какимъ говорятъ въ обычномъ благопристойномъ разговорѣ. Конечно, священникъ, обладающій даромъ свободного, изящнаго слова, будетъ и говорить тѣмъ плавнымъ и складнымъ языкомъ, какимъ способенъ говорить онъ отъ при-

*) „Воскресныя бесѣды“ („Рук. для с. п.“, 1870 г., № 21).

роды. Но проповѣдникъ, лишенный этого дара, пусть говорить такъ, какъ можетъ и умѣетъ; его забота должна быть направлена преимущественно на то, чтобы предметъ проповѣди былъ изложенъ имъ ясно и понятно для слушателей*). Приступать къ собесѣдованію священникъ долженъ просто и смѣло. Ознакомившись заблаговременно съ предметомъ предстоящаго собесѣдованія по тѣмъ или инымъ пособіямъ и руководствамъ, обдумавши и ясно усвоивши все, относящееся къ нему, священникъ, выступивши предъ слушателями, не долженъ долго задумываться надъ приступомъ своей рѣчи. Чѣмъ проще начало, тѣмъ лучше. Нѣтъ бѣды, если начало собесѣдованія, по характеру своему, будетъ даже шаблоннымъ, въ родѣ, напр., слѣдующаго: „у насъ, православные христіане, сегодня такой-то праздникъ“; или: „сегодня, братіе, собесѣдуемъ о томъ-то“ и т. д. **). Для наглядности и ясности рѣчи, священникъ можетъ свободно употреблять слова, обороты и сравненія, заимствованныя изъ рѣчи обыденной, равно какъ можетъ съ благоразумною осмотрительностью ссылаться и на личности, на случаи и факты, всѣмъ собесѣдникамъ извѣстные и близко ихъ касающіеся. Словомъ, на собесѣдованіяхъ священникъ можетъ и долженъ излагать предметы съ такою же свободою и непринужденностью и тѣми же способами и приѣмами, какими пользуется онъ во время проповѣди педагогической, обращаясь съ рѣчью къ дѣтямъ. Сельскій пастырь долженъ всегда твердо помнить, что его взрослые собесѣдники—почти тѣ же дѣти по своему религіозному развитію; что онъ самъ во всякомъ случаѣ стоитъ гораздо выше всѣхъ ихъ по развитію и въ частности по развитію религіозно-богословскому,—и это сознаніе своего превосходства дастъ ему

*) *Зиколтскій В.*, свящ. Донесеніе преосв. Θεогносту, еп. Владим. и Суздальск., о вѣбгослуж. собесѣдованіяхъ (Владим. еп. вѣд., 1881 г., № 5). *Маврицкій В.*: „Воскресн. и праздн. вѣбгослуж. собес., какъ особый видъ проповѣди“, стр. 20.

***) „*О проповѣдываніи* Слова Божія пастырями Церкви своимъ прихожанамъ“ (Таврич. еп. в., 1879 г., № 2).

увѣренность въ себѣ, самообладаніе, сообщить слову его властность, свободу, живость и воодушевленіе *).

71. *Живой обмѣнъ мыслями бесѣдующаго съ собесѣдниками: конецъ собесѣдованій.*

Раскрывши обстоятельно и ясно избранный для бесѣды предметъ, священникъ вступаетъ въ полномъ смыслѣ въ *бесѣду*, или разговоръ съ своими прихожанами по поводу изложеннаго предмета. Начинается обмѣнъ мыслей между проповѣдникомъ и слушателями; слѣдуютъ съ той и другой стороны вопросы и рѣшеніе ихъ. Эти вопросы на собесѣдованіяхъ являются однимъ изъ необходимыхъ и существеннѣйшихъ отличій проповѣди внѣбогослужебной отъ богослужебной. Дѣло обыкновенно начинается съ того, что священникъ самъ обращается къ слушателямъ и спрашиваетъ ихъ: все ли для нихъ понятно, и не встрѣчаютъ ли они какихъ-либо недоразумѣній? Конечно, со стороны слушателей слѣдуютъ въ томъ или иномъ смыслѣ отвѣты. Въ это время всѣмъ присутствующимъ предоставляется право дѣлать возраженія, высказывать свои недоумѣнія, сужденія и мнѣнія—съ цѣлію получить на нихъ отзывъ, замѣчаніе и разрѣшеніе священника. Такая постановка дѣла больше пріохочиваетъ народъ къ собесѣдованіямъ и больше возбуждаетъ вниманія къ тому, о чемъ идетъ бесѣда. Допущеніе вопросовъ какъ со стороны слушателей, такъ и со стороны священника тѣмъ болѣе необходимо, что вопросы эти не только даютъ возможность знакомиться со всѣмъ религіознымъ міросозерцаніемъ простаго народа, съ его суевѣріями, предразсудками и т. д., но сообщаютъ собесѣдованіямъ болѣе жизненности и интереса и легко выяснять, насколько понято собесѣдованіе слушателями **). Но, при допущеніи на собесѣдованіяхъ живого „совопросничества“, священникъ можетъ встрѣтиться съ *двумя*

*) *Потькинъ А.*: „Внѣбог. собес.“ (Вор. еп. в., 1888 г., № 3).

***) *Зубовъ И.*, свящ.: „О внѣбог. по воскр. и праздн. днямъ пастырскихъ собесѣдованійхъ“ (Херс. еп. в., 1884 г., № 12).

злого изъ среды вѣрующихъ. „Если нѣкоторые, отъ рожденія имѣющіе лишніе члены, приросшіе къ тѣлу, какъ-то—пальцы или наросты, отсѣкаютъ ихъ отъ себя по неблагообразію, и отъ этого (отсѣченія) не происходитъ никакого неблагообразія; то тѣмъ болѣе должны поступать такъ вы, пастыри Церкви, тѣла цѣлаго, состоящаго изъ членовъ здоровыхъ, когда найдется одинъ членъ лишній, помышляющій злое, причиняющій безобразіе остальному тѣлу, какъ бы избранный діаволомъ для оскверненія Церкви хуленіями, споромъ, раздѣленіями. И такъ сей, въ другой разъ (послѣ принятія въ Церковь) изверженный изъ Церкви, достойно отсѣченъ отъ собранія Господня, а Церковь Господня явилась нынѣ болѣе красною“ 1).

Отлученіе употреблялось въ древней христіанской Церкви, какъ послѣдняя, самая рѣшительная мѣра по отношенію къ нераскаяннымъ грѣшникамъ и еретикамъ; но оно не только не понималось, какъ окончательное проклятіе, а не рассматривалось и какъ безповоротное отсѣченіе мертваго члена тѣла Церкви. Напротивъ, скорѣе Церковь смотрѣла на отлученіе, какъ на самую рѣшительную мѣру врачеванія, и потому и послѣ отлученія она не прекращала своихъ заботъ и попеченій объ отлученныхъ въ надеждѣ на ихъ обращеніе отъ пути погибели, хотя это попеченіе чуждо было всякаго насилія. „Законы (церковные),—говоритъ Іоаннъ Златоустъ,—не дали намъ такой власти, чтобы запрещать грѣшникамъ грѣшить, но если бы и дали, мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ воспользоваться ею: Богъ награждаетъ только тѣхъ, которые воздерживаются отъ грѣха по доброй волѣ, а не по принужденію“. Ап. Павелъ, отлучая коринѣскаго кровосмѣсника и еретиковъ Александра и Именей, указываетъ цѣль этого отлученія не въ наказаніи ихъ, а въ исправленіи, *да духъ спасется, да накажутся не хулити*. Взглядъ на отлученіе, какъ собственно на кару, былъ чуждъ церковному

1) Русск. пер., 74—75 стр.

неудобствами. *Во-первыхъ*, нерѣдко бываетъ такъ, что вызванные на свободное предложеніе вопросовъ и недоумѣній слушатели предлагаютъ на разрѣшеніе такую массу разнообразныхъ вопросовъ, что священникъ оказывается совершенно не въ состояніи дать сразу на всѣ эти вопросы положительные и удовлетворительные отвѣты. *Второе* неудобство состоитъ въ томъ, что слушатели предлагаютъ нерѣдко такіе вопросы, которые не имѣютъ почти никакого отношенія къ раскрытому въ собесѣдованіи предмету, такъ что рѣшеніе этихъ вопросовъ только затемняетъ и отодвигаетъ на задній планъ главную идею собесѣдованія и разстраиваетъ заранѣе составленный планъ его. Избѣжать этихъ неудобствъ священникъ можетъ *двоякимъ* путемъ. Именно, онъ можетъ или заранѣе объявить прихожанамъ, что отвѣты будутъ даваться съ его стороны только на тѣ вопросы, которые имѣютъ соприкосновеніе съ главнымъ предметомъ собесѣдованія, остальные же, не относящіеся къ предмету собесѣдованія, будутъ разрѣшаемы въ другое время, такъ какъ нельзя же за одинъ разъ рѣшить всѣ вопросы и недоумѣнія, которыя возникаютъ въ умѣ каждаго человѣка *); или же священникъ, какъ руководитель собесѣдованія, можетъ самъ предлагать слушателямъ вопросы, относящіеся къ предмету бесѣды, и, выслушавъ неточные, неправильные, нерѣдко полные предразсудковъ и суетвѣрій отвѣты присутствующихъ, можетъ давать обстоятельныя разьясненія на каждый вопросъ, исправляя заблужденія слушателей **).

*) *Касаткинъ В.*, свящ.: „Внѣбогосл. собесѣд. пастырей съ прихожанами“ (Владим. еп. вѣд., 1880 г., № 9).

**) *Маврицкій В.*: „Воскр. и праздн. внѣбогосл. собес.“, стр. 322.—
Послѣдняго метода держался прот. Лукавинъ, образцовыя бесѣды котораго были напечатаны въ „Руков. для с. п.“ за 1870 г., т. II.

*За Редактора, и. д. Ректора Кіевской Духовной Семинаріи,
Инспекторъ Илар. Балабушевичъ.*

Огь Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 29 іюля 1901 г.

За цензора священникъ *Е. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XII.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 33.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, августа 12-го.

Содержаніе: Церковное отлученіе и его послѣдствія (продолженіе).—Роль женщины въ первоначальной и послѣдующей исторіи старообрядческаго раскола (окончаніе).—Обозрѣніе проповѣдей въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900 годъ.

Церковное отлученіе и его послѣдствія ¹⁾.

Отлученіе, какъ актъ церковной жизни, должно имѣть для отлученнаго и послѣдствія только церковныя. Такъ и было въ первые вѣка христіанства, когда Церковь существовала въ мірѣ своей отдѣльной, независимой отъ государства жизнію, и когда не была признаваема государствомъ самая законность ея существованія. Впослѣдствіи, когда Церковь вступила въ тѣсный союзъ съ государствомъ не только въ смыслѣ законнаго существованія въ государствѣ, но и въ смыслѣ взаимовліянія, церковное отлученіе стало отражаться такъ или иначе и на общественно-государственномъ положеніи отлученнаго. Такимъ образомъ, въ исторіи церковнаго

¹⁾ См. № 32 за 1901 г.

отлученія въ отношеніи къ его послѣдствіямъ можно различать два неравнобѣрныхъ періода: періодъ существованія Церкви въ первые три вѣка христіанства, до признанія его господствующей религіей въ римско-византійскомъ государствѣ, и періодъ послѣдующей жизни Церкви.

Существенно послѣдствія церковнаго отлученія для отлученнаго опредѣлены словами Спасителя: *еще же и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь*. Значить, по ученію Христа Спасителя, для христіанъ отлученный, *преслушавшій Церковь*, долженъ быть такъ же чуждъ, какъ чужды для нихъ язычники по вѣрѣ, а мытари по жизни; съ другой стороны, какъ язычники и мытари не имѣютъ въ христіанской Церкви никакихъ правъ и не пользуются никакимъ изъ ея благъ,—такъ этихъ правъ и благъ лишается и отлученный. Но изъ тѣхъ же словъ Спасителя слѣдуетъ, что христіане не должны относиться къ отлученнымъ строже, чѣмъ они относятся къ язычникамъ, и чѣмъ евреи—современники Спасителя относились къ мытарямъ—людямъ, за свою неправедную жизнь не пользовавшимся уваженіемъ евреевъ. Если же отлученіе есть полное изверженіе изъ числа членовъ Церкви Христовой, возвращеніе въ прежнее состояніе язычества, то, очевидно, первымъ и существеннымъ слѣдствіемъ отлученія для отлученнаго является лишеніе тѣхъ благъ и правъ, какими отлученный пользовался, какъ членъ Церкви. Описательныя выраженія, употреблявшіяся въ древности для обозначенія отлученія, указываютъ именно на это. Такъ, отлученіе называется „изгнаніемъ изъ ограды Церкви“, „выбрасываніемъ изъ Церкви“, „отсѣченіемъ отъ единства“ церковнаго, такъ что, по словамъ блаж. Феодорита, „тотъ, кто отлученъ, становится чуждымъ всего тѣла церковнаго“. По выраженію блаж. Иеронима, „презрители новелѣній Божіихъ въ Церкви подобны Адаму тѣмъ, что какъ Адамъ изверженъ былъ изъ рая, такъ презрители извергаются изъ Церкви“.

Видимымъ знакомъ исключенія отлученнаго изъ числа членовъ Церкви служило вычеркиваніе имени его изъ цер-

ковныхъ диѳтиховъ, или синодиковъ, въ которые вносились имена всѣхъ новокрещенныхъ для поминовенія ихъ при общественномъ богослуженіи; отлученные уже не назывались братьями, имъ не давали братскаго поцѣлуя, и не позволялось имъ участвовать въ древне-христіанскихъ братскихъ трапезахъ любви (агапахъ). Само собою разумѣется, отлученные лишались права участія въ христіанскихъ таинствахъ и освященіяхъ, а равно и права участія въ общественномъ христіанскомъ богослуженіи. Относительно участія отлученныхъ въ христіанскомъ богослуженіи Постановленія Апостольскія говорятъ: „какъ язычниковъ, желающихъ каяться, допускаемъ въ церковь, чтобы слушали Слово Божіе; такъ и симъ отлученнымъ, доколѣ не покажутъ плода покаянія, дозволяемъ входить въ церковь, чтобы слушали Слово Божіе и не погибли вдругъ совершенно“¹⁾. Если отлученный до своего отлученія занималъ какую-либо церковную должность, то онъ лишался этой должности. Кромѣ того, по причинѣ той нравственной чистоты, какою въ древности отличалась христіанская благотворительность, какъ запрещалось принимать добровольныя приношенія и отъ лицъ, находящихся въ лонѣ Церкви, но преданныхъ занятіямъ, предосудительнымъ для христіанина, такъ подобныя добровольныя приношенія запрещалось принимать и отъ отлученныхъ.

Отъ отлученнаго, какъ лишеннаго всѣхъ правъ члена Церкви, запрещалось, далѣе, принимать доносы и обвиненія противъ епископовъ по дѣламъ церковнымъ²⁾; но это запрещеніе не простиралось на всякаго рода другія дѣла: „аще,—говорится въ томъ же 6-мъ пр. второго вселенскаго собора,—какимъ запрещается отъ еретиковъ принимать доносы на епископовъ по церковнымъ дѣламъ,—аще кто принесетъ на епископа шѣкую собственную, т. е. частную жалобу, какъ-то въ притязаніи имъ имѣнія, или въ иной какой-либо потер-

¹⁾ Русск. пер., стр. 71—72.

²⁾ 6-е пр. 2 вс. соб.; ср. 21 пр. Халкид.

цѣнной отъ него неправдѣ: при таковыхъ обвиненіяхъ не принимати въ разсужденіе ни лица обвинителя, ни вѣры его“. Это правило можетъ служить однимъ изъ доказательствъ того, что Церковь не относилась къ отлученнымъ и еретикамъ хуже или строже, чѣмъ къ язычникамъ.

Наконецъ, послѣдствія отлученія, какъ и самое отлученіе, падали лишь на лицо, подвергшееся исключенію изъ Церкви, „ибо,—разсуждаютъ Апостольскія Постановленія,—каждый будетъ отвѣчать за самого себя, и Богъ отнюдь не погубитъ праведнаго вмѣстѣ съ неправеднымъ, потому что несогрѣшившихъ Онъ не наказываетъ...; ни отцы не наказываются за дѣтей, ни дѣти за отцовъ, ни друзья за друзей, ни праведники за неправедниковъ, но каждый самъ отдаетъ отчетъ за свое дѣло“, и „не сожительство подвергаетъ праведныхъ осужденію съ неправедными, но согласіе въ мысли“¹⁾.

Такимъ образомъ, въ основныхъ своихъ постановленіяхъ объ отлученныхъ Церковь оставалась вѣрною заповѣди Спасителя относиться къ отлученному, какъ язычнику и мытарю, но не строже; она лишала отлученнаго только того, что прежде ему принадлежало, какъ члену Церкви, но не внушала вѣрующимъ ненависти къ отлученному, а тѣмъ болѣе чужда была духа преслѣдованія. Правда, съ цѣлью охраненія истинныхъ чадъ своихъ отъ заразительнаго общенія съ отлученными, Церковь внушала христіанамъ воздерживаться отъ близкихъ сношеній съ ними, особенно въ такихъ условіяхъ жизни, въ которыхъ преимущественно являлась опасность заразы отъ нихъ; но въ такихъ своихъ запрещеніяхъ Церковь руководилась не ненавистью къ отлученнымъ, а материнскою заботливостью о сохраненіи чистоты вѣры среди христіанъ. Такъ, уже ап. Павелъ повелѣваетъ коринтскимъ христіанамъ *не примѣшати́ся блудникомъ, не примѣшати́ся, аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или досадитель, или пия-*

¹⁾ Русск. пер., стр. 30—31.

ница, или хищникъ: съ таковымъ ниже ясти; и при этомъ прибавляетъ: *измисте зло отъ васъ самъхъ* (1 Кор. 5, 9. 11. 13). Фессалоникійцамъ тотъ же апостоль пишетъ: *аше кто не послушаетъ словесе нашего, посланіемъ сего назнаменуите: и не примъшайтесе ему, да посрамится* (2 Фесс. 3, 14). Послѣднія слова этого наставленія апостольскаго— *да посрамится* вполне объясняютъ цѣль запрещенія общенія съ грѣшниками и непринимающими ученія апостольскаго: цѣль эта—забота апостола объ обращеніи на путь истинны и добра, о спасеніи заблуждающихся и согрѣшающихъ братьевъ. А что апостоль своимъ наставленіемъ не внушаетъ ненависти къ грѣшникамъ и еретикамъ, то это очевидно изъ дальнѣйшаго его наставленія Фессалоникійцамъ: *и не аки врага имъйтє его* (непринимающаго ученія апостольскаго), *но наказуйтє его якоже брата* (2 Фесс. 3, 15). Если же, по ученію апостола, согрѣшившій или заблуждающійся братъ для христіанъ долженъ оставаться братомъ, а не дѣлаться врагомъ, и о немъ должно заботиться, какъ о братѣ, то ясно, что только братская заботливость и попеченіе о спасеніи должны руководить христіанами, когда они избѣгаютъ общенія съ своими согрѣшившими собратьями. Ап. Іоаннъ относительно лжеучителей даетъ такое наставленіе: *не приѣмлите его* (лжеучителя) *въ домъ, и радоватися ему не глаголите: глаголай бо ему радоватися, сообщается дѣломъ его злымъ* (2 Іоанн. 1, 10—11). Но и этимъ, повидимому, слишкомъ строгимъ, запрещеніемъ привѣтствовать лжеучителей апостоль любви не проновѣдуетъ ненависти къ нимъ, а лишь запрещаетъ своимъ привѣтствіемъ выражать сочувствіе людямъ, относительно которыхъ завѣдомо извѣстно, что цѣль ихъ прихода—распространеніе лжеученія, такъ какъ, слыша привѣтствія христіанъ лжеучителю, кто-либо могъ бы подумать, что они сочувствуютъ его дѣятельности и тѣмъ соблазниться. Наставленіе избѣгать общенія съ еретиками, какъ съ опасною для вѣрующихъ заразой, даютъ и Постановленія Апостольскія: „беззаконныхъ еретиковъ, которые не раскаяваются, отдѣляйте и открыто

выгоняйте изъ церкви Божіей, а вѣрующимъ объявляйте, чтобы всячески удерживались отъ нихъ и не имѣли съ ними общенія ни въ разговорахъ, ни въ молитвахъ“¹⁾. Однако, такое свое наставленіе Апостольскія Постановленія мотивируютъ не ненавистью къ еретикамъ, а все тою же заботливостью о вѣрующихъ: „сіе же заповѣдуемъ, чтобы не отвлечьъ сближающихся съ нами, ибо знаемъ, что и встрѣча съ благочестивыми часто полезна нечестивымъ, а вредно одно общеніе въ суевѣрїи“,—и „все это сказано вамъ въ предостереженіе ваше“. Кромѣ того, Апостольскія Постановленія, внушая такое, сравнительно строгое, отношеніе къ еретикамъ, къ отлученнымъ *за грѣхъ* устанавливаютъ совсѣмъ иное отношеніе: „съ отлученными вами за грѣхъ обращайтесь и живите вмѣстѣ, заботясь о нихъ, утѣшая ихъ, поддерживая ихъ“²⁾.

Такимъ образомъ, церковныя постановленія, запрещающія христіанамъ входить въ общеніе съ отлученными, имѣютъ цѣлью предохранить вѣрующихъ отъ заразы ересью или примѣромъ дурной жизни, или выражаютъ заботливость Церкви о самихъ отлученныхъ; слѣдовательно, имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, церковно-религіозное общеніе, а не общеніе въ гражданскихъ дѣлахъ, руководятся любовью, а не ненавистью и презрѣніемъ. Такой именно смыслъ должно соединять и съ другими церковными постановленіями, запрещающими вѣрующимъ общеніе съ отлученными даже подъ угрозою отлученія. Таково, напр., 10-е правило апостольское: „аще кто съ отлученнымъ отъ общенія церковнаго помолится, хотя бы то было въ домѣ, таковой да будетъ отлученъ“ (ср. 65 пр.); и 2-е пр. Антиохійскаго собора: „да не будетъ позволено имѣти общеніе съ отлученными отъ общенія, ниже сходиться въ домѣ и молиться съ находящимися внѣ общенія церковнаго“.

(Продолженіе будетъ).

А. Т.

¹⁾ Русск. пер., стр. 188—190.

²⁾ Русск. пер., стр. 70.

Роль женщины въ первоначальной и послѣдующей исторіи старообрядческаго раскола.

(Окончаніе ¹).

3. Своею самоотверженною до смерти преданностью расколу и полезною ему службою въ первоначальной его исторіи женщина возбудила сочувствіе и уваженіе къ себѣ со стороны своихъ единовѣрцевъ. Мы знакомы съ проявленіями этого сочувствія и уваженія по раскольническимъ произведеніямъ, на которые выше ссылались. Окруженная общимъ вниманіемъ и прославленная за свои дѣянія въ лицѣ знаменитыхъ ученицъ Аввакума, Морозовой, Урусовой и Даниловой, женщина почувствовала себя увѣренною въ своихъ силахъ, смѣло выступила на религіозно-общественное поприще и заявила себя здѣсь въ послѣдующей исторіи старообрядческаго раскола широкою и разнообразною дѣятельностью. Основаніе особыхъ толковъ и согласій, участіе въ публичныхъ религіозныхъ преніяхъ, учрежденіе скитовъ и монастырей и руководство ими, отправление требъ и совершеніе молитвословій, обученіе дѣтей своихъ единовѣрцевъ—таковы главные виды религіозно—общественной дѣятельности женщины за все послѣдующее время существованія раскола до нашихъ дней.

Намъ извѣстны изъ исторіи два согласія, основанныя женщинами—рябиновское и акулиновское. Послѣднее согласіе основано въ XVIII в. простой бабой Акулиной и отличается характеромъ нравственной распущенности какъ въ ученіи, такъ и во внутренне-бытовой жизни его послѣдователей ²). Случаи возникновенія особыхъ согласій вслѣдствіе бредней раскольницъ свидѣтельствуютъ объ ихъ участіи въ разрѣшеніи богословскихъ тонкостей и вообще обрядовѣрныхъ вопросовъ, волнующихъ раскольническій міръ и являющихся причиною несконча-

¹) См. № 31 за 1901 г.

²) Макарій, митр. Исторія русскаго раскола, изд. I, Спб., 1856 г., стр. 284.

емаго дробленія раскола на мелкія секты. Тоже самое подтверждается фактами участія раскольниковъ въ публичныхъ религіозныхъ преніяхъ съ миссіонерами, о чемъ имѣются свѣдѣнія за послѣднее время жизни раскола. Въ отчетѣ о состояніи и дѣятельности Орловскаго Петропавловскаго братства за 1898 г. сообщается, что крестьянка села Лужковъ, Дмитровскаго уѣзда, Стефанида Рыжова являлась смѣлою защитницею раскола на публичныхъ собесѣдованіяхъ Орловскаго епархіального миссіонера; въ мѣстной раскольниковской общинѣ она имѣла рѣшающее значеніе при разныхъ сомнѣніяхъ по религіознымъ вопросамъ¹⁾.

Особенно велико значеніе въ расколѣ женщинъ, состоящихъ игуменьями или настоятельницами раскольниковыхъ монастырей и скитовъ. Указомъ Имп. Николая 1-го въ 1853 году всѣ подобныя раскольниковскія учрежденія были закрыты или обращены въ богоугодныя заведенія; тѣмъ не менѣе онѣ не исчезли окончательно съ лица земли и продолжаютъ кое-гдѣ существовать тайно и неофициально и до сихъ поръ. Во главѣ этихъ тайныхъ женскихъ обителей стоятъ такъ называемыя „евангельскія матери“, имѣющія подъ своимъ началомъ цѣлыя десятки черницъ и бѣлицъ. Вліяніе этихъ матерей на своихъ ученицъ и послушницъ, конечно, безусловное; но оно простирается и дальше этого круга—въ среду окрестнаго мірскаго населенія, такъ что вредъ приносимый ими православной Церкви, получается очень большой. Иллюстраціей къ сказанному нами могутъ служить—мать Пульхеріи, въ концѣ 18-го и первой половинѣ 19-го вѣка, состоявшая игуменьей одной женской обители на Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, и Виталія Макѣева, настоятельница Терновскаго скита вблизи Тирасполя, пріобрѣвшая печальную извѣстность въ наше время. Замѣчательна въ своемъ родѣ личность Пульхеріи. Въ первые годы существованія Рогожскаго кладбища, поступила сюда еще несмысленнымъ ребенкомъ мѣщанская дѣвочка Пелагія Шелюкова; въ ранней мо-

¹⁾ Орловскія Епарх. Вѣд., 1899 г., № 50.

лодости она приняла здѣсь иночество съ именемъ Пульхеріи, болѣе девяноста лѣтъ прожила на Рогожскомъ кладбищѣ и около 50 лѣтъ состояла игуменьей одной изъ его женскихъ обителей; свою долгую жизнь она кончила схимницей и до самой смерти сохранила память и бодрость. Свои духовныя дарованія и познанія, недюжинный даръ слова и религиозную начитанность—она обратила всецѣло въ дѣло служенія расколу, въ отношеніи къ которому отличалась безграничною преданностію; въ соединеніи съ строгимъ аскетизмомъ и ловкой хитростью въ обращеніи съ никопіанами и особенно чиновниками, эти качества снискали ей несказанный авторитетъ среди раскольниковъ. Хавжа считалась святою женщиной, которой почитатели приписывали даже даръ прозорливости и пророчества. Къ ней ѣздили постоянно московскія раскольницы изъ кунчихъ на поклонъ; у нея онѣ испрашивали молитвъ ея и совѣтовъ по семейнымъ дѣламъ и „таляли умомъ и сердцемъ“, по выраженію одной изъ нихъ, слушая медоточивую рѣчь красноглазливой „матушки“ Пульхеріи. Ея имя было славно и среди иногороднихъ старообрядцевъ—чернораменскихъ, стародубскихъ и иргизскихъ. При такомъ обаяніи, вліяніе матери Пульхеріи на дѣла московской старообрядческой общины было громкое и неослабнымъ оставалось до конца ея жизни. Во время оскудѣнія священства въ бѣглопоповщинѣ при Имп. Николаѣ I, она потратила не мало труда и обольщеній для привлеченія православныхъ священниковъ къ побѣгамъ въ расколъ, а, по совращеніи, укрывала бѣглецовъ въ своей обители и разсылала ихъ по старообрядческимъ общинамъ. На Рогожскомъ кладбищѣ у Пульхеріи была полотняная церковь, въ которой иногда по ночамъ тайно служили обѣдни тайные попы. Постоянно были у ней и запасные дары, которыми она за большія деньги снабжала раскольниковъ, не имѣвшихъ собственныхъ поповъ. Старательно занималась Пульхерія и совращеніемъ мірянъ въ свой толкъ ¹⁾).

¹⁾ Миссіонерскій Сборникъ, 1891 г., ноябрь—декабрь, стр. 332—333; сравн. Орловскія Еп. Вѣд., 1899 г., № 50.

Въ разное время появлялись въ расколѣ женщины, подобныя Пульхеріи,—разныя Соломоніи, Девворы, Есеири, Манеи и др., описанныя Ливановымъ въ его „Раскольникахъ и Острожникахъ“, или Печерскимъ въ его „Лѣсахъ“ и „На горахъ“. Въ послѣднее время къ числу этихъ именъ прибавилось новое—имя Виталіи Макѣевой, настоятельницы приобрѣтшаго печальную извѣстность Терновскаго скита. Вліяніе Виталіи на обитателей скита и сосѣдняго хутора Ковалевыхъ было такъ сильно, что его можно назвать магическимъ. Истолковавъ Высочайшее повелѣніе о послѣдней всеобщей переписи народонаселенія въ смыслѣ подчиненія власти антихриста и сама мрачно настроившись въ виду наступленія яко бы послѣдняго времени, она передала свое мрачное настроеніе и своимъ единовѣрцамъ и убѣдила ихъ, для избѣжанія прелести, закопаться живыми въ могилу, а потомъ и сама замуравалась вмѣстѣ съ ними. Фактъ глубоко печальный, но краснорѣчиво свидѣтельствующій о силѣ вліянія женщины въ расколѣ: 25 человекъ лишили себя жизни самымъ мучительнымъ образомъ, по вліянію раскольницы—психопатки! Судебнымъ слѣдствіемъ было дознано, что Виталія не только управляла Терновскимъ скитомъ, но и отправляла въ немъ богослуженіе: исповѣдывала и причащала скитниковъ, постригала въ монахи, хоронила умершихъ¹⁾).

Богослужебная дѣятельность Виталіи не представляетъ въ расколѣ чего-либо особеннаго и исключительнаго: здѣсь обычное, можно сказать, явленіе, что женщины отправляютъ разныя службы и требы, за неимѣніемъ законнаго и отсутствіемъ бѣглого священства. Трудно указать въ жизни „послѣдователей древняго благочестія“ другое какое-либо новшество, которое такъ же рѣзко противорѣчило-бы духу и уставамъ древняго благочестія, какъ противорѣчитъ имъ это „восхищеніе“ раскольницами „недарованнаго имъ“. Еще въ цер-

¹⁾ Миссіонерск. Обозр., 1897 г., кн. I, ноябрь-декабрь, стр. 941; ср. Орлов. Еп. Вѣд., 1894 г., № 50.

вой половинѣ XVIII вѣка вѣтковскія и стародубскія женщины-черницы развѣзжали по городамъ и деревнямъ, отправляя „тайну исповѣди и причастія“, „давая“ молитвы роженицамъ и отиѣвая по почамъ умершихъ¹⁾.

Позднѣе въ расколѣ образовался цѣлый институтъ дѣвицъ и вдовицъ, обученныхъ искусству читать и пѣть по старопечатнымъ книгамъ,—и эти требоотправительницы заведуютъ какъ домовыми, такъ и общественными молебными. Въ разныхъ мѣстахъ онѣ называются различно: въ Москвѣ—читалками, въ Калугѣ—малинницами, въ Орловской губерніи—херувимками и нянями, въ иныхъ мѣстахъ—черничками. Оторванные отъ семьи, закаленные въ ненависти къ православной Церкви и въ преданности расколу, онѣ отдаются на безраздѣльное служеніе ему, пользуются у старообрядцевъ большимъ почетомъ и уваженіемъ и имѣютъ сильное вліяніе на дѣла старообрядческихъ общинъ. Бывали случаи, когда къ ходатайству читалокъ прибѣгали лица, искавшія у старообрядцевъ архіерейской митры²⁾. Херувимки Орловской губерніи стоятъ во главѣ мѣстнаго раскола—слѣдятъ за религіозно-нравственнымъ направленіемъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ семействъ, стараются противодѣйствовать успѣхамъ приходской миссіи и церковной школы, всемѣрно препятствуютъ переходу своихъ единовѣрцевъ въ единеніе съ православной церковію, такъ что ими, главнымъ образомъ, и держится расколъ въ Орловской губерніи³⁾.

Вообще, по силѣ своей преданности расколу эти херувимки или малинницы являются его оплотомъ. Непрístupная скала для православныхъ миссіонеровъ, заговорить съ которыми онѣ считаютъ чуть не смертнымъ грѣхомъ⁴⁾, эти жен-

¹⁾ Миссіонерскій Сборникъ, 1891 г., ноябрь—декабрь, стр. 335.

²⁾ Миссіонерскій Сборникъ, 1891 г., ноябрь—декабрь, стр. 333; ср. Орловскія Еп. Вѣд., 1899 г., № 50.

³⁾ Орловск. Еп. Вѣд., 1894 г., № 50.

⁴⁾ Обрисованная Печерскимъ мастерица (о мастерицахъ рѣчь ниже) Анисія Терентьевна Красноглазиха почитала тяжкимъ грѣхомъ войти въ домъ церковника. „На горахъ“, ч. I, стр. 32.

щины, въ то-же время, сладкозвучныя сирены для православныхъ простецовъ, которыхъ онѣ увлекають въ свои сѣти наборомъ всякихъ, полныхъ змѣйнаго яда, благочестивыхъ фразъ нараспѣвъ, низкими поклонами и глубокими воздыханіями. Въ виду такого значенія малинницъ въ расколѣ, переходъ какой-либо изъ нихъ въ православіе возбуждаетъ цѣлый переполохъ въ средѣ раскольниковъ и заставляеть многихъ усумниться въ правотѣ раскола. Во избѣжаніе дальнѣйшаго соблазна, раскольническіе начѣтчики прилагають все стараніе о пресѣченіи какихъ-либо сношеній своихъ единовѣрцевъ съ измѣнницей ¹⁾).

Малинницы или, какъ еще иначе называютъ этихъ требоотправительницъ въ расколѣ, херувимки, читалки и пр. т. п. иногда выступаютъ въ роли мастерицъ-учительницъ дѣтей своихъ единовѣрцевъ. Но чаще мастерицами бывають отдѣльныя отъ малинницъ лица. Разсадникомъ мастерицъ, какъ и всякихъ другихъ церковницъ, являются, прежде всего, тѣ-же женскіе раскольничьи скиты. Но крайней мѣрѣ, такъ представляетъ дѣло хорошій знатокъ раскольничьяго быта Мельниковъ-Печерскій въ своемъ сочиненіи „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“ ²⁾. У него выведенъ и типъ мастерицы въ лицѣ Анисьи Терентьевны по прозванію Красноглазихи. Обученіе дѣтей грамотѣ Красноглазиха начинала запугиваніемъ ихъ и „букой“, или „турлы-мурлы, желѣзнымъ носомъ“; такъ она запугивала особенно лѣнивыхъ и шаловливыхъ учениковъ. Лишь только дѣти приступали часословъ „держа брать“, какъ выражалась Терентьевна, она начинала внушать имъ раскольническія возрѣнія на православную Церковь и государство;

¹⁾ Миссіонерскій Сборникъ, 1891 г., ноябрь—декабрь, стр. 333.

²⁾ Онѣ представляетъ здѣсь Манеонну обитель-скитъ и школу, гдѣ опытыя мастерицы обучали грамотѣ и благочестію дѣтей зажиточныхъ родителей, и вмѣстѣ разсадникомъ тѣхъ же мастерицъ и всякихъ церковницъ, откуда онѣ расходились въ разныя стороны старообрядческаго міра—по преимуществу къ богатымъ домохозяевамъ—для совершенія праздничныхъ служеній въ ихъ молебныхъ.

какъ царство антихриста. Въ дѣтскія головы вѣдрялись ея такія мысли, что антихристъ уже пришелъ въ мѣръ и царствуетъ въ никоніанахъ; церковные попы—его жрецы, гражданскія власти—его слуги; всякій, имѣющій „рыло скобленое“, всякій „щепотникъ“, „табашникъ“—всѣ запечатлѣны печатью антихриста. Антихристъ сидитъ въ церкви, присутствуетъ въ судахъ, кроется въ щепоти, въ четвероконечномъ крестѣ, въ пяти просфорахъ, въ никоніанскихъ книгахъ. Все въ мѣрѣ растлѣно его прелестью, осквернено его тлетворнымъ дыханіемъ, такъ что нельзя ничего ни пить, ни ѣсть, не освятивъ напередъ молитвой. Заповѣдямъ Господнимъ, любви къ Богу и ближнему Терентьевна дѣтей не учила, къ ихъ порокамъ—даже такимъ, какъ распутство, она относилась снисходительно: это не грѣхи, а только паденіе, которое можно очистить покаяніемъ. За-то крѣпко она внушала имъ не оставлять лѣстовокъ и подручниковъ, соблюдать постъ въ положенные дни, уставные поклоны и другіе обряды, вести брань съ антихристомъ,—заповѣдала немірщеніе съ никоніанами,—это кругъ обязанностей, исполненіе которыхъ необходимо для того, чтобы не впасть во власть врага Божія, не сойти вмѣстѣ съ нимъ въ „тартарары“ преисподніе ¹⁾. Въ лицѣ Красноглазихи выведенъ типъ мастерицы; слѣдовательно, она не единственная въ своемъ родѣ, не экземпляръ. Въ Орловской губерніи, напр., дѣйствуютъ мастерицы, ничѣмъ не отличающіеся отъ Красноглазихи по приемамъ, методѣ и духу обученія ²⁾.

Такимъ образомъ, общественное служеніе женщины въ расколѣ, начало которому (служенію) положено было первоначальными послѣдовательницами его, приняло, какъ видимъ, въ послѣдующей его исторіи очень широкіе размѣры. Здѣсь

¹⁾ Печерскій. На горахъ, ч. I, стр. 33—35. Ср. Миссіонерскій Сборникъ, 1891 г., ноябрь—декабрь, стр. 333—335 и Орловск. Еп. Вѣд., 1899 г., № 50.

²⁾ Орл. Еп. Вѣд., 1899 г., № 50.

она играет несравненно болѣе широкую и важную роль, чѣмъ въ православной Церкви: по своимъ правамъ она равна мужчинѣ. Удивительный результатъ, къ которому привело раскольниковъ содержаніе старины! Что касается семейнаго значенія женщины въ современномъ расколѣ, то оно остается такимъ же, какимъ было въ первоначальной и послѣдующей его исторіи. Поскольку и донинѣ воспитаніе утверждается въ расколѣ на почвѣ религиозныхъ убѣжденій, женщина составляетъ въ раскольнической семьѣ по прежнему самую могущественную силу. Матери-раскольницы воспитываютъ своихъ дѣтей въ духѣ раскола. „Это не значить только, что дѣтямъ сообщаются, напр., нѣкоторые излюбленные раскольниками обряды. Воспитаніе „въ расколѣ“, главнымъ образомъ, характеризуется тѣмъ, что въ питомцѣ поселяется крайняя ненависть и отвращеніе къ православной Церкви; все, чѣмъ можно запугать робкое воображеніе дитяти, все, къ чему можно поселить крайнее отвращеніе,—все это приписывается Церкви, какъ отличительный ея признакъ“¹⁾. Мать не допуститъ утвердиться въ душѣ дитяти влеченію къ православной Церкви, къ посѣщенію ея богослуженія, если замѣтитъ, что оно возникло въ немъ, напр., подѣ вліяніемъ православной школы; она вытравитъ изъ него это влеченіе и не пощадитъ для этого никакихъ угрозъ, никакихъ притѣсненій и побоевъ. Вліяніе раскольницы сильно и въ смѣшанной семьѣ, гдѣ есть одинъ или два члена православные. И тогда она не уступитъ безъ бою своихъ дѣтей въ никоніанскую вѣру ихъ отца. Она приложитъ все стараніе, чтобы даже и его совратить въ расколъ. Рѣдкій мужъ не поддается вліянію своей жены-раскольницы; но еще болѣе рѣдкая невѣстка, вошедшая въ раскольническую семью изъ православной, устоитъ твердою предѣ совратительными кознями своей свекрови-раскольницы, потому что ужъ слишкомъ дорогою цѣною покупается эта твердость—цѣною угрозъ, притѣсненій, позорныхъ побоевъ и постоян-

¹⁾ Миссіонерскій Сборникъ, 1891 г., ноябрь—декабрь, стр. 331.

наго дозора, который стѣсняетъ каждый шагъ непреклонной „молодицы“ и который одинъ способенъ обратить ея жизнь въ каторгу. Насколько сильно вліяніе раскольниковъ и на ихъ мужей, свидѣтельствуесть тотъ фактъ, что, въ случаѣ желанія раскольника перейти изъ одного толка въ другой, заправила послѣдняго справляются на этотъ счетъ съ мнѣніемъ его жены и, только при согласіи послѣдней, принимаютъ переходящаго съ спокойною совѣстію ¹⁾).

Для ослабленія и подавленія зловредной дѣятельности женщины въ расколѣ настоятельно потребны энергичныя мѣры. Въ настоящее время нѣкоторыя мѣры уже и приняты въ этомъ направленіи. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ великорусскимъ Братствамъ. Такъ, старѣйшее изъ нихъ—Саратовское, вскорѣ же послѣ своего возникновенія (въ 1866 г.) учредило у себя школу для приготовленія сельскихъ учительницъ изъ народа, съ цѣлію устраненія раскольническихъ мастерицъ ²⁾. Въ Ярославлѣ на фабрикѣ Большой Мануфактуры съ 1892 г. существуетъ цѣлое духовно-просвѣтительное женское общество, которое, согласно своему уставу, называется женскою приходскою миссіею. Вообще, необходимость вліянія на раскольниковъ опытныхъ, знакомыхъ съ исторіей и бытомъ раскола, учительницъ въ настоящее время можетъ считаться общепризнавною. 3-й Всероссийскій Миссіонерскій Съѣздъ въ г. Казани высказался даже за введеніе въ учебный курсъ Епархіальныхъ женскихъ училищъ исторіи и обличенія русскаго раскола и сектантства, чтобы воспитанницы этихъ училищъ, въ положеніи сельскихъ матушекъ и учительницъ, могли сильнѣе вліять на женскую половину раскола ³⁾. Заботы объ устройствѣ въ расколо-сектантскихъ приходахъ женскихъ воскресныхъ курсовъ и постоянныхъ школъ съ цѣлію привлеченія въ нихъ и раскольническихъ дѣвочекъ принимаютъ те-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Смирновъ П., Исторія раскола. Рязань, 1893 г., стр. 255.

³⁾ Скворцовъ В. М. Дѣянія 3-го Всероссийскаго Миссіонерскаго Съѣзда въ г. Казани. Кіевъ, 1897 г., стр. 222—223.

перь все большее и большее распространение. Такъ или иначе, а желательно и необходимо энергичное просвѣтительное воздействие на раскольницъ. Расколъ—порождение невѣжества, и если школа—наилучшее средство для его искорененія, то женская школа—самое сильное орудіе для ослабленія зло-вредной дѣятельности женщины въ расколѣ. Открытіе женскихъ школъ и привлеченіе въ нихъ раскольническихъ дѣвочекъ—благодарная почва, на которой можетъ потрудиться приходское духовенство.

Преп. А. Волгинъ.

Обозрѣніе проповѣдей въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900 годъ.

Вопросъ о проповѣдничествѣ, о возможно лучшей постановкѣ его всегда былъ и будетъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ въ пастырской практикѣ, и всякая новая статья, всякая дѣльная, хотя бы то и весьма короткая, замѣтка по поводу его обыкновенно встрѣчается и читается „служителями слова“ съ живѣйшимъ интересомъ. Къ сожалѣнію, епархіальныя вѣдомости за 1900 годъ, въ общемъ довольно богатыя вполне жизненнымъ содержаніемъ, статьями по гомилетикѣ совсѣмъ не могутъ похвалиться. Очень цѣнные указанія касательно произношенія проповѣдей заключаются въ замѣткѣ *М. Соловьева*: „Non multa, sed multis“ (Кіевск. епар. вѣд. 1900 г., № 19), представляющей собою переводъ одной изъ лекцій курса о проповѣдничествѣ *Спуржона*, который этотъ знаменитый проповѣдникъ читалъ въ свое время въ Лондонской семинаріи († 1892 г.); но дальше этой лекціи г. Соловьевъ такъ и не пошелъ. Другихъ какихъ-либо статей по гомилетикѣ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900 годъ совсѣмъ не можемъ указать. Даже разосланное еще въ августѣ 1899 года журналомъ „Странникъ“ своимъ подписчикамъ въ качествѣ бесплатнаго приложенія прекрасное

сочиненіе замѣчательнаго французскаго проповѣдника Феликса Дюпанлу, епископа Орлеанскаго, подъ заглавіемъ: „Бесѣды о проповѣдничествѣ, какъ пастырскомъ служеніи“, осталось какъ то въ тѣни и вызвало одиѣ лишь краткія замѣтки чисто бібліографическаго характера. Съ большимъ вниманіемъ отнеслась къ сочиненію Дюпанлу редакція Тобольскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, помѣстившая на страницахъ своего изданія сжатое, но довольно обстоятельное изложеніе содержанія его. Прежде чѣмъ приступить къ обзорѣню проповѣдей въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900 годъ, мы, пользуясь удобнымъ случаемъ, напомнимъ здѣсь читателямъ общіе основныя положенія и выводы этого весьма полезнаго для пастырей-проповѣдниковъ сочиненія.

Проповѣдничество является особымъ служеніемъ пастыря—служеніемъ пастырскимъ словомъ, рѣчью. Цѣль этого служенія—спасеніе душъ насомыхъ. Если же такъ, то проповѣдь пастыря должна быть *дѣйственной* и потому *общедоступной, популярной*: только такая рѣчь жизненна и привлекательна и можетъ оказывать дѣйствительное вліяніе на души слушателей.

Какая же рѣчь должна считаться общедоступной, популярной?—Рѣчь пастыря обращена къ слушателямъ—христіанамъ, принадлежащимъ къ различнымъ слоямъ общества. А потому, проповѣдь должна быть такою, чтобы бѣдные и богатые, ученые и неученые—*все были въ состояніи* находить въ ней *озареніе для своей души*,—а въ этомъ именно и состоитъ, по Дюпанлу, популярность проповѣди. Само собою понятно, что такая популярная проповѣдь, съ одной стороны, является чуждой всего зауряднаго, грубаго, тривіальнаго, а съ другой—рѣшительно отличается отъ того, что называется *академической рѣчью*, и совершенно противоположна риторикѣ и декламации. Слово пастыря должно точно воспроизводить предъ слушателями раскрываемый предметъ и живо выражать извѣстныя чувства.

Но истинная популярность проповѣди состоитъ не столько въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, въ языкѣ, сколько въ мысляхъ, чувствахъ и искренности. Когда мысли въ проповѣди вѣрны, чувства чисты и искренни, *естественно и прямо* проникають въ сердца слушателей, то цѣль проповѣди можно считать вполне достигнутой. Для этого пастырю-проповѣднику нужно наблюдать за мыслями, настроеніемъ, вообще за духовною жизнію и интересами своихъ пасомыхъ, или, по совѣту Цицерона, *улавливать мысль и чувства слушателей*, чтобы, сообразно съ ними, приспособлять и свою собственную рѣчь, вслѣдствіе чего слово проповѣдника будетъ вполне соответствовать душенастроенію слушателей.

Источникъ такого общедоступнаго проповѣдничества находится въ душѣ пастыря-проповѣдника, въ его сердцѣ, въ его чувствахъ—и нигдѣ болѣе. Необходимо любить тѣхъ, къ кому мы обращаемся съ рѣчью; необходимо быть одушевленнымъ святою ревностью объ ихъ спасеніи, желать спасенія для ихъ душъ, стремиться достигнуть его во что бы то ни стало. Нужно внести въ проповѣдь тотъ огонь и ту жизненность, которые прямо направляются къ сердцу, потому что исходятъ изъ сердца же,—овладѣвають душами и проникають въ нихъ, озаряють, смягчаютъ, покоряють и обращаютъ ихъ.

Что касается существенныхъ чертъ общедоступнаго слова пастыря-проповѣдника, то оно, прежде всего, должно быть *словомъ живымъ, словомъ жизни*, которое съ непреодолимою силою проникаетъ въ самыя глубины души и нравственно возрождаетъ ее въ жизни христіанской вѣры и благодати. Поэтому, пастырь-проповѣдникъ долженъ имѣть въ виду души слушателей—и ничего, кромѣ душъ,—долженъ имѣть въ виду ту жизнь, которую обязанъ внѣдрить въ нихъ, и добро, которое обязанъ дѣлать для нихъ. Церковный ораторъ долженъ хорошо изучить и узнать своихъ пасомыхъ, долженъ угадывать наполняющія ихъ душу искушенія, знать гнетущія ихъ нужды. ясно представлять себѣ ихъ душевное настроеніе.

Тогда онъ будетъ знать, что скорѣе всего нужно преподавать своимъ слушателямъ, что болѣе всего можетъ произвести на нихъ впечатлѣніе, затронуть ихъ и склонить къ тому, чего пастырь желаетъ отъ нихъ. Словомъ, пастырь долженъ говорить *прямо своимъ слушателямъ, для* своихъ слушателей, а не просто только *предъ* своими слушателями. Среди совѣтовъ, какіе даетъ при этомъ Дюпанлу проповѣдникамъ живого слова, нельзя не указать на совѣтъ, чтобы пастырь проповѣдывалъ *кратко* и *просто*. Краткость относится не къ продолжительности только проповѣди, но и къ самому способу выраженія мыслей, которое также должно отличаться краткостью и отчетливостью. Нужно сообразоваться съ воспріимчивостью слушателей и не говорить слишкомъ много; нужно дѣлать тщательный выборъ, ограничиваться самымъ необходимымъ и истинно полезнымъ. Пусть пасомые видятъ въ своемъ пастырѣ не подавляющаго своею ученостью писателя, не блестящаго риторическими приѣмами и красотами оратора, а простого и доступнаго всѣмъ апостола вѣры и правды Христовой.

Вторымъ свойствомъ пастырскаго проповѣдническаго слова является *учительность*. Слово пастыря-проповѣдника должно быть *учительнымъ*. Онъ долженъ прилежно научать своихъ слушателей тому, что имъ необходимо знать, какъ христіанамъ, или, говоря словами Дюпанлу, долженъ научать слушателей „истинамъ вѣры и всѣмъ великимъ историческимъ фактамъ, которые составляютъ ихъ основу и служатъ ихъ доказательствомъ, научать заповѣдямъ Божиимъ, христіанскимъ добродѣтелямъ, съ указаніемъ средствъ приобрѣтенія ихъ и избѣжанія противоположныхъ имъ пороковъ“. Особенно пастырь долженъ поучать молитвамъ, которыя возвышаютъ и благотворно дѣйствуютъ на душу человѣка,—таинствамъ, которыя низводятъ на вѣрующихъ благодать, долженъ знакомить своихъ пасомыхъ съ главными частями богослуженія, церковными праздниками и благочестивыми упражненіями. Однимъ словомъ, пастырь-проповѣдникъ долженъ научить своихъ слушателей, во что они должны вѣровать и какъ должны жить.

Какъ же пастырь Церкви Христовой можетъ исполнить этотъ великій долгъ учительства?

Онъ долженъ возвѣстить своимъ слушателямъ *всю волю Божію* (Дѣян. 20, 27), т. е. въ вѣрѣ Христовой не должно быть ничего такого, чему бы пастырь, по окончаніи извѣстнаго времени, не научилъ свою паству. А для этого лучшимъ способомъ является проповѣдываніе ученія христіанскаго *по определенному плану*, когда каждому предмету, каждой истинѣ будетъ отведено свое определенное мѣсто. Но какой бы плащъ ни былъ выработанъ пастыремъ-проповѣдникомъ, основа всегда должна быть одна и та же—это ученіе о догматахъ, нравственности, молитвахъ и таинствахъ.

Проповѣдываніе по определенному плану легче и удобнѣе и для самого пастыря. Особенно это сказывается при выборѣ предмета для проповѣди. Сколько иногда приходится совершенно напрасну терять времени и труда на принсканіе подходящаго предмета для проповѣди! Между тѣмъ, ничего подобнаго не бываетъ, если проповѣдникъ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ определенному плану, гдѣ всему отведено подобающее мѣсто. Въ то же время проповѣдываніе по определенному плану и весьма полезно для пастыря. Если пастырь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ своей проповѣднической дѣятельности основательно, такъ сказать, прошелъ съ насомы полный курсъ ученія Христова, тщательно приготовляя каждое свое поученіе, то онъ, въ такомъ случаѣ, самъ прекрасно изучить все христіанское ученіе—и притомъ изучить съ полнымъ вниманіемъ и всестороннимъ обсужденіемъ и размышленіемъ—и пріобрѣтетъ то глубокое знакомство съ святыми и высокими истинами христіанской вѣры, которое безусловно необходимо, чтобы понять и усвоить ихъ, сдѣлать ихъ собственными, перевести на народный языкъ и быть въ состояніи надлежащимъ образомъ объяснить ихъ своимъ слушателямъ. Такимъ образомъ, преподавая ученіе Христово въ систематическомъ порядкѣ своимъ слушателямъ, пастырь-пропо-

вѣдникъ и самъ становится болѣе совершеннымъ учителемъ, день ото дня возрастая въ познаніи ученія Христова.

Въ высшей степени важно также, чтобы учительное и популярное слово пастыря-проповѣдника имѣло *апологетическій* характеръ, особенно въ виду современнаго религіознаго индифферентизма и невѣрія. Лучшей апологіей христіанства, по взгляду Дюпанлу, служить уже простое, ясное и точное изложеніе ученія Христова. При этомъ пастырю-проповѣднику нужно имѣть въ виду слѣдующее. Какъ при положительномъ изложеніи ученія Христова, такъ и при защитѣ его отъ разныхъ нападеній и возраженій пастырь-проповѣдникъ всегда долженъ соблюдать спокойное и твердое настроеніе учителя Божественной истины, который не сомнѣвается, не ищетъ истины, а обладаетъ ею. Онъ не долженъ прибѣгать къ мелочнымъ спорамъ, а излагать Божественное ученіе съ важностью, ясно и съ авторитетомъ. Если же пастырю-проповѣднику, по вызову обстоятельствъ, придется считаться съ разными сомнѣніями въ области религіи, то онъ долженъ бороться съ серьезными и опасными заблужденіями, которыми заражены его пасомые, а не возбуждать такихъ затрудненій, которыя совсѣмъ не знакомы его слушателямъ, и которыя никогда бы не пришли имъ и въ голову. Самые отвѣты на возраженія должны быть просты, точны и основательны; разъясненія религіозныхъ недоумѣній должны отличаться ясностью, отчетливостью и настойчивой принудительностью, чтобы возраженія невѣрующихъ не показались болѣе сильными, чѣмъ опроверженіе ихъ пастыремъ-проповѣдникомъ, и чтобы, такимъ образомъ, не поколебать вѣры однихъ и не утвердить въ невѣріи другихъ.

Какъ на послѣднее существенное свойство пастырскаго проповѣднаго слова, Дюпанлу указываетъ на то, что оно должно быть словомъ *увѣщанія*. Религія не есть одно знаніе, но главнымъ образомъ—жизнь. И потому, пастырь, какъ служитель религіи, долженъ не только учить истинамъ вѣры, но и вызывать въ душахъ слушателей расположеніе къ воспріятію

этихъ истинъ; долженъ возбуждать, развивать и укрѣплять христіанскія расположенія и чувствованія, внушать любовь къ добру и отвращеніе и ужасъ къ злу;—словомъ, долженъ созидать въ душахъ насомыхъ полную и совершенную христіанскую жизнь. Все же это достигается главнѣе и скорѣе всего гастырскимъ *увѣщаніемъ*. Такимъ образомъ, къ ученію пастырь долженъ присоединять увѣщаніе, которое болѣе направляется къ сердцу, и которымъ, въ то же время, одинъ просвѣщаетъ душу, другой возбуждаетъ и подчиняетъ своему вліянію волю—эту могучую силу, отъ которой зависитъ все направленіе жизни человѣка.

Съ успѣхомъ увѣщевать, проникать въ сердце слушателей можно *двумя* путями: путемъ разума и путемъ чувствъ. *Первый* путь сводится къ тому, чтобы всегда основательно и *убѣдительно мотивировать* свои увѣщанія. А чтобы знать, какого рода основанія, мотивы болѣе пригодны для слушателей, пастырь-проповѣдникъ долженъ главнымъ образомъ изучать сердце человѣческое и особенно тѣ души, съ которыми онъ имѣетъ дѣло. *Второй* путь состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать на чувства и, такимъ образомъ, при помощи ихъ, приводить душу слушателей къ желаемому настроенію и оказывать благотворное вліяніе на волю, уже просвѣщенную и затронутую изложеніемъ доводовъ.

Но всего этого еще мало. Чтобы съ успѣхомъ увѣщевать другихъ въ христіанской жизни, нужно самому воплотить въ себѣ эту жизнь. Прежде чѣмъ воспитывать другихъ въ святомъ ученіи Христовомъ, пастырь долженъ самъ воспитываться въ немъ и жить имъ, ввести его въ свою душу, воспринять въ тайникъ своего собственнаго сердца. Только такой пастырь-проповѣдникъ можетъ благодатно возрождать своихъ слушателей и вести ихъ по пути христіанскаго совершенствованія къ царству Божію.

Разсмотрѣвъ всѣ существенныя свойства живого пастырскаго слова, Дюнану даетъ еще нѣсколько прекрасныхъ *практическихъ* совѣтовъ касательно пастырски-проповѣдническаго

служенія. Среди нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, по своей важности и практической полезности, приводимое Дюпанлу мнѣніе знаменитаго французскаго проповѣдника епископа *Фенелона о проповѣднической импровизаціи*.

Фенелонъ не одобряетъ общераспространеннаго обычая произносить *заученныя* проповѣди наизусть или же читать ихъ по тетрадкѣ, строго, педантически держась написаннаго текста. Подобный способъ проповѣдыванія стѣсняетъ дѣйствія проповѣдника, отнимаетъ у него всякую свободу и живость, связываетъ до такой степени, что онъ не можетъ, не смѣетъ отдаться какому-либо внезапному порыву. Напротивъ, говорить Фенелонъ, если кто не заучиваетъ своей проповѣди наизусть и рабски не слѣдуетъ написанному тексту ея, то онъ находится въ полномъ самообладаніи, выражается естественно, мысли его текутъ свободно, отдѣльныя выраженія сильны, иногда, быть можетъ, недостаточно отдѣланы, но всегда исполнены жизни и энергіи.—Само собою разумѣется, что Фенелонъ вовсе не имѣетъ здѣсь въ виду тѣхъ, кто импровизируетъ легкомысленно и беззаботно и восходитъ на кафедру, часто не зная, что именно намѣренъ сказать онъ. Тутъ идетъ рѣчь о серьезной и свободной импровизаціи, которая не только не исключаетъ, а даже требуетъ соотвѣтствующаго предварительнаго приготовленія къ проповѣдыванію. Фенелонъ не запрещаетъ церковному оратору предварительно готовить свои проповѣди на бумагѣ, располагать въ порядкѣ всѣ части ихъ и даже напередъ готовить всѣ поясненія и главныя фразы. Онъ требуетъ только, чтобы пастырь-проповѣдникъ свободно пользовался приготовленнымъ текстомъ проповѣди, съ возможностью одно измѣнить, другое дополнить—сообразно съ настроеніемъ слушателей, обстоятельствами дѣла или же подъ вліяніемъ внезапнаго озаренія самого проповѣдника новыми мыслями.

Для успѣшнаго веденія такого рода проповѣдыванія нужны, по мнѣнію Фенелона, слѣдующія условія: 1) извѣстный запасъ опыта въ свободной импровизаціи; 2) серьезное изу-

ченіе христіанской религіи; 3) ревность въ исполненіи пастырскаго служенія.

Пастырь-проповѣдникъ можетъ приобрѣсти навѣкъ, извѣстную свободу и достаточную легкость въ импровизаціи произнесеніемъ частныхъ поученій, размысленій, бесѣдъ и особенно посредствомъ катихизическихъ поученій. Этимъ приобрѣтается извѣстная свобода въ живомъ словѣ и достаточная легкость, которая, по словамъ Фенелона, будетъ давать возможность пастырю съ достоинствомъ всходить на кафедру даже при торжественныхъ случаяхъ.

Второе условіе требуетъ серьезной постепенной подготовки къ пастырской импровизаціи, — подготовки, которая должна состоять въ тщательномъ изученіи христіанства, въ основательномъ знаніи догматическаго и нравственнаго богословія и въ извѣстномъ запасѣ знакомства съ ученіемъ свв. отцовъ Церкви. Такая серьезная подготовка дастъ пастырю возможность выработать болѣе или менѣе цѣльное христіанское міровоззрѣніе, при свѣтѣ котораго онъ можетъ смѣло выступать на проповѣднической кафедрѣ съ свободной импровизаціей, не затрачивая времени на продолжительную подготовку къ каждой отдѣльной проповѣди.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Г. Б.

За Редактора, и. д. Ректора *Кіевской Духовной Семинаріи*,
Инспекторъ Илар. Балабушевичъ:

Огь Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 3 августа 1901 г.

За цензора священникъ *К. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 34.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевои
духовной Семинаріи.

1901 года, августа 19-го.

Содержаніе: Церковное отлученіе и его послѣдствія (окончаніе).— О борьбѣ съ пьянствомъ. Мысли по этому вопросу покойнаго митрополита Іоанникія.— Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣдываніи Слова Божія (продолженіе).— Отъ Редакціи.

Церковное отлученіе и его послѣдствія ¹⁾.

Рѣшительная перемѣна, происшедшая во внѣшней жизни Церкви съ признаніемъ христіанской религіи въ римско-византійской имперіи религіей господствующей и государственной, существенно отразилась на положеніи отлученныхъ. Пока Церковь жила своею отдѣльною, обособленною отъ государства жизнію, отлученіе могло имѣть—и имѣло—только церковныя послѣдствія для отлученнаго, т. е. оно лишало отлученнаго только тѣхъ благъ и правъ, какими онъ раньше пользовался, какъ членъ Церкви. Со времени Константина Великаго Церковь вступаетъ въ тѣсный союзъ съ государствомъ, государство принимаетъ церковныя интересы подъ

¹⁾ См. № 33 за 1901 г.

свою защиту и покровительство, церковные постановления и каноны приобретают силу и значение государственных законовъ. Уже Константинъ Великій провозгласилъ себя „епископомъ вѣдшихъ дѣлъ“ Церкви; въ качествѣ епископа онъ созывалъ соборы, своею властію поддерживалъ порядокъ на нихъ, утверждалъ соборныя рѣшенія. Юстиніановскія Новеллы (115-я и 131-я) утверждаютъ за постановленіями соборовъ силу и значеніе государственныхъ законовъ; то же дѣлаютъ и Новеллы Льва Философа. Такимъ образомъ, государство и представители государственной власти—императоры выступаютъ защитниками догмъ и канонныхъ христіанства и, съ цѣлью охраны ихъ неприкосновенности, издаютъ свои государственные законы; разъ это произошло, то нарушители христіанскихъ догмъ и постановленій стали нарушителями, вмѣстѣ съ тѣмъ, и государственныхъ законовъ,—другими словами, еретики и раскольники, осужденные церковными соборами, стали государственными преступниками. Такая перемѣна въ положеніи отлученныхъ произошла независимо отъ Церкви: Церковь, не расширяя своихъ правъ и компетенціи, попрежнему дѣйствовала лишь въ свойственной ей области. Новое и стѣснительное положеніе отлученныхъ не было слѣдствіемъ собственно церковнаго отлученія, а было слѣдствіемъ отношенія государства къ Церкви и наказаніемъ за нарушеніе собственно государственныхъ законовъ. Строго регламентированныхъ законовъ относительно еретиковъ и вообще отлученныхъ не было, но къ нимъ государственная власть примѣняла иногда очень строгія мѣры. Общее въ этихъ мѣрахъ то, что отлученные лишались гражданскихъ благъ и правъ, какъ прежде они лишались лишь благъ и правъ церковныхъ. Такъ, манихеи и донатисты, на основаніи конституціи Аркадія, Гонорія и Θεодосія 407 года, были подвергаемы конфискаціи имущества, лишались права заключать какія бы то ни было гражданскія сдѣлки; по силѣ конституціи импер. Юстина, еретикамъ закрытъ былъ доступъ къ должностямъ военнымъ и гражданскимъ; та же мѣра узаконяется и Новеллами Юстиніана.

Русь вмѣстѣ съ вѣрой приняла отъ грековъ не только келенское церковно-каноническое законодательство, но и Нюканонъ, т. е. вмѣстѣ съ собственно-церковнымъ законодательствомъ, выработаннымъ самою Церковью, приняла къ руководству и тѣ начала, какія выработаны византійскими императорами относительно Церкви. И въ Россіи государственная власть стала въ такое же отношеніе къ Церкви, въ какомъ къ ней стояла власть византійскихъ императоровъ со времени Константина В.: сначала великій князь, а потомъ царь, какъ вѣрный сынъ Церкви, является защитникомъ церковныхъ интересовъ, является собственно тѣмъ „епископомъ вѣдшимъ дѣла“ Церкви, какимъ провозгласилъ себя Константинъ В. Царь собиралъ соборы, былъ членомъ ихъ, дѣлалъ соборамъ запросы относительно нестроений церковной жизни, отъбрасывалъ къ устраненію ихъ и проч.; церковные интересы были ограждаемы государственными законами, а потому еретики являлись государственными преступниками и наказывались по силѣ государственныхъ законовъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что на Руси союзъ государства и Церкви съ самаго начала христіанства былъ тѣснѣе и крѣпче, чѣмъ въ Византіи, такъ что на Руси часто политическіе и государственные преступления карались Церковью наравнѣ съ преступниками противъ Церкви. Въ періодъ допатріаршій отлученіе изрекалось за ересь, за „преобидѣніе“ Церкви Божіей, суда церковнаго и др. преступленія противъ Церкви; впоследствии, въ періодъ такъ называемаго „собиранія Русской земли“, отлученію подвергались дѣйствовавшіе противъ московскаго правительства. Петромъ I изданъ законъ о престолонаслѣдіи подъ угрозою неисполнителямъ смертной казни и „церковной клятвы“. По „Правилу“ митр. Іоанна, отлученію подвергаются: придерживающійся языческихъ обрядовъ и идолопоклонства (пр. 15), продающіе слугъ—христіанъ поганымъ (пр. 22), виновные въ многоженствѣ (пр. 7 и 21) и проч. Правило митр. Кирилла грозитъ отлученіемъ содержащимъ „языческіе и бѣсовскіе обычаи“, убійцамъ; лишаетъ отлученнаго, послѣ его

смерти, молитвъ церковныхъ и погребенія близъ церкви. При патриархахъ на Руси явился особый типъ отлученія съ чертами католическаго интердикта—такъ называемое отлученіе „вседомовное“; этому отлученію, состоявшему въ отлученіи цѣлаго прихода, подвергались нарушители церковныхъ привилегій, неприкосновенности Церкви, церковныхъ судовъ и церковныхъ лицъ.—Подробно излагается ученіе объ отлученіи въ Духовномъ Регламентѣ, который, по нынѣ дѣйствующему праву, включенъ въ число „основаній епархіальнаго управленія и суда“¹⁾). Послѣ предварительныхъ увѣщаній епископу не быть „дерзкимъ и скорымъ, но долготерпѣливымъ и разсудительнымъ во употребленіи власти своей связательной, то есть во отлученіи и въ анаемѣ“, излагаются причины, или указываются *вины*, за какія слѣдуетъ подвергать отлученію. Причины эти: открытое хуленіе имени Божія, или Св. Писанія, или Церкви, явный, соединенный съ безстыдствомъ, грѣхъ, непринятіе больше года таинства евхаристіи и вообще явное и упорное „ругательство и посмѣяніе закона Божія“, „ибо,—замѣчаетъ Регламентъ,—не просто за грѣхъ подлежитъ анаемѣ, но за явное и гордое презрѣніе суда Божія и власти церковныя съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій, и что тако волю безбожія издаеть отъ себе“.

Самая процедура отлученія представляется въ такомъ видѣ. Сначала епископъ посылаетъ духовника „выговорить“ грѣшнику наединѣ его вину „съ кротостью и соувѣщаніемъ“; духовникъ долженъ убѣждать грѣшника принять эпитимію и въ ближайшій праздничный день причаститься Св. Таинъ при народѣ; если грѣшникъ покорится, то „пріобрѣлъ епископъ брата своего, и больше нечего дѣлать“. При упорствѣ грѣшника епископъ долженъ позвать его къ себѣ и „честно, съ прошеніемъ“ повторить ему то же самое наставленіе; а если грѣшникъ не явится, то епископъ посылаетъ къ нему того же самага духовника, но „съ другими нѣкими частными осо-

¹⁾ Уставъ дух. консисторій, § 6, п. 3.

бами, духовниками и мірскими, наипаче съ пріятелями онаго“. При непреклонности грѣшника это посольство можно повторить и еще. Когда всѣ мѣры обратить грѣшника окажутся напрасными, то епископъ повелѣваетъ протодіакопу въ праздничный день извѣстить народъ о грѣхѣ увѣщаемаго и его упорствѣ, не смотря на неоднократныя увѣщанія его. Въ этомъ извѣщеніи народа епископъ просить, „да вы помолитесь о немъ благоутробному Богу, да умягчитъ его жестокосердіе, и да сердце чисто сотворитъ въ немъ и преклонитъ его къ покаянію. А которые ближайшее имате съ нимъ сообщеніе, увѣщайте его и умоляйте и единолично всякъ и съ прочими совокупно со всякимъ усердіемъ, да принесетъ покаяніе, и доложите ему, что аще не исправленъ и прозорливъ будетъ до такого времени (время уреченно будетъ по разсужденію): то поднадеть изверженію отъ Церкви“. Если и эта мѣра не окажетъ дѣйствія на грѣшника, то епископъ долженъ сообщить „духовному коллегіуму“ о всемъ, что дѣлалось, и только, получивъ отъ коллегіума письменное разрѣшеніе, предаетъ открыто грѣшника анаемѣ, составивъ формулу анаемы, каковая формула прочитывается протодіакономъ въ церкви.

Сущность и послѣдствія отлученія изображаются такими чертами. Отлученный извергается изъ общества христіанскаго, отсѣкается отъ тѣла Церкви, какъ непотребный членъ. Онъ лишается причастія „Божіихъ даровъ“, „кровью Спасителя пріобрѣтенныхъ“; онъ не можетъ быть участникомъ св. таинства евхаристіи, прочихъ таинъ святыхъ и требъ церковныхъ; ему запрещается входъ въ церковь; священники всячески должны препятствовать отлученному входить въ храмъ и подъ страхомъ лишенія сана не должны ходить къ нему съ молитвой, благословеніемъ и св. таинствами. При этомъ въ формулѣ отлученія, по Регламенту, всегда должна быть оговорка, что отлученный единолично подвергается анаемѣ, и что анаема не касается ни его семейства, ни прочихъ домашнихъ его, „развѣ бы и оныя поревновать похотѣли его

неистовству и за сію наложенную на него клятву дерзнули бы гордо и явственно укорять Церковь Божию“. Формула отлученія, по прочтеніи, должна быть прибита къ дверямъ или одной престольной, или всѣхъ церквей данной епархіи, сообразно съ указаніями коллегіума.

Если бы отлученный захотѣлъ покаяться, то свое покаяніе онъ долженъ выразить публично или лично, или чрезъ другихъ лицъ; а если нераскаявшійся отлученный сталъ еще ругать анаѣму или „пакостить епископу“, то онъ предавался гражданскому суду.

Дальнѣйшими, вышедшими въ разъясненіе Регламента, постановленіями положеніе отлученнаго въ гражданскомъ отношеніи опредѣлено по аналогіи съ положеніемъ „шельмованныхъ“. А „шельмованный“, по военнымъ артикуламъ того времени, ни въ какое дѣло, ни въ свидѣтельство не принимался, его можно было безнаказанно грабить и бить, и онъ не имѣлъ права требовать суда, лишь за убійство его преступникъ подлежалъ законной отвѣтственности.

Въ нынѣ дѣйствующемъ гражданскомъ законодательствѣ послѣдствіями гражданского церковнаго отлученія признаются: недопущеніе къ свидѣтельству отлученныхъ отъ Церкви (статьи 83 и 371 уст. гражд. суд.) и недопущеніе ихъ къ свидѣтельству подъ присягой (стт. 95 и 706 Устава угол. суд.).

Отъ *великаго отлученія* Духовный Регламентъ отличаетъ *отлученіе малое*. „Се же есть, когда не предаеть Церковь грѣшника явно анаѣемѣ и не изгоняетъ его отъ стада Христова, но только смиряетъ его отлученіемъ отъ сообщенія съ правовѣрными въ общихъ молитвахъ, не велитъ входить въ храмы Божія и на нѣкое время запрещаетъ ему причастіе Св. Таинъ“. Этому отлученію епископъ можетъ подвергать своею властію безъ сношеній съ коллегіумомъ за грѣхи, хотя явные и великіе, но не соединяемые съ безстыдствомъ, гордостью и непобѣдимымъ упорствомъ. *Малое отлученіе* Регламентъ отличаетъ отъ *великаго* такъ: подвергнувшійся анаѣемѣ

„подобенъ есть убиенному, а наказанный отлученіемъ или за-
прещеніемъ подобенъ есть за арестъ взятому“.

А. Т.

О БОРЬБѢ СЪ ПЬЯНСТВОМЪ.

Мысли по этому вопросу покойнаго митрополита Іоаннікія.

О темныхъ сторонахъ народной жизни, особенно о пьянствѣ писалось такъ много, что едва-ли представляется нужда еще лишній разъ доказывать общепризнанный фактъ. Пьянство безспорно является самымъ тяжкимъ и самымъ распространеннымъ недугомъ нашей приходской жизни. Объ этомъ говорятъ и люди далеко стоящіе отъ народа и тѣ, кто его особенно близко знаетъ, каковы приходскіе пастыри. Ежедневныя пастырскія наблюденія свидѣтельствуютъ, что благодаря вину, разрушаются самые существенные интересы народной жизни: и религіозная жизнь, и семейныя отношенія, и экономическій бытъ народа,—все претерпѣваетъ и отражаетъ на себѣ губительное вліяніе пьянства. Религіозенъ и благочестивъ вообще русскій человѣкъ. Онъ чтитъ праздники, соблюдаетъ посты, говѣетъ и ходитъ въ церковь. Но посмотрите, что дѣлаетъ съ нимъ вино. Весь праздникъ у простаго народа проходитъ въ угощеніи: всѣ церковно-религіозныя обряды и обычаи—крестные ходы, браки, именины, крестины, похороны — непременно сопровождаются выпивкою-пьянствомъ. Для многихъ духовная сторона праздника часто утрачиваетъ весь свой смыслъ, и все сводится къ одному удовлетворенію винной похоти. Даже такіе трогательные и высоко назидательные моменты въ жизни человѣческой, какъ смерть и погребеніе умершаго собрата, для многихъ являются только удобнымъ случаемъ и благопріятнымъ поводомъ угоститься.....

Въ настоящее время необходимость борьбы съ пьянствомъ сознается всѣми. Но было время, когда голосъ противъ пьян-

ства поднимался только среди духовенства, когда духовенству въ его борьбѣ съ народнымъ недугомъ противодѣйствовали не только дворяне, помѣщики, купцы, деревенскіе кулаки и вообще лица матеріально заинтересованные въ большемъ потребленіи вина, но даже правительственныя учрежденія. Достаточно привести здѣсь слова отчета Оберъ-прокурора за 1888—89 г. г., ¹⁾ чтобы видѣть, сколько пришлось вынести православному духовенству въ дѣлѣ борьбы съ народнымъ пьянствомъ. Въ этихъ словахъ данъ справедливый отзывъ о всей прошлой борьбѣ православнаго духовенства съ пьянствомъ. „Отсутствіе опредѣленнаго закона, предоставляющаго обществамъ ограничивать торговлю, колебанія и произволь нашихъ городскихъ и земскихъ собраній въ рѣшеніи этого вопроса парализуютъ начинанія въ семь дѣлѣ духовенства, смущаютъ совѣсть нашего народа. Хотя и составляются общественные приговоры, касающіеся устраненія нравственной порчи народа отъ ярмарочнаго и кабачнаго зла, но они рѣдко приводятся въ исполненіе. Равно оказываются часто несостоятельными общественные приговоры и о не употребленіи спиртныхъ напитковъ, потому что они сталкиваются съ казенными интересами водочной торговли и личными интересами тѣхъ, кто пользуется прибылью отъ этой торговли. Вообще же борьба духовенства съ порокомъ пьянства можетъ быть только тогда успѣшна, когда на помощь ему придетъ и законодательство и общество.“

Въ послѣднее время движеніе противъ народнаго пьянства значительно усилилось. Въ борьбѣ съ этимъ широкимъ народнымъ зломъ приняло участіе правительство, сочувственно стало относиться и общество. Такъ называемая казенная монополія продажи вина имѣетъ, между прочимъ, и ту цѣль, чтобы ввести въ употребленіе спиртныхъ напитковъ больше порядка и нормальности, чѣмъ какія были при существованіи частныхъ виноторговцевъ. Но нельзя сказать, чтобы эта ре-

¹⁾ Стр. 78—79.

форма принесла существенную пользу дѣлу народной трезвости. Борьба съ пьянствомъ дѣло очень трудное. Зло это у насъ на Руси застарѣлое, а потому, даже теоретически разсуждая, радѣтели народной трезвости не должны ожидать много отъ этого мѣропріятія правительства. Да и само правительство не считаетъ дѣло борьбы съ народнымъ пьянствомъ оконченнымъ со введеніемъ казенной продажи вина,—даже усиленіе карательныхъ мѣръ противъ пьянства мало помогаетъ отрезвленію народа. Всѣ эти мѣры, какъ и вообще всѣ внѣшнія побужденія къ трезвости, не имѣютъ надлежащей прочности сравнительно съ побужденіями, идущими изъ сознанія самаго народа. Но какъ довести народъ до сознанія необходимости трезвости, или вѣрнѣе сказать, какъ заставить его быть трезвымъ, такъ какъ русскій народъ, при всей своей бѣдности, грубости и невѣжественности, хранить въ себѣ чуткую совѣсть, вѣками воспитанную въ немъ православной вѣрой, непоколебимо вѣрить, что добро лучше зла, и ясно сознаеть, въ чемъ именно заключается это добро?

Самымъ испытаннымъ средствомъ для этой цѣли доселѣ служили и служатъ общества трезвости. Къ этой мѣрѣ обратился и правительство, открывая, вмѣстѣ со введеніемъ казенной продажи вина, попечительства о народной трезвости. Еще въ восьмидесятыхъ годахъ, когда пьянство широкой волной разлилось по всей Россіи, правительство обратило на это серьезное вниманіе. Вопросъ о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ былъ предложенъ на обсужденіе Св. Синода. Послѣдній особымъ циркуляромъ (1889 г.) обратился за разрѣшеніемъ этого вопроса къ епархіальнымъ архіереямъ, которые и не замедлили дать свои отвѣты. Въ числѣ ихъ былъ отвѣтъ и покойнаго митрополита Іоанникія. Отвѣтъ маститаго архипастыря для насъ особенно важенъ, такъ какъ въ немъ Высокопреосвященный авторъ касается вопроса о томъ, какія могутъ быть приняты мѣры для цѣлесообразнаго направленія дѣятельности общества трезвости, попечительства и братства по искорененію въ народѣ пьянства. Признавая необходи-

мость озаботиться открытіемъ обществъ трезвости тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, Высокопр. Іоанникій говоритъ, что для успѣха этого дѣла епархіальному начальству и духовенству необходимо знать взглядъ на эти учрежденія высшаго церковнаго правительства и имѣть для своихъ начинаній и мѣропріятій по организаціи обществъ трезвости твердую опору въ ясныхъ и опредѣленныхъ указаніяхъ Св. Синода. Въ противномъ случаѣ, духовенство, которое, нѣтъ сомнѣнія, съ сочувствіемъ откликнется на призывъ высшей духовной власти къ новому роду дѣятельности, будетъ колебаться, опасаясь столкновенія съ правительственными лицами и учрежденіями свѣтскаго вѣдомства. Было бы въ высшей степени желательно достигнуть совмѣстнаго и единогодушнаго дѣйствованія на этомъ поприщѣ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго вѣдомства. По крайней мѣрѣ, было бы полезно, чтобы о распоряженіи Святейшаго Синода относительно обществъ трезвости было поставлено въ извѣстность оффиціальнымъ порядкомъ и гражданское начальство. Образцомъ для общества трезвости, по мнѣнію митрополита Іоанникія, должно служить общество, открытое С. А. Рачинскимъ въ селѣ Татевѣ.

Что касается мѣръ, какими общества трезвости должны дѣйствовать для достиженія поставленной ими цѣли, то указать наиболѣе цѣлесообразныя изъ нихъ возможно только послѣ ближайшаго ознакомленія съ мѣстными условіями. Тѣмъ не менѣе митроп. Іоанникій въ своемъ отвѣтѣ намѣчаетъ мѣропріятія общаго характера. „Прежде всего, говоритъ онъ, проектируемыя общества должны представлять собою релігіозный союзъ, такъ сказать, церковное братство, возникать при участіи и благословеніи церкви и дѣйствовать подъ ея водительствою. Первымъ членомъ сего братства долженъ быть мѣстный приходскій священникъ. Невозможно отъ всякаго священника потребовать обязательства совершеннаго воздержанія отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, но и умѣренное, разумное ихъ употребленіе будетъ служить наилучшимъ средствомъ для воздѣйствія на прихожанъ, по крайней

мѣръ отнять у пасомыхъ поводъ возражать своему пастырю: „врачу исцѣлился самъ“. Только при этомъ условіи будутъ имѣть силу и дѣйствительность всѣ прочія средства пастырскаго вліянія, къ коимъ принадлежатъ: а) разъясненіе пагубности пьянства на урокахъ въ школѣ, чтобы съ дѣтскихъ лѣтъ возбудить боязнь и отвращеніе къ сему пороку; б) проповѣдь о семъ предметѣ съ церковной кафедрѣ, особенно предъ сырною недѣлею, во дни пасхальныя, предъ храмовыми праздниками и при совершеніи бракосочетаній; в) усиленное воздѣйствіе на совѣсть при исповѣди прихожанъ, подверженныхъ нетрезвости; г) внѣбогослужебныя собесѣдованія въ праздничныя дни и, для лучшаго укрѣпленія въ памяти пастырскихъ наставленій, раздача печатныхъ листковъ съ образцовыми поученіями о вредѣ пьянства; д) нарочитое посѣщеніе прихожанъ, страдающихъ недугомъ пьянства, для ихъ увѣщанія, съ указаніемъ на очевидныя слѣдствія пагубной страсти, отражающіяся на всемъ внѣшнемъ быту пьяницы: личномъ, семейномъ, общественномъ, не говоря уже о нравственномъ его состояніи. Пастырская ревность откроетъ священнику и многія другія мѣры воздѣйствія на сердце пасомыхъ. Свою долю участія и помощи священнику могутъ принять на себя и члены его семьи, сыновья священниковъ и другихъ членовъ причта, какъ обученные въ школахъ; проживая въ домѣ родителей, въ вакаціонное время, напимѣръ, они съ успѣхомъ могутъ удовлетворять потребности нашего крестьянина послушать чтенія религіозныхъ книгъ, пѣнія церковныхъ пѣсней и молитвъ. Въ церковной сторожкѣ, въ школѣ, въ крестьянской хатѣ, а лѣтомъ и въ церковной оградѣ въ праздничное послѣобѣденное время легко собрать крестьянъ на чтеніе или для общаго пѣнія—лучшее пополненіе праздничнаго досуга съ цѣлью отвлеченія жителей отъ питейнаго заведенія. Читать народу сочиненія религіозно-нравственнаго содержанія и именно направленные противъ порока нетрезвости, по желанію и выбору священника, могутъ также и грамотные члены общества изъ прихожанъ“.

Кромѣ этого, священникъ долженъ, по мнѣнію митрополита Іоаннікія, стараться пріобрѣсти въ члены общества трезвости представителей сельской власти и мѣстной интеллигенціи. „Участіе въ обществѣ трезвости этихъ лицъ,—писалъ митрополитъ Іоаннікій, — важно въ томъ отношеніи, что они, помимо несомнѣннаго вліянія собственнымъ примѣромъ, могутъ оказывать содѣйствіе силою власти и значенія. Одушевляемые высокими цѣлями общества трезвости, они совокуннымъ дѣйствованіемъ могутъ склонить приходскую общину, если не къ совершенному закрытію въ приходѣ питейныхъ заведеній, то по крайней мѣрѣ, къ устраненію или ограниченію безпорядковъ и злоупотребленій питейной торговли со стороны виноторговцевъ, имѣющихъ интересъ поддерживать и поощрять пьянство въ народѣ. Словомъ, союзъ священника съ представителями сельской власти и мѣстной интеллигенціи и ихъ общія дружныя усилія обѣщаютъ утѣшительные для общества результаты“. Недавно призванные къ дѣятельности земскіе начальники, по мнѣнію митрополита Іоаннікія, могли бы также имѣть громадное значеніе для обществъ трезвости. Соединяя въ своемъ лицѣ административную и судебную власть, стоя весьма близко къ народу и пользуясь высшимъ авторитетомъ своего званія, земскій начальникъ располагаетъ множествомъ средствъ для успѣшнаго и властнаго вліянія на подвѣдомое ему населеніе въ смыслѣ противодѣйствія развитію пьянства; вслѣдствіе этого, общества трезвости должны предоставлять мѣстному земскому начальнику титулъ почетнаго предсѣдателя.

„Уничтоженіе пьянства, такъ сказать, уличнаго, публичнаго всецѣло зависитъ отъ его власти. Обычай предъ каждымъ выборами прибѣгать къ помощи спиртныхъ напитковъ для дешеваго подкупа избирателей,—теперь, съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ, можно надѣяться, прекратить свое существованіе. Для общества трезвости уже одно уничтоженіе упомянутаго прискорбнаго обычая есть великое пріобрѣтеніе“.

Но особенно, по мнѣнію митрополита Іоанникія, нужно заботиться объ открытіи возможно большаго числа обществъ трезвости въ городахъ. Городъ,—писалъ онъ,—и просвѣщаетъ и развращаетъ деревню: онъ награждаетъ ее дарами цивилизаціи, онъ же и заражаетъ ее своими пороками и болѣзнями. Городскому обществу трезвости такъ же, какъ и сельскому, необходимо заручиться содѣйствіемъ представителей, какъ городской власти, такъ и городского самоуправленія. При такомъ вліятельномъ составѣ общество трезвости, помогая правительственнымъ учрежденіямъ въ наблюденіи и пресѣченіи злоупотребленій въ питейной торговлѣ, можетъ принимать рядъ мѣръ, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, къ ограниченію въ населеніи пьянства.

Такъ, для предупрежденія праздничнаго разгула, оно можетъ устроить публичныя чтенія религіозно-нравственнаго содержанія и организовать пѣвческія собранія. Обществамъ трезвости, съ цѣлью отвлеченія городскихъ обывателей отъ праздничнаго времяпрепровожденія въ трактирахъ и другихъ питейныхъ заведеніяхъ, естественнѣе всего воспользоваться извѣстною любовью нашего народа къ пѣнію. Собранія для общенароднаго пѣнія, по достаточномъ навыкѣ, могутъ быть допущены и при церковныхъ службахъ.

Общее пѣніе, по мнѣнію покойнаго владыки Іоанникія, должно быть непремѣннымъ спутникомъ всѣхъ публичныхъ религіозныхъ чтеній и вѣбогослужебныхъ бесѣдъ. Лучше всего это устраивать въ городскомъ соборѣ, какъ и наиболѣе обширномъ и всѣмъ извѣстномъ. Кромѣ того, владыка проводилъ и ту мысль, что на городскихъ и базарныхъ площадяхъ и вообще на тѣхъ улицахъ, гдѣ любитъ бывать народъ, полезно бы устраивать уличныя бібліотеки и кіоски для продажи народу дешевыхъ книгъ и листовъ о пьянствѣ. „Хорошо было бы,—писалъ онъ,—если бы ревностные члены общества трезвости вступали здѣсь въ бесѣды съ народомъ о вредѣ пьянства и пользѣ трезвости. Во время сдѣланное пре-

достереженіе вѣдь не разъ спасало людей отъ ошибки и преступленія“.

Въ концѣ года члены приходскаго общества трезвости должны собираться въ общее собраніе для обзрѣнія дѣятельности за истекшій годъ и для обсужденія и разрѣшенія вопросовъ о лучшемъ достиженіи задачъ общества трезвости.

Для лучшей постановки дѣла борьбы съ пьянствомъ и для объединенія обществъ трезвости между собою, покойный владыка совѣтовалъ учредить особенный органъ печати въ Петербургѣ или Москвѣ.

Многое изъ того, что митрополитъ Іоанникій предполагалъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ предпринять для борьбы съ пьянствомъ, теперь уже осуществлено, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, какъ онъ представлялъ это. И причина этого въ томъ, что у православнаго духовенства для дѣятельности противъ пьянства до сихъ поръ нѣтъ тѣхъ прочно опредѣленныхъ устоевъ, установить которые прежде всего и требовалъ митрополитъ Іоанникій. А пока ихъ нѣтъ, каждому пастырю приходится начинать дѣло сначала, съ одной вѣрой въ Бога, безъ всякой подготовки и знанія. И много приходится потратить времени и силъ прежде, чѣмъ онъ почувствуетъ подъ собою крѣпкую почву. По мысли Высокопр. митрополита, общества трезвости должны составлять религіозный союзъ, церковное братство, должны зарождаться и жить подъ благодатною сѣнію церкви и дѣятельность свою проявлять въ подвигахъ вѣры и христіанскихъ добродѣтелей. А если такъ, то духовенству въ этомъ дѣлѣ должна принадлежать главная, первенствующая роль. Отрезвленіе паствы необходимо въ цѣляхъ духовнаго ея преуспѣянія и вѣчнаго спасенія. Духовенство обладаетъ для этого всѣми средствами и главнымъ образомъ—благодатными, и только оно одно вполне благонадежно для этого. Безъ самостоятельнаго же руководственнаго участія духовенства въ попечительствахъ и обществахъ трезвости, заботы послѣднихъ объ искорененіи пьянства въ народѣ будутъ безплодными, а въ случаяхъ не-

правильнаго пониманія цѣлей дѣятельности обществъ трезвости, какъ это показываетъ опытъ, и вредными ¹⁾).

Будемъ надѣяться, что мысль покойнаго архипастыря оь опредѣленія точныхъ нормъ въ дѣятельности обществъ трезвости не погибнетъ, а осуществится и дастъ возможность мстирю идти не позади все болѣе и болѣе развивающагося иженія въ защиту трезвости, а впереди.

И. И. К.

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ²⁾.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прихожане на первыхъ порахъ не рѣшаются предлагать священникамъ вопросы въ тѣхъ случаяхъ, когда собесѣдованіе происходитъ въ храмѣ; да и сами священники иногда находятъ разговорную форму бесѣды не совсѣмъ соотвѣтствующею святости храма, такъ какъ разговоры въ церкви могутъ будто бы ослабить въ крестьянахъ чувство благоговѣнія и уваженія въ храму, а та обыденная, подчасъ даже вульгарная форма рѣчи, въ которую крестьяне нерѣдко облачаютъ свои мысли, является будто бы прямо оскорбительною для храма и вызываетъ въ нѣкоторыхъ изъ слушателей смѣхъ или неудовольствіе. Но эти недоумѣнія и сомнѣнія какъ прихожанъ, такъ и священниковъ относительно умѣстности разговоровъ въ храмѣ о предметахъ христіанской вѣры и нравственности не основательны. Храмъ всегда останется въ глазахъ народа зданіемъ

¹⁾ См., напр., Нов. Вр. № 8496, 8507 и 8508 о дѣятельности „Пошительства о народной трезвости“ въ С.-Петербургѣ и № 21 Церк. В. за 1900 г.

²⁾ См. № 32 за 1901 г.

священнымъ и домоу молитвы. Въ предупрежденіе же недоразумѣній и сомнѣній со стороны прихожанъ, священникъ долженъ заранѣе объяснить имъ, что допущеніе вопросовъ и отвѣтовъ на собесѣдованіи въ храмѣ ничего неприличнаго и неумѣстнаго въ себѣ не заключаетъ; что прихожане могутъ свободно обращаться къ нему со всякими вопросами, касающимися предметовъ вѣры и благочестія, могутъ безпрепятственно заявлять ему свои недоумѣнія и сомнѣнія съ цѣлію получить на нихъ отвѣтъ и разъясненіе; что разговорная форма не есть въ Церкви новшество, но что она примѣнялась еще въ древнее время; что св. Церковь и теперь не только допускаетъ, но даже узаконяетъ діалогическую форму, напр., при оглашеніи крещаемыхъ, при совершеніи таинства брака, при постриженіи въ монашество и особенно на исповѣди, такъ что разговорная форма собесѣдованія сама по себѣ не имѣетъ ничего предосудительнаго. Наконецъ, священникъ можетъ прибавить и то, что разговоры во время собесѣдованій есть явленіе исключительное и имѣютъ особую просвѣтительную цѣль, разговоры же въ храмѣ въ иное время и о постороннихъ предметахъ, дѣйствительно, не умѣстны и оскорбительны для святости храма. Что касается того опасенія, будто крестьяне при вступленіи въ бесѣду съ священникомъ могутъ грубостью и безыскусственностью своей рѣчи оскорбить святость храма, то опасеніе это совершенно не основательно. Сознательно и намѣренно православный крестьянинъ подъ священными сводами храма едва ли произнесетъ грубая, площадныя слова; а неизящность и простота его рѣчи зависятъ отъ невысокой степени его умственнаго развитія, въ силу чего и не можетъ быть поставлена спрашивающему въ вину. Если же рѣчь крестьянина, затрогивающая тотъ или иной вопросъ изъ области христіанскаго догматическаго или нравственнаго ученія, будетъ дѣйствительно не только неизящна и не складна, но даже груба, то священникъ долженъ обратить сначала вниманіе на тонъ рѣчи и опредѣлить тѣ мотивы, какіе руководятъ спрашивающимъ. Если вопросъ

предлагается по чистымъ и искреннимъ побужденіямъ, то священникъ, принявъ во вниманіе эти побужденія, равно какъ и умственную неразвитость спрашивающаго, долженъ серьезно выслушать его, а не оговаривать или дѣлать замѣчанія и укоризны за неизящество рѣчи. Конечно, нескладная рѣчь слушателя, предлагающаго вопросъ, иной разъ можетъ вызвать въ нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ на собесѣдованіи смѣхъ или улыбку; въ такомъ случаѣ священникъ долженъ обратиться съ строгимъ внушеніемъ не къ совопроснику, а къ лицамъ, позволяющимъ себѣ смѣяться въ храмѣ и нарушать должную тишину и благоприличіе. Послѣ этого внушенія священникъ можетъ быть увѣренъ, что въ другой разъ неизящная рѣчь слушателя, предлагающаго тотъ или иной вопросъ, не будетъ сопровождаться никакими нарушеніями приличія со стороны остальныхъ слушателей. Но когда священникъ увидитъ, что слушателемъ, предлагающимъ вопросъ, руководитъ не доброе чувство, а намѣреніе поглумиться, или вступить въ пустое словопреніе, или выказать свою мнимую *образованность* и т. п., то долженъ благоразумно отклонить такой вопросъ, хотя бы онъ былъ выраженъ даже въ безукоризненной во всѣхъ отношеніяхъ формѣ. Въ случаѣ, если священнику будетъ предложенъ вопросъ, дать удовлетворительный отвѣтъ на который онъ затруднится, то, ни мало не смущаясь, священникъ можетъ сослаться на неудобство уклониться отъ главнаго предмета собесѣдованія и отложить рѣшеніе предложеннаго вопроса до собесѣдованія слѣдующаго. Вообще же, священникъ не долженъ приходить въ смущеніе отъ предлагаемыхъ ему вопросовъ, равно какъ не долженъ и запрещать эти вопросы, потому что въ противномъ случаѣ его собесѣдованія потеряютъ свою главную особенность и перестанутъ быть въ собственномъ смыслѣ *собесѣдованіями* *).

Для ббльшаго запечатлѣнія въ памяти и сознаніи слушателей словъ проповѣдника, для ббльшаго оживленія самой

*) *Потъхинъ А.*: „Внѣбогосл. собесѣд.“ (Ворон. еп. в., 1888 г., № 4).

бесѣды, священникъ, если ему позволятъ средства, и если самыя собесѣдованія ведутся имъ внѣ храма (въ зданіи, напр., школы), можетъ пользоваться туманными картинами. О значеніи картинъ, какъ средства къ наглядному преподаванію, нѣтъ нужды распространяться. Польза отъ употребленія при собесѣдованіяхъ волшебнаго фонаря—несомнѣнна *). Но если священникъ не обладаетъ средствами для пріобрѣтенія фонаря, и если самыя собесѣдованія ведутся въ храмѣ, то можно обойтись и безъ этой роскоши. „Религіозная жажда простого народа еще настолько сильна, что онъ съ наслажденіемъ готовъ пить чистую священную воду Божественнаго ученія, не просить никакихъ, такъ сказать, подслащиваній; напротивъ, за недостаткомъ этой чистой воды, скорѣе удовлетворить свою жажду изъ мутныхъ источниковъ различныхъ заблужденій и лжеученій сектантскихъ и раскольничьихъ, нежели останется вовсе безъ религіознаго утѣшенія и назиданія“ **).

Заканчивая собесѣдованіе, священникъ очень хорошо сдѣлаетъ, если представитъ въ краткихъ, но ясныхъ чертахъ все основное содержаніе его. Это полезно какъ для всѣхъ вообще слушателей въ отношеніи къ болѣе прочному усвоенію ими предмета собесѣдованія, такъ особенно для тѣхъ, которые, по какой-нибудь причинѣ, явились на собесѣдованіе позже другихъ, уже послѣ того, какъ оно было начато ***).

Собесѣдованіе заканчивается хвалебною пѣснью въ честь Пресв. Богородицы: „Достойно есть“...

72. Предметы внѣбогослужебныхъ собесѣдованій.

Касааясь вопроса относительно предметовъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, должно прежде всего обратить вни-

*) Волшебный фонарь лучше употреблять изобрѣтенія полковника Маллшовскаго. Этотъ фонарь, извѣстный подъ названіемъ „школьнаго“, и дешевле, и практичнѣе всѣхъ другихъ, такъ какъ онъ предназначенъ для непрозрачныхъ картинъ.

**) *Потъхинъ А.*: „Внѣбог. собесѣд.“ (Вор. е. в., 1888 г., № 3).

***) *Зубовъ И.*, свящ.: „О внѣбог. по воскр. и праздн. днямъ наст. собесѣдованіяхъ“ (Херсон. еп. в., 1884 г., № 12).

маніе на самыя *первыя по времени* собесѣдованія, на которыхъ слушателей еще не можетъ быть особенно много. Въ видѣ первоначальнаго опыта, священникъ можетъ сдѣлать нѣсколько собесѣдованій о тѣхъ предметахъ, на которые натолкнутъ его обстоятельства мѣста и времени. Но гораздо лучше сдѣлаетъ онъ, если предметомъ первыхъ своихъ собесѣдованій изберетъ наиболѣе интересныя житія нѣкоторыхъ святыхъ. Заинтересовавъ слушателей житіями, священникъ обезпечитъ на будущее время усилѣхъ своей виѣбогослужебной проповѣди.

Но такія безсистемныя собесѣдованія пригодны лишь *на первыхъ порахъ* по ихъ открытіи, иначе священникъ рискуетъ увлечься разсужденіями о мелочахъ и подробностяхъ въ ущербъ главнѣйшему, существенному и болѣе важному содержанію истинно-христіанскаго вѣдѣнія. Поэтому, необходимо выдѣленіе предметовъ и разграниченіе ихъ на главные и второстепенные, на существенные и менѣе важные. Отсюда сама собою вытекаетъ систематичность, послѣдовательность собесѣдованій. Веденіе виѣбогослужебныхъ собесѣдованій должно совершаться въ болѣе или менѣе строгомъ порядкѣ, по заранѣе составленной программѣ. Идеаломъ религіозно-нравственнаго знанія для крестьянина, если принять во вниманіе программы сельскихъ училищъ по Закону Божію, обыкновенно считается: знаніе краткаго курса священной, общей церковной и отечественной церковной исторіи, сознательное усвоеніе начатковъ православнаго христіанскаго вѣро-и нравоученія, знаніе и пониманіе необходимыхъ молитвъ, пониманіе православнаго богослуженія и знакомство съ его содержаніемъ. Соотвѣтственно этому, программа собесѣдованій должна состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) библейская исторія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ; 2) общая и русская церковная исторія — преимущественно въ жизнеописаніяхъ святыхъ; 3) православное вѣроученіе; 4) обличеніе раскола и сектанства (гдѣ есть раскольники и сектанты); 5) объясненіе

богослуженія Православной Церкви и 6) наученіе неграмотныхъ слушателей молитвамъ съ объясненіемъ послѣднихъ.

Съ какого бы отдѣла священникъ ни началъ вести свои собесѣдованія, онъ долженъ соблюдать слѣдующія необходимыя условія. Такъ какъ задача собесѣдованій состоитъ, съ одной стороны, въ сообщеніи прихожанамъ положительныхъ свѣдѣній, а съ другой—въ искорененіи суевѣрій и заблужденій, а также въ исправленіи правовъ пасомыхъ, то священникъ долженъ наблюдать, чтобы каждое изъ собесѣдованій отвѣчало этой двойкой задачѣ. Ведя собесѣдованіе, священникъ долженъ дѣлать приложеніе общихъ свѣдѣній вѣроучительныхъ, правоучительныхъ, обрядовыхъ къ современной дѣйствительности; рассказы изъ житій святыхъ, даже рассказы священо-историческіе, онъ долженъ сближать съ явленіями современной жизни и обращать въ предметъ нагляднаго урока, поучительнаго примѣра, глубокаго назиданія. Преподавая общіе предметы христіанскаго вѣроученія и благочестія, онъ никогда не долженъ опускать случая связать эти предметы съ окружающею дѣйствительностью. Случился пожаръ или голодь, настала эпидемія или война, произошла кража, убійство или ссора между крестьянами, появились тревожные слухи, несбыточные ожиданія и опасныя недоразумѣнія по поводу какихъ-либо правительственныхъ распоряженій и реформъ, пришли въ приходъ раскольники или сектанты и т. д. Эти и подобныя обстоятельства никогда не должны быть обойдены молчаніемъ. Голое обличеніе пороковъ, суевѣрій и безпорядковъ, не основанное на положительной христіанской истинѣ, является произвольнымъ и беспочвеннымъ. Одно изложеніе христіанской истины, безъ приложенія ея къ жизни и современной дѣйствительности, будетъ отвлеченнымъ и мало дѣйственнымъ *).

Сдѣлавъ общія замѣчанія относительно предметовъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, перейдемъ теперь къ болѣе

*) *Потъхинъ А.*: „Внѣбог. соб.“ (Вор. е. в., 1888 г., № 6).

частному разсмотрѣнію каждаго отдѣла предложенной программы.

Библейская исторія Ветхаго и Новаго Заветовъ.—При веденіи вѣббогослужебныхъ собесѣдованій по свящ. исторіи, проповѣдникъ долженъ помнить, что цѣль его собесѣдованій— не познакомить своихъ слушателей съ исторической судьбой еврейскаго народа, а извлечь для нихъ поученіе и назиданіе. Задача священника—не въ томъ, чтобы сообщить народу спеціальныя и подробныя свѣдѣнія по библейской исторіи, не въ томъ, чтобы его прихожане подробно и отчетливо знали всѣ, напр., библейскія событія, лица, числа, собственные имена и т. д.;—нѣтъ, Свящ. Исторія должна быть въ этомъ случаѣ не учебнымъ предметомъ, а живымъ, высокимъ средствомъ къ религіозному наставленію и назиданію слушателей *). Отсюда ясно, что необходимъ выборъ библейско-историческихъ фактовъ, предпочтеніе однихъ другимъ. Въ виду того, что главнѣйшимъ содержаніемъ всего Свящ. Писанія не только Новаго, но и Ветхаго Завета является Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ программу библейско-историческихъ бесѣдъ должно войти все то, что способствуетъ познанію Спасителя; то же, что не имѣетъ близкаго отношенія къ Нему, можетъ быть опущено. Вслѣдствіе этого, Свящ. Исторія Ветхаго Завета можетъ быть преподаана гораздо короче, чѣмъ новозавѣтная, такъ какъ и св. ап. Павелъ отказался въ свое время подробно разсказывать о разныхъ ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ (Евр. 11, 32). Но извлекая изъ Свящ. Исторіи уроки нравственности, возбуждая въ слушателяхъ любовь ко Христу, священникъ долженъ связно представить и пути Божественнаго Промысла въ родѣ человѣческомъ; выяснить, какъ Господь велъ родъ человѣчскій ко спасенію, совершенному Христомъ **).

*) *Маерцкій В.*: „Воскр. и праздн. вѣббог. собесѣдов.“, стр. 263; *Потъхинъ А.*: „Вѣббог. собес.“ (Вор. е. в., 1888 г., № 6).

**) *Дьяченко Г.*, свящ.: „О воскресныхъ чтеніяхъ для народа“ (Церк.-приходск. школа, 1889 г., № 5).

За норму для своихъ бесѣдъ по Свящ. Исторіи пропо-
вѣдникъ можетъ избрать одинъ изъ лучшихъ учебниковъ по
Закону Божію, напр., „Священную Исторію“ прот. Д. Соко-
лова, еще лучше—прот. Ал. Соколова.

Общая и русская церковная исторія.—Исторія Церкви
есть наглядное осуществленіе въ жизни христіанскихъ об-
ществъ началъ христіанской религіи и нравственности. Пре-
слѣдуя общую цѣль всѣхъ вообще своихъ собесѣдованій—на-
зиданіе и спасеніе пасомыхъ, священникъ долженъ изобра-
зить предъ ними въ простыхъ, но яркихъ, живыхъ картинахъ
исторію Церкви. Онъ долженъ показать имъ, какъ трудами
св. апостоловъ распространялась въ мірѣ вѣра Христова; какъ
богоугодно, въ союзѣ мира и взаимной любви, жили первые
христіане; какъ твердо стояли они за свою правую вѣру, не
страшась тяжкихъ мученій и смерти; какъ пламенѣли они
любовію къ Богу и Христу. Изображая эти картины жизни
древнихъ христіанъ, священникъ долженъ наиболѣе подробно
остановиться на жизни, трудахъ и страданіяхъ прославлен-
ныхъ Богомъ святыхъ. Такимъ образомъ, собесѣдованія по
исторіи Церкви примутъ преимущественно характеръ живо-
описаній святыхъ, что послужитъ только къ выцншей пользѣ
для его слушателей, такъ какъ живые примѣры лучше вся-
кихъ разсужденій произведутъ впечатлѣніе на умъ и сердце
простыхъ слушателей и подвигнутъ волю ихъ къ подражанію
въ своей жизни святымъ *). Ведя бесѣды по общей, равно
какъ и по русской церковной исторіи, священникъ долженъ
соблюдать слѣдующія условія. *Во-первыхъ*, онъ не долженъ
касаться вопроса о ересяхъ, волновавшихъ Церковь, чтобы
не ознакомить слушателей съ тѣмъ зломъ, которое имъ еще
неизвѣстно, и не посѣять въ сердцахъ ихъ сѣмени сомнѣнія.
Во-вторыхъ, долженъ особенно настаивать на той мысли, что
спасеніе доступно для всѣхъ людей, въ какомъ бы званіи и

*) Дьяченко Г., свящ.: „(1) воскр. чтен. для народа“ (Церк.-приход.
школа, 1889 г., № 6).

состояніи они ни находились, а не для однихъ лишь строгихъ подвижниковъ. Съ этою цѣлью онъ долженъ особенно выдвигать на видъ житія такихъ святыхъ, какъ, напр., Филарета Милостиваго, Симеона Верхотурскаго, Гуліаніи Лазаревской и др. *Въ-третьихъ*, при выборѣ вообще житій святыхъ для собесѣдованій долженъ останавливаться преимущественно на тѣхъ святыхъ, жизнеописанія которыхъ наиболѣе богаты навидательными событіями, и имена которыхъ наиболѣе извѣстны народу. *Въ-четвертыхъ*, излагая житія святыхъ Греческой Церкви, долженъ касаться только тѣхъ святыхъ, которые жили до 9 вѣка: послѣ же этого вѣка долженъ говорить исключительно лишь о русскихъ святыхъ, имена которыхъ ближе знакомы нашему народу, и память которыхъ свято чтится нашею отечественною Церковію *).

При веденіи собесѣдованій по церковной исторіи значительную помощь могутъ оказать священнику сочиненія А. Н. Бахметевой: „Разказы изъ исторіи христіанской Церкви отъ I до половины XI вѣка“ и „Разказы изъ русской церковной исторіи“; а также Дестунисъ С.: „Житія Святыхъ, составленныя по Четь-Минеямъ и другимъ книгамъ“.

Православное вѣроученіе. Собесѣдованія догматическаго содержанія должны быть отнесены, безспорно, къ собесѣдованіямъ первой важности; но въ то же время они являются для священника самыми трудными и требующими съ его стороны много усилій и основательнаго приготовленія къ нимъ. Въ собесѣдованіяхъ по православному вѣроученію съ народомъ священникъ долженъ излагать догматы вѣры совсѣмъ не въ той сухой, отвлеченной формѣ, въ какой они обыкновенно излагаются въ догматическихъ руководствахъ и системахъ. Дѣло священника—не сообщить только голыя формулы догматовъ, а выспити нравственно-воспитательное значеніе каждаго догмата въ жизни христіанина, сдѣлать догматъ достояніемъ не ума только, а и сердца человѣческаго. Все это,

*) „Какъ вести вѣбог. чтенія для народа“ (Рук. для с. п., 1890 г., № 7).

конечно, далеко не легко, особенно если взять во вниманіе, что священникъ не найдетъ себѣ въ нашей современной литературѣ почти ни одного пособия въ этомъ родѣ, кромѣ богословскихъ сочиненій преосвящ. Антонія, еп. Уфимскаго *). Вопросы, которымъ должны быть посвящены догматическія собесѣдованія, не многочисленны; сюда должны быть отнесены слѣдующіе: о таинствѣ Пресв. Троицы; о Божественномъ Промыслѣ; о мірѣ духовъ; объ искупленіи; о Церкви и таинствахъ; о безсмертіи души, почитаніи святыхъ и молитвѣ за усопшихъ; о воскресеніи мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Собесѣдованія объ указанныхъ предметахъ вѣры священникъ долженъ подтверждать и иллюстрировать примѣрами изъ священной и церковной исторіи, въ чемъ ему окажетъ большую помощь трехъ-томный трудъ свящ. Г. Дьяченко: „Уроки и примѣры христіанской вѣры, надежды и любви“. Кромѣ сочиненій преосвящ. Антонія, священнику могутъ принести большую пользу также сочиненія архим. Сергія: „Православное ученіе о спасеніи“ и свящ. П. Свѣтлова: „Значеніе креста въ дѣлѣ Христовомъ“.

(Продолженіе будетъ).

*) Не можемъ не рекомендовать при этомъ особенно брошюры преосв. Иустина, еп. Уфимскаго: „Разговоръ православнаго съ магометаниномъ о догматѣ Пресв. Троицы“ (Уфа, 1900 г.), представляющую собою прекрасный образецъ упрощенія богословскихъ сочиненій преосв. Антонія.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

За израсходованиемъ всѣхъ экземпляровъ журнала „Руководство для сельскихъ пастырѣй“ 1901 года, подписка на журналъ этого года прекращается и открывается подписка на будущій 1902 годъ.

*За Редактора. и. д. Ректора Кіевской Духовной Семинаріи.
Инспекторъ Илар. Балабушевичъ.*

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 13 августа 1901 г.

За цензора священникъ *К. Коромковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 35.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, августа 26-го.

Содержаніе: Самообличеніе графа Л. Н. Толстого (по поводу отвѣта его на постановленіе Св. Синода отъ 20—22 февр. с. г.).— Два взгляда по вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ.—Обозрѣніе проповѣдей въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900 г. (продолженіе).

Самообличеніе графа Л. Н. Толстого.

(По поводу отвѣта его на постановленіе Св. Синода отъ 20—22 февр. с. г.).

Постановленіе Св. Синода отъ 22 февраля объ отпаденіи гр. Л. Н. Толстого отъ Церкви не только вызвало разные кривотолки и нападки на Церковь въ той части русскаго общества, которая заражена невѣріемъ или религіознымъ индифферентизмомъ и относится враждебно къ религіи и Церкви, но и побудило самого гр. Толстого выступить съ отвѣтомъ. Относившійся до сихъ поръ пренебрежительно къ критикѣ своего ученія, не только не отвѣчавшій на ся возраженія и доводы, но даже не читавшій ее, теперь онъ, наконецъ, увидѣлъ, что его „игра въ толстовство“, какъ назы-

ваетъ весьма мѣтко религіозно-общественные опыты Толстого Кальдеронъ, имѣетъ не одинъ только литературный характеръ и интересъ, но обратила на себя вниманіе церковной власти, и потому долженъ былъ прервать свое молчаніе.

Впрочемъ, къ этому его побуждало еще и желаніе отвѣтить на многочисленныя выраженія сочувствія, а также порицанія и угрозы, которыя онъ сталъ получать послѣ объявленія синодальнаго постановленія.

Какъ возбужденіе, вызванное въ обществѣ синодальнымъ актомъ, такъ и то обстоятельство, что графъ Толстой заговорилъ по поводу этого акта суть факты знаменательные. Они указываютъ несомнѣнно на живучесть и значеніе Церкви Христовой въ мірѣ; они свидѣтельствуютъ о томъ, что, при всемъ религіозномъ равнодушіи и даже невѣрїи современнаго общества, идея власти и суда церковнаго, какъ выраженія Суда Божественнаго на землѣ, еще глубоко проникаетъ людей. Самый протестъ противъ церковнаго осужденія современнаго намъ лжеучителя показываетъ, что власть Церкви сильна, что ея права, ея достоиніе не могутъ быть безнаказанно нарушаемы. Если толстовское религіозно-умственное движеніе есть знаменіе времени, то и указанное явленіе, безъ сомнѣній, должно быть почитаемо таковымъ.

Свой отвѣтъ на постановленіе Св. Синода графъ Толстой направилъ, однако, не надлежащимъ образомъ. Въмѣсто того, чтобы идти прямымъ путемъ и представить его въ Синодъ или первенствующему іерарху, онъ (или его единомышленники) началъ распространять его подпольнымъ образомъ. Такой образъ дѣйствій въ дѣлѣ столь великой важности не можетъ, конечно, служить къ славѣ нашего писателя и, по нашему мнѣнію, является только лишнимъ основаніемъ къ его обвиненію.

Въ настоящее время отвѣтъ этотъ напечатанъ въ Мисіонер. Обозрѣніи (іюнь), хотя съ выпускомъ, по цензурнымъ условіямъ, особенно кощунственныхъ мѣстъ, и потому представляется возможнымъ обсуждать его.

Не обвиняясь, мы называемъ отвѣтъ графа Толстого не защитою, а самообличеніемъ его. Если у кого еще оставалась хоть тѣнь сомнѣнія въ справедливости отлученія его отъ Церкви, то послѣ этого отвѣта она должна разсѣяться. Онъ до очевидности показываетъ отпаденіе Толстого не только отъ православія, но и отъ христіанства и отъ религіи вообще, а также и свидѣтельствуетъ о полной справедливости по отношенію къ отпавшему принятой Св. Синодомъ мѣры, ибо самъ графъ Толстой прямо признаетъ въ немъ свое отпаденіе отъ Церкви и кратко излагаетъ свое противощерковное и противохристіанское ученіе. Нота же нѣкотораго раздраженія, по мѣстамъ звучащая въ немъ, а также тѣ софистическія ухищренія и приемы, къ которымъ онъ прибѣгаетъ; и явныя неправды, которыя онъ допускаетъ, не только отличаютъ его, но и—къ величайшему нашему прискорбію—набрасываютъ неблагопріятную тѣнь на личность и доброе имя этого всемірно-извѣстнаго и въ области художественной литературы великаго писателя.

Но обратимся къ самому отвѣту графа Л. Н. Толстого.

По своему содержанію онъ распадается на двѣ части. Въ первой гр. Толстой дѣлаетъ возраженія противъ синодальнаго постановленія отъ 22 февраля, а во второй излагаетъ въ краткой формѣ свое вѣроисповѣданіе и вѣропониманіе.

Въ постановленіи Синода гр. Толстой находитъ „много недостатковъ“. По его мнѣнію, оно прежде всего незаконно, такъ какъ не удовлетворяетъ будто бы церковнымъ правиламъ, относящимся къ вопросу объ отлученіи. То вѣрно, что настоящій актъ нашего Синода не совпадаетъ вполнѣ съ тѣми отлученіями, которыя произносила древнія церкви на ересіарховъ, ни по способу объявленія его, ни по послѣдствіямъ. Это—простое оповѣщеніе Церкви объ отпаденіи Толстого съ указаніемъ его заблужденій, сдѣланное съ цѣлью огражденія вѣрныхъ чадъ Церкви и вразумленія самого отпавшаго; оно, поэтому, не имѣетъ никакихъ юридическихъ

послѣдствій для отлученнаго. Но при такомъ чисто формальномъ отличіи настоящаго церковнаго акта, по существу, по духу и цѣли онъ вполнѣ согласенъ съ церковными канонами. Каноны, содержимые св. Церковью и основанные на Божественномъ авторитетѣ, по существу неизмѣнны; по примѣненію ихъ къ условіямъ жизни можетъ подвергаться измѣненіямъ, какъ измѣняются эти условія. Графъ Толстой не понималъ или не хотѣлъ понять, что та смѣтная форма отлученія, какую въ данномъ случаѣ употребилъ Св. Синодъ, не измѣняетъ сущности дѣла и служитъ лишь выраженіемъ спускательности и любви Церкви, которая никогда не поражаетъ грѣшника или еретика одной только карой, но всегда имѣетъ въ виду и возможность его исправленія. Въ увлеченіи борьбой съ Церковью, онъ не замѣчаетъ того, какъ мягко и деликатно осуществляетъ св. Церковь по отношенію къ нему свое право и свой прямой долгъ, но, прикрываясь церковными правилами (которыхъ, конечно, онъ совершенно не признаетъ), несправедливо нападаетъ даже и на эту форму постановленія.

Несправедливо называетъ Толстой постановленіе Св. Синода и „умышленно-двусмысленнымъ“, подозрѣвая, что ему дана такая форма для того, чтобы оно, не будучи въ сущности отлученіемъ, казалось бы таковымъ и было всѣми понято въ смыслѣ отлученія. Ниже Толстой обвиняетъ Св. Синодъ еще въ подстрекательствѣ къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ, такъ какъ постановленіе его вызвало по отношенію къ нему проявленія озлобленія и угрозы со стороны людей непросвѣщенныхъ и неразумяющихъ. По мнѣнію графа Толстого, Св. Синодъ долженъ былъ предвидѣть эти послѣдствія и, конечно, воздержаться отъ своего постановленія. Тутъ Толстой простираетъ свою прощательность уже слишкомъ далеко. Не хочетъ ли онъ этимъ сказать, что Св. Синодъ своимъ постановленіемъ имѣлъ намѣреніе возбудить противъ него толпу! Но нужно быть слишкомъ ослѣпленнымъ ненавистью къ Церкви, чтобы заподозривать ее въ намѣренно-двусмысленномъ изложеніи постановленія объ отпаденіи лже-

учителя; на всякаго же непредубѣжденнаго читателя это постановленіе производитъ иное впечатлѣніе, какъ по своей ясности, опредѣленности и точности выраженій, недопускающихъ перетолкованій, такъ и по очевидной чистотѣ побужденій и намѣреній Церкви. Конечно, безусловно нужно осудить тѣхъ, которые изъ неразумной ревности посылаютъ отступнику отъ Церкви угрозы и рѣзко выражаютъ ему свое порицаніе; но Св. Синодъ нисколько неповиненъ въ этихъ проявленіяхъ нехристіанскаго духа по отношенію къ нему, неповиненъ въ томъ, что его постановленіе было дурно понято невѣжествомъ и во всякомъ случаѣ не могъ и не долженъ былъ въ предвѣдѣніи этого отказываться отъ исполненія своего долга.

Затѣмъ синодальное постановленіе гр. Толстой признаетъ неосновательнымъ, „потому что, говорить онъ, главнымъ поводомъ его появленія выставляется большое распространеніе моего совращающаго людей лжеученія, тогда какъ мнѣ хорошо извѣстно, что людей, раздѣляющихъ мои взгляды, едва ли есть сотня, и распространеніе моихъ писаній о религіи, благодаря цензурѣ, такъ ничтожно, что большинство людей, прочитавшихъ постановленіе Синода, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что мною писано о религіи, какъ это видно изъ полученныхъ мною писемъ“. Но этого мало: графъ Толстой заявляетъ даже, что онъ „никогда и не заботился о распространеніи своего ученія“. „Правда, добавляетъ онъ при этомъ, я самъ для себя выразилъ въ сочиненіяхъ свое пониманіе ученія Христа и не скрывалъ эти сочиненія отъ людей, желавшихъ съ ними познакомиться, но никогда самъ не печаталъ ихъ; говорилъ же людямъ о томъ, какъ я понимаю ученіе Христа, только тогда, когда меня объ этомъ спрашивали“.

Много недоумѣній вызываютъ эти заявленія графа Толстого о фактахъ, которые должны быть ему хорошо извѣстны,—недоумѣній, заставляющихъ отнестись къ его словамъ съ сомнѣніемъ въ ихъ справедливости, тѣмъ болѣе, что многіе общеизвѣстные факты опровергаютъ ихъ.

Прежде всего, духъ прозелитизма не чуждъ современному намъ религіозному лжеучителю, какъ ни прикрывается онъ равнодушіемъ къ этой сторонѣ своего ученія и какъ ни завѣряетъ, что свое ученіе онъ вырабатывалъ только лично для себя. Общеизвѣстный фактъ, что толстовскія идеи проникаютъ не только въ интеллигентные классы общества, но и въ среду простого народа, особенно зараженного сектантскимъ духомъ и заблужденіями. Если такъ назыв. образованное общество въ большинствѣ увлекается религіозно-философскимъ ученіемъ Толстого главнымъ образомъ въ силу моды и преклоненія предъ литературнымъ авторитетомъ его, то простые люди изъ сектантовъ знакомятся съ нимъ и сочувствуютъ ему больше изъ вражды къ Церкви, больше изъ общаго у нихъ съ Толстымъ отрицательнаго отношенія къ православію, чѣмъ изъ дѣйствительнаго пониманія этого ученія въ его основѣ. Можно сказать, что почти все, что есть въ Россіи враждебнаго православной Церкви, или прямо слѣдуетъ за Толстымъ или въ тайнѣ сочувствуетъ ему. Если число послѣдователей его незначительно, какъ увѣряетъ онъ, то откуда же взялись эти колоніи толстовцевъ? Откуда взялись эти многочисленныя выраженія сочувствія, о которыхъ упоминала и супруга графа въ извѣстномъ своемъ письмѣ, вызвавшемъ столь исполненный достоинства и сознанія правоты Церкви отвѣтъ Петербургскаго митрополита Антонія? Наконецъ, какъ согласить это заявленіе графа Толстого о слабомъ будто бы распространеніи его лжеученія и незначительности числа его послѣдователей съ тѣмъ, что онъ говоритъ въ своемъ отвѣтѣ нѣсколькими строками раньше? А говоритъ онъ тамъ, что его невѣріе въ догматы Православной Церкви раздѣляется почти всѣми образованными людьми, которые выражаютъ его и въ разговорахъ и литературно. Можетъ ли графъ Толстой сказать, положе руку на сердце, что невѣріе современныхъ образованныхъ людей совершенно независимо отъ вліянія его сочиненій и его лжеученія, проникающаго въ умы и другими путями, кромѣ непосредствен-

наго знакомства съ сочиненіями лжеучителя? Напрасно, указываетъ гр. Толстой на то, что распространеніе его религіозныхъ писаній, благодаря цензурѣ, ничтожно. Цензурныя запрещенія, какъ извѣстно, не остановили гр. Толстого или его рьяныхъ послѣдователей отъ распространенія его сочиненій и ученій. Ни для кого вѣдь не тайна, что Россія уже много лѣтъ положительно наводняется безцензурными подпольными изданіями антихристіанскихъ произведеній нашего писателя; при чемъ и безъ того существующая у насъ мода на все, что въ литературѣ запечатлѣно духомъ отрицанія по отношенію къ православію и исконнымъ устоямъ русской жизни, въ данномъ случаѣ еще усиливалась запретомъ, заграничной рекламой и славнымъ литературнымъ именемъ Л. Толстого. Гр. Толстой говоритъ, что въ дѣйствительности едва ли наберется сотня людей, раздѣляющихъ его взгляды. Въ этомъ случаѣ онъ, очевидно, разумѣетъ тѣхъ своихъ послѣдователей, которые способны понимать его и принимаютъ его ученіе сознательно и во всей цѣлости. Пусть такъ,—не будемъ этого оспаривать; да и трудно сдѣлать точный подсчетъ, сколько именно людей вполне принимаетъ толстовское ученіе. Но вѣдь Синодальное постановленіе имѣетъ въ виду не однихъ, такъ сказать, „чистыхъ“ толстовцевъ; оно направлено вообще противъ совращающаго вліянія сочиненій и лжеученія Толстого, противъ того, что у насъ называется толстовскимъ движеніемъ. Пусть не много людей вполне раздѣляетъ ученіе Л. Толстого; но въ сколькихъ умахъ оно произвело сумбуръ религіозныхъ понятій? Сколько людей подъ вліяніемъ его утратило чистоту и искренность вѣры? Сколько людей заразилось духомъ невѣрія и отрицанія, не слѣдуя всецѣло за лжеучителемъ, не крестясь, если можно такъ выразиться, въ его вѣру? На это гр. Толстой не обращаетъ вниманія; между тѣмъ вліяніе въ такомъ направленіи противъцерковныхъ сочиненій его несомнѣнно для всякаго, кто слѣдилъ за умственнымъ и религіознымъ движеніемъ послѣдняго двадцатилѣтія.

Такимъ образомъ, Св. Синодъ совершенно справедливо указаль на распространеніе толстовскаго ученія, какъ на явленіе дѣйствительное и служащее основаніемъ для принятія особенной мѣры по отношенію къ лжеучителю. *В. II.*

(Продолженіе будетъ).

Два взгляда по вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ.

Въ послѣднее время въ русскомъ обществѣ все болѣе и болѣе крѣпнеть сознание объ огромной опасности, угрожающей ему отъ распространенія пьянства. вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ число дѣятелей, выступающихъ на борьбу съ страшнымъ врагомъ, который, по выраженію одного извѣстнаго русскаго врача ¹⁾, можетъ быть названъ „великимъ убійцей“. Въ числѣ этихъ дѣятелей первое мѣсто безспорно должны занять и дѣйствительно занимаютъ православные пастыри, обязанные къ тому своимъ пастырскимъ долгомъ и призывомъ правительства.

Защитникамъ трезвости въ наше время нѣтъ нужды убѣждать кого бы то ни было въ губительности пьянства, но къ сожалѣнію, среди нихъ самихъ, не говоря уже вообще объ обществѣ, распространено въ высшей степени губительное заблужденіе, что вино опасно только при излишествѣ въ употребленіи, что въ умѣренномъ видѣ оно не только не вредно для здоровья, но даже полезно. Такой взглядъ раздѣляется и нѣкоторыми представителями медицины, съ которыми спорить какъ будто и не приходится,—имъ бы, казалось, и книги въ руки; но съ житейской, практической и педагогической точки зрѣнія противъ нихъ можно сказать многое.

Вообще радѣтелей трезвости можно раздѣлить на два лагеря, изъ которыхъ одни проповѣдуютъ безусловное воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ, другіе являются защитни-

¹⁾ Профессора Кіевскаго университета Сикорскаго.

ками умѣреннаго ихъ употребленія. И та и другая система въ дѣлѣ борьбы противъ пьянства имѣють своихъ горячихъ защитниковъ и ожесточенныхъ противниковъ. И такъ обстоятъ дѣло не у насъ только на Руси, но и въ другихъ государствахъ, гдѣ только существуетъ борьба съ пьянствомъ. Представителями первой системы являются англичане и особенно американцы, второй—скандинавскіе народы. Впрочемъ, въ послѣднее время во всѣхъ государствахъ Европы видимо крѣпнеть убѣжденіе, что прочнаго успѣха въ борьбѣ съ пьянствомъ можно достигнуть только посредствомъ полного воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ; а съ преобладаніемъ такого взгляда вездѣ стали умножаться общества трезвости и сильно возрасло число такихъ обществъ.

Пастыри, какъ хранители нравственной чистоты своихъ пасомыхъ, какъ важнѣйшіе дѣятели противъ пьянства, должны рѣшительно стать на сторону послѣдняго взгляда и всѣми силами бороться противъ распространеннаго въ обществѣ убѣжденія, что умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ не можетъ возбуждать никакихъ тревогъ. И прежде всего потому, что умѣреннаго употребленія вина, строго говоря, нѣтъ и быть не можетъ. Выпивающимъ хотя бы только по одной рюмкѣ въ день бываетъ очень трудно отказаться отъ другой, напр., въ пріятной компаніи, и удержаться въ границахъ поставленной нормы. Совсѣмъ другое дѣло, если человекъ, какъ говорятъ, „маковой росинки въ ротъ не беретъ“; для такого не можетъ уже быть соблазна „пройтись по другой и третьей“. Правда, не мало существуетъ людей аккуратныхъ и умѣренныхъ въ употребленіи вина, но, вѣдь вопросъ объ умѣренности можно рѣшать только въ концѣ жизни. Кто же начинаетъ пить бутылками и четвертями, а не скромными рюмками? Всѣ надѣются остаться въ границахъ умѣренности и только потомъ, когда выходятъ изъ этихъ границъ, когда становятся пьяницами, прокличаютъ свой порокъ и судорожно, но бесплодно порываются освободиться отъ него. Кто же изъ начинающихъ пить можетъ поручиться за себя, за свой умъ

и волю? Да и не поздно ли бороться против привычнаго и укоренившагося пьянства? Вѣдь, эта гидра, по выраженію одного православнаго пастыря, не умертвима, ибо, вмѣсто одной отрубленной головы, у нея моментально вырастають другія семь, и такъ до безкопечности¹⁾.

Въ борьбѣ съ пьянствомъ важно поэтому удержать, кого можно, отъ первыхъ шаговъ на пути къ знакомству съ спиртными напитками. Къ сожалѣнію, такое знакомство начинается у насъ очень рано, иногда еще въ дѣтскомъ возрастѣ. На борьбу съ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ среди подрастающаго поколѣнія пастыри должны обратить особенное вниманіе. Благодаря своему исключительному положенію, они могутъ дѣйствовать не только на родителей, но въ роли законоучителей и учителей церковныхъ школъ, могутъ вліять и на дѣтей. Зло алкоголизма проникаетъ къ нашимъ дѣтямъ незамѣтно; при чемъ перѣдко сами родители пріучаютъ своихъ дѣтей къ вину. Извѣстно, что въ простомъ народѣ водку даютъ дѣтямъ еще въ грудномъ возрастѣ въ томъ суевѣрномъ убѣжденіи, что, сдѣлавшись взрослыми, они не будутъ пьяницами; въ средѣ образованныхъ классовъ дѣтямъ даютъ вино, какъ укрѣпляющее средство и часто по совѣту даже врачей. Не мало вреда народной нравственности приноситъ уличное пьянство въ городахъ и селахъ, усилившееся съ закрытіемъ кабака. Пьянство старшихъ служитъ соблазномъ для дѣтей. Дѣти часто бываютъ свидѣтелями уличныхъ безобразій и легко привыкають къ нимъ, какъ къ чему-то обыкновенному. Среди образованныхъ классовъ, у которыхъ вино бываетъ часто необходимою принадлежностью стола, а радушіе хозяевъ сказывается въ настоятельномъ предложеніи гостямъ всевозможныхъ напитковъ, дѣти также очень рано знакомятся съ виномъ и привыкають смотрѣть на него, какъ на необходимый спутникъ веселаго времяпрепровожденія. Но всего чаще знакомство съ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ пріобрѣ-

¹⁾ Церк. Вѣд., № 21, 1900 г.

тается молодыми людьми въ возрастѣ отъ 15—20 лѣтъ, когда молодые люди съ свойственнымъ имъ увлеченіемъ бросаются на всякія удовольствія и часто губятъ себя на всю послѣдующую жизнь.

Священникъ въ своемъ приходѣ можетъ сдѣлать очень много для борьбы съ этимъ зломъ среди подросткающаго поколѣнія. Простой народъ привыкъ смотрѣть на священника съ уваженіемъ и внимать слову его, какъ Слову Божію; съ такимъ же почтеніемъ и уваженіемъ относятся къ священнику и дѣти. Вотъ почему намъ кажется, что легче искоренить народный предразсудокъ, чѣмъ бороться съ обычаемъ образованныхъ классовъ давать вино дѣтямъ, какъ укрѣпляющее средство. Въ послѣднемъ случаѣ священнику прійдется только подкрѣплять свои доводы ссылкою на такіе авторитеты, какъ профессоръ Ковалевскій, который стоитъ рѣшительно противъ назначенія дѣтямъ алкоголя въ какомъ бы то ни было видѣ, и указаніемъ на повѣйшія изслѣдованія, доказывающія, что спиртъ есть ядъ и что введеніе его въ человѣческой организмъ, въ какомъ бы то ни было количествѣ, не можетъ не приносить вреда. У многихъ людей отъ самой небольшой дозы водки замѣчается головокруженіе, ослабѣваетъ сила зрѣнія, обонанія, чувствованія; укрѣпляющее же дѣйствіе алкоголя есть собственно самообманъ, такъ какъ за нѣкоторымъ возбужденіемъ, вызываемымъ дѣйствіемъ алкоголя, неминуемо наступаетъ реакція—ослабленіе. То обстоятельство, что отъ умѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ не всегда замѣчаются видимые признаки вреда, еще не служитъ доказательствомъ его безвредности, а говоритъ лишь о томъ, что алкоголь дѣйствуетъ скрыто и незамѣтно подтачиваетъ организмъ, который становится болѣе воспримчивымъ къ разнымъ болѣзнямъ и особенно къ чахоткѣ¹⁾. Да и мало ли какими лекарствами по необходимости пользуются для подбадриванія организма, усиленнаго обмѣна веществъ и нерв-

¹⁾ Изслѣдованія французскаго доктора Лансеро.

наго возбужденія! Съ лѣчебной цѣлью даютъ и сильно дѣйствующіе яды—морфій, мышьякъ и др., и однако же никому не придетъ на умъ посоветовать принимать ихъ въ продолженіи всей жизни. Несчастливыми, погибшими считаютъ тѣхъ, которые, въ силу привычки, становятся морфинистами, мышьякофагами и т. п., почему же особая льгота для алкоголя? Если въ отдѣльныхъ случаяхъ вопросъ идетъ объ усиленіи обмѣна веществъ, освѣженіи нервной системы, то въ качествѣ лѣкарства, конечно, и алкоголь такъ же дозволителенъ, какъ и всякій другой болѣе или менѣе сильно дѣйствующій ядъ. Но употреблять его, въ силу привычки, ежедневно, хотя бы и въ небольшихъ дозахъ, аккуратно выпивать предъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ можетъ только пьяница, хотя бы онъ никогда и не бывалъ пьянымъ. Количество употребляемаго имъ за многіе годы алкоголя вполне достаточно для того, чтобы произвести самыя пагубныя разрушенія въ организмѣ. Не даромъ же почтенный профессоръ В. А. Манасеинъ говоритъ, что гораздо безвреднѣе напиваться хотя бы разъ въ мѣсяцъ, чѣмъ тянуть фатальныя нѣсколько рюмокъ ежедневно.

Что касается дѣтей школьнаго возраста, то доброе вліяніе на нихъ должна производить школа, во главѣ которой стоятъ священникъ и учитель, дѣйствующіе единодушно, въ полномъ согласіи и признающіе своею священною обязанностию предохраненіе подрастающаго поколѣнія отъ знакомства и увлеченія виномъ. Русскій народъ отъ школы и требуетъ не столько знанія, сколько религіозно-правственнаго назиданія, а потому церковно-приходская школа должна быть однимъ изъ самыхъ важныхъ орудій въ рукахъ приходскаго священника въ борьбѣ съ пьянствомъ. Священникъ на каждомъ урокѣ можетъ преподавать трезвость дѣтямъ, разъясняя имъ вредъ и гнусность порока пьянства и пользу трезвости. И такъ какъ широкій разгулъ и пьянство особенно сильны бываютъ въ праздничные и воскресные дни, то послѣ каждаго праздника священникъ долженъ распросить своихъ учени-

ковъ, какъ они провели праздники, что видѣли, гдѣ были, что ихъ особенно занимало во время праздника, чѣмъ они особенно остались довольны, или что ихъ огорчило, и, видя то или другое настроеніе учениковъ, можетъ дать имъ соотвѣтствующіе совѣты, что можно допускать съ ихъ стороны и на будущее время и чего они должны избѣгать, какъ вреднаго и пагубнаго для ихъ здоровья и нравственной чистоты.

Не мало представляется средствъ и для каждаго учителя говорить объ этомъ предметѣ съ дѣтьми, хотя бы, напр., на урокахъ объяснительнаго чтенія. Нѣкоторые радѣтели трезвости хотѣли бы имѣть въ существующихъ школьныхъ христоматіяхъ специальный отдѣлъ литературныхъ образцовъ въ защиту трезвости, которые въ рукахъ умнаго учителя могли бы служить прекраснымъ матеріаломъ въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ¹⁾. Нечего и говорить, что преподаваніе трезвости въ школѣ должно быть чуждо всякой формальности. Преподавать трезвость долженъ человекъ, искренно преданный этой идеѣ, собственнымъ примѣромъ подающій образецъ трезвости. Путемъ разумныхъ, живыхъ бесѣдъ съ учащимися и путемъ добрыхъ примѣровъ такой воспитатель сумѣетъ ознакомить дѣтей съ вредомъ пьянства, со всѣми ужасными послѣдствіями пьянственной жизни и навсегда поселить въ нихъ отвращеніе къ спиртнымъ напиткамъ. Но для этого, повторяемъ, необходимъ примѣръ личнаго воздержанія не только со стороны священника, но и учителя. Оба они должны учить не только словомъ, но и дѣломъ. Людямъ сомнительной нравственности нельзя съ успѣхомъ проповѣдывать нравственную чистоту, особенно молодому поколѣнію. Для плодотворности дѣла священнику необходимо быть искренно убѣжденнымъ въ томъ, что и одна рюмка вина можетъ губить въ человекѣ чистоту и непорочность трезвенности, подобно тому какъ одинъ ка-

¹⁾ М. И. Менстровъ. Въ Защиту Трезвости. Впрочемъ, въ нашей литературѣ есть уже и опыты такой христоматіи; это „Основы трезвости“ д-ра А. В. Соболевскаго.

кой угодно грѣхъ лишаетъ человѣка невинности и кладетъ пятно на его совѣсть. Только при такомъ условіи и при искреннемъ желаніи добра молодымъ людямъ, священникъ успѣетъ убѣдить ихъ, что и одна рюмка вина, знакомящая человѣка со вкусомъ вина, можетъ оказаться роковой для нихъ. Онъ долженъ всѣми силами вооружиться противъ юношеской самонадѣянности, такъ много полагающейся на свои силы и увѣренной въ томъ, что во всякое время можетъ удержать себя въ границахъ умѣренности. Примѣры старшихъ, понемногу выпивающихъ и не дѣлающихся ни пьяницами, ни больными, не должны заслонять собою примѣра тѣхъ, для которыхъ знакомство съ виномъ оказалось роковымъ и прямо смертельнымъ. Множество несчастныхъ алкоголиковъ — люди безспорно умные, даже выдающіеся; извѣстны примѣры, что и міровые гении часто не могли одолѣть губительной привычки къ вину и навсегда убили свои дарованія и жизнь.

Выпивка среди молодыхъ людей происходитъ обыкновенно отъ скуки, ради веселія и поддержанія пріятной компаніи. Но если молодые люди въ школьной обстановкѣ скучаютъ и ищутъ веселья въ винѣ, то что ожидаетъ ихъ въ будущемъ? Теперь у нихъ есть книги и товарищи, съ которыми можно поговорить по душѣ и развлечься; имъ доступны творенія великихъ мыслителей человѣчества и самыя чистыя удовольствія. Что же будетъ впереди—въ жизни, гдѣ многихъ ожидаетъ сплошной тяжелый трудъ для поддержанія собственнато существованія и многіе не найдутъ подходящаго для себя по развитію и общественному положенію общества? Если теперь, въ школьной обстановкѣ, въ періодъ идеальныхъ стремленій и возвышенныхъ интересовъ, они не считаютъ унижительнымъ для своего достоинства разсѣивать скуку за рюмкой вина, то въ будущемъ имъ предстоитъ облегчать жизненное бремя не иначе, какъ тѣмъ же привычнымъ способомъ. Это особенно должны усвоить себѣ питомцы духовной школы, которыхъ за школьнымъ порогомъ ожидаютъ тяжелыя условія жизни сельскаго духовенства и которые подъ бременемъ та-

кой жизни легче могут спиваться и гибнуть. А что может быть отвратительнѣе и ужаснѣе, какъ видъ пьяницы-священника, который поставленъ свѣтить людямъ евангельскимъ свѣтомъ? который призванъ быть первымъ въ ряду борцовъ противъ пьянства и радѣтелей трезвости?.. Отсюда проистекаетъ та непонятная для многихъ строгость школьнаго устава, когда за одну—двѣ рюмки вина человѣка гонять изъ заведенія и, такимъ образомъ, портятъ ему всю жизнь. Такая строгость основывается именно на томъ убѣжденіи, что самое первое знакомство со вкусомъ вина въ высшей степени рискованно, потому что отъ этого знакомства до пристрастія къ вину—одинъ шагъ; что святая задача школы воспитать молодыхъ людей въ духѣ трезвости и добрыхъ нравовъ, а это возможно только тогда, когда на школьной скамьѣ, въ плоть и кровь будущихъ гражданъ земли русской, проникнетъ сознательное убѣжденіе въ губительномъ дѣйствіи алкоголя и отвращеніе къ нему, какъ нагубному яду, разрушающему чистоту нравственную и крѣпость организма.

Люди, близко стоящіе къ народу, замѣчаютъ, что въ послѣднее время, благодаря вліянію школы и особенно церковно-приходской школы, гдѣ священникъ является полнымъ хозяиномъ, въ деревнѣ нарождается новый типъ крестьянина, который стремится привести жизнь въ полное согласіе съ требованіями христіанской религіи. Къ сожалѣнію, такихъ людей еще очень мало въ деревнѣ и ихъ одинокій голосъ тонетъ въ массѣ голосовъ людей другого склада. Но это не должно ослаблять рвенія пастырей. Съ пьянствомъ бороться трудно; борьба—не развлеченіе, а тяжелый, настойчивый и упорный трудъ, требующій напряженія всѣхъ силъ отъ тѣхъ, кто хочетъ достигнуть хорошихъ результатовъ. И нужно надѣяться, что со временемъ наша церковно-приходская школа, благодаря усердію пастырей, ближайшихъ руководителей ея, создастъ и воспитаетъ новое крестьянское поколѣніе, трезвое, разумное, нравственное, трудолюбивое, со стороны котораго радѣтели трезвости не только не встрѣтятъ противодѣйствія,

но которое станетъ работать въ полномъ согласіи съ своимъ настыремъ.

Итакъ, пропаганда умѣреннаго потребленія алкоголя вѣдетъ, въ сущности, къ пьянству. Умѣренное употребленіе вина не можетъ уберечь человѣка отъ пьянства, потому что весьма легко переходить границы. О немъ можно говорить, какъ объ академическомъ образцѣ, но для практической жизни оно не пригодно. Система борьбы, основанная на такомъ взглядѣ, не можетъ достигнуть прочныхъ успѣховъ; напротивъ, болѣе надежнымъ средствомъ противъ пьянства слѣдуетъ признать безудовное воздержаніе отъ всякихъ крѣпкихъ напитковъ. Поборъ простое любопытство къ вину легче, чѣмъ нажитую склонность, и потому, не допуская образоваться склонности, слѣдуетъ бороться съ любопытствомъ. Забава такимъ развлеченіемъ, какъ выпивка, слишкомъ рискованна, а шутить съ ядомъ и совѣмъ безумно.

И. И. К.

Обозрѣніе проповѣдей въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1900 годъ ¹⁾.

Третье условіе, необходимое для плодотворной импровизации, состоитъ въ ревностномъ исполненіи пастыремъ своего служенія. Если пастырь-проповѣдникъ подготовитъ себя къ дѣлу церковнаго учительства опытомъ въ частныхъ собесѣдованіяхъ и катихизическихъ поученіяхъ, укрѣпитъ свое религіозно-правственное міровоззрѣніе основательнымъ изученіемъ Христова ученія и, вообще, окажется ревностнымъ въ исполненіи важныхъ обязанностей священства, т. е. въ руководствѣ душъ, въ утѣшеніи больныхъ и умирающихъ, наставленіи и воспитаніи христіанскаго юношества, то такой многоопытный и испытанный пастырь, естественно, будетъ говорить краснорѣчиво, отъ избытка сердца, не нуждаясь въ кропотливой кабинетной подготовкѣ къ составляемой по сухимъ

¹⁾ См. № 34 за 1901 г.

гомилетическимъ правиламъ проповѣди и, по прекрасному выраженію Фенелона, „будетъ изливаться на народъ полнота челоуѣколюбія, знанія Евангелія и искреннихъ и ревностныхъ христіанскихъ чувствъ“.

Еще ближе къ дѣлу раскрываетъ вопросъ о проповѣднической импровизаціи нашъ извѣстный духовный писатель свящ. Фудель. Къ *простому и безыскусственному* живому слову, говоритъ онъ (Костр. еп. вѣд.), можетъ привыкнуть каждый священникъ. Для этого не надо даже особеннаго таланта; „нужно только ясное пониманіе всей необходимости и важности учительскаго слова на всякомъ мѣстѣ пастырскаго служенія да твердая рѣшимость, цѣною какихъ бы то ни было усилій, достигнуть умѣнья говорить, если его нѣтъ“. Между тѣмъ, у священника есть и средство подъ руками, чтобы научиться живому и устному слову,—это уроки по Закону Божию. „Законоучительство не есть только задаваніе урока, выпрашивание его и прочтеніе по книжкѣ; это есть живая совмѣстная работа мысли и органа рѣчи. Законоучитель прежде всего долженъ объяснить урокъ въ простомъ и связномъ изложеніи, доступномъ пониманію дѣтей. Вотъ и проповѣдь въ первичномъ, зачаточномъ ея состояніи. Когда служитель слова Божія является проповѣдующимъ среди язычниковъ, задумывается ли онъ надъ тѣмъ, какъ и о чемъ онъ будетъ проповѣдывать? Придетъ ли ему на умъ сперва писать свою проповѣдь, а потомъ читать ее? Не станетъ ли онъ говорить прямо, просто, объясняя слушателямъ своимъ истины вѣры наиболѣе понятнымъ для нихъ языкомъ?—Точно такъ же долженъ проповѣдывать Слово Божіе и каждый приходскій пастырь. Пора признать ту истину, что положеніе сельскаго священника немногимъ разнится отъ положенія миссіонера среди язычниковъ. Нашъ народъ—младенецъ по вѣрѣ, какъ ни прискорбно это для нашего сознанія, и только *словесное* млеко можетъ быть доселѣ его духовной пищей“. И достаточно это понять, достаточно обнять любящимъ сердцемъ всю эту массу сѣрыхъ людей, чтобы знать, какъ, какимъ языкомъ съ нею

говорить и о чемъ говорить. Но все-таки, желая ободрить начинающихъ проповѣдниковъ и разогнать тотъ ложный стыдъ, который многимъ пастырямъ мѣшаетъ принятыя за дѣло живой устной проповѣди, о. Фудель дѣлаетъ нѣсколько практическихъ указаній относительно того, какъ научиться говорить *живымъ словомъ*. Такъ, онъ настаиваетъ, вопреки общепринятому мнѣнію на той мысли, что *никогда не слѣдуетъ проповѣдь предварительно записывать, заучивать наизусть для произнесенія*. „Всякому,—говоритъ онъ,—кто прислушивался къ собственной или чужой заученной рѣчи и сравнивалъ ее съ импровизаціей, ясно, какъ Божій день, что слово заученное и произносимое наизусть есть мертвое слово, и производить оно на слушателей очень слабое впечатлѣніе, а заучиваніе наизусть чужихъ печатныхъ проповѣдей можетъ только испортить проповѣдника, а ни въ какомъ случаѣ не воспитать. Необходимо отбросить и забыть все традиціонныя школьныя условности и привычки, образовавшіяся при составленіи проповѣдей. Тамъ школа, здѣсь жизнь! Тамъ сочиненіе на данную тему, здѣсь свободное, живое слово!... Но это свободное и живое слово не должно быть продолжительно. Начинаящій пастырь не долженъ затруднять себя проповѣдью болѣе 5 минутъ. Привычка говорить кратко, но сильно есть лучшее достоинство проповѣдника, и въ этомъ залогъ плодотворности его слова!“.

Къ приведеннымъ разсужденіямъ о. Фуделя можно еще прибавить, какъ совѣтъ начинающему проповѣднику-импровизатору, относительно формы импровизованной проповѣди. Первоначально лучше всего придерживаться повѣствовательной формы: она легче и для проповѣдника и для недостаточно подготовленныхъ слушателей, особенно изъ простонародья. Исторія праздника, житіе св. угодника Божія или поучительный случай изъ жизни—все это формы поученія, любимыя нашимъ народомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко назидательныя для него. Этими формами можно провести въ сознаніе народа любую истину вѣроученія и правоученія христіанскаго въ полной

увѣренности, что, благодатию Божию, она потомъ дастъ плодъ по роду своему.

Переходимъ къ обзорѣнію проповѣдей, напечатанныхъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ въ истекшемъ 1900 году.

1900-й годъ въ жизни епархіальныхъ вѣдомостей, по количеству напечатанныхъ въ нихъ проповѣдей всевозможныхъ родовъ и видовъ, долженъ быть отмѣченъ, какъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ, такъ какъ всѣхъ проповѣдей напечатано въ указанномъ году *свыше шестисотъ*. Изъ архиепископскихъ проповѣдей помѣщались проповѣди: высокопреосв.: митр. С.-Петербургскаго Антонія, архіеп. Волынскаго Модеста, архіеп. Литовскаго Ювеналія, архіеп. Херсонскаго Густина, архіеп. Казанскаго Арсенія и преосв. Иларіона Полтавскаго, Виссаріона Костромскаго, Макарія Томскаго, Христофора Подольскаго, Анастасія Воронежскаго, Лаврентія Курскаго, Питирыма Тульскаго, Мисаила Могилевскаго, Николая Таврическаго, Никандра Симбирскаго, Никанора Смоленскаго, Владиміра Оренбургскаго, Антонія Уфимскаго, Сергія Уманскаго и нѣк. др.

Проповѣдей на дни воскресныя помѣщено *свыше семидесяти*. Лучшими изъ нихъ, по нашему мнѣнію, являются: анонимное поученіе въ нед. 32 по Пятидесятницѣ (Курск. еп. в., № 2), анонимное поученіе въ нед. Мытаря и Фарисея (Курск. еп. в., № 4), поученія—въ нед. 3 Великаго поста, въ нед. Всѣхъ Святыхъ и въ нед. 19 по Пятидесятницѣ преосв. Виссаріона, еп. Костромскаго (Костр. еп. в., №№ 5, 11, 19), поученіе въ нед. 22 по Пятидесятницѣ преосв. Макарія, еп. Томскаго (Томск. еп. в., № 20), слово въ нед. о Разслабленномъ Н. К. (Полоцк. еп. в., № 9), анонимное поученіе въ ту же недѣлю (Курск. еп. в., № 19) и нѣк. др. За недостаткомъ мѣста, мы остановимся только на нѣкоторыхъ проповѣдяхъ, при чемъ на первомъ мѣстѣ ставимъ анонимныя поученія въ нед. 32 по Пятидесятницѣ и въ нед. Мытаря и Фарисея не потому, чтобы мы считали ихъ лучше всѣхъ про-

чихъ, а потому, что онѣ, по предмету своему, имѣютъ весьма близкое отношеніе къ пастырямъ Церкви.

Поученіе въ нед. 32 по Пятидесятницѣ направлено противъ тѣхъ, которые говорятъ относительно молодыхъ своихъ приходскихъ священниковъ: „онъ молодъ,—что его слушать? Поживи онъ съ наше, тогда и учи“. Такіе люди забываютъ, что мудрость не числомъ лѣтъ измѣряется: *не многочетнѣи суть премудри, ниже старѣи видятъ мудрѣ* (Іов. 32, 9); что бывають умные юноши и неразумные старцы, и благословеніе Божіе не всегда почиваетъ на старшихъ. Каинъ былъ старшій сынъ, первенецъ,—а благословеніе Божіе почило на младшемъ Сиѣ, Каину же Господь сказалъ: *стена и трясъйся будеши*. Хамъ былъ старше Іафета,—но былъ проклятъ, а благословеніе дано Симу и Іафету. Старшій сынъ Исаака Исавъ потерялъ свое первенство,—а младшій Іаковъ получилъ его. Изъ 12 сыновей Іакова предпоследній Іосифъ удостоился чести быть спасителемъ отца и братьевъ своихъ и прообразомъ Самого Христа. Моисей былъ младшій братъ Аарона,—но съ Моисеемъ Богъ говорилъ, какъ съ другомъ Своимъ, устами къ устамъ, а съ Аарономъ—нѣтъ. Отрокъ Самуилъ оказался мудрѣ 90-лѣтняго Ілія, предпочитавшаго дѣтей своихъ Богу. Давидъ былъ меньшій между братьями своими, юнѣйшій въ домѣ отца своего, а братья его были *крѣпцы и велики*,—но не благоволилъ къ нимъ Богъ, а къ Давиду благоволилъ. Соломону было всего только 16 лѣтъ, когда онъ началъ царствовать, однако какую показалъ онъ разсудительность, когда просилъ у Бога не богатства, не славы, а мудрости, или когда рѣшилъ споръ двухъ женщинъ о томъ, какой изъ нихъ принадлежитъ оставшееся въ живыхъ дитя. Іосія былъ очень молодъ, однако оказался мудрѣ старцевъ, когда сокрушилъ идоловъ. Давидъ былъ совѣтъ еще юнъ, когда посрамилъ старцевъ, позорившихъ свои сѣдины. Св. Іоаннъ Богословъ былъ самымъ младшимъ между апостолами, юношей,—но онъ былъ *возлюбленнымъ ученикомъ* Господа; онъ одинъ удостоился возлежать на вечери на персяхъ Спа-

сителя; ему одному Господь поручилъ со креста Матерь Свою; онъ одинъ изобразилъ предвѣчное рожденіе Сына Божія отъ Отца. Св. Аѳанасій Великій, когда присутствовалъ на *первомъ* вселенскомъ соборѣ былъ очень молодъ,—однако былъ украшеніемъ собора, славою отцевъ.—Итакъ, должно чтить человѣка не за возрастъ только его, но и за знаніе, уважать за внутреннія достоинства. Хотя бы священникъ былъ и молодъ, но онъ—служитель Божій; онъ стоитъ предъ престоломъ Божиимъ, приноситъ жертву о своихъ грѣхахъ и о *людскихъ невольностяхъ*; онъ—ходатай нашъ предъ Богомъ, посредникъ между Богомъ и людьми; его молитва проходитъ небеса и благоугодна Богу,—а потому и должно почитать священниковъ, какого бы возраста они ни были. Почитающій священника, по словамъ Спасителя, почитаетъ Самого Христа, и возстающій на священника не человѣка унижаетъ, но Самого Господа и Христа Иисуса. „Послушайте, что Богъ говоритъ Самуилу,—читаемъ у св. Игнатія Богоносца:—*не тебе уничижиша, но Мене* (1 Цар. 8, 7). Подобно и Моисей говоритъ: *не на насъ роптаніе ваше, но... на Бога* (Исх. 16, 8). Никто не остался не наказаннымъ, кто возставалъ противъ священниковъ Божіихъ: противорѣчили Моисею Даанъ и Авиронъ—и живые низринуты во адъ. Корей и 250 сообщниковъ его возстали противъ Аарона—и пожраны были огнемъ. Озія пораженъ проказою за дерзость противъ священства. Саулъ лишенъ царства за то, что не дождался Самуила. Посему, повинуйтесь епископу, какъ Иисусу Христу, и пресвиторамъ, какъ апостоламъ Иисуса Христа; угождайте діаконамъ, какъ сослужителямъ таинствъ Иисуса Христа (Парал., гл. 2). Почитайте ихъ, какъ Христа, Котораго они мѣстооблнстителн; такъ какъ епископъ есть образъ *Отца всяческіхъ*, а пресвитеры—собраніе Божіе, соимъ апостоловъ Христовыхъ. Безъ нихъ нѣтъ Церкви (гл. 3). Не мое это слово, а Божіе“ (Филар. 7).

Поученіе въ нед. Мытаря и Фарисея, раскрывши, откуда ведетъ свое начало церковная іерархія и ея полномочіе на

право учительства заповѣдамъ Божиимъ, имѣть въ виду нашихъ современныхъ мнимыхъ радѣтелей народнаго просвѣщенія, которые хотятъ совсѣмъ удалить священниковъ отъ школы на томъ основаніи, будто они „плохо учать, плохо понимаютъ сами Писанія, плохо постыятся, плохо сохраняютъ церковные уставы. Все равно,—говорять,—кто бы ни преподавалъ Законъ Божій—священникъ или свѣтскій человѣкъ, лишь бы преподавалъ толково“. На это проповѣдникъ отвѣчаетъ, что далеко не все равно: *отъ плода ихъ познаете ихъ*. Въ Ветхомъ завѣтѣ и священники учили народъ іудейскій закону Божию, учили—особенно послѣ плѣна вавилонскаго—тому же закону Божию и книжники,—но какъ различны были послѣдствія! Одни создали іудейское царство, а другіе разрушили его. И это—потому, что первые посланы, поставлены Богомъ,—а вторые „сами побѣжали“, по выраженію пророка: первые получили благодатныя силы и дѣйствуютъ силою благодати,—вторые благодати не получили; первые дѣйствуютъ на сердце, въ которомъ *исходница живота*,—вторые дѣйствуютъ на умъ, который *кмытъ*, а не созидаетъ; проповѣдь первыхъ—*въ явленіи дуги и силы*,—проповѣдь вторыхъ—*въ претрпѣтельныхъ человѣческихъ премудростяхъ словесныхъ* (1 Кор. 2, 4), первые имѣютъ цѣлю, главнымъ образомъ, благочестіе своихъ учениковъ,—вторые—главнымъ образомъ, ихъ внѣшнее благосостояніе; первые заботятся о спасеніи души,—вторые—о тѣлѣ; первые стараются настроить сердце человѣка благими чувствованіями, расположить къ добрымъ дѣламъ,—вторые—сообщить уму побольше знаній. Расположивши человѣка къ добру, виѣдривши въ его сердце любовь къ Богу и ближнему, пастыри Церкви достигаютъ всего: *благочестіе полезно на вся обитованія имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго; любящимъ Бога вся споспѣшествуютъ во благое*; во всякомъ положеніи питомцы Церкви чувствуютъ довольство—умѣютъ жить и въ богатствѣ и въ скудости; имѣя только пищу и одежду, бываютъ довольны, *богатство ище течеть*, не прилагаютъ къ нему сердца и въ бѣдности уновають на Господа, по слову

пророка: *возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препишетъ*; будучи сами довольны и спокойны, они и въ обществѣ распространяють довольство и спокойствіе; будучи въ мирѣ со всѣми, они и общество умиротворяють и, такимъ образомъ, созидаютъ и укрѣпляютъ его. Сдѣлавши человѣка благочестивымъ, св. Церковь дѣлаетъ его и мирнымъ гражданиномъ, и добрымъ семьяниномъ, и надежнымъ вѣрноподаннымъ царю и отечеству. Иное дѣло, когда при наученіи имѣють главною цѣлію созиданіе благосостоянія внѣшняго. Если человѣкъ не достигнетъ этого благосостоянія, въ душѣ его возникаетъ ропотъ, недовольство; да если и достигнетъ, то и въ такомъ случаѣ онъ бываетъ недоволенъ: чѣмъ болѣе человѣкъ получаетъ, тѣмъ болѣе желаетъ получать,—*любяя сребро*, говоритъ премудрый, *не насытится сребри*. Чѣмъ болѣе человѣкъ удовлетворяетъ своей чувственности, тѣмъ сильнѣе она требуетъ себѣ удовлетворенія; при неудовлетвореніи же является раздраженіе, зависть, ненависть, вражда, убійство, недовольство существующимъ порядкомъ и стремленіе разрушить его. Достаточно припомнить весьма поучительныя въ этомъ отношеніи ужасныя картины послѣднихъ дней Іерусалима и франко-прусской войны. Въ нашемъ отечествѣ, не говоря о прежнихъ и новыхъ открытыхъ самозваныхъ учителяхъ—раскольникахъ и разныхъ сектантахъ, въ послѣднее время много появилось такихъ людей, которые хотя явно и не отвергаютъ Церкви, но дѣлами своими *отмѣчаютъ* ея: въ храмъ не ходятъ, не исповѣдуются, не причащаются, св. постовъ не соблюдаютъ и т. п. А между тѣмъ, многіе изъ нихъ устремились къ образованію народа, заводятъ народныя бібліотеки, начальныя школы—и при этомъ дышать какою-то непримиримою злобою на церковныя школы. Какъ будто нашло на людей своего рода затменіе умовъ: вопреки вѣковѣчному устою русской народной жизни—обучать дѣтей вѣрѣ и нравственности подъ покровомъ и благословеніемъ св. Церкви, заводятъ педагогическія вечернія бесѣды подъ праздники—и тѣмъ отвлекають дѣтей отъ всеобщаго бдѣнія; заводятъ це-

дагогическія утра—и тѣмъ отвлекають дѣтей отъ посѣщенія Божественной литургіи. вмѣсто того, чтобы учить дѣтей трудиться, ихъ учать веселиться; вмѣсто того, чтобы приучить къ воздержанію, къ терпѣнію, къ укрощенію страстей,—теперь стараются приучать къ роскоши, къ сластолюбію, развиваютъ страсть самолюбія и выражаясь словами одной св. книги, „златое время дѣтства, никоею возвратимое цѣною, въ тщетныхъ играціяхъ погубляютъ“. Подобные плоды такого воспитанія подростяющаго поколѣнія сказываются уже на каждомъ шагу, и значительная доля вины въ этомъ ненормальномъ положеніи дѣла падаетъ на само духовенство, многіе представители котораго во всѣхъ почти отношеніяхъ стоятъ далеко не на высотѣ своего призванія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Г. Б.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

За израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ 1901 года, подписка на журналъ этого года прекращается и открывается подписка на будущій 1902 годъ.

*За Редактора, и. д. Ректора Киевской Духовной Семинаріи,
Инспекторъ Илар. Балабушевичъ.*

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 19 августа 1901 г.

Цензоръ, экстр-орд. проф. Акад. прот. *Г. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.